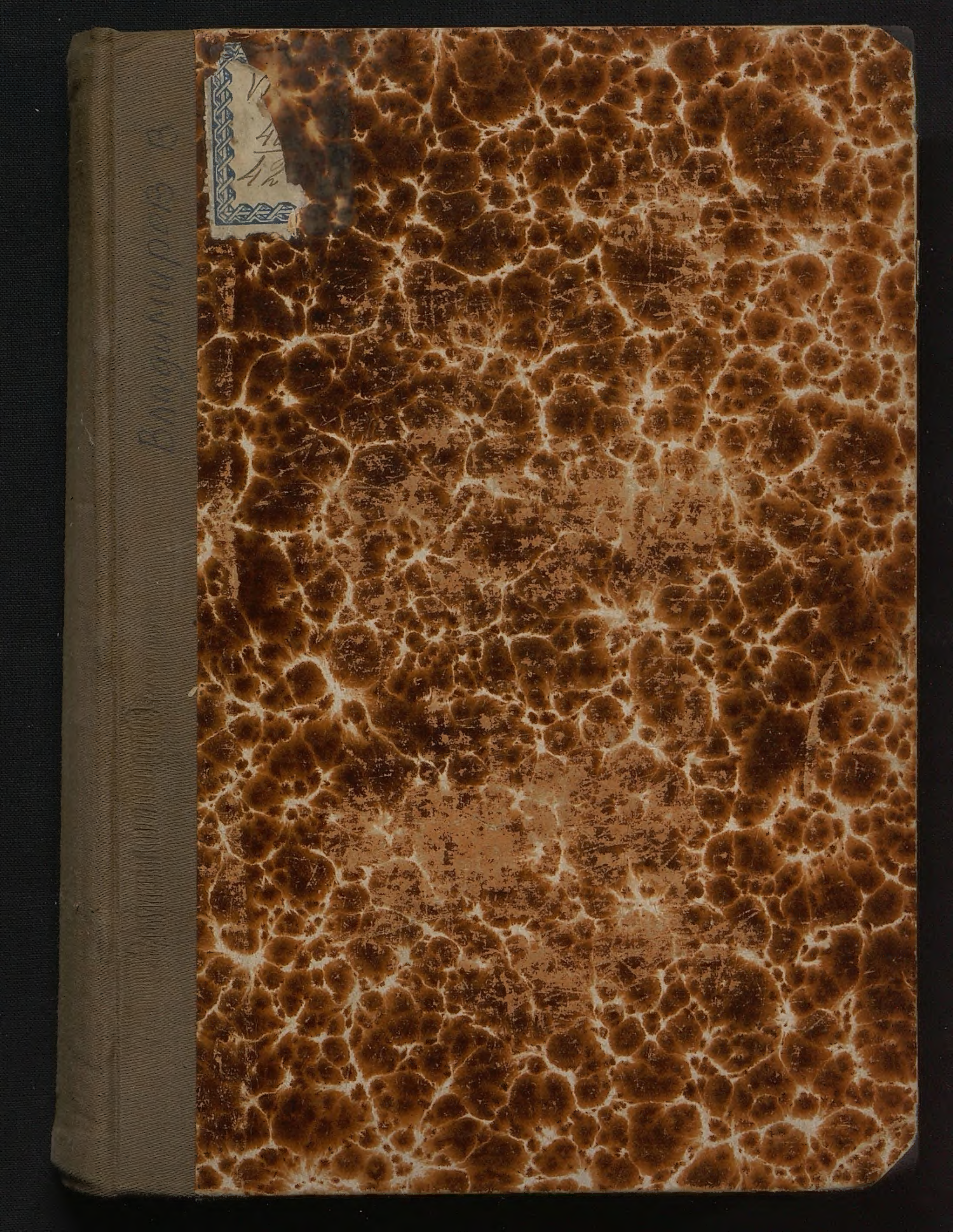
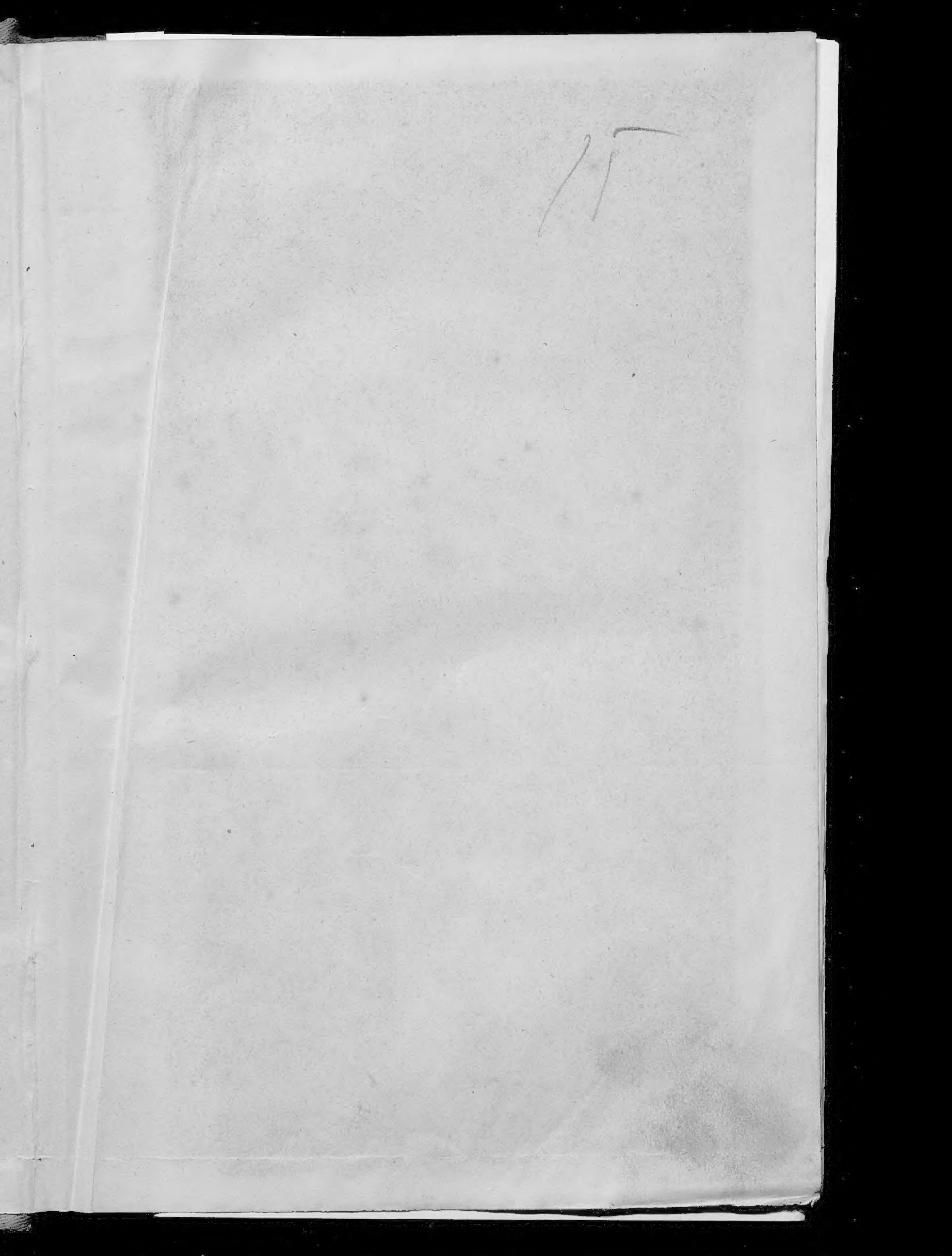
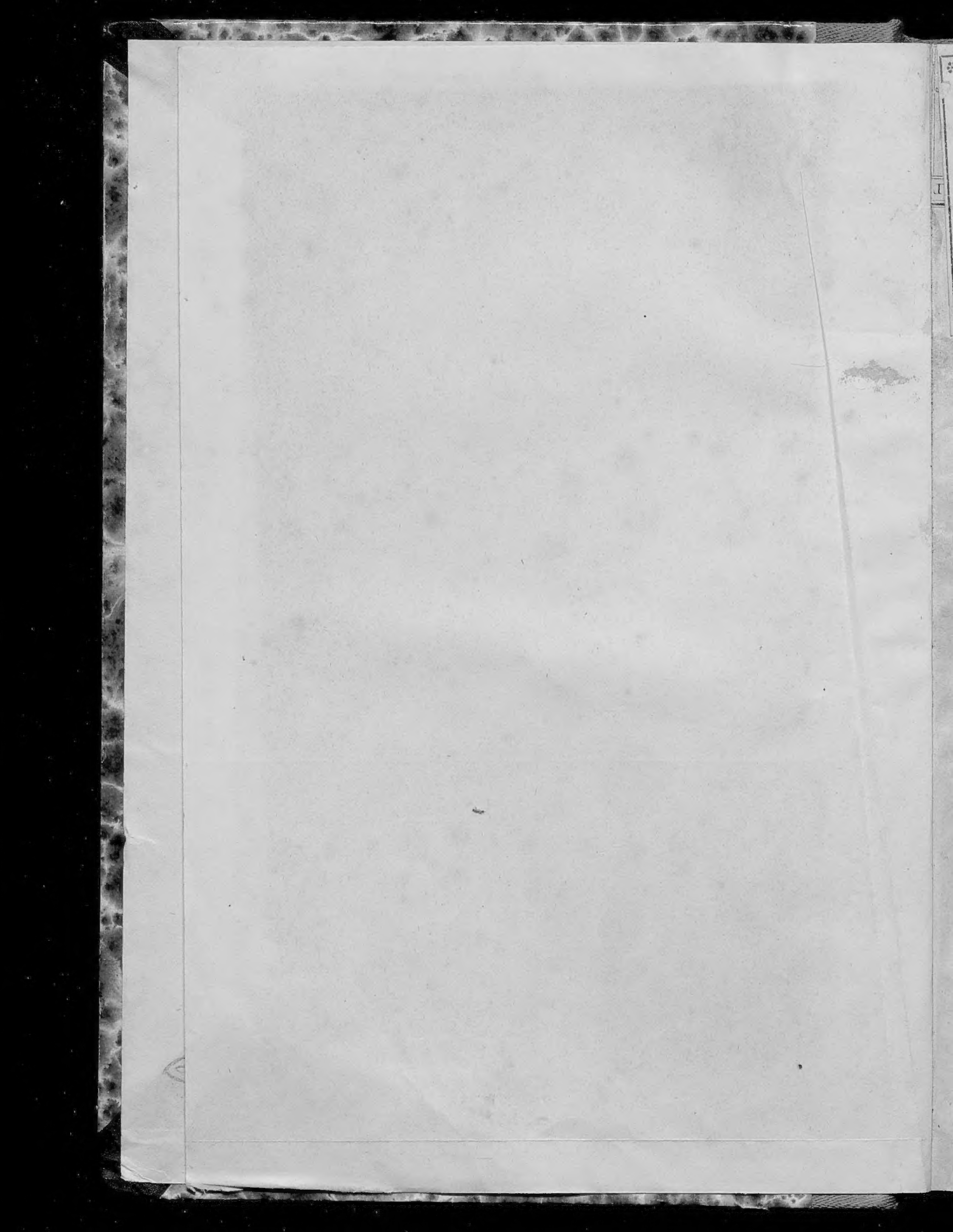
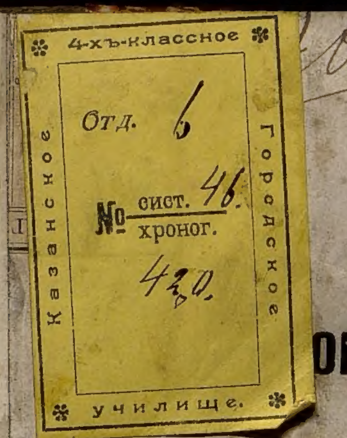

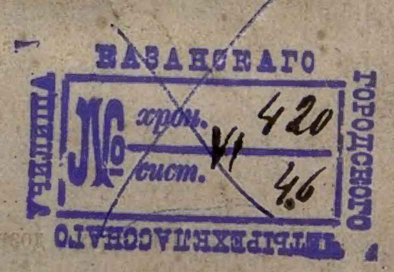

…ОРИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА

о

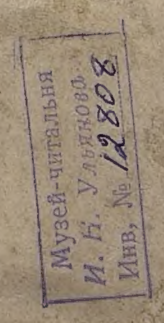
1-Й КАЗАНСКОЙ ГИМНАЗІИ.

Часть 2-я.

ОТДѢЛЕНІЕ 2.

Составилъ В. Владиміровъ.

КАЗАНЬ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1868.

Цензурою дозволено Казань 20 октября 1867 г.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

Господину Попечителю Казанскаго учебнаго округа, Дѣйствительному Статскому Совѣтнику и Кавалеру

ПЕТРУ ДМИТРІЕВИЧУ

ШЕСТАКОВУ.

съ чувствомъ глубочайшаго уваженія усерднѣйше посвящаетъ

В. Владиміровъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Составленіе Историческихъ Записокъ для гимназій весьма необходимо; польза отъ этихъ сочиненій не подлежитъ никакому сомнѣнію. Мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ лицъ, которыя полагаютъ, что «писать исторію многихъ изъ нашихъ учебныхъ заведеній,—значитъ перечислять только внѣшнія событія ихъ жизни, заключающіяся въ назначеніи, увольненіи или перемѣщеніи чиновъ, служащихъ при заведеніяхъ, въ циркулярныхъ предписаніяхъ окружнаго начальства, въ посѣщеніи заведенія разными особами, въ означеніи числа учениковъ по классамъ и т. п».

Мы думаемъ, что исторія каждаго заведенія представляетъ постепенное развитіе и распространеніе образованія въ нашемъ отечествѣ въ извѣстной мѣстности. Самое лучшее достоинство исторіи какого-либо заведенія есть приготовленіе матеріала для исторіи образованія въ Россіи. Такъ смотрятъ на это дѣло и извѣстные ученые въ нашемъ отечествѣ; такъ г. Академикъ Яковъ Карловичъ Гротъ, получивъ Историческую Записку о 1-й Казанской гимназіи за XVIII столѣтіе, писалъ въ письмѣ своемъ къ составителю этой записки, что въ этой книгѣ онъ нашелъ много любопытнаго: «Это, пишетъ г. Гротъ, цѣнные матеріалы для исторіи образованія въ Россіи». Многіе изъ бывшихъ учениковъ 1-й Казанской гимназіи, начиная со времени возобновленія этого заведенія Императоромъ Павломъ Первымъ, также отозвались къ этому труду съ особеннымъ сочувствіемъ, доставивъ составителю записки интересныя воспоминанія о времени воспитанія ихъ въ этомъ учебномъ заведеніи; такъ доставлены матеріалы для 2-го тома этой записки бывшимъ Министромъ Финансовъ Александромъ Мамсимовичемъ Княжевичемъ, Предсѣдателемъ Ученаго Комитета м. н. п. Карломъ Карловичемъ Фойгтомъ и Управляющимъ Государственными Имуществами въ Курскѣ Александромъ Емельяновичемъ Лазаревымъ. Всѣ эти лица воспитывались и кончили курсъ въ 1-й Казанской гимназіи.

Но кромѣ приготовленія матеріаловъ для исторіи образованія въ Россіи, Историческая Записка о 1-й Казанской гимназіи представляетъ богатый матеріалъ и для будущей исторіи Казанскаго учебнаго округа и для Казанскаго университета и даже для исторіи Казани.—Все это составитель постоянно имѣлъ въ виду при собираніи матеріаловъ для 2-го тома составленной имъ Исторической Записки за цѣлое столѣтіе о древнѣйшей изъ всѣхъ существующихъ нынѣ русскихъ гимназій. Въ его трудѣ интересующіеся ходомъ распространенія образованія въ Россіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ найдутъ свѣдѣнія о томъ, чрезъ какія фазисы прошла русская гимназія, начиная со временъ Елисаветы Петровны и до нашего времени, когда число этихъ заведеній простирается уже до ста.

До 1837 года 1-я Казанская гимназія во многомъ зависѣла отъ Казанскаго университета, который основанъ изъ этой гимназіи; судьба гимназіи до назначенія попечителемъ Каз. учеб. окр. Мусина-Пушкина тѣсно связана съ судьбою Каз. университета, что отразилось въ ревизіи гимназіи и университета при Магницкомъ въ 1819 г. и при Желтухинѣ въ 1826 г.—Обо всемъ этомъ представлены свѣдѣнія во 2-мъ томѣ нашего труда.

При составленіи 2-го тома Исторической Записки о 1-й Казанской гимназіи, составитель ея имѣлъ возможность пользоваться матеріалами и разными сочиненіями, находящимися у гг. профессора Казанскаго университета Николая Никитича Булича, секретаря совѣта этого университета Н. Г. Фастрицкаго и библіотекаря университета І. Ѳ. Готвальда, за что составитель Исторической Записки считаетъ своею обязанностію принести этимъ лицамъ искреннюю свою благодарность.

В. Владиміровъ.

20-го октября 1867 г.

I.

Возрожденіе изъ Казанской гимназіи университета и совмѣстное управленіе этими учебными заведеніями директоромъ Яковкинымъ до торжественнаго открытія университета въ 1814 году.

1) Утвердительная грамота университета.—2) Составъ гимназіи въ началѣ 1805 года.—3) Пріѣздъ въ Казань попечителя Румовскаго.—4) День основанія (14 февраля 1805 г.) университета.—5) Первые профессоры университета: Яковкинъ, Карташевскій, Левицкій, Эрихъ, Запольскій, Цеплинъ, Германъ, Каменскій, Фуксъ, Бюнеманъ, Сторль, Эвестъ, Бартельсъ и Городчаниновъ.—6) Первые студенты университета.—7) Первыя лекціи профессоровъ и адъюнктовъ.—8) Число слушателей по разнымъ наукамъ.—9) Мѣсячныя вѣдомости профессоровъ о томъ, что прочитано ими изъ каждой науки.—10 Перемѣна въ празднованіи торжественныхъ дней въ году.—11) Сношенія университета съ высшими учебными заведеніями въ Имперіи и Академіею Наукъ.—12) Ученые труды членовъ Совѣта университета и гимназіи.—13) Возникающія столкновенія между членами совѣта и директоромъ Яковкинымъ; грустныя послѣдствія отъ этихъ столкновеній какъ для университета, такъ и для гимназіи: отрѣшеніе отъ должностей членовъ совѣта и чиновъ гимназіи.—14) Устройство библіотеки для университета и выписка книгъ по разнымъ наукамъ.—15) Публичный экзаменъ и торжественныя рѣчи для произнесенія на немъ.—16) Учитель гимназіи Стефани.—17) Обѣщаніе попечителя формально открыть университетъ въ февралѣ 1807 года.—18) Выписка газетъ и журналовъ на 1807 годъ на гимназическія и университетскія суммы.

Изъ утвердительной грамоты Императора Александра I, подписанной 5 ноября 1804 года, видно, что основаніе университета въ Казани возникло изъ существовавшей тогда Казанской гимназіи, единственной и древнѣйшей изъ всѣхъ нынѣ существующихъ русскихъ гимназій. Вотъ какими словами начинается эта грамота:

«Блаженной памяти Августѣйшая Прабабка Государыня Императрица Елисавета Петровна, шествуя по стезямъ великаго преобразователя Россіи, между прочими славными подвигами, благоволила основать въ Казани 1758 году гимназію и даровать ей нѣкоторыя права, незадолго предъ тѣмъ Московскому университету пожалованныя. Предположивъ сообразно степени просвѣщенія настоящихъ временъ, въ семъ самомъ мѣстѣ учредить университетъ дабы существованіе сего благотворнаго заведенія содѣлать навсегда не прикосновеннымъ и даровать ему возможность къ достиженію важнаго назначенія образованія полезныхъ гражданъ на службу отечества и распространенія въ немъ нужныхъ познаній, Мы соизволили Императорскимъ Нашимъ Словомъ за Насъ и Преемниковъ Нашихъ постановить слѣдующее». (Послѣ этого слѣдуютъ параграфы грамоты. Уставъ Казанскаго университета переведенъ былъ на нѣмецкій языкъ).

Съ открытіемъ университета въ Казани, Казанская гимназія ограничивается въ предметахъ преподаванія и получаетъ другую цѣль—образовать юношество, способное къ службѣ болѣе по учебной части, нежели по гражданской и военной, хотя и должна была, съ открытіемъ университета, исключить много предметовъ преподаванія и уступить университету библіотеку и кабинеты.

Составъ гимназіи въ началѣ 1805 года былъ слѣдующій:

1) Директоръ и инспекторъ Яковкинъ.
2) Законоучитель протоіерей Михаилъ.
3) Главный надзиратель Пухинскій.
4) Россійскаго и Славянскаго языка и Словесности: Ибрагимовъ, Красновъ, Богдановъ и кандидатъ Васильевъ.
5) Логики и Философіи Левицкій.
6) Геометріи Карташевскій.
7) Фортификаціи Петровскій.
8) Физики Запольскій.
9) Нѣмецкаго Ахматовъ, младшій Данковъ и пресвитеръ Данковъ.
10) Французскаго Дювиллардъ, Куликовъ и Эрихъ.
11) Латинскаго пресвитеръ Данковъ и Эрихъ.
12) Ариѳметики Красновъ, Васильевъ и Ибрагимовъ.
13) Географіи и Исторіи Александръ Яковкинъ.
14) Татарскаго Хальфинъ.

15) Чистописанія Денисовъ.
16) Рисованія Протопоповъ и Чекіевъ.
17) Музыки Нейманъ.
18) Фехтованія Куликовъ.
19) Надзиратели: Поповъ, Мейснеръ, Ридеръ, Горръ и Наштерманъ.
20) Экономъ Лапшинъ.
21) Дежурный офицеръ Матвѣй Перевощиковъ (отецъ академика Перевощикова).
22) Секретарь Прокопенко.
23) Казначей Баннеръ.
24) Писмоводитель Курбатовъ.

Учениковъ въ гимназіи было 172 человѣка; изъ нихъ было, дворянъ: на казенномъ содержаніи—70, пансіонеровъ—27, своекоштныхъ — 50, разночинцевъ: пансіонеровъ — 14, своекоштныхъ—11. По сословіямъ ученики были изъ дворянъ губерній: Петербургской 2, Курской 1, Симбирской 3, Пензенской 6, Оренбургской 7, Вятской 3, Смоленской 1, Уфимской 1, Саратовской 1, Тульской 2, Тамбовской 1, (князя Ишеева), Пермской 1, Нижегородской 9, а остальные дворяне были всѣ Казанской губерніи; сыновей профессоровъ 2 и учителей гимназіи 3, сыновей купцовъ было: изъ Перми 1, Кадомска 1, Сѣвска 2, Царицына Сарат. губ. 1, Вольска 1, Львова 1; серебряныхъ дѣлъ мастера 1, нѣмецкаго цеха 2 и польскихъ шляхтичей 2. По времени вступленія учениковъ въ гимназію было:

1799	года	47
1800	—	8
1801	—	10
1802	—	26
1803	—	33
1804	—	24
1805	—	24

13-го февраля 1805 года прибылъ въ Казань попечитель вновь открытаго Казанскаго учебнаго округа, который составился изъ слѣдующихъ учебныхъ заведеній: Казанскаго университета, Казанской гимназіи и слѣдующихъ народныхъ училищъ: Казанскаго, Вятскаго, Пермскаго, Нижегородскаго, Тамбовскаго, Саратовскаго, Пензенскаго, Астраханскаго, Георгіевскаго, Уфимскаго, Симбирскаго, Тобольскаго, Томскаго и Иркутскаго.

На другой день прiѣзда въ Казань попечителя, Степана Яковлевича Румовскаго, было положено основанiе университета. Для этого предварительно собраны были опредѣленные въ университетъ профессоры и адъюнкты, въ собранiе которыхъ прибылъ и попечитель. При входѣ въ собранiе, онъ былъ привѣтствованъ предварительною рѣчью секретаремъ совѣта гимназiи Левицкимъ. Послѣ этого попечитель, прочитавъ утвердительную грамоту и уставъ университета, передалъ эти акты собранiю для храненiя, какъ священный залогъ Монаршей милости къ университету и попеченiя о благѣ Россiи; тутъ же было объявлено попечителемъ о назначенiи и утвержденiи Министромъ Народнаго Просвѣщенiя, Графомъ Заводовскимъ, инспектора Яковкина ординарнымъ профессоромъ исторiи, географiи и статистики Россiйской Имперiи, а учителей: Карташевскаго, Левицкаго, Запольскаго и Эриха—адъюнктами по разнымъ каѳедрамъ.

Послѣ привѣтствiя попечителя адъюнктомъ Левицкимъ, все собранiе тронуто было безпримѣрными щедротами Монарха и особенным благорасположенiемъ начальства къ награжденiю знаній и заслугъ; поэтому профессоръ Яковкинъ выразилъ чувства благодарности какъ отъ лица всѣхъ сочленовъ, такъ и отъ имени гимназiи.

Послѣ всего этого попечитель поручилъ совѣту избрать лучшихъ учениковъ для поступленiя въ студенты университета и расположить учебное время университетскихъ лекцiй; собранiе кончилось обозрѣнiемъ классовъ гимназiи попечителемъ.

Кромѣ Яковкина и адъюнковъ изъ учителей гимназiи, были назначены профессорами университета при основанiи его и въ теченiи 1805—1806 учебнаго года слѣдующiя лица:

1) Ординарнымъ профессоромъ Всеобщей исторiи докторъ философiи Петръ Андреевичъ Цеплинъ; онъ учился въ Ростокскомъ и Геттингенскомъ университетахъ.

2) Въ апрѣлѣ 1805 года опредѣленъ профессоромъ Древностей, Греческой и Римской литературы Мартынъ Готфридъ Германъ. Онъ родился въ 1755 г. въ Киндельбрюкѣ, городѣ въ Тюрингiи, провинцiи Курфиршества Саксонскаго и съ 14-ти по 20-й годъ обучался въ Пардгаузенскомъ училищѣ, а послѣ 5-ть лѣтъ въ Геттингенскомъ университетѣ, гдѣ получилъ дипломъ доктора философiи. Послѣ былъ профессоромъ въ Гамбургской коммерческой академiи. По закрытiи

этой академіи, онъ въ теченіе трехъ лѣтъ издавалъ «Всеобщую Нѣмецкую Библіотеку» и написалъ три части ученой Миѳологіи Грековъ. Изъ Гамбурга онъ отправился въ Берлинъ, гдѣ былъ профессоромъ въ кадетскомъ корпусѣ. Кромѣ многихъ переводовъ съ разныхъ языковъ, онъ написалъ Миѳологію Грековъ для высшихъ классовъ гимназій въ 2-хъ частяхъ, а послѣ опять 2 части о праздноствахъ Эллады. Оставивъ Берлинъ, онъ отправился въ Петербургъ, гдѣ, присягнувъ на вѣчное подданство Россіи, былъ утвержденъ, по представленію попечителя Румовскаго, Министромъ Графомъ Заводовскимъ профессоромъ въ Казанскій университетъ.

3) Въ сентябрѣ 1805 г. назначенъ былъ профессоромъ естественной исторіи и ботаники докторъ медицыны Карлъ Фуксъ, оставившій по себѣ и нынѣ въ Казани добрую память за благодѣянія бѣднымъ жителямъ Казани пользованіемъ безмездно больныхъ. Поступивъ въ 1893 году въ Нассавскую академію, онъ чрезъ 4 года перешелъ въ Геттингенскій университетъ, а оттуда въ Марбургъ, гдѣ получилъ званіе доктора естественныхъ и врачебныхъ наукъ; въ 1801 г. переѣхавъ въ Петербургъ, Фуксъ путешествовалъ по Россіи для усовершенствованія себя въ естественной исторіи и ботаникѣ. При отправленіи Графа Головкина съ посольствомъ въ Китай въ 1805 году, онъ былъ докторомъ посольства, и въ томъ же году опредѣленъ въ Казанскій университетъ. Впослѣдствіи, въ 1823 г., Фуксъ былъ Ректоромъ университета.

4) Въ одно время съ Фуксомъ опредѣленъ былъ профессоромъ права естественнаго, политическаго и народнаго—иностранецъ Генрихъ Бюнеманъ.

5) Профессоромъ греческаго языка и словесности опредѣленъ былъ докторъ философіи и магистръ словесныхъ наукъ Винцентъ Сторлъ.

6) Въ ноябрѣ 1805 года опредѣленъ былъ адъюнктомъ въ отдѣленіи врачебныхъ наукъ докторъ медицыны Фридрихъ Эвестъ. Онъ обучался съ 1799 года въ Московской университетской гимназіи, а потомъ въ Московскомъ университетѣ, откуда поступилъ въ медико-хирургическую академію, а оттуда въ Казанскій университетъ. Въ 1806 году Эвестъ былъ назначенъ инспекторомъ гимназіи вмѣсто Яковкина.

7) Профессоромъ анатоміи, физіологіи и судебной врачебной науки назначенъ былъ въ 1806 году докторъ медицыны Каменскій. Онъ былъ сынъ малороссійскаго войсковаго

товарища и въ 1793 году поступилъ фельдшерскимъ ученикомъ въ Московскій военный госпиталь, а оттуда—полковымъ лѣкаремъ; въ 1799 году онъ опредѣленъ былъ въ медико-хирургическую академію прозекторомъ, гдѣ и получилъ званіе доктора медицины.

9) 9-го апрѣля 1806 года попечитель Румовскій въ предложеніи совѣту университета рекомендовалъ избрать доктора Бартельса въ почетные члены университета по отдѣленію физико-математическихъ наукъ; вотъ отзывъ попечителя о Бартельсѣ: «отличное усердіе и дѣятельность, съ каковыми онъ (Бартелсъ) старается склонить къ пріѣзду въ Казань такихъ людей, которые знаніями своими могли бы принесть университету неминуемую пользу, а также обѣщаніе его (Бартельса) исполнять всѣ обязанности почетныхъ членовъ въ уставѣ изображенныхъ и польза, которую университетъ отъ сношенія съ нимъ, какъ весьма свѣдущимъ въ сей части ученымъ ожидать можетъ, побуждаютъ меня предложить его совѣту въ почетные члены». Послѣ Бартельсъ былъ назначенъ профессоромъ въ университетъ и составлялъ славу университета, будучи первымъ ученымъ математикомъ.

9) Октября 24 1806 года опредѣленъ былъ адъюнктомъ краснорѣчія, стихотворства и Россійскаго языка Григорій Николаевичъ Городчаниновъ. Онъ родился въ 1771 году, а умеръ въ 1852 году. При опредѣленіи его въ университетъ, онъ представилъ въ совѣтъ планъ лекцій, руководствуясь «Опытомъ Блеровой Риторики», дополняя ее другими руководствами. Въ концѣ плана Городчаниновъ требовалъ, чтобы совѣтъ выписалъ для его слушателей нѣсколько экземпляровъ риторики Блеровой.

Вотъ составъ профессоровъ въ первое время основанія университета изъ Казанской гимназіи.

22-го февраля въ присутствіи попечителя въ большомъ залѣ гимназіи директоръ Яковкинъ, отдѣливъ студентовъ университета отъ учениковъ гимназіи, прочиталъ первымъ изъ устава университета статьи объ обязанностяхъ студентовъ вообще и особенно составляющихъ педагогическій институтъ и изъ утвердительной грамоты о предоставленныхъ студентамъ университета привилегіяхъ, прибавивъ къ тому отъ себя краткое наставленіе какъ избраннымъ студентамъ, такъ и оставшимся въ гимназіи ученикамъ. Студенты Кондыревъ и Панаевъ привѣтствовали попечителя написанными ими стихотвореніями; студенты же

Перевощиковъ и Поповъ поднесли попечителю: первый—упражненіе въ стихахъ, а второй—опыты искусства его рѣзьбы на кости. Попечитель заключилъ собраніе наставленіемъ студентамъ и ученикамъ, объяснивъ имъ цѣль ихъ воспитанія и обязанности ихъ къ Монарху и отечеству.

При избраніи учениковъ гимназіи въ студенты, директоръ Яковкинъ отправилъ предварительно къ родителямъ выбранныхъ въ студенты письма о томъ, согласны ли они на опредѣленіе дѣтей ихъ въ студенты университета. На предложенія директора, конечно, всѣ родители прислали отвѣты директору съ изъявленіемъ искренней благодарности начальству гимназіи за назначеніе дѣтей ихъ въ студенты. (См. приложеніе № 1).

Въ студенты избраны были слѣдующіе ученики казеннаго содержанія:

1) Петръ Кондыревъ.
2) Владиміръ Графъ.
3) Петръ Балясниковъ.
4) Василій Перевощиковъ.
5) Василій Кузминскій.
6) Помпей Смирновъ.
7) Николай Упадышевскій 1-й.
8) Семенъ Видрицкій.
9) Николай Трухинъ.
10) Александръ Княжевичъ.
11) Михайло Ѳоминъ.
12) Яковъ Ляпуновъ.
13) Дмитрій Перевощиковъ.
14) Александръ Петровъ.
15) Александръ Честновъ.
16) Андрей Шубинъ.
17) Ѳедоръ Риттау.
18) Павелъ Поповъ.
19) Никифоръ Андреевъ.
20) Михайло Пестяковъ.
21) Василій Тимьянскій.
22) Александръ Яковкинъ.
23) Степанъ Шопикъ.
24) Андрей Кайсаровъ.
25) Александръ Лобачевскій.
26) Николай Манассеинъ.

Пансіонеръ:

27) Еварестъ Груберъ.

На своемъ содержаніи:

28) Николай Панаевъ.
29) Александръ Панаевъ.
30) Иванъ Панаевъ.
31) Сергѣй Аксаковъ.
32) Порфирій Безобразовъ.
33) Павелъ Чуфаровъ.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, послѣ экзамена, переведены еще изъ учениковъ гимназіи въ студенты слѣдующіе:

34) Петръ Зыковъ.
35) Николай Стрѣлковъ.
36) Алексѣй Балясниковъ.
37) Николай Марковъ.
38) Никита Трофимовъ.
39) Николай Клепининъ.
40) Николай Кинтеръ.
41) Александръ Дмитріевъ.

Въ тотъ же день, 22-го февраля, открылось чтеніе лекцій профессоровъ и адъюнктовъ въ слѣдующемъ порядкѣ до окончанія перваго академическаго года (11-го іюля):

1) Яковкинъ (по средамъ и пятницамъ отъ 4-хъ до 6-ти часовъ по полудни) читалъ Россійскую исторію по краткой исторіи, имъ изданной, географію, а статистику по таблицамъ Шторха.

2) Цеплинъ (по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ отъ 7 до 9 до полудни) читалъ 1-ю часть Всеобщей исторіи государствъ, основываясь при чтеніи на сокращеніи Шпитлера.

3) Адъюнктъ Эрихъ по понедѣльникамъ, средамъ и пятцамъ до полудни отъ 7-ми до 9-ти часовъ) читалъ первую книгу Цицерона о должностяхъ съ нужными примѣчаніями.

4) Адъюнктъ Карташевскій (по понедѣльникамъ, средамъ и пятницаaъ отъ 9-ти до 11-ти до полудни) читалъ Ариѳметику, Геометрію и Тригонометрію по начертанію Шульца.

5) Адъюнктъ Запольской (по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ отъ 9-ти до 11-ти до полудни) читалъ Опытную физику, руководствуясь физикою Гиляровскаго.

6) Адъюнктъ Левицкій (по вторникамъ и четвергамъ отъ 4-хъ до 6-ти часовъ по полудни и въ субботу отъ 2-хъ до 4-хъ) читалъ Логику по начертанію Рижскаго.

Еще были назначены лекціи профессора паталогіи, терапіи и клиники Протасова изъ натуральной исторіи; но этотъ профессоръ, служившій въ Пермской врачебной управѣ, умеръ въ Перми 10-го апрѣля 1805 г.

Въ 1806 году, когда прибыли въ Казань назначенные графомъ Заводовскимъ профессоры и адъюнкты, какъ видно изъ вѣдомости объ упражненіяхъ профессоровъ университета за май мѣсяцъ, преподавались студентамъ слѣдующія науки:

1) Философія (студентовъ 25 челов.).
2) Греческая и Латинская словес. (студ. 10 чел.).
3) Латинская древность (студ. 9 чел.).
4) Физика (студ. 15).
5) Географія, Исторія и Статистика (студ. 13 чел.).
6) Права естеств., полит. и гражд. (студ. 14 чел.).
7) Высшій Латинскій (студ. 10).
8) Натуральная Исторія (студ. 13).
9) Медицына (студ. 13).
10) Минералогія (студ. 18).
11) Французскій высшій (студ. 16 чел.).
12) Чистая Математика (студ. 17).

(Сергѣй Аксаковъ слушалъ лекціи Философіи, Физики, Минералогіи и Француз. языка).

По окончаніи каждаго мѣсяца профессоры и адъюнкты подавали въ совѣтъ гимназіи вѣдомости съ обозначеніемъ, что прочитано ими изъ каждой науки; такъ изъ вѣдомости за май мѣсяцъ 1806 года видно, что:

1) Яковкинъ кончилъ Россійскую Исторію.

2) Цеплинъ кончилъ Исторію Венгріи, Славоніи, Кроаціи, Трансильваніи, Далмаціи и прочихъ земель, принадлежавшихъ Венгріи и началъ Исторію Италіи.

3) Германъ занимался преподаваніемъ нѣсколькихъ главъ изъ Психологіи; занимаясь латинскимъ языкомъ, онъ разобралъ нѣкоторыя Гораціевы оды по правиламъ Эстетики, Логики и проч.

4) Бюнеманъ занимался прохожденіемъ Исторіи права природы.

5) Сторль занимался прохожденіемъ Миологіи, разбираніемъ нѣкоторыхъ стихотвореній Виргилія и переводами

съ грамматическими правилами съ греческаго на латинскій языкъ.

6) Фуксъ занимался Ботаникою и окончаніемъ Зоологіи. Изъ Ботаники прошелъ всю терминологію, а изъ Зоологіи кончилъ всѣ послѣднія части ея.

7) Изъ Анатоміи и Физіологіи профессоръ Каменскій прошелъ объ орудіяхъ движенія и ощущенія, съ показаніемъ ихъ дѣйствій, проводимыхъ электричествомъ, потомъ о кровоносной и высасывающей системѣ сосудахъ.

8) Левицкій предлагалъ о погрѣшимостяхъ, какимъ мы бываемъ подверждены въ нашихъ сужденіяхъ, о правильномъ дѣйствіи нашего разума, о чтеніи книгъ, какія должно избрать и что нужно наблюдать при семъ случаѣ.

9) Эрихъ занимался разборомъ стихотвореній Горація и чтеніемъ Корнелія Непота.

10) Подъ руководствомъ адъюнкта Запольскаго кандидатъ Ляпуновъ занималъ студентовъ повтореніемъ Физики, съ начала до свойствъ воздуха.

11) Адъюнктъ Эвестъ прошелъ о минералогіи, ея предметѣ, о тѣлахъ, причисляемыхъ къ первому классу, дѣлая при томъ химическіе опыты и поясненія.

12) Адъюнктъ Карташевскій показалъ дифференціальное исчисленіе и началъ интегральное.

Каждый мѣсяцъ подавались Яковкинымъ попечителю Румовскому вѣдомости о прилежаніи, успѣхахъ и поведеніи студентовъ.

Учебныхъ дней въ году увеличилось по слѣдующей причинѣ: Съ самаго начала открытія Казанскаго университета, съ Высочайшаго соизволенія, послѣдовало обращеніе нѣкоторыхъ табельныхъ дней въ учебные; высокоторжественными днями велѣно было считать только слѣдующіе:

13-го января—день рожденія Императрицы Елизаветы Алексѣевны.

12-го марта—вступленіе на Престолъ Императора.

22-го іюля—Тезоименитство Императрицы Маріи Θеодоровны.

30-го августа—Тезоименитство Государя.

5-го сентября—Тезоименитство Государыни Е. А.

15-го сентября—Коронованіе.

14-го октября—Рожденіе Государыни М. Θ.

12-го декабря—Рожденіе Государя. Къ числу учебныхъ дней отнесены нѣкоторые церковные праздники, какъ-то; 6-е декабря и 9-е мая, 29-е августа, 26-е сентября, 1-е и 22 октября; впрочемъ, въ 1812 году послѣдовало повелѣніе о праздновании этихъ дней.

Сношенія университета съ другими высшими учебными заведеніями въ Имперіи начались при самомъ открытіи; такъ Харьковскій университетъ прислалъ 27-го мая 1805 года десять экземпляровъ расположенія своихъ лекцій за этотъ годъ, а послѣ три экземпляра обозрѣнія университетскихъ лекцій за 1806 годъ. Московскій университетъ, празднуя пятидесятилѣтній юбилей свой, прислалъ «въ залогъ своего уваженія къ почтенному Казанскаго университета ученому сословію», торжественныя рѣчи, говоренныя профессорами въ полувѣковой юбилей. Академія Наукъ, приславъ въ университетъ каталогъ книгамъ какъ русскимъ, такъ и иностраннымъ, назначеннымъ въ продажу отъ правленія Академіи, предлагала университету выписывать нужныя книги изъ-за границы чрезъ посредство правленія Академіи. 7-го іюля Академія прислала въ даръ университету технологическій журналъ 8 част. и Виргилія съ греческимъ переводомъ.

Прошелъ только еще первый годъ основанія университета въ Казани, и ученому сословію этого высшаго учебнаго заведенія въ Россіи выпало на долю заняться составленіемъ такого ученаго труда, выполненіе котораго требовалось Высочайшею волею Императора Александра I. Мы говоримъ объ учрежденіи при университетѣ общества для сочиненія описанія Казанской губерніи.

Петербургское Вольное Экономическое Общество, вслѣдствіе Высочайшаго соизволенія предприняло составить описаніе каждой губерніи Россійской Имперіи по всѣмъ частямъ, сообразно присланнымъ на то образцамъ.

Начало описанія Казанской губерніи положено было еще при Казанскомъ губернаторѣ Кацаровѣ; но за неимѣніемъ въ Казани до открытія въ ней университета ученаго сословія, которое могло бы выполнить этотъ трудъ, это дѣло осталось безъ послѣдствій, хотя Яковкинъ и прежде желалъ приняться за этотъ трудъ; но одинъ онъ не въ силахъ былъ исполнить его, и вотъ, когда § 9-мъ Устава Казанскаго университета считается особеннымъ достоинствомъ университета образовать изъ членовъ его разныя ученыя общества, Яков-

кинъ, какъ директоръ гимназіи и профессоръ университета, предложилъ 10-го марта 1806 года въ совѣтѣ всѣмъ членамъ приняться за описаніе Казанской губерніи, надѣясь на сочувствіе къ этому труду попечителя Румовскаго, извѣстнаго тогда своими учеными трудами, «заслужившими похвалу иностранныхъ ученыхъ» (1).

Совѣтъ гимназіи, выслушавъ предложеніе директора Яковкина, опредѣлилъ поручить самому Яковкину составить географическую и топографическую часть описанія; профессоръ Фуксъ изъявилъ согласіе на занятіе частями, касающимися зоологіи, ботаники и экономической части Казанской губерніи; профессоръ Каменскій взялъ на себя описаніе предметовъ, относящихся къ врачебнымъ наукамъ; адъюнктъ Эвестъ взялъ на себя все то, что касалось до химіи, а Запольской—до физики.

По полученіи попечителемъ представленія совѣта объ этомъ трудѣ, онъ выразилъ полную готовность—содѣйствовать членамъ совѣта въ этомъ полезномъ ученомъ дѣлѣ, замѣтивъ однако въ предложеніи своемъ совѣту отъ 12-го апрѣля 1806 года, что ежели какія наблюденія или опыты потребуютъ отправленія членовъ совѣта изъ Казани и личнаго обозрѣнія, то сіе не иначе могутъ учинить, какъ во время вакаціи». Объ издержкахъ, какія нужны будутъ для этого ученаго предпріятія, попечитель позволилъ совѣту сдѣлать особое представленіе.

Съ первыхъ дней открытія университета, вновь опредѣленные въ него профессорами стали участвовать въ засѣданіяхъ совѣта гимназіи; но такъ какъ члены совѣта руководствовались положеніемъ педагогическаго совѣта гимназіи; то для пользы дѣлъ, касавшихся собственно университета, члены совѣта, Цеплинъ и Данковъ (2), представили 22-го марта 1805 года «объясненіе (на нѣмецкомъ языкѣ съ русскимъ переводомъ) о порядкѣ въ засѣданіяхъ и дѣлопроизводствѣ совѣта Казанской гимназіи». (См. приложеніе № 2).

---

(1) См. Вѣстникъ Европы, т. II 1866 г., стр. 141.

(2) Гавріилъ Данковъ былъ духовникомъ Ея Высочества Великой Княгини Елены Павловны. Пріѣхавъ въ Казань, онъ, получая 1000 рублей пенсіи, былъ опредѣленъ 20-го февраля 1805 года учителемъ нѣмецкаго и латинскаго языковъ, но вскорѣ умеръ.

При заслушаніи этого объясненія въ собраніи совѣта 27-го марта, Яковкинъ объявилъ, что попечитель приказалъ совѣту гимназіи называться по прежнему совѣтомъ Казанской гимназіи, хотя онъ и состоитъ, большею частію, изъ членовъ университета; въ порядкѣ же и рѣшеніи текущихъ дѣлъ—сообразоваться, сколь возможно съ предписаніями, въ уставѣ университета изображенными. Въ этомъ же засѣданіи приняты были представленные Цеплинымъ и Данковымъ 5-ть пунктовъ для дѣлопроизводства совѣта съ нѣкоторыми прибавленіями по 2-му и 3-му пунктамъ.

Но, къ несчастію, въ соединенномъ совѣтѣ членовъ университета и гимназіи подъ предсѣдательствомъ директора гимназіи Яковкина безпрестанно возникали столкновенія, имѣвшія дурныя послѣдствія для членовъ университета, не дозволявшихъ Яковкину дѣйствовать самовольно, какъ это было до основанія университета. Представляемъ здѣсь нѣсколько примѣровъ столкновеній въ совѣтѣ.

17-го іюня 1805 года полученъ былъ попечителемъ Румовскимъ протоколъ совѣта съ приложеніемъ прошенія, поданнаго въ совѣтъ бухгалтеромъ гимназіи Ахматовымъ на директора Яковкина, который выслалъ изъ казенной квартиры Ахматова для замѣщенія ея главнымъ надзирателемъ.

Вслѣдствіе этого протокола совѣта, попечитель дѣлаетъ извѣстнымъ членамъ совѣта, что, директоръ Яковкинъ, желая соблюсти порядокъ и отстранить принятіе и чтеніе въ совѣтѣ не принадлежащаго ему прошенія Ахматова, на основаніи 55-й статьи устава университета, требовалъ законно закрыть засѣданіе и отвергнуть прошеніе Ахматова, предоставивъ послѣднему обратиться къ попечителю съ жалобою на него, Яковкина; но совѣтъ, не уваживъ требованія директора, продолжилъ засѣданіе и принялъ прошеніе Ахматова незаконнымъ образомъ.

За такой самовольный поступокъ членовъ совѣта попечитель даетъ имъ знать, что они могутъ навлечь на себя отвѣтственность, а на вопросъ членовъ совѣта, какъ поступать въ подобныхъ столкновеніяхъ, попечитель отвѣчаетъ членамъ, чтобы они самовольно не присвоивали себѣ правъ въ разсматриваніи дѣлъ, не принадлежащихъ имъ.

По полученіи въ совѣтѣ этого предписанія попечителя, опредѣлено 5-го іюня:

«Исполнить во всемъ пространствѣ (sic!) предписаніе господина попечителя и впредь поступать сообразно съ онымъ».

Не смотря на такое точное опредѣленіе совѣта, адъюнктъ Карташевскій подалъ въ томъ же засѣданіи (5-го іюня) письменное мнѣніе, въ которомъ заявилъ, что положеніе совѣта гимназіи не достаточно для руководства при рѣшеніи дѣлъ университета. (См. приложеніе № III).

Яковкинъ, принявъ мнѣніе Карташевскаго, въ томъ же засѣданіи замѣтилъ членамъ совѣта, что они не исполняютъ своей обязанности, потому что никого изъ нихъ не было на испытаніи учениковъ и студентовъ въ классѣ духовника Данкова, и потому предложилъ совѣту сдѣлать постановленіе о томъ, чтобы дежурный офицеръ отмѣчалъ въ рапортѣ неприсутствующихъ на экзаменахъ членовъ. Яковкинъ этимъ распоряженіемъ собственно желалъ только напомнить членамъ совѣта, что онъ имѣетъ возможность выставлять предъ высшимъ начальствомъ неисправность членовъ совѣта.

Представленное Карташевскимъ мнѣніе не могло остаться безъ дурныхъ послѣдствій для его служебной карьеры при большемъ довѣріи попечителя Румовскаго ко всему тому, что приводилось въ исполненіе Яковкинымъ въ совѣтѣ: Румовскій, получивъ отдѣльное мнѣніе Карташевскаго, предписалъ (24 іюня) совѣту напомнить Карташевскому, что, на основаніи предписанія попечителя отъ 22-го мая, должно быть ему, Карташевскому, извѣстно, какимъ образомъ гимназія, изъ которой совѣтъ не исключается до открытія университета, должна быть управляема, и вмѣстѣ съ симъ попечитель приказалъ совѣту — сдѣлать выговоръ Карташевскому чрезъ директора за вторичное присвоеніе Карташевскимъ права, ему не принадлежащаго; прочимъ же членамъ попечитель изъявилъ признательность за то, что они не послушались возмутительнаго голоса Карташевскаго и тѣмъ открыли образъ мыслей послѣдняго.

Чрезъ годъ, когда уже многія каѳедры заняты были новыми профессорами, какъ-то: Фуксомъ, Германомъ, Бюпнемановъ, Сторлемъ и Каменскимъ, столкновенія въ совѣтѣ возобновились съ большимъ ожесточеніемъ во вредъ какъ для гимназіи, такъ и для университета. Изъ числа противниковъ Яковкина, Карташевскій (3), рѣшился вовсе оставить службу

---

(3) Изъ протокола собранія совѣта отъ 20-го марта 1806 года видно, что въ № 55-мъ заграничнаго журнала «Откровеннаго»,

въ университетѣ, о чемъ подалъ въ совѣтъ прошеніе 21-го сентября 1806 г. Совѣтъ пригласилъ Карташевскаго въ собраніе 3-го октября; но Карташевскій не явился, а прислалъ только взятый имъ на время отпуска билетъ, и потомъ уѣхалъ въ Петербургъ безъ аттеста объ увольненіи, бывъ впослѣдствіи отрѣшенъ отъ должности Министромъ, Графомъ Заводовскимъ.

Послѣ уволены, по предписанію попечителя отъ 21 ноября бухгалтеръ Ахматовъ «за многократное неповиновеніе начальству» и профессоръ Каменскій, а главный надзиратель Пухлинскій отдаленъ отъ должности; профессорамъ же Цеплину и Герману и адъюнкту Запольскому запрещено имѣть участіе въ засѣданіяхъ совѣта. (См. приложеніе № IV). Но вскорѣ и профессоръ Цеплинъ былъ уволенъ, такъ что и гимназія и университетъ лишились лучшихъ своихъ дѣятелей.

Увольненіе стольких членовъ совѣта произошло по слѣдующему поводу: 3-го іюля 1806 года въ собраніи членовъ совѣта директоръ Яковкинъ объявилъ, что онъ донесъ попечителю объ отдаленіи имъ, Яковкинымъ, отъ должности главнаго надзирателя Пухинскаго, за котораго заступился въ совѣтѣ профессоръ Каменскій, представивъ письменное мнѣніе въ пользу уволеннаго. Это мнѣніе, разсмотрѣнное въ совѣтѣ, вызвало слѣдующаго разсужденія членовъ совѣта:

1) Предписаніемъ Министра Народнаго Просвѣщенія вмѣнено въ обязанность членамъ совѣта руководствоваться въ управленіи гимназіею Положеніемъ 1798 года 29-го мая, по которому назначены членами совѣта директоръ гимназіи съ шестью учителями высшихъ классовъ и главнымъ надзирателемъ, вмѣсто которыхъ занимаютъ нынѣ семь профессоровъ (Яковкинъ, Цеплинъ, Германъ, Сторль, Бюннеманъ, Фуксъ и Каменскій) и пять адъюнктовъ (Карташевскій, Эрихъ, Запольскій, Эвестъ и Левицкій).

2) Необходимость членовъ совѣта слѣдовать то Уставу университета, то Положенію гимназіи вводитъ въ производство дѣлъ неопредѣленность, непозволительную законами.

издававшагося въ Берлинѣ, была напечатана корреспонденція изъ Нижняго-Новгорода, касавшаяся, между прочимъ, до профессоровъ Казанскаго университета; впрочемъ, въ этомъ же № было напечатано сдѣланное возраженіе противъ несправедливости этой корреспонденціи. Копія съ этой статьи отправлена попечителю.

и 3) Члены совѣта, слѣдуя Положенію гимназіи, не могутъ избѣгать противорѣчій; такъ, напримѣръ, когда нужно было сдѣлать новое расположеніе учебныхъ занятій, Яковкинъ объявилъ, что это занятіе принадлежитъ собственно ему, ссылаясь на 4 § Положенія гимназіи, гдѣ говорится о перемѣнахъ классовъ, и въ такомъ случаѣ, говорятъ члены совѣта, что для нихъ не остается почти никакого занятія.

Для разрѣшенія всего этого члены совѣта опредѣлили: представить обо всемъ этомъ попечителю, препроводивъ къ нему и мнѣніе профессора Каменскаго.

Попечитель, разсмотрѣвъ всѣ эти донесенія, предписалъ совѣту (30-го августа 1806 года): 1) уволить главнаго надзирателя и 2) потребовать объясненій отъ членовъ совѣта, что разумѣли они подъ словами: «о семъ предметѣ, увольненія ли Пухинскаго или пріисканіе на мѣсто его достойнаго человѣка»?

Представленные по этому требованію попечителя объясненія членовъ: Германа, Бюннемана, Каменскаго и Запольскаго оказались неудовлетворительными для оправданія ихъ за нарушеніе порядка и тишины въ засѣданіяхъ совѣта, и потому, по предписанію Министра Народнаго Просвѣщенія, уволенъ сперва профессоръ Каменскій (21-го ноября 1806 года), а потомъ Цеплинъ 24 января 1807 г.; профессору же Герману и адъюнкту Запольскому предписано членамъ совѣта (21-го марта 1807 г.)—сдѣлать въ собраніи совѣта внушеніе за соучастіе въ неповиновеніи и ослушаніи начальству.

Такой печальный исходъ получили столкновенія, возникшія въ засѣданіяхъ членовъ совѣта въ первые два года основанія университета въ Казани подъ управленіемъ директора гимназіи Яковкина; замѣчательно, что профессоръ Фуксъ не принималъ никакого участія въ этихъ безпорядкахъ, и имя его остается дорогимъ воспоминаніемъ не только для университета, но и для города Казани: онъ въ это время, кромѣ своихъ занятій въ университетѣ, какъ профессоръ и врачъ больницы гимназіи, изслѣдовалъ, по требованію Казанскаго губернатора Мансурова, вопросъ: «Имѣетъ ли зловоніе бойницъ вредное вліяніе на военный госпиталь», находившійся вблизи этихъ бойницъ. Отзывъ Фукса и другихъ профессоровъ врачебнаго отдѣленія былъ въ этомъ случаѣ отрицательный.

Въ концѣ 1806 года является необходимость устроить для университета отдѣльную отъ гимназіи библіотеку; первымъ библіотекаремъ, по предписанію попечителя отъ 8-го ноября 1806 года, назначенъ былъ профессоръ словесныхъ наукъ Сторль съ жалованьемъ 200 рублей въ годъ сверхъ получаемаго по должности профессора. Ему вмѣнялось въ обязанность слѣдующее:

1) «Истребовать немедленно всѣ взятыя изъ библіотеки профессорами и адъюнктами книги.

2) Разобрать, какія изъ нихъ по содержанію своему должны остаться въ библіотекѣ университетской и какія современемъ должны отданы быть въ гимназическую, и одну отъ другой отдѣлить.

3) И той и другой сочинить каталоги и расположить по порядку, какой библіотекарь признаетъ за лучшій и каталоги оныхъ представить совѣту, оставя въ библіотекахъ копіи.

4) Представить попечителю свое мнѣніе, какимъ образомъ, сколько книгъ и какое время желающимъ оными пользоваться съ роспискою въ особливо на то сдѣланной книгѣ, могутъ быть отпускаемы».

Въ помощь библіотекарю Сторлю назначенъ былъ студентъ Кондыревъ. Въ библіотеку стали выписывать книги, назначенныя профессорами или нужныя для награжденія учениковъ гимназіи и студентовъ университета; такъ 8-го февраля 1806 года присланы въ контору изъ главнаго училищъ правленія 100 экз. краткой россійской грамматики, краткаго катихизиса 50 экз., изъясненій Евангелія 25 экз., всемірной исторіи 11-ть экз. и 3-й части краткой россійской исторіи 50 экз., всеобщаго землеописанія безъ картъ 50 экз., краткаго землеописанія россійскаго государства 50 экз. и хронологическаго изображенія 25 экз. За всѣ эти книги заплачено 247 рублей 35 копѣекъ.

Учителемъ латинскаго языка Бѣлоусовымъ куплены за 40 руб. десять экземпляровъ (для учениковъ гимназіи и студентовъ университета) латинскаго лексикона Розанова. Для физическаго класса студентовъ купленъ бассейнъ за 26 руб. Для натуральнаго кабинета куплено 65-ть пуд. ископаемыхъ тѣлъ за 10 руб. у московскаго купца Кваскова. Присланы изъ главнаго управленія училищъ 1, 2 и 3 части книги Блюменбаха подъ названіемъ: «Руководство къ естественной исторіи» и 30 экз. физики Гиляровскаго. Выписана химія Жа-

кена, переведенная на русскій языкъ Винсовичемъ и Дьяковымъ.

Публичный экзаменъ въ 1806 году назначенъ былъ для гимназіи и университета въ одно время, 9-го іюля, а вакація продолжалась до 12-го августа; издержки для экзамена простирались до 150-ти рублей. Для произнесенія рѣчей на экзаменѣ назначены большія рѣчи, латинская и русская и пять малыхъ на языкахъ преподававшихся въ гимназіи. На этомъ экзаменѣ всѣ студенты (числомъ 32 человѣка) были награждены торжественно шпагами, а ученики гимназіи— книгами и похвальными листами.

Для студентовъ университета словесныхъ, философскихъ и юридическихъ наукъ учреждены бесѣды, на которыхъ предлагались студентамъ темы для пріученія ихъ основательно и свободно изъяснять свои мысли, а для лучшаго изученія латинской литературы въ университетѣ выражено въ предложеніи директора совѣту отъ 10-го марта 1806 года желаніе, чтобы на этихъ бесѣдахъ употребляемъ былъ преимущественно латинскій языкъ; эти бесѣды назначались одинъ разъ въ недѣлю. На экзаменѣ 1806 года произнесена была рѣчь Ибрагимовымъ на тему: «О преимуществѣ публичнаго воспитанія предъ частнымъ», а на латинскомъ учителемъ Кизюкинымъ на тему: «Объ изученіи латинскаго языка въ университетѣ».

Къ числу благопріятныхъ обстоятельствъ гимназіи относится назначеніе въ началѣ 1806 года учителемъ высшаго нѣмецкаго класса иностранца Карла Стефани, служившаго послѣ долгое время въ Казанской гимназіи и оставившаго по себѣ хорошую память между учениками, живущими еще и понынѣ въ Казани. Мы представляемъ подробныя свѣдѣнія объ этомъ учителѣ, потому что онъ считался въ свое время отличнымъ педагогомъ и едвали въ настоящее время найдется между учителями иностранныхъ языковъ подобный ему.

Онъ былъ уроженецъ города Бунцлау, что въ Силезіи и учился въ Кенигсбергскомъ университетѣ, откуда имѣлъ аттестатъ. Пріѣхавъ въ Россію, Стефани выдержалъ испытаніе въ конференціи Московскаго университета на званіе учителя французскаго и нѣмецкаго языковъ въ приватныхъ домахъ. О вакантной должности учителя нѣмецкаго языка въ Казанской гимназіи узналъ Стефани (какъ выразился онъ въ прошеніи своемъ въ совѣтъ гимназіи) изъ Московскихъ вѣдомо-

стей. При поданномъ имъ прошеніи въ совѣтъ, Стефани представилъ также на разсмотрѣніе членовъ совѣта: «Краткое сочиненіе на нѣмецкомъ языкѣ съ русскимъ переводомъ (см. приложеніе № V) о легчайшемъ способѣ усовершенствовать слушателей высшаго нѣмецкаго класса въ нѣмецкомъ языкѣ».

Свидѣтельство на званіе учителя выдано ему изъ Московскаго университета 5-го мая 1792 года за подписомъ П. Фонъ-Визина, Шадена и переводчика конференціи Саца.

Въ 1801 году 30-го іюля Стефани добровольно приведенъ былъ къ присягѣ на вѣчное Россійской Имперіи подданство въ Московскомъ губернскомъ правленіи.

17 января 1806 года совѣтъ, разсмотрѣвъ всѣ документы Стефани и одобривъ его способъ обученія нѣмецкому языку, опредѣлилъ—представить его на утвержденіе попечителя въ этомъ званіи, на что и послѣдовало согласіе попечителя 5-го февраля того же года.

Чрезъ нѣсколько лѣтъ службы своей въ Казанской гимназіи Стефани сдѣлался очень извѣстнымъ своею дѣятельностію жителямъ Казани, которые стали приглашать его къ себѣ для обученія дѣтей нѣмецкому языку, такъ что Стефани не имѣлъ даже свободнаго времени для отдыха и принужденъ былъ назначить приходящимъ къ нему на квартиру ученикамъ время для занятій съ 4-хъ часовъ утра.

Въ 1807 году члены совѣта предложили Стефани читать студентамъ университета нѣмецкихъ авторовъ.

Изъ другихъ наставниковъ, опредѣленныхъ въ гимназію, извѣстны латинскаго Бѣлоусовъ, студентъ Казанской духовной академіи и Кизюкинъ, изъ студентовъ Московскаго университета, служившій прежде въ Тульской каз. палатѣ, ариѳметическаго и русскаго Богдановъ, изъ студентовъ Московскаго университета, служившій прежде экспедиторомъ Краснослободской почтовой конторы Пензенской губерніи. При опредѣленіи въ гимназію учителемъ, Богдановъ подвергся испытанію въ совѣтѣ гимназіи, экзаменъ заключался въ томъ, что Богдановъ сдѣлалъ письменный грамматическій разборъ 7-ми строкъ.

Инспекторомъ гимназіи назначенъ былъ вмѣсто Яковкина адъюнктъ Эвестъ, а надзирателемъ французъ Бейеръ, бухгалтеромъ же опредѣленъ Юферовъ. Библіотекарь гимназіи Петровскій получилъ назначеніе занять на время должность

директора Казанскаго народнаго училища вмѣсто учителя Черняевскаго, назначеннаго Виленскимъ попечителемъ, княземъ Чарторыйскимъ, для занятія каѳедры россійскаго языка и словесности въ Виленскомъ университетѣ 29-го мая 1805 года.

Двухлѣтнее существованіе университета окончилось радостнымъ для профессоровъ и адъюнктовъ обѣщаніемъ попечителя открыть формально университетъ 14-го февраля, для чего назначены для произнесенія рѣчи, въ которыхъ бы выражалась благодарность Государю Императору, какъ Виновнику учрежденія сего университета. Сочиненіе рѣчи на иностранномъ языкѣ назначено было профессору Герману, а на русскомъ—вновь назначенному въ университетъ адъюнктомъ россійской словесности Городчанинову.

Для лучшей дѣятельности ученыхъ трудовъ какъ профессоровъ университета, такъ и учителей гимназіи, совѣтъ выписывалъ на 1807 годъ слѣдующіе журналы и газеты какъ русскіе, такъ и иностранные:

Изъ гимназической суммы:

1) Вѣстникъ Европы Карамзина, 24 книжки,	15 р.
Впрочемъ, чрезъ годъ, 10 октября 1808 г., попечитель запретилъ выписывать Вѣстникъ Европы и С. П. вѣдомости, потому что, по мнѣнію Румовскаго, эти періодическія изданія «не принадлежали къ россійской словесности и для русскаго класса не могли быть полезны».	
2) Московскія вѣдомости на простой бумагѣ.	12 р.
3) Лицей, или продолженіе Сѣвернаго вѣстника, 12 книжекъ	15 —
4) Журналъ полезныхъ изобрѣтеній, 12 кн.	14 —
5) Коммерческія вѣдомости, 52 ном. . .	10 —
6) С.-Петербургскій журналъ, 12 кн. . .	18 —
7) Политическій журналъ	8 —
	92 —

Изъ университетской суммы:

8) Гамбургской Корреспондентъ на нѣмецкомъ языкѣ на бѣлой бумагѣ	29 р.
9) Сѣверная Пчела на французск. языкѣ .	36 —

10) Медикохирургическія Зальцбургскія вѣдомости на нѣм. яз. . . . . 33 р.
11) Минерва Архенгольца, 12 кн. . . . . 35 —
12) Геттингенскія ученыя извѣстія . . . 28 —
13) Всеобщія литературныя вѣдомости . . 31 —

А всего на 192 —

А въ 1808 году выписано было газетъ и журналовъ на 229 руб. для гимназіи, отдѣльно отъ университета. Но къ удивленію нашему, мы должны сказать, какъ видно изъ предложенія Яковкина совѣту 21-го декабря 1806 года, что университетъ, существуя уже два года, не имѣлъ ни одного образа, и потому Яковкинъ заказалъ живописцу Колосову написать два образа: 1) Святаго мученика Галактіона—на день Высочайше конфирмованной грамоты, дарованной Казанскому университету 5-го ноября и 2) Преподобнаго Авксентія на день основанія университета 14-го февраля, оба за 25 руб.

II.

1) Начало 1807 года: поздравленіе членовъ совѣта попечителя съ новымъ годомъ.—2) Преподаваніе греческаго языка въ гимназіи учителемъ Бѣлоусовымъ.—4) Исправленіе должности директора гимназіи профессоромъ Фуксомъ по случаю командировки Яковкина въ Пензу для ревизіи тамошней гимназіи.—5) Доносъ Казанскаго гражданскаго губернатора министрамъ в. д. и н. п. на безпорядки, происходившія въ гимназіи и объясненія по этому поводу, представленныя членами совѣта попечителю.—6) Пожертвованія всѣхъ чиновъ университета и гимназіи на случай войны Россіи съ Франціею.—7) Новые профессоры университета и учители гимназіи.—8) Методы преподаванія наукъ и вѣдомость за февраль мѣсяцъ 1809 года классическимъ упражненіямъ профессоровъ университета.—9) Изданіе Казанскихъ Извѣстій и помѣщеніе въ нихъ сочиненій и переводовъ студентовъ и учителей гимназій Казанскаго учебнаго округа.—10) Дѣйствія общества отечественной словесности за 1808 годъ.—11) Публичный экзаменъ 10-го іюля 1810 года въ гимназіи и выдача аттестата Михайлу Николаевичу Мусину-Пушкину, обучавшемуся въ домѣ родителей и выдержавшему испытаніе въ совѣтѣ гимназіи 12 января 1810 года.—12) Столкновенія членовъ совѣта въ засѣданіяхъ совѣта 13-го и 17-го сентября и объясненіе по этому поводу профессора Фойгта.—13) Отчетъ о состояніи университета и гимназіи, представленный министру н. п. графу Разумовскому.—14) Высочайше утвержденная форма 1809 г. для чиновниковъ всѣхъ учебныхъ заведеній Казанскаго округа.

Начало 1807 года наступило какъ для гимназіи, такъ и университета съ предвѣщаніемъ спокойствія и согласія въ дѣлахъ членамъ совѣта и ожиданіемъ успѣховъ для образованія учениковъ и студентовъ: первое видно изъ того, что всѣ члены совѣта представили попечителю, жившему тогда въ Петербургѣ, письменное поздравленіе съ новымъ годомъ (см. приложеніе № VI), обѣщаясь дѣйствовать въ засѣданіяхъ единодушно и мирно на пользу образованія учениковъ гимназіи и студентовъ университета, а послѣднее представляется въ предпринятыхъ всѣми профессорами и учителями гимназіи улучшеніяхъ способовъ преподаванія и введеніи новыхъ предметовъ обученія, а въ особенности греческаго языка, преподаванія котораго въ гимназіи, по письменному мнѣнію, поданному въ совѣтъ профессоромъ Сторлемъ, было необходимо для приготовленія слушателей для университета. 12-го января совѣтъ представилъ попечителю объ утвержденіи учителемъ начальныхъ оснований греческаго языка Бѣлоусова.

Попечитель, утвердивъ представленіе совѣта съ производствомъ учителю Бѣлоусову 300 рублей, предложилъ однако совѣту: «войти въ разсмотрѣніе времени, въ которое молодые воспитанники сему языку обучаться должны, принявъ въ разсужденіе, что вдругъ учиться тремъ или четыремъ языкамъ и, сверхъ того заниматься съ успѣхомъ и другими упражненіями, равномѣрно нужными молодому человѣку, почти невозможно».

Впрочемъ, улучшеніе метода и способа преподаванія учителей послѣдовало уже послѣ, когда въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія вступилъ графъ Алексѣй Разумовскій и въ особенности при открытіи училищнаго комитета при университетѣ. Въ первомъ случаѣ замѣчательно въ особенности предписаніе графа Разумовскаго (см. приложеніе № VII) отъ 8-го іюня 1810 года о томъ, что учители вообще болѣе стараются обременять память учениковъ, нежели изощрять ихъ разсудокъ, и потому графъ Разумовскій требуетъ, чтобы директоры и инспекторы гимназій и смотрители уѣздныхъ училищъ слѣдили за тѣмъ, чтобы преподаваніе учителей не было механическое, но болѣе развивающее и не обременять учениковъ перепискою уроковъ учителей. Кромѣ того, съ 1810 г. графъ Разумовскій запретилъ учителямъ служить въ разныхъ вѣдомствахъ.

Улучшенія въ преподаваніи наукъ въ университетѣ шли постепенно: открывались новыя каѳедры, которыя замѣщались такими учеными какъ Френъ, Бартельсъ Литтровъ и др., основывалось общество отечественной словесности, стало издаваться при университетѣ періодическое изданіе, библіотека университета обогащалась многими иностранными сочиненіями, а въ особенности по восточнымъ языкамъ, благодаря ученымъ трудамъ Френа; приготовлялись изъ учениковъ гимназіи и студентовъ университета учители для всѣхъ учебныхъ заведеній Казанскаго учебнаго округа, назначались командировки профессоровъ въ разныя губерніи съ ученою цѣлію, даже второстепенные предметы, какъ напримѣръ разныя искусства, обращали на себя особенное вниманіе членовъ совѣта; такъ профессоръ анатоміи и ботаники Фуксъ считалъ недостаточнымъ обученіе рисованію студентовъ университета учителемъ Чекіевымъ, который, впрочемъ, былъ уволенъ совѣтомъ 16-го января 1807 года за то, что ослушался приказанія Яковкина—обучать студентовъ рисованію, по 4 часа въ недѣлю, безъ прибавки жалованья, получаемаго имъ изъ гимназіи, и потому совѣтъ опредѣлилъ для обученія студентовъ рисованію и живописи сухими, водяными и масляными красками съ оригиналовъ и съ натуры вольноотпущеннаго Крюкова съ жалованьемъ 400 руб. въ годъ, причемъ предварительно произведено было Крюкову испытаніе въ присутствіи Фукса, занимавшаго должность директора вмѣсто Яковкина, командированнаго, по приказанію министра народнаго просвѣщенія, въ Пензу для ревизіи тамошней гимназіи и въ Симбирскъ для осмотра народныхъ училищъ въ этой губерніи. Замѣчательно, что попечитель, поручая должность директора профессору Фуксу, выразился о немъ, что ему поручается эта должность «по причинѣ преимущественнаго его разумѣнія россійскаго языка въ разсужденіи прочихъ иностранныхъ гг. профессоровъ». Послѣ мы увидимъ, какъ незнаніе первыми иностранными профессорами Казанскаго университета русскаго языка послужило поводомъ къ столкновеніямъ въ засѣданіяхъ совѣта и замедлило торжественнаго открытія университета съ совершеннымъ отдѣленіемъ отъ него Казанской гимназіи.

18-го марта возвратился въ Казань изъ своей командировки Яковкинъ, и къ несчастію гимназіи, директору и всѣмъ служащимъ предстояла большая отвѣтственность за безпоряд-

ки въ гимназіи, о которыхъ донесъ тогдашній гражданскій губернаторъ министру внутреннихъ дѣлъ 28-го февраля 1807 года, а послѣдній сообщилъ объ этомъ графу Заводовскому, по приказанію котораго попечитель Румовскій приступилъ къ производству слѣдствія.

Обвиненія, падавшія на начальство гимназіи, заключались въ слѣдующемъ: «Всеобщій ропотъ на упущенія воспитанія, не прикрываемое даже ни наружнымъ порядкомъ, ни разумною благопристойностію, и раждающее въ первомъ возрастѣ самыя грубыя страсти, произвелъ тѣ послѣдствія, что нѣкоторые пансіонеры взяты были обратно, не доканчивая ученія и многіе по недовѣренности удерживаются отдавать въ гимназію дѣтей своихъ». Какъ видно губернаторъ желалъ всѣми возможными способами подвергнуть Яковкина большимъ отвѣтственностямъ и тѣмъ лишить его мѣста директора гимназіи; но, благодаря своей опытности въ административныхъ дѣлахъ и въ особенности покровительству попечителя, Яковкинъ вышелъ, какъ говорится, сухъ изъ мокрой воды; онъ даже во время производства слѣдствія успѣлъ склонить всѣхъ подчиненныхъ ему чиновъ сдѣлать значительныя пожертвованія на случай войны Россіи съ Франціею, чѣмъ, конечно, заслужилъ благодарность графа Заводовскаго.

Такъ какъ доносъ губернатора касался до чести цѣлаго заведенія, то графъ Заводовскій требовалъ чрезъ попечителя 22-го апрѣля доставить отъ совѣта по отзыву губернатора надлежащее объясненіе и подтвердить всѣмъ чинамъ гимназіи, чтобы они имѣли бдительный надзоръ какъ за учениками и пансіонерами, такъ и за вольноприходящими учениками.

По выслушаніи предписанія попечителя о доставленіи ему объясненія по отзыву губернатора, въ собраніи совѣта опредѣлено было: сдѣлать выписку за два года о всѣхъ вступавшихъ и выбывшихъ казенныхъ ученикахъ и пансіонерахъ и доложить о томъ въ присутствіи совѣта.

По справкѣ, сдѣланной главнымъ надзирателемъ Упадышевскимъ, оказалось: въ 1805 году въ гимназіи было 111-ть учениковъ; поступило вновь 28; выбыло по лѣности и желанію поступить въ военную службу, 5-ть. Затѣмъ къ 1806-му году осталось 129-ть воспитанниковъ; поступило 17; выбыло 8; затѣмъ въ 1807 году было учениковъ 147 челов.; поступило 7; выбыло 9-ть; стало быть, какъ видно изъ этой справ-

ки, въ гимназіи число учениковъ постоянно увеличивалось въ противность донесенію губернатора. Кромѣ того, Упадышевскій представилъ при этой справкѣ такое прекрасное описаніе порядка ежедневныхъ занятій въ гимназіи, которое совершенно уничтожало донесеніе губернатора о безпорядкахъ въ этомъ учебномъ заведеніи. По выслушаніи всего этого въ совѣтѣ, члены съ своей стороны заявили, что такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ жили въ самой гимназіи или въ близости отъ нея, то они имѣли полную возможность часто посѣщать гимназію, гдѣ дѣйствительно описанный порядокъ занятій главнымъ надзирателемъ соблюдался во всей исправности, и потому 20-го мая сдѣлано для донесенія попечителю слѣдующее объясненіе:

Казанскій гражданскій губернаторъ донесъ, что «всеобщій ропотъ на упущеніе воспитанія, не прикрываемое ни наружнымъ порядкомъ, ни наружною благопристойностію»; между тѣмъ въ совѣтѣ никогда и ни отъ кого не бывало никакихъ жалобъ на упущеніе воспитанія, при томъ же профессоры Яковкинъ и Фуксъ удостовѣрили, что и имъ, какъ начальствовавшимъ въ гимназіи, ни отъ кого ни жалобъ, ни роптаній какихъ либо на упущеніе воспитанія не было объявляемо. Директоръ гимназіи прибавилъ къ тому еще, что, кромѣ выключенныхъ по опредѣленію начальства или совѣта за лѣность или дурное поведеніе, родители увольняемыхъ и сами увольняемые всегда не оставляли приходить къ нему благодарить за образованіе и воспитаніе. Въ доказательство того директоръ заявилъ, что сѣвскій купецъ Трофимовъ, отъѣзжая изъ Казани по дѣламъ своимъ на свою родину, взялъ съ собою только младшаго сына, бывшаго полтора года пансіонеромъ для опредѣленія его по близости мѣстожительства въ Харьковскую гимназію, а старшаго оставилъ продолжать ученіе, который за успѣхи свои и поведеніе удостоился уже званія студента и переведенъ въ Казанскій университетъ. Изъ уволенныхъ нынѣ въ военную службу приходили благодарить его какъ сами студенты: Трофимовъ, Выдрицкой, Меньшой Балясниковъ, Зыковъ, Андреевъ, Манассеинъ, Григоровичъ, Пыхачевъ, трое Папаевыхъ, равно какъ и всѣ увольняемые гимназисты, такъ и родители ихъ, такъ какъ они въ это время были въ Казани, и потому Яковкинъ надѣется, что и прочіе родители не сдѣлаютъ ему никакой укоризны, что какъ наружный порядокъ, такъ и наружная благопристойность соблюдаются ненарушимо, точно

такъ и все внутреннее устроеніе и образованіе воспитанниковъ ни мало не упущено; въ томъ совѣтъ основывается на протоколѣ, состоявшемся 18-го мая. Далѣе губернаторъ говоритъ «объ упущеніи воспитанія, раждающемъ въ первомъ возрастѣ самыя грубыя страсти»; но совѣту кажется ни мало не совмѣстны самыя грубыя страсти съ первымъ возрастомъ тѣмъ болѣе, что и по ежемѣсячно подаваемымъ вѣдомостямъ отъ инспектора о прилежаніи, успѣхахъ и поведеніи каждаго питомца въ классахъ и отъ главнаго надзирателя о поведеніи ихъ въ комнатахъ совѣтъ со своей стороны всегда священнымъ для себя поставлялъ долгомъ обращать все надлежащее вниманіе и принимать предписываемыя благоразуміемъ и начальствомъ мѣры на ободреніе отличившихся съ хорошей стороны отличнымъ публичнымъ столомъ и на исправленіе съ непохвальной стороны за каждый мѣсяцъ наказаніями, сообразными цѣли учрежденія гимназіи, въ чемъ свидѣтельствуется протоколами по окончаніи каждаго мѣсяца о подаваемыхъ о нихъ вѣдомостяхъ поставляемыми. Сей порядокъ наружный и внутреннее устройство по части воспитанія въ гимназіи существуетъ съ самаго открытія ея, т. е. съ 1799 года 4-го апрѣля, утвержденъ начальствомъ прежнимъ, одобренъ долговременнымъ онаго по сіе время соблюденіемъ и удостоенъ одобренія, по увѣренію директора попечителемъ Румовскимъ во время пребыванія его въ Казани и въ самомъ зданіи гимназіи для основанія университета въ 1805 году, а какъ къ тому по усматриваемымъ обстоятельствамъ присовокуплены еще и многія новыя постановленія при рапортѣ главнаго надзирателя описанныя. Симъ доказывается, что ежели и на обыкновенныя проступки, свойственные воспитываемому и образуемому юношеству, обращается отъ совѣта и начальства все должное вниманіе, то самыя грубыя страсти уже ни какъ допускаемы быть не могутъ. Далѣе губернаторъ говоритъ, что «упущеніе воспитанія произвело тѣ послѣдствія, что нѣкоторые пансіонеры оставили гимназію, не окончивъ ученія, а многіе по недостатку довѣренности, не отдаютъ дѣтей своихъ». Противъ этого донесенія губернатора служитъ яснымъ доказательствомъ учиненная за два года выписка изъ дѣлъ совѣта, по которой видны причины о выбывшихъ изъ гимназіи, такъ и то, что число учащихся чрезъ каждые полгода всегда увеличивалось, да и нынѣ съ позволенія гимназическаго начальства пользуются ученіемъ

сверхъ показуемыхъ въ вѣдомостяхъ ежемѣсячныхъ инспекторскихъ еще 22 человѣка, опоздавшіе подать въ предписанное время свои просьбы о принятіи ихъ въ гимназію, съ тѣмъ только намѣреніемъ, чтобы это время у нихъ не потерялось безъ пользы, и изъ просившихъ увольненія ни одинъ проситель не изъявлялъ неудовольствія на воспитаніе. Если же губернаторъ подъ словомъ пансіонеры разумѣетъ только пансіонерное въ гимназіи содержаніе, то ни гимназія, ни совѣтъ въ перемѣнѣ содержанія ни мало не могутъ участвовать, равно какъ и отъ самаго ихъ желанія, на какомъ содержаніи обучаться ихъ дѣтямъ, или словами упущенія воспитанія разумѣетъ поступки своекоштныхъ учениковъ внѣ гимназіи, то и это также не можетъ относиться къ нареканію гимназіи, потому что пока они находятся въ зданіи гимназіи для ученія, то все это время состоятъ подъ присмотромъ учителей, инспектора, главнаго надзирателя, дежурнаго по классамъ офицера, дежурныхъ надзирателей и старшихъ своихъ собратій; но, по выходѣ изъ зданія гимназіи, они состоятъ уже на отвѣтственности своихъ родителей и родственниковъ, изъ коихъ многіе для присмотру за ними присылаютъ всегда людей своихъ или экипажи, а другіе, по бѣдности или и другимъ, неизвѣстнымъ совѣту причинамъ, оставляютъ родственниковъ своихъ, учениковъ гимназіи, на собственный ихъ произволъ, какъ и главный надзиратель въ той дополнительной статьѣ доноситъ, о чемъ однако совѣтъ не оставитъ принять начальственныя мѣры, тѣмъ болѣе, что къ гимназическому дворянскому сюртуку по цвѣту и покрою обшлаговъ въ отдаленіи весьма близокъ и сходенъ покажется цвѣтъ и покрой воспитанниковъ военно-сиротскаго отдѣленія, что также не можетъ служить нареканіемъ гимназіи, какъ доноситъ губернаторъ; что же касается до многихъ, не отдающихъ въ гимназію для обученія дѣтей своихъ по недовѣренности, то такъ какъ губернаторъ никого изъ нихъ не назвалъ, и отдаваніе дѣтей для ученія зависитъ отъ расположенія самихъ воспитателей, то на это совѣтъ ничего отвѣчать не можетъ. Тѣмъ и кончился доносъ губернатора. Пожертвованія, о которыхъ мы говорили выше, сдѣланы были членами совѣта и всѣми служащими какъ въ университетѣ, такъ и въ гимназіи, по слѣдующему заявленію директора Яковкина въ собраніи совѣта по случаю предстоявшей опасности войны съ Франціею:

«При всеобщей угрожающей любезному нашему отечеству опасности, заявилъ Яковкинъ въ совѣтѣ, когда довѣренность Монарха къ возлюбленному своему народу толико предъ очами цѣлаго свѣта обнаружена; когда любовь народная къ своему Монарху толь многими и незабвенными въ исторіи человѣчества опытами пожертвованій доказывается, мы ли, почтеннѣйшіе сочлены Казанскаго университета, мы ли пребудемъ одни въ бездѣйствіи и не потщимся ли собою показать и всѣмъ чиновникамъ Казанской гимназіи примѣръ долгу къ своему Монарху, приверженности истинно сыновей къ своему отечеству, почему и предлагаю почтенному совѣту возвѣстить токмо сочленамъ университета и гимназіи, да узрять, колико и всѣ они не уступаютъ прочимъ вѣрнымъ сынамъ отечества въ условіяхъ своихъ и ревности ко благу отечества».

Выслушавъ это заявленіе директора, члены университета заявили, что они жертвуютъ на пользу общую 6-го февраля 1807 года, считая пожертвованіе съ 1-го февраля ежегодно:

Профессоръ Яковкинъ десять процентовъ изъ всего своего жалованья	230 р.
Проф. Сторль	220 р.
— Бюнсманъ	200 р.
— Фуксъ	230 р.
— Городчаниновъ	40 р.
Адъюнктъ Эрихъ	113 р. $33\frac{1}{4}$ к.
— Запольской	53 р. $33\frac{1}{4}$ к.
— Эвестъ	55 р.

Члены гимназіи:

Главный надзиратель Упадышевскій .	100 р.
Учители: Васильевъ	50 р.
— Ибрагимовъ	40 р.
— Яковкинъ	83 р.
— Кизюкинъ	20 р.
— Богдановъ	15 р.
— Данковъ	40 р.
— Бѣлоусовъ	86 р. 66 к.
— Дювиллардъ	30 р.
— Кастендъ	12 р.

Учители: Стефани	25 р.	
— Нейманъ	22 р.	
— Хальфинъ	10 р.	
— Протопоповъ	20 р.	
— Красновъ	20 р.	
— Петровскій	25 р.	
Куликовъ пожертвовалъ единовременно	100 р.	
Надзиратели: Поповъ	16 р.	66 к.
— Горденинъ	17 р.	50 к.
— Горръ	15 р.	
— Денисовъ	10 р.	
— Михайловъ	15 р.	
Дежурный офицеръ Перевощиковъ . .	10 р.	
Письмоводитель Курбатовъ	15 р.	

Студенты Кляпининъ и Упадышевскій по 25 р. каждый. Студентъ Андрей Шубинъ пожертвовалъ 25-ть четвертей муки хлѣба, обѣщаясь доставить въ городъ Ардатовъ, что на рѣкѣ Алатырѣ Симбирской губерніи, въ срокъ, какой назначенъ будетъ военнымъ начальствомъ. Студентъ Зыковъ отъ лица всѣхъ студентовъ выразилъ желаніе жертвовать чѣмъ возможно будетъ. Многіе изъ студентовъ и учениковъ гимназіи пожелали поступить въ военную службу, для чего были отправлены, по Высочайшему повелѣнію, отъ 21-го марта 1807 г., въ столичные кадетскіе корпуса. А чтобы иностранцы, служившіе въ учебныхъ заведеніяхъ, не имѣли вреднаго вліянія на воспитывавшееся юношество, правительство зорко наблюдало, чтобы они не распространяли ложныхъ слуховъ о военныхъ дѣлахъ и политикѣ Россіи.

Число учениковъ увеличивается ежегодно и въ 1809 году доходитъ до 160 челов.; въ числѣ поступившихъ учениковъ въ этомъ году былъ и сынъ муфтія. По отзывамъ Яковкина о немъ попечителю, онъ при поступленіи хорошо говорилъ по русски, французски, татарски и нѣсколько по арабски. «Можетъ быть, прибавляетъ въ своемъ донесеніи Яковкинъ, примѣръ сей муфтія побудитъ богатыхъ татаръ приняться лучше за образованіе ихъ юношества».

По заведенному порядку, на публичныхъ экзаменахъ произносятся рѣчи, такъ въ 1808 году говорилъ рѣчь Ибрагимовъ «О любочестіи и Соревнованіи» (см. приложеніе №

VIII), а въ 1809 году—Васильевъ «О предпочтеніи отечественнаго языка иностраннымъ».

Составъ членовъ совѣта увеличивается болѣе и болѣе извѣстными учеными, такъ въ 1807 году опредѣлены профессорами: 1) анатоміи, физіологіи и судебной врачебной науки Браунъ; онъ родился въ 1775 году, а умеръ въ 1819 г. Въ 1807 году онъ былъ прозекторомъ въ Виленскомъ университетѣ, а потомъ главнымъ докторомъ въ военномъ госпиталѣ и въ томъ же году перешелъ въ Казанскій университетъ, гдѣ извѣстенъ былъ какъ первый ректоръ торжественно открытаго университета. Въ засѣданіяхъ совѣта, подъ предсѣдательствомъ Яковкина, Браунъ всегда имѣлъ большое вліяніе на профессоровъ иностранцевъ. 2) Восточныхъ языковъ Христіанъ Мартинъ Френъ; онъ обучался сперва въ Ростокской гимназіи и послѣ въ университетѣ филологіи, Богословію и преимущественно восточнымъ языкамъ, которые окончилъ въ Геттингенѣ и Тюбингенѣ; потомъ перешелъ учителемъ латинскаго языка въ Песталлоціевъ институтъ въ Швейцаріи. Получивъ отъ Ростокскаго университета степени доктора философіи и магистра свободныхъ наукъ, Френъ путешествовалъ по Швейцаріи, Германіи, Италіи и Франціи, откуда возвратился на родину, гдѣ занимался преподаваніемъ восточныхъ языковъ въ университетѣ, а также былъ профессоромъ экзегетики Ветхаго завѣта. Наконецъ былъ вызванъ въ Россію и опредѣленъ въ Казанскій университетъ 3-го августа 1807 года.

Въ 1808 году опредѣлены профессорами:

1) Бартельсъ. Іоаннъ Мартинъ Христіанъ Бартельсъ родился въ Брауншвейгѣ 1769 года 12-го августа. Съ 1782 по 1787 годъ онъ занимался бухгалтеріей. Въ 1787 году онъ поступилъ въ Королевскую коллегію, гдѣ обучался языкамъ и наукамъ, а въ особенности математикѣ. Съ 1790 до 1794 онъ былъ въ Гелмстедскомъ, а потомъ Геттингенскомъ университетахъ, частію какъ студентъ, частію какъ учитель. Оттуда онъ поступилъ профессоромъ математики въ семинарію Рейхенау, находившуюся въ Граубюндтенѣ (въ Швейцаріи), по разрушеніи которой военными дѣйствіями французовъ возвратился на родину.

Путешествуя по Германіи, онъ былъ въ Іенскомъ университетѣ, гдѣ получилъ степень доктора философіи за сдѣ-

данное имъ изъясненіе вараціоннаго исчисленія. Потомъ былъ профессоромъ въ главномъ училищѣ въ Кантонѣ Арговійскомъ. Въ 1805 году опредѣленъ былъ герцогомъ Брауншвейгскимъ профессоромъ астрономіи въ основанномъ институтѣ, а по смерти герцога, въ 1807 году, будучи вызванъ въ Россію, опредѣленъ министромъ народнаго просвѣщенія профессоромъ математики въ Казанскій университетъ.

2) Реннеръ, Каспаръ Фридрихъ; онъ обучался сперва въ Геттингенскомъ университетѣ всѣмъ частямъ математики, философіи и физики, а потомъ преподавалъ математику въ Геттингенѣ же, гдѣ написалъ сочиненіе объ алгебрѣ, перевелъ съ помощію товарищей на нѣмецкій языкъ жизнь Агриколы. Получивъ степень доктора философіи въ томъ же университетѣ, онъ перешелъ, по приглашенію попечителя Румовскаго, въ Казанскій университетъ профессоромъ прикладной математики 20 іюля 1808 года.

3) Профессоромъ практической философіи опредѣленъ былъ 7-го февраля 1808 г. Карлъ Амвросіевичъ Фойгтъ, отецъ попечителя Харьковскаго учебнаго округа; онъ былъ уроженецъ Дрезденскій; слушалъ лекціи философскихъ, Богословскихъ и нѣкоторыхъ юридическихъ наукъ въ Лейпцигскомъ университетѣ и тамъ же пріобрѣлъ степень доктора философіи. Въ концѣ прошлаго столѣтія, по какимъ то домашнимъ обстоятельствамъ, переселился въ Остзейскій край и былъ секретаремъ депутаціи, подносившей Императрицѣ Екатеринѣ II акты подданства отъ Пильтенскаго уѣзда бывшаго Курляндскаго Герцогства; потомъ назначенъ былъ юстицъ-бургомистромъ въ Нарвѣ, откуда перешелъ въ Казанскій университетъ. Онъ былъ женатъ на дочери лейбъ-медика Эйлера, Елисаветѣ, внукѣ знаменитаго математика Эйлера. По отзывамъ лицъ, помнившихъ его, онъ былъ человѣкъ, который съ разнообразнымъ научнымъ образованіемъ соединялъ и замѣчательное поэтическое и музыкальное дарованіе и свѣтскую общежительность. Столкновенія въ собраніи совѣта 17-го сентября 1810 года, какъ увидимъ ниже, имѣли опасное вліяніе на его здоровье; онъ умеръ въ іюнѣ 1811 года.

4) Профессоромъ химіи и технологіи былъ Вуттигъ, докторъ философіи, членъ общества минералогическаго и испытателей природы въ Іенѣ и экономическаго Лейпцигскаго общества и общества испытателей природы въ Москвѣ; онъ

обучался сперва въ Веймарѣ, Лангензальцѣ и Фанштадтѣ, гдѣ находился при аптекѣ. 19-ти лѣтъ онъ поступилъ въ Іенскій университетъ для практическаго изслѣдованія минъ, что продолжалъ еще и въ Фрейбергской минералогической академіи. Послѣ образовалъ разныя фабрики и рудокопы въ разныхъ мѣстахъ Германіи и Пруссіи. Изъ Фрейбурга опредѣленъ въ Виленскій университетъ для практическаго преподаванія химіи, откуда перешелъ въ Дерптъ какъ для полученія ученой степени, такъ и для разныхъ физическихъ опытовъ вмѣстѣ съ извѣстнымъ ученымъ Парротомъ. Пріѣхавъ въ 1807 г. въ Петербургъ, онъ управлялъ фабрикою купороснаго масла, а оттуда перешелъ въ Казанскій университетъ.

5) Профессоромъ исторіи, географіи и статистики опредѣленъ былъ Миллеръ, назначенный послѣ директоромъ гимназіи Казанскаго учебнаго округа.

6) Но самымъ замѣчательнымъ изъ всѣхъ назначенныхъ въ этомъ году профессоровъ, какъ русскій по происхожденію и какъ будущій директоръ Казанской гимназіи послѣ Яковкина, былъ адъюнктъ математики Никольскій, Григорій Борисовичъ; онъ былъ сынъ діакона погоста Николы Новаго, Владимірской губерніи, Судогодскаго уѣзда и получилъ первоначальное образованіе во Владимірской семинаріи, гдѣ обучался латинскому языку, русской грамматикѣ, поэзіи, логикѣ и риторикѣ. До окончанія курса семинаріи, Никольскій перешелъ въ педагогическій институтъ, гдѣ обучался съ 1803 по 1808 годъ; занимаясь здѣсь преимущественно физико-математическими науками, онъ окончилъ курсъ съ отличнымъ успѣхомъ. Въ выданномъ ему аттестатѣ сказано, что онъ занимался математикою «съ чрезвычайною къ ней способностію, съ острымъ понятіемъ, съ глубокимъ разсужденіемъ, съ сильнымъ воображеніемъ, съ удивительною внимательностію, съ неподражаемымъ прилежаніемъ и съ безподобными успѣхами». Въ другомъ аттестатѣ говорится, что Никольскій безподобно хорошимъ своимъ поведеніемъ превосходилъ всѣхъ своихъ сотоварищей. Поступивъ въ университетъ въ 1808 году, онъ слишкомъ 30 лѣтъ, съ 1808 по 1840 годъ, былъ труженикомъ въ университетѣ въ полномъ значеніи этого слова. Но въ исторической запискѣ 1-й Казанской гимназіи онъ особенно извѣстенъ какъ директоръ, которому попечитель Магницкій ввѣрилъ въ 1819 году Казанскую гимназію, найденную при ревизіи этимъ попечителемъ въ жалкомъ

состоянии какъ по хозяйственной, такъ и по учебно-нравственной части. Воспитанный въ строгихъ христіанскихъ правилахъ, Никольскій любилъ чтеніе Св. Писанія, которое составляло его потребность и истинное наслажденіе. Извѣстно, что при попечителѣ Магницкомъ и въ гимназіи, какъ и въ университетѣ, религіозное направленіе составляло основу всего воспитанія: Никольскій, какъ директоръ гимназіи, аккуратно являлся ежедневно въ 6-ть часовъ утра въ гимназію, гдѣ въ собраніи всѣхъ воспитанниковъ учитель читалъ извѣстную главу изъ Евангелія, а самъ Никольскій читалъ Евангеліе воспитанникамъ по воскресеньямъ. Достигнувъ званія ректора университета и бывъ украшенъ за свою ревностную службу орденомъ св. Владиміра 4-й ст., онъ однако не оставлялъ вести самый простой образъ жизни. Во время свирѣпствовавшей въ Казани въ 1830 г. холерной эпидеміи, Никольскій былъ назначенъ директоромъ карантина въ казанскую Адмиралтейскую слободу, гдѣ своею распорядительностію обратилъ на себя вниманіе пріѣзжавшаго тогда въ Казань министра внутреннихъ дѣлъ, за что пожалованъ былъ орденомъ св. Анны 2-й степени съ Императорскою короною. Онъ умеръ 11-го мая 1844 года отъ жестокаго удара паралича, оставивъ по себѣ и нынѣ добрую память въ здѣшнемъ ученомъ обществѣ.

Въ 1809 году назначенъ былъ профессоромъ естественнаго, политическаго и народнаго права Іоаннъ Финке; онъ обучался въ Геттингенской гимназіи; въ 1792 году слушалъ лекціи у знаменитаго и извѣстнаго ученаго Рунде. Въ 1798 году получилъ въ Геттингенскомъ университетѣ степень доктора юриспруденціи. Занимая должность адвоката высшаго Гановерскаго суда, онъ управлялъ въ сосѣдственныхъ городахъ Геттингена тремя судами. Былъ сдѣланъ ассессоромъ высшаго суда въ Геттингенѣ, а потомъ прокуроромъ гражданскаго суда. Послѣ поступилъ въ Казанскій университетъ.

Въ томъ же году поступилъ профессоромъ политической экономіи Баронъ Врангель, занимавшій должность секретаря совѣта гимназіи. Занимая должность секретаря въ ревизіонной коммиссіи Дерптскаго уѣзда, онъ перешелъ въ коммиссію составленія законовъ, откуда и перешелъ въ Казанскій университетъ адъюнктомъ россійскаго правовѣдѣнія.

Въ 1810 году назначены были профессорами: 1) Литтровъ; занимая должность профессора астрономіи въ Краков-

скомъ университетѣ, онъ перешелъ оттуда, въ званіи ординарнаго профессора, на туже каѳедру въ Казанскій университетъ; 2) профессоръ патологіи, терапіи и клиники Іоаннъ Фридрихъ Эрдманъ; онъ былъ профессоромъ медицины въ Виртембергской академіи, откуда и перешелъ въ Казань, и 3) лекторомъ французскаго языка былъ Георгій Шарпіо. До поступленія въ Казанскій университетъ, онъ служилъ по гражданской службѣ въ званіи начальника отдѣленія министерства, въ Швейцаріи.

Въ гимназіи въ это время опредѣлены вновь учителями гимназіи: 1) докторъ философіи Равичъ-Русицкій. Онъ родился въ Галиціи, происходя отъ древней дворянской фамиліи, извѣстной въ Польшѣ. Послѣ окончанія курса въ Краковскомъ университетѣ, онъ удостоенъ польскимъ королемъ званія честника двухъ княжествъ Заторскаго и Освѣтимскаго. Послѣ перешелъ въ Петербургъ въ Шляхетскій корпусъ учителемъ древней, новой и россійской исторіи, статистики и математической географіи, а оттуда учителемъ высшаго латинскаго класса въ Казанскую гимназію. 2) Трофимовъ; онъ учился въ Казанской гимназіи съ 1799, откуда поступилъ въ Казанское губернское правленіе въ 1804 году. Продолжая службу по гражданской части, онъ перешелъ въ 1810 году учителемъ нижняго россійскаго и ариѳметическаго классовъ и 3) Кошкаревъ и Псаломщиковъ опредѣлены были комнатными надзирателями.

Преподаванія наукъ, какъ въ университетѣ, такъ и въ гимназіи, становится разнообразнѣе и лучше: этому содѣйствуютъ отличныя знанія новыхъ профессоровъ и учителей гимназіи; такъ изъ вѣдомости за февраль 1809 года видно, что профессорами университета преподаваемы были слѣдующія науки:

1) Профессоръ директоръ гимназіи Яковкинъ прочиталъ о титулахъ коронованія, власти, правахъ и обязанностяхъ самодержцевъ Россійскихъ, правахъ наслѣдства, фамильныхъ Императорскаго дому учрежденія и законоположенія съ географическими и историческими объясненіями. По поданнымъ на имя совѣта гимназіи рапортамъ.

2) Профессоръ Германъ проходилъ латинскія древности и продолжалъ упражнять переводами съ русскаго на латинскій и съ латинскаго на русскій языкъ.

3) Профессоръ Сторль продолжалъ заниматься греческимъ языкомъ, древностями и эстетикою.

4) Профессоръ Фуксъ окончилъ физіологію растеній и началъ о болѣзняхъ растеній.

5) Профессоръ Браунъ проходилъ изъ физіологіи главы: 1) о зачатіи и рожденіи вообще, 2) о зачатіи и рожденіи человѣка, 3) о зародышѣ и 4) объ обезображеніи плода или объ уродахъ.

6) Профессоръ Френъ занимался продолженіемъ перевода исторіи магометанъ, писанной на арабскомъ языкѣ.

7) Профессоръ Бартельсъ продолжалъ изъ математики дифференціальное исчисленіе до главы о самыхъ большихъ и самыхъ меньшихъ величинахъ, перемѣняющихся коликахъ (maximum et minimum), изъ астрономіи же кончилъ задачу г. Кеплера и началъ проходить опредѣленіе долготы и широты на морѣ.

8) Профессоръ Фойгтъ занимался продолженіемъ главы о софистахъ и началъ о философіи Сократа.

9) Профессоръ Реннеръ занимался продолженіемъ смѣшанной математики по способу г. Монча съ нѣкоторыми прибавленіями.

10) Адъюнктъ Эрихъ изъяснялъ комедіи Теренціевы и обучалъ греческому языку.

11) Адъюнктъ Запольской по болѣзни, рапорта не подалъ.

12) Адъюнктъ Эвестъ проходилъ «изъ матеріи медики (оленьрожной) о оленьерожной летучей и янтарной щелочности и ея разсолѣ, млечномъ сахарѣ, нашатырѣ желѣзномъ, известковомъ, щелочностяхъ растительной въ соединеніи съ кислотами воздушной, лимонной, селитряной, виннокаменной и ея же вмѣстѣ съ буровою и щелочностію минеральною, ея же и желѣзомъ съ виннокаменною же кислотою, съ ею же и сей же кислотою съ сурьмой щелочности минеральной съ кислотою воздушною, буровою, соляною и баритѣ съ кислотою соляною, изъ химіи же о мѣди, желѣзѣ и оловѣ, и разности сихъ металловъ употребленіи».

13) Адъюнктъ Вутигъ занимался повтореніемъ о выплавливаніи металловъ, приготовленіемъ сѣры и прошелъ о жженіи угольевъ.

14) Адъюнктъ Миллеръ прошелъ исторію и географію Испанскаго королевства и началъ исторію и географію Португаліи.

15) Магистръ Никольской занимался геометріею, а именно: второю книгою Эвклидовыхъ началъ, также повтореніемъ нѣкоторыхъ статей изъ ариѳметики и алгебры со студентами вновь вступившими.

16) Въ классѣ живописи съ 9-ю студентами учитель Крюковъ занимался рисованіемъ головъ въ одинъ и три карандаша, ландшафтовъ тушью и красками, животныхъ карандашемъ и красками.

Всѣхъ студентовъ было 36-ть, а гимназистовъ 155, кандидатовъ на учительскія мѣста 5-ть человѣкъ.

Кругъ дѣйствій членовъ совѣта и учителей гимназіи расширятся предположеніемъ изданія періодическаго сочиненія подъ заглавіемъ «Казанскія извѣстія», въ которыхъ, кромѣ трудовъ профессоровъ и учителей, попечитель требовалъ, чтобы печатались сочиненія и переводы студентовъ, а въ особенности кандидатовъ на учительскія мѣста; большая часть этихъ сочиненій писались для полученій званій магистровъ и предварительно разсматривались самимъ попечителемъ Румовскимъ; такъ представлены на разсмотрѣніе попечителя по этому поводу слѣдующіе переводы и сочиненія кандидатовъ и студентовъ:

1809 года

1) Сочиненіе Пензенской гимназіи старшаго учителя философскихъ и изящныхъ наукъ Василья Перевощикова: «Философическое и критическое изображеніе россійской словесности». Періодъ 1-й: отъ неизвѣстныхъ временъ до раздѣленія Россіи на отдѣлы; за это сочиненіе В. Перевощиковъ получилъ степень магистра.

2) 1810 года: «Переводъ изъ записокъ Юлія Цезаря о войнѣ съ Галлами»—магистра В. Перевощикова.

3) Разборъ похвальнаго слова Екатеринѣ II — Самсонова.

4) Разборъ похвальнаго слова Елисаветѣ—И. Попова.

5) Разсмотрѣніе слова, говореннаго Платономъ по случаю одержанной побѣды россіянами надъ турецкимъ флотомъ при Чесмѣ—М. Юнакова.

6) Рѣчь Цицерона за стихотворца Лициния Архія—его же.

7) Два письма Цицероновы—его же.

8) Разборъ похвальнаго слова Екатеринѣ II—Ивана Пономарева.

Изъ рапорта Яковкина попечителю отъ 6-го сентября 1809 года видно, что, по представленію Казанскаго губернатора Мансурова, предположено было издавать Казанскія Извѣстія и въ губернской типографіи на русскомъ и татарскомъ языкахъ. Кромѣ того, самъ Яковкинъ занимался составленіемъ исторіи пугачевскаго бунта, для чего ѣздилъ собирать матеріалы въ Свіяжскій монастырь, гдѣ, по его мнѣнію, были тогда важные матеріалы по этому предмету.

Дѣйствія общества отечественной словесности при университетѣ въ это время заключались въ слѣдующемъ: собраній въ теченіе 1808 года было ординарныхъ 9-ть и экстраординарныхъ одно; сочиненій поступило 15-ть; въ стихахъ 13, а въ прозѣ 2; переводовъ 16; число членовъ было 6-ть дѣйствительныхъ и 9-ть иногородныхъ.

Всѣ эти улучшенія какъ въ университетѣ, такъ и въ гимназіи, имѣли большое вліяніе и на жителей Казани, такъ публичные экзамены привлекаютъ въ гимназію и университетъ образованнѣйшихъ людей изъ духовныхъ, военныхъ и гражданскихъ сословій. Для примѣра представляемъ здѣсь «Описаніе публичнаго собранія, происходившаго 10-го іюля 1810 года въ Императорской Казанской гимназіи», напечатаннаго тогда въ вѣдомостяхъ:

«Казанская гимназія имѣла публичное собраніе въ 4 часа по полудни 10-го іюля въ присутствіи гражданскаго губернатора, членовъ университета, высшаго духовенства, знатнѣйшихъ чиновниковъ и многихъ другихъ любителей учености.

Актъ собранія открытъ симфоніею, послѣ которой профессоръ Запольской, преподающій въ гимназіи философскія науки, произнесъ сочиненное имъ слово: «О ближайшемъ понятіи начала нравственности»; потомъ пѣто было алегро: «Ликуй, Казань»! съ хоромъ музыки и пѣвчихъ, состоявшихъ изъ воспитанниковъ гимназіи. Послѣ сего говорилъ рѣчь на латинскомъ языкѣ учитель Равичъ-Русицкій, по окончаніи которой, пѣто было адажіо изъ хора: «Ликуй, Казань»! Послѣ всего этого ученики говорили предъ собраніемъ краткія рѣчи на греческомъ, латинскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, татарскомъ и россійскомъ языкахъ, въ которыхъ изъявили живѣйшую свою благодарность ко всемилостивѣйшему Монарху и признатель-

ность къ начальству, послѣ которыхъ пропѣто было алегро изъ вышеписаннаго хора. Потомъ инспекторъ гимназіи адъюнктъ Петровскій, по произнесеніи краткаго привѣтствія публикѣ, представилъ директору Яковкину учениковъ, которые въ теченіе минувшаго годичнаго времени ученія прилежаніемъ успѣхами и благонравіемъ отличились и которые были награждены похвальными листами при играніи на трубахъ и литаврахъ, и книгами; прочимъ же отличившимся возвѣщена публичная похвала и объявлено число учениковъ переводимыхъ за успѣхи изъ нижнихъ классовъ въ высшіе. Наконецъ актъ заключенъ былъ инспекторомъ объявленіемъ о наступающей вакаціи учащимся, съ наставленіемъ къ полезному оной употребленію, послѣ чего хоръ гимназическихъ пѣвчихъ съ полною музыкою окончилъ собраніе. Многіе изъ гг. посѣтителей, разсмотрѣвъ классическія упражненія студентовъ и учениковъ, также рисунки и планы, которыми убрана была гимназическая зала, равно и обозрѣвъ гимназическую и университетскую библіотеки, физическій и натуральный кабинеты, воздавали какъ успѣхамъ воспитанниковъ надлежащую справедливость, такъ и всещедрому Монарху, Просвѣтителю Россіи, благоговѣйную за толикія его средства къ образованію юношества признательность. Удостоены публично награжденія: 1) похвальными листами 10 питомцевъ: 2) малыми похвальными листами 9-ть; 3) книгами 39-ть; 4) объявленъ публично переводъ изъ нижнихъ классовъ въ высшій: a) изъ катихизическаго въ младшій географическій 7, b) изъ священной исторіи въ младшій историческій 16-ть, c) изъ младшаго въ старшій историческій 17-ть, d) изъ младшаго въ старшій географическій 17-ть, e) изъ начальнаго въ нижній россійскій 11-ть, f) изъ нижняго россійскаго въ средній славяно-россійскій 15-ть, g) изъ средняго славяно-россійскаго въ высшій россійскій 8, h) изъ нижняго въ средній нѣмецкій 7, k) изъ нижняго въ средній французскій 12-ть, l) изъ средняго въ высшій французскій 5-ть, m) изъ нижняго въ средній латинскій 12-ть n) изъ средняго въ высшій латинскій 8, o) изъ начальнаго въ нижній ариѳметическій 11-ть, p) изъ нижняго въ высшій ариѳметическій 10-ть, q) изъ высшаго ариѳметическаго въ геометрическій 7, r) изъ нижняго въ высшій рисовальный 13-ть». Къ этому же времени относится и ревизія университета и гимназіи сенаторомъ Обрѣзковымъ, который донесъ министру народнаго просвѣщенія

графу Разумовскому, что оба заведенія найдены въ хорошемъ устройствѣ. (См. прилож. № IX), а въ 1811 году производилъ ревизію сенаторъ Данауровъ. Кромѣ Данаурова и Обрѣзкова, посѣщалъ гимназію въ 1809 академикъ Вишневскій; онъ проѣхалъ чрезъ Казань, посланный по Россіи для астрономическихъ наблюденій; а такъ какъ въ это время гимназія, отдѣленная отъ университета, перешла уже въ домъ Молоствова на Черномъ озерѣ, въ которомъ вверху была устроена Бартельсомъ обсерваторія, то А. Вишневскій на другой же день пріѣзда своего въ Казань былъ уже въ гимназіи и осматривалъ обсерваторію. Объ этомъ писалъ Яковкинъ въ письмѣ къ Румовскому.

Библіотека гимназіи обогащается слѣдующими книгами:

1) Начальныя основанія опытной физики 3-й томъ.
2) Эфемериды или разныя сочиненія.
3) Система практической философіи.
4) Руководство къ коммерческой наукѣ.
5) Жизнь графа Миниха.
6) Новѣйшая географія Россійской Имперіи.
7) Комедія Теренціева.
8) Краткое начертаніе исторіи свѣта.
9) Phaedri.
10) Германія въ глубокомъ униженіи.
11) Начертаніе о началѣ и успѣхахъ войска и флота.
12) Новѣйшая географія съ ландкартами и глобусомъ.
13) Славянская миѳологія.

Совѣтъ университета, желая выразить благодарность высшимъ учебнымъ заведеніямъ за присылку въ даръ ученыхъ трудовъ членовъ своихъ, послалъ отпечатанный въ типографіи алкоранъ въ Московскій, Харьковскій, Виленскій, Дерптскій университеты и попечителю Румовскому.

Совершенствуясь такимъ образомъ, университетъ и гимназія могли бы быть поставлены въ хорошія отношенія, если бы не мѣшали только тому несогласія, возникающія опять между членами совѣта: причиною тому послужило избраніе 13-го сентября 1810 года ректоромъ университета профессора Брауна, который, не бывъ еще утвержденъ въ этомъ званіи высшимъ начальствомъ, сталъ отбирать голоса въ совѣтѣ. Поэтому поводу попечитель даетъ знать совѣту (13-го октября 1810), что Браунъ, не бывъ утвержденъ ректоромъ, собиралъ въ совѣтѣ голоса, а профессоръ г. Фойгтъ произ-

велъ шумъ въ совѣтѣ; и потому попечитель предлагаетъ совѣту доставить бумаги, которыя были поданы Яковкину г. Фойгтомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ Румовскій предписалъ Яковкину, чтобы въ управленіи университета и гимназіи никакой перемѣны безъ дозволенія попечителя не было бы сдѣлано до открытія университета. Поданную г. Фойгтомъ бумагу попечитель представилъ министру народнаго просвѣщенія. Шумъ, произведенный профессоромъ Фойгтомъ въ совѣтѣ, произошелъ по слѣдующей причинѣ: 17-го сентября не явился въ засѣданіе совѣта г. Фойгтъ, и потому предсѣдатель совѣта Яковкинъ предложилъ секретарю записать г. Фойгта въ книгу, какъ не бывшаго въ засѣданіи; но вскорѣ послѣ этого пришелъ въ засѣданіе и г. Фойгтъ. Такъ какъ до этого засѣданія никогда не записывали въ книгу не бывшихъ въ засѣданіи членовъ совѣта, то г. Фойгтъ, будучи отъ природы человѣкомъ чувствительной и нѣжной души, считалъ записываніе его перваго въ книгу не бывшихъ оскорбительнымъ для его чести. Въ этомъ же засѣданіи г. Фойгтъ написалъ объясненіе, которое съ горячностію подалъ Яковкину: послѣдній воспользовался раздражительностію г. Фойгта для того, чтобы записать въ книгу этотъ поступокъ г. Фойгта; но члены совѣта не согласились, видя болѣзненное состояніе г. Фойгта, который, къ несчастію, какъ извѣстно, умеръ въ слѣдующемъ 1811 году, и потому очень вѣроятно, что это столкновеніе въ совѣтѣ имѣло вредное вліяніе на здоровье г. Фойгта.

Изъ объясненія, подданнаго въ совѣтъ 12-го октября г. Фойгтомъ видно, что болѣе всего удивило его то, что онъ первый записанъ въ книгѣ не бывшимъ.

«Пять лѣтъ сряду, пишетъ г. Фойгтъ въ своемъ объясненіи, при частомъ опаздываніи и частомъ совершенномъ отсутствіи другихъ членомъ совѣта, г. Яковкинъ не нашелъ довольной причины къ такимъ мѣрамъ, и для того я не могу иначе думать, какъ что онъ только выжидалъ случая, когда я одинъ разъ опоздаю или буду въ отсутствіи. Я похваляю всѣмъ сердцемъ введенную мѣру: должно было бы ее уже давно принять; только тяжко долженъ былъ я печалиться и скорбѣть, что я въ новой книгѣ долженъ былъ стоять въ первомъ мѣстѣ въ числѣ нерадивыхъ».

Нельзя не сочувствовать г. Фойгту, читая его послѣднее выраженіе: не многіе изъ нынѣшнихъ преподавателей учеб-

ныхъ заведеній станутъ такъ печалиться о томъ, что ихъ записали не бывшими въ засѣданіяхъ совѣта.

Далѣе г. Фойгтъ оправдывается въ несправедливомъ донесеніи на него Яковкинымъ попечителю о томъ, что онъ произвелъ въ совѣтѣ шумъ. Все объясненіе написано въ сильныхъ выраженіяхъ, съ цѣлію доказать, что Яковкинъ донесъ попечителю о г. Фойгтѣ въ искаженномъ видѣ. Для насъ интересны эти столкновенія въ томъ отношеніи, что, какъ видно, въ совѣтѣ образовались двѣ партіи профессоровъ — русскихъ и иностранцевъ; первая сгруппировалась около Яковкина, а вторая—около Брауна, достигшаго званія перваго ректора Казанскаго университета, однако не прежде какъ послѣ смерти попечителя Румовскаго, сильно любившаго Яковкина за его дѣятельность: въ письмахъ послѣдняго къ попечителю въ Петербургъ видно, какъ Румовскій съ полною готовностію старался удовлетворять всѣмъ желаніямъ Яковкина по управленію университетомъ и гимназіею, и вотъ, конечно, причина, почему при жизни Румовскаго не былъ открытъ университетъ, съ совершеннымъ отдѣленіемъ отъ него гимназіи, чрезъ что, конечно, Яковкинъ долженъ былъ лишиться званія инспектора студентовъ университета и многихъ выгодъ по службѣ. Кромѣ того, эти столкновенія въ совѣтѣ доказываютъ, что до Брауна ни кто изъ профессоровъ иностранцевъ не въ состояніи былъ препятствовать Яковкину въ своихъ дѣйствіяхъ: для многихъ изъ профессоровъ иностранцевъ секретарь совѣта переводилъ получаемыя и читанныя въ совѣтѣ бумаги на латинскій или нѣмецкій языкъ, по причинѣ незнанія первыми русскаго языка.

Со вступленіемъ въ министерство народнаго просвѣщенія графа Разумовскаго, потребовано 26 апрѣля 1810 г. чрезъ попечителя доставленіе свѣдѣній въ министерство о состояніи гимназіи и университета, какъ то: о библіотекахъ, ученыхъ обществахъ, типографіи и пр.

Изъ представленнаго отчета видно, что студентовъ въ университетѣ было (въ маѣ 1810 г.) казенныхъ 20, пансіонеровъ 2; готовившихся въ студенты: казенныхъ учениковъ 5, пансіонеровъ 4 и своекоштныхъ учениковъ 4, а всего 35 человѣкъ. Въ гимназіи: казенныхъ учениковъ: дворянъ 22, разночинцевъ 18, пансіонеровъ: дворянъ 12, разночинцевъ 10, полупансіонеровъ: дворянъ 4, разночинцевъ 3; своекоштныхъ учениковъ: дворянъ 47 и разночинцевъ 50, а всего 172 человѣка.

Общество любителей отечественной словесности въ Казани состояло изъ 16-ти членовъ; изъ 5 челов., въ званіи корреспондентовъ, были иногородные. Труды общества состояли въ разборѣ 200 разнаго рода сочиненій и переводовъ, назначенныхъ для печатанія. Изданія общества выходили подъ названіемъ: «Труды общества любителей отечественной словесности въ Казани». Они заключали въ себѣ: 1) словесность, 2) науки и искусства и 3) ученыя извѣстія изъ рѣчей, произнесенныхъ въ публичныхъ собраніяхъ университета, особенно замѣчательна рѣчь Яковкина въ 1809 году 14 февраля (см. прилож. № X).

Кабинетовъ при университетѣ и гимназіи было: 1) физическій, 2) химическій, 3) анатомическій и 4) натуральный. Библіотека университета помѣщалась въ 4 комнатахъ, въ которыхъ были поставлены 23 шкапа; въ нихъ находилось 5609 сочиненій съ 10621 кн., а состояніе гимназической библіотеки было слѣдующее:

Языки.	Форматы.							
	Въ листъ.		Въ ч. дол.		Въ осьм. д.		Всего.	
	Соч.	Книг.	Соч.	Книг.	Соч.	Книг.	Соч.	Книг.
1) Россійскомъ.	14	32	20	41	63	166	97	239
2) Латинскомъ.	1	1	4	4	18	19	23	24
3) Греческомъ.	33	63	6	6	30	73	69	142
4) Французск.	13	40	11	27	96	217	120	284
5) Итальянск.	2	2	3	7	6	40	11	49
6) Англійскомъ.	—	—	—	—	1	1	1	1
7) Нѣмецкомъ.	—	—	—	—	11	24	11	24
8) Польскомъ.	1	1	—	—	2	3	3	4
9) Арабскомъ.	1	1	3	4	1	3	5	8
10) Татарскомъ.	—	—	4	6	2	11	6	17

ЧИСЛО СОЧИНЕНІЙ ПО НАУКАМЪ.				
НАУКИ.	Въ листъ.	Въ четвер.	Въ осьмую	Всего.
1) Богословія.	39	13	26	78
2) Философіи.	—	2	48	50
3) Правовѣдѣнія.	2	2	2	6
4) Физики.	—	—	9	9
5) Математики.	8	11	26	45
6) Ест. Исторіи.	—	—	3	3
7) Химіи.	—	—	1	1
8) Медицины.	—	1	1	2
9) Словесности.	3	5	51	59
10) Исторіи и географіи.	13	7	30	50
12) Разнаго содержанія.	—	10	33	43

Съ открытіемъ учебнаго округа и университета въ Казани, постоянно открывались въ разныхъ губерніяхъ этого округа гимназіи, уѣздныя и приходскія училища. Для однообразія въ формѣ чиновниковъ всѣхъ учебныхъ заведеній этого округа Высочайше утверждена въ 1809 году 10-го ноября форма; поэтому мундиръ у чиновниковъ Казанской гимназіи измѣнился; мундиръ по этой формѣ назначенъ былъ изъ темно-синяго сукна съ бѣлыми гладкими пуговицами; у профессоровъ, или чиновниковъ 6-го класса, съ серебрянымъ шитьемъ на воротникахъ, обшлагахъ и клапанахъ; у экстраординарныхъ профессоровъ и адъюнктовъ, или чиновниковъ 7-го и 8-го классовъ съ шитьемъ на воротникахъ и обшлагахъ; у чиновниковъ 9-го и 10-го классовъ съ шитьемъ на воротникахъ; у чиновниковъ 12-го класса съ шитьемъ только бортика на воротникахъ. По этой же формѣ стали шить для студентовъ и учениковъ мундиры и даже сюртуки изъ темно-синяго сукна.

III.

1) Профессоры университета въ 1812 году.—2) Чтеніе лекцій въ университетѣ на иностранныхъ языкахъ.—3) Необходимость основательнаго изученія латинскаго языка въ гимназіи.—4) Ревизія изъ латинскаго языка въ гимназіи и результаты этой ревизіи.—5) Объясненіе по поводу ревизіи, представленное Яковкинымъ.—6) Улучшеніе преподаванія разныхъ предметовъ въ гимназіи.—7) Учитель гимназіи Петръ Михайловичъ Васильевъ.—8) Выписка учебныхъ пособій для латинскаго языка.—9) Смерть попечителя Румовскаго и великія событія отечественной войны.—10) Перемѣщеніе изъ Москвы въ Казань опекунскаго совѣта и институтовъ Екатерининскаго и Александровскаго и помѣщеніе послѣднихъ въ зданіяхъ гимназіи.—11) Полученіе манифеста въ университетѣ о войнѣ съ Франціею.—12) Назначеніе попечителемъ Казанскаго учебнаго округа Салтыкова.—13) Отношеніе ректора Московскаго университета Ивана Гейма въ совѣтъ Казанскаго университета.—14) Поздравленія новаго попечителя, посланныя совѣтомъ.—15) Военно-плѣнные въ Казани.—16) Правила для предохраненія отъ болѣзней въ училищахъ Казанскаго учебнаго округа.—17) Пріѣздъ попечителя въ Казань.—18) Шалости студентовъ и учениковъ гимназіи и мѣры къ исправленію нравственности въ университетѣ и гимназіи.—19) Присутствіе попечителя на испытаніяхъ въ университетѣ и гимназіи.—20) Обозрѣніе учебныхъ заведеній округа попечителемъ.—21) Избраніе ректоромъ университета Брауна и совершенное отдѣленіе гимназіи отъ университета.—22) Возвышеніе платы съ пансіонеровъ университета и гимназіи.

Предпринятыя попечителемъ Румовскимъ мѣры для замѣщенія всѣхъ каѳедръ въ Казанскомъ университетѣ достигли тѣхъ результатовъ, которыхъ желалъ попечитель, въ особенности же по отношенію къ профессорамъ изъ иностранцевъ: между послѣдними были очень извѣстныя личности, большая часть которыхъ принадлежала къ германскимъ ученымъ, учившимся преимущественно въ Геттингенскомъ и Ростокскомъ университетахъ; между профессорами русскаго происхожденія были молодые ученые изъ Петербургскаго педагогическаго института; но болѣе всего должно было радовать Румовскаго то, что въ корпораціи ученыхъ Казанскаго университета были молодые адъюнкты и магистры, которыхъ попечитель засталъ во время открытія университета воспитанниками Казанской гимназіи, и слѣдовательно, послѣдніе были въ нѣкоторомъ отношеніи обязаны попечителю своими знаніями и учеными дипломами. Такимъ образомъ въ послѣдній годъ управленія Румовскаго Казанскимъ учебнымъ ок-

ругомъ (іюля 1812 г.), какъ видно изъ росписанія лекцій на 1812—1813 академическій годъ, въ университетѣ были слѣдующіе профессоры:

1) Яковкинъ,
2) Германъ,
3) Сторль,
4) Фуксъ,
5) Браунъ,
6) Френъ,
7) Бартельсъ,
8) Реннеръ,
9) Финке,
10) Литтровъ,
11) Эрдманъ,
12) Томасъ,
13) Броннеръ,
14) Брейтенбахъ,
15) Эрихъ,
16) Баронъ Егоръ Врангель,
17) Арнгольдъ,
18) Городчаниновъ,

Адъюнкты:

19) Никольскій,
20) Кондыревъ,
21) Ренардъ,
22) В. Перевощиковъ,
23) Лубкинъ,
24) Петровскій.

Магистры:

25 Кайсаровъ,
26) Дунаевъ,
27) Алехинъ,
28) Баронъ Юлій Врангель.

Лекторы:

29) Шарпіо,
30) Хальфинъ,
31) Лейтеръ и учители искусствъ: Крюковъ и Новиковъ.

Такимъ образомъ 19-ть каѳедръ заняты были иностранцами, изъ которыхъ, за исключеніемъ Фукса, Брауна, Эриха и Е. Врангеля и Юл. Врангеля, читавшихъ лекціи на русскомъ языкѣ, всѣ остальные читали на латинскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и преимущественно на первомъ; кромѣ того, нѣкоторые изъ профессоровъ обучали и въ гимназіи. Насущною потребностію для студентовъ всѣхъ каѳедръ, при тогдашнемъ состояніи науки въ Россіи, было хорошее и отчетливое знаніе латинскаго языка, основательное изученіе котораго слѣдовало получить въ Казанской гимназіи, такъ какъ почти всѣ студенты Казанскаго университета были изъ воспитанниковъ этой гимназіи. Между тѣмъ слабыя познанія въ этомъ языкѣ поставили преподаванія лекцій въ университетѣ въ такія затрудненія, что попечитель долженъ былъ назначить въ январѣ 1812 года особую коммиссію изъ профессоровъ для производства испытанія какъ воспитанникамъ гимназіи, такъ и переведеннымъ въ 1811 году въ студенты изъ учениковъ гимназіи: 1) Саханскому, 2) Макарову, 3) Рыбушкину, 4) Кожевникову, 5) Журавлеву, 6) Бобылеву І-му, 7) Лентовскому, 8) Кафтанникову, 9) Спиридонову, 10) Бутлерову, 11) Чашкову, 12) Андреву, 13) Смирнову, 14) Бобылеву 2-му, 15) Насакину, и 16) Шонику, изъ которыхъ многіе, по донесенію попечителю профессорами иностранцами, оказались столь слабыми въ латинскомъ языкѣ, что попечитель написалъ въ совѣтъ 15-го января, что эти студенты не знаютъ ни склоненій, ни спряженій и не умѣютъ соединить существительное съ прилагательнымъ; поэтому попечитель предлагаетъ совѣту немедленно сдѣлать каждому изъ этихъ младшихъ студентовъ (такъ назывались ученики, поступавшіе изъ гимназіи въ университетъ до 26-го октября 1812 года, когда попечитель Салтыковъ уничтожилъ это раздѣленіе) подробное испытаніе въ двухъ или трехъ чрезвычайныхъ собраніяхъ, одно за другимъ непосредственно слѣдующихъ, съ показаніемъ, которые изъ нихъ въ состояніи пользоваться профессорскими лекціями. Такъ какъ многіе изъ профессоровъ иностранцевъ не знали русскаго языка, то журналы испытанія велись, по приказанію попечителя, на латинскомъ или французскомъ языкѣ.

31-го января состоялся протоколъ совѣта о производствѣ испытанія въ гимназіи и младшимъ студентамъ; въ числѣ экзаменаторовъ были главными дѣятелями: Браунъ, Френъ,

Броннеръ, Литтровъ, Эрдманъ и Реннеръ, которые составили оппозицію противъ дѣйствій Яковкина въ совѣтѣ.

Испытаніе было произведено ученикамъ гимназіи, не допуская присутствовать на нихъ учителямъ, обучавшимъ латинскому языку. Ученики писали на бумагѣ склоненія и спряженія; всѣ эти письменныя упражненія хранятся и по нынѣ въ дѣлахъ архива Казанскаго университета; каждое упражненіе подписано однимъ изъ профессоровъ, а письменные переводы младшихъ студентовъ и высшаго класса гимназіи подписаны всѣми членами совѣта, не исключая и Яковкина, который игралъ въ этомъ случаѣ роль подсудимаго лица, на котораго падала отвѣтственность за незнаніе учениковъ. При этомъ испытаніи, по причинѣ непріязненныхъ отношеній между Яковкинымъ и Брауномъ не обошлось безъ столкновеній, хотя не между обоими соперниками, но между Брауномъ и инспекторомъ гимназіи, Петровскимъ, который вошелъ въ совѣтъ съ жалобою на перваго за обиду, нанесенную ему (Петровскому) въ присутствіи учениковъ гимназіи за то, что Браунъ хотѣлъ начать экзаменъ безъ директора гимназіи Яковкина, занятаго въ это время чтеніемъ лекцій въ университетѣ. Совѣтъ представилъ объ этомъ попечителю, который однако принялъ сторону Брауна, и по окончаніи экзаменовъ, когда попечитель разсмотрѣлъ донесенія профессоровъ о слабыхъ познаніяхъ въ латинскомъ языкѣ, Петровскій былъ уволенъ отъ должности инспектора гимназіи, и вмѣсто него назначенъ былъ адъюнктъ Лубкинъ.

Экзамены продолжались 6-ть недѣль, и 20-го марта секретарь совѣта представилъ всѣ поданныя членами совѣта письменныя мнѣнія объ экзаменахъ; всѣ эти донесенія представлены попечителю 25-го марта. Результаты экзаменовъ были самые печальные относительно знаній учениковъ и младшихъ студентовъ въ латинскомъ языкѣ; вотъ что писалъ по этому поводу попечитель черезъ мѣсяцъ, 25-го апрѣля, въ совѣтъ:

«Разсматривая мнѣнія профессоровъ, испытавшихъ въ латинскомъ языкѣ воспитанниковъ, содержимыхъ казеннымъ иждивеніемъ, нахожу я, что наибольшая оныхъ часть въ томъ согласны, что успѣхи во всѣхъ классахъ, такъ малы, что даже верхній латинскій классъ посѣщающіе непростительные дѣлаютъ погрѣшности въ склоненіяхъ и спряженіяхъ, ни единой изъ нихъ безъ помощи посторонней самаго простаго

на россійскомъ заданнаго урока не въ состояніи рѣшить безъ грубыхъ ошибокъ, не только противъ грамматики, но и противъ правописанія, хотя надъ всякимъ словомъ надписывано было латинское. Однимъ словомъ ни единый изъ учениковъ верхняго класса не знаетъ того, чего по всей справедливости требовать должно».

Вмѣстѣ съ тѣмъ попечитель замѣтилъ однако членамъ совѣта, что младшіе студенты были испытаны и въ латинскомъ языкѣ на годичныхъ экзаменахъ ими же, и потому попечитель удивляется, что недостатокъ въ латинскомъ языкѣ не былъ замѣченъ членами совѣта прежде; кромѣ того, Баронъ Врангель (зять Яковкина), въ поданномъ имъ въ совѣтъ объясненіи (на русскомъ языкѣ), доказывалъ, что нельзя требовать такихъ удовлетворительныхъ знаній отъ учениковъ русской гимназіи, какія достигаются при изученіи этого языка въ Германіи, гдѣ по большей части, какъ писалъ Врангель, «ученикъ до среднихъ классовъ единственно почти занятъ древними языками, имѣя основательныя познанія въ оныхъ, онъ приступаетъ и къ другимъ наукамъ, но и тогда главное занятіе составляютъ языки, а усовершенствованіе въ другихъ наукахъ предоставлено университетамъ. У насъ же, въ Россіи, гдѣ только ученому, а не государственному человѣку или правовѣдцу, или вообще гражданскому чиновнику, столь необходимо познаніе латинскаго языка, сколь необходимое оно въ упомянутыхъ мѣстахъ, ходъ ученія совсѣмъ другой, и ученикъ уже въ нижнихъ классахъ занятъ науками, нужнѣйшими для его образованія». Профессоръ Кондыревъ также представилъ мнѣніе въ защиту гимназіи отъ нареканія членовъ совѣта по поводу экзаменовъ. Самъ Яковкинъ не могъ оставить безъ объясненія донесеній членовъ совѣта о слабыхъ познаніяхъ въ латинскомъ языкѣ въ гимназіи. Это объясненіе директора интересно тѣмъ, что подтверждаетъ высказанную нами мысль, что между членами совѣта въ совѣтѣ были двѣ партіи—Яковкина и Брауна, и потому строгіе экзамены въ латинскомъ языкѣ могли послужить поводомъ для профессоровъ иностранцевъ — выставить Яковкина предъ попечителемъ Румовскимъ какъ неисправнаго по своей обязанности по званію директора гимназіи. Но Яковкину не въ первый разъ приходилось оправдываться письменно: мы видѣли, какъ онъ опровергъ донесеніе губернатора на неисправности въ гимназіи; кромѣ того, объясненіе

Яковкина представляетъ примѣры столкновеній, могущихъ случиться при общихъ ревизіяхъ, а потому для насъ, живо помнящихъ ревизію, бывшую въ обѣихъ Казанскихъ гимназіяхъ въ 1866 году, это объясненіе Яковкина заслуживаетъ особеннаго вниманія въ педагогическомъ отношеніи; вотъ что писалъ Яковкинъ въ совѣтъ 6-го марта:

«По окончаніи экстраординарнаго экзаменованія учениковъ и младшихъ студентовъ въ латинскомъ языкѣ, постановлено въ совѣтѣ Казанской гимназіи собрать мнѣнія отъ всѣхъ членовъ онаго, особливо же касается сіе до младшихъ студентовъ, дабы усмотрѣть во исполненіе предписанія попечителя, кто изъ нихъ способенъ слушать преподаванія на латинскомъ языкѣ и кто не способенъ. Начальствуя по соизволенію предержащей власти въ гимназіи, какъ директоръ и въ университетѣ какъ старшій профессоръ и студентовъ инспекторъ, не могу я подать о томъ никакого мнѣнія какъ потому, что въ семъ дѣлѣ, какъ въ касающемся до меня, сдѣлавшись самъ подавателемъ голоса, возмогъ бы подвергнуться подозрѣнію пристрастія, такъ и потому, что по окончаніи гимназическихъ экзаменовъ, изъ коихъ однако по два четвертка по причинѣ преподаваній моихъ въ университетѣ не быть я имѣлъ законную и неоспоримую причину, Провидѣнію угодно было посѣтить меня болѣзнію, восемь дней продолжавшеюся; обязанностію однако моею поставляю замѣтить слѣдующія обстоятельства, какъ того требуютъ отъ меня долгъ присяги, гласъ совѣсти и слишкомъ тридцати-лѣтняя опытность въ образованіи и обученіи ввѣреннаго мнѣ начальствомъ юношества: 1) экстраординарные экзамены латинскаго класса въ гимназіи и университетѣ происходили во исполненіе предписанія попечителя по донесенію нѣкоторыхъ изъ членовъ университета, что слушатели ихъ успѣвать не могутъ по незнанію латинскаго языка; но здѣсь встрѣчаются слѣдующія обстоятельства, можетъ быть не заслуживающія вниманія: а) удостоенные званія младшихъ студентовъ переведены въ университетъ въ августѣ прошедшаго года по утвержденію попечителя, основанному на одобреніи при послѣднихъ лѣтнихъ гимназическихъ экзаменахъ, засвидѣтельствованныхъ между прочимъ особливо профессоромъ Бронперомъ касательно латинскаго языка и по успѣхамъ съ одобренія самаго совѣта. Они окончили уже полные курсы въ гимназіи и необходимо слѣдовало ихъ перевести въ универ-

ситетъ. Безъ таковой прибавки слушателей нѣкоторыя аудиторіи остались бы пусты; b) прошло цѣлые полгода, что иностранные члены университета никакой явной не приносили жалобы на своихъ слушателей въ незнаніи латинскаго языка, и слѣдовательно въ разумѣніи преподаваемаго. Напротивъ того, всегда о всѣхъ они въ ежемѣсячныхъ рапортахъ аттестовали omnes esse diligentes et attentos, что явствуетъ изъ ежемѣсячныхъ рапортовъ; c) по неудовольствію на малые успѣхи слушателей надлежало бы, сообразуясь съ законами, обратиться къ первой законной ближайшей инстанціи, дабы по общемъ зрѣломъ и совокупномъ разсужденіи и соображеніи всѣхъ обстоятельствъ прекратить зло, ежели какое начало вкореняться. Но сего не сдѣлано, и слѣдовательно нарушенъ законъ ближайшей подчиненности; d) въ самомъ университетѣ находятся двое преподавателей латинскаго языка, кои для общественной пользы, безъ сомнѣнія, не отреклись бы не только удвоить, но и утроить время своихъ преподаваній, дабы чрезъ то тѣмъ скорѣе достигнуть къ предуставленной Государемъ Императоромъ цѣли заведенія Казанскаго университета; но до полученія даннаго о латинскихъ экзаменахъ предписанія, они, по видимому ничего и не знали; e) изъ преподавателей университета профессоръ Литтровъ, вмѣсто преподаванія математики, по долгу своей обязанности, однажды роздалъ слушателямъ лоскутки бумаги съ разными задачами, касающимися до испытанія въ латинскомъ языкѣ, и, отобравъ всѣхъ ихъ отъ слушателей, куда дѣвалъ не извѣстно. Узналъ я о семъ недавно; но, не предполагая и въ семъ случаѣ ни какого противнаго законамъ поступка, молчалъ о немъ до нынѣ, хотя г. Литтровъ опустилъ свои обязанности преподавателя; f) многія науки преподаются въ университетѣ и на россійскомъ языкѣ, и слѣдовательно, слушаніемъ ихъ могутъ съ полнымъ ожиданіемъ успѣховъ пользоваться ими и слабые въ знаніи латинскаго языка; g) школа не дѣлаетъ насъ учеными, но собственные на дому произвольныя упражненія, а всякой преподаватель показываетъ только пособіе и путь, коими учащійся обязанъ пользоваться.

2) Слѣдуетъ теперь замѣтить порядокъ испытаній. Для отвращенія всякаго пристрастія и подозрѣнія приказалъ я для экзаменованія учениковъ подавать всегда Наказъ, Высочайше данный коммиссіи о составленіи законовъ, на четы-

рехъ языкахъ напечатанный, по ясности печати и по важности предлагаемаго. Начинавши въ гимназіи экзамены, когда я отлучался на университетскія лекціи, равно какъ и бывъ тутъ иногда безотлучно по назначенію и избранію разныхъ членовъ совѣта диктовалъ я изъ онаго или по-русски, или полатыни для переводу, по окончаніи коего дѣлалъ всегда грамматическій по правиламъ разборъ съ экзаменуемымъ, и мнѣ всякой экзаменуемый въ присутствіи совѣта отвѣчалъ довольно хорошо. Но профессоры Бронперъ, Литтровъ, Реннеръ, Эрдманъ и Френъ объявляли мнѣ всегда, что они принесли съ собою заготовленныя уже задачи, и такъ по окончаніи экзамена на черной доскѣ съ экзаменуемымъ ученикомъ и по списываніи имъ задачи съ доски на бумагу, брали его особливо за столъ и, задавая ему отъ себя писать особо за столомъ, и не сдѣлавъ ни одного порядочнаго грамматическаго разбору, писали во свидѣтельствахъ, что имъ покажется. На сіе имѣю замѣтить нижеслѣдующее: a) когда экзаменуемый уже рѣшалъ задачу на доскѣ изъ таковой книги каковъ Наказъ, тогда записки экзаменаторовъ были ли у мѣста? рѣшить не мое дѣло; b) незнакомство съ экзаменаторами не могу также оставить въ молчаніи, какъ главнѣйшую причину робѣнія учениковъ отъ коего, пріобрѣтши какія нибудь познанія въ латинскомъ языкѣ, не въ состояніи ни сказать, ни написать того, что онъ, обдумавши спокойно, самъ можетъ сдѣлать, а особливо, что помянутые члены всегда по два, по три, по четыре около одного экзаменуемаго стоя, тѣмъ болѣе могли увеличить въ немъ робость; c) не могу пройти въ молчаніи и о латинскомъ произношеніи нѣмцевъ, на правилахъ нѣмецкаго основанномъ, такъ что и довольно уже упражнявшійся въ латинскомъ языкѣ едвали скоро можетъ понять; d) сколько притязанія оныхъ пяти членовъ и Брауна на экзаменуемыхъ было велико, то доказывается самыми экзаменными опытами, а именно подозрѣніемъ самымъ предосудительнымъ и обнаруживающимъ явное пристрастіе. Всякой изъ нихъ, давъ ученику задачу, ожидалъ, какъ онъ ее окончитъ и по окончаніи немедленно ее списывалъ, и на подлинникѣ другой, кто-нибудь изъ нихъ же подписывалъ, что подлинникъ съ оставшеюся у экзаменатора копіею вѣренъ. Едвали могутъ быть почтены безпристрасными таковыя испытанія, когда уже и къ самому законному порядку, не знаю по чему, не имѣя никакого довѣрія, тѣмъ поводомъ явное противузаконное подо-

зрѣніе и оскорбленіе; c) когда по извѣстнымъ мнѣ учениковъ и младшихъ студентовъ успѣхамъ при случаѣ и я напоминалъ имъ, что они не таковыми себя оказали, каковыми мнѣ извѣстны: на то получалъ я въ отвѣтъ, что они, оробѣвши, не знали, что дѣлать и еще тѣмъ болѣе, что экзаменаторы, списывая всякое написанное тотчасъ слово и усмѣхаясь между собою (что экзаменуемый по неволѣ долженъ былъ брать на свой счетъ), тѣмъ болѣе въ экзаменуемомъ производили смятеніе.—Доказательствомъ сего могу представить присутствіе членовъ совѣта всѣхъ экзаменованныхъ учениковъ; f) младшіе студенты: Макаровъ, Журавлевъ, Бобылевъ Старшій и Андреевъ извѣстны какъ лучшіе или изрядные ученики высшаго латинскаго класса, что доказывается и рапортами учителей, приносившими мнѣ жалобу, что они не могли написать по надлежащему заданной помянутыми иностранными профессорами задачи потому единственно, что хотя они и писали на доскѣ, но стоявшіе всюду около ихъ помянутые господа первыхъ приводили въ робость каждаго тѣмъ, что тотчасъ, по написаніи одного слова на доскѣ, старались они записать у себя на бумажкѣ и, оглядываясь другъ къ другу, смѣялись, а Бобылевъ и Андреевъ жалуются на требованную отъ нихъ поспѣшность по окончаніи задачи, что тѣмъ въ большую приводили робость экзаменуемыхъ, что они, внимая происходящему смѣху и не вспоминанію правилъ грамматическихъ, одно и тоже слово нѣсколько разъ вынуждаемы были стирать и опять снова иначе написывать на той же черной доскѣ; g) достовѣрно мнѣ извѣстно, что жалобу попечителю на малое знаніе или незнаніе (не знаю) латинскаго слушателями ихъ принесли иностранные профессоры, миновавъ профессора инспектора и совѣтъ: кто таковъ изъ нихъ писалъ объ ономъ, я до нынѣ объ ономъ не знаю и для спокойствія душевнаго и можетъ быть для пользы общественной знать не хочу; но когда воспослѣдовало предписаніе попечителя объ экстраординарномъ проэкзаменованіи учениковъ гимназіи и младшихъ студентовъ, то при экзаменованіи оныхъ особенно отличились заботами своими профессоры: Браунъ, Броннеръ, Френъ, Литтровъ, Ренперъ и Эрдманъ. Самыя ихъ разногласія въ аттестованіи экзаменуемыхъ, даже самый первый пріемъ, когда сначала почти въ продолженіе трехъ часовъ едва-едва успѣли проэкзаменовать троихъ учениковъ нижняго латинскаго класса и (что уже довольно дѣлаетъ чести нижнему латин-

скому классу послѣ полугодоваго ученія со множествомъ учениковъ того класса) нѣсколько въ склоненіяхъ. Экзаменованіе средняго и высшаго классовъ происходило совсѣмъ вопреки предписанію, когда именно велѣно было экзамеповать въ склоненіяхъ и спряженіяхъ, вмѣсто того экзаменованы были ученики въ переводахъ съ россійскаго на латинскій безъ всякаго грамматическаго разбору и безъ разбирательства, гдѣ ученикъ, какъ и въ чемъ ошибся, какъ я то неоднократно дѣлалъ, призывая другаго ученика для разсмотрѣнія ошибокъ экзаменуемаго; h) объ экзаменованіи младшихъ студентовъ, не бывши при томъ свидѣтелемъ по приключившейся мнѣ болѣзни, не могу ничего сказать, кромѣ только принесенныхъ мнѣ, какъ ближайшему начальнику отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ жалобъ, что вмѣсто законнаго и безпристрастнаго экзаменованія, они подвержены были только болѣе смѣху экзаменаторовъ, что тѣмъ увеличило робость и смятеніе въ экзаменуемомъ, да могу и въ семъ случаѣ сослаться по законамъ на самихъ студентовъ; и хотя кто-то кажется изъ самихъ строгихъ экзаменаторовъ доносилъ попечителю, что и переведенные въ университетъ младшіе студенты, даже ни одного глагола спрягать не могутъ, толико-то они научились въ гимназіи; но по учиненному таковому самому строгому экзамену не могли они не отдать справедливости нѣкоторымъ изъ младшихъ студентовъ безъ робости и довольно хорошо обдѣлавши заданныя имъ упражненія, о коемъ не могли они и не согласиться удостоить сопричислить ихъ къ числу способныхъ для слушанія преподаваній. Итакъ, ежели сыскались по ихъ мнѣніямъ нѣкоторые достойные къ слушанію преподаваній университетскихъ, то самая справедливость и безпристрастіе требовали не говорить того о всѣхъ; поелику a parte ad totum consequentia non valet. — Съ другой стороны никакъ не можно было и требовать, чтобы всѣ новые слушатели были одинаковыхъ способностей, одинаковыхъ дарованій: юношество препоручается преподавателямъ для ученія и образованія, а наученные не имѣютъ въ нихъ нужды; i) Самые помянутые иностранные профессоры, какъ при экзаменахъ изъ особенныхъ трудовъ ихъ при ономъ оказывается никакъ не могли быть соучастниками въ рѣшеніи сего дѣла, отъ чего оно вышло пристрастно, а потому и вопреки законовъ. Самолюбіе и честолюбіе отъ нихъ необходимо требовали доказать справедливость ихъ донесенія, по сей при-

чинѣ и искали они болѣе другихъ членовъ участвовать въ экзаменованіи вѣрнѣйшимъ (однако не самымъ вѣрнѣйшимъ, когда объ одномъ и томъ же ученикѣ одинъ показалъ № 13 и 17, 14 ошибокъ, другой 13-ть, а третій ни одной ошибки въ одномъ и томъ же упражненіи) образомъ записывать съ засвидѣтельствованіемъ другаго члена ошибки экзаменуемыхъ и всегда первые подписывали они единогласно, или тождезначуще свидѣтельство о каждомъ проэкзаменованномъ.—Но по законамъ ни которая сторона не должна участвовать въ сужденіи спорнаго дѣла; k) распространено было неблагомыслящими, что ученики не имѣютъ книгъ, бумаги, перьевъ, чернилъ, какъ необходимѣйшихъ вещей для ученія. По сей причинѣ инспекторъ гимназіи вынужденъ былъ просить цѣлаго совѣта освидѣтельствованіе классической его кладовой, гдѣ какъ за употребленіемъ оставшихся книгъ, такъ бумаги, перьевъ и чернилъ найдено въ большомъ запасномъ количествѣ, о чемъ тогда же записано и въ протоколъ совѣта; l) ученики латинскихъ классовъ въ гимназіи нѣкоторые сидятъ еще полгода, а другіе поступили только послѣ нынѣшней зимней вакаціи въ нижній и средній классы, притомъ занимаются еще другими языками, науками и искусствами, такъ что въ такое короткое время порядочныхъ успѣховъ взыскивать, кажется, еще не можно».

Но преподаваніе всѣхъ вообще предметовъ въ гимназіи не могло остаться въ такомъ же положеніи, въ какомъ оно было до настоящаго времени, поэтому предприняты были самыя энергическія мѣры для исправленія недостатковъ, и результаты ихъ были вообще благотворны для общаго хода образованія въ гимназіи:

Обращено особенное вниманіе, по предписанію Графа Разумовскаго, на изученіе закона Божія, который преподавался вовсе не духовнымъ лицемъ, а учителемъ какого либо предмета; въ самомъ университетѣ долгое время не было каѳедры богословскихъ наукъ; для преподаванія закона Божія назначено отъ 4-хъ до 6-ти часовъ въ недѣлю, и преподаваніе возложено на законоучителя народнаго училища съ платою по 100 рублей въ годъ. Такъ какъ слабыя познанія учениковъ въ латинскомъ классѣ произошли, по усмотрѣнію попечителя: 1) отъ невыгоднаго расположенія учебнаго времени и классическихъ упражненій, 2) отъ пріема учениковъ въ гимназію съ недостаточною подготовкою и притомже во вся-

кое время года и 3) отъ перехода учениковъ изъ одного класса въ другой прежде окончанія годичнаго курса; то попечитель предписалъ дѣлать переводы изъ класса въ классъ только послѣ годичныхъ экзаменовъ, послѣ которыхъ принимать, съ 10-го іюля по 12-е августа, въ гимназію новыхъ учениковъ съ достаточными познаніями, а для правильнаго расположенія классовъ въ гимназіи назначенъ особый комитетъ, которому попечитель предписалъ руководствоваться правилами, составленными по этому поводу профессоромъ Броннеромъ, назначеннымъ директоромъ педагогическаго института при университетѣ.

По новому росписанію занятій для латинскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ назначены во всѣхъ классахъ по 6-ти часовъ въ недѣлю, для русскаго и славянскаго 5-ть; для математики, закона Божія, фортификаціи и всѣхъ искусствъ—по 4 часа для каждаго предмета, для естественной исторіи, географіи, философіи, всемірной исторіи, технологіи, греческаго языка и коммерческихъ наукъ по два часа, а для татарскаго три часа. Преподаваніе философіи возложено на профессора Срезневскаго, учившагося въ 1799 году въ Московской духовной академіи. Кромѣ того, по представленію новаго инспектора, адъюнкта Лубкина, 18-го сентября учреждены классы чистописанія для всѣхъ воспитанниковъ, которые въ письмѣ не были исправны; учитель этого предмета долженъ былъ хорошо знать русскую орѳографію и учить писать порусски, французски и нѣмецки; учителемъ чистописанія назначенъ былъ Петръ Михайловичъ Васильевъ, замѣчательный по долговременному служенію въ университетѣ и гимназіи. Онъ родился въ Витебскѣ 16-го января 1785 года и получилъ образованіе въ тамошней гимназіи; по бѣдности родителей, онъ долженъ былъ начать службу съ весьма раннихъ лѣтъ: въ 1795 году онъ уже служилъ въ Витебской межевой конторѣ, а оттуда переселился въ Казань, гдѣ послѣ учительской службы въ гимназіи, въ 1819 году былъ сдѣланъ адъюнктомъ въ университетѣ прикладной математики, а въ 1827 году опредѣленъ былъ инспекторомъ въ гимназіи, откуда въ 1837 году былъ назначенъ директоромъ Пермскихъ училищъ и гимназіи, гдѣ прослужилъ до 1843 г. Онъ умеръ въ глубокой старости въ Казани 9-го іюня 1866 года. (См. некрологъ П. М. Васильева въ 28 № Каз. губ. вѣдомостей 1866 г.).

Вообще при поступленіи въ должность инспектора гимназіи Лубкина преподаваніе въ гимназіи принимаетъ лучшее направленіе, чему, конечно, гимназія обязана педагогическимъ способностямъ инспектора и его усерднымъ трудамъ. Лубкинъ происходилъ изъ духовнаго званія и учился въ Костромской семинаріи, откуда перешелъ въ 1790 году въ Александро-Невскую семинарію; кончивъ здѣсь курсъ, онъ перешелъ учителемъ въ Костромскую семинарію, а оттуда былъ назначенъ ректоромъ и преподавателемъ философіи въ военной (армейской) семинаріи, а изъ послѣдней перешелъ во 2-е отдѣленіе С. Петербургскаго педагогическаго института смотрителемъ за поведеніемъ студентовъ. Въ 1800 году назначенъ директоромъ Оренбургскихъ училищъ, а оттуда адъюнктомъ умозрительной и практической философіи въ Казанскій университетъ 1812 года.

Когда по разсмотрѣніи попечителемъ Румовскимъ причинъ жалостнаго состоянія латинскаго языка въ гимназіи, предположено было уволить инспектора Петровскаго, то выборъ новаго инспектора палъ на Лубкина, а для облегченія Яковкина, обремененнаго многими дѣлами, учебная часть гимназіи ввѣрена была Лубкину попечителемъ въ непосредственное вѣдѣніе. Первыми дѣйствіями новаго инспектора было пріобрѣтеніе для гимназіи сочиненій по педагогикѣ и дидактикѣ. Для лучшаго изученія латинскаго языка младшими студентами и учениками высшаго класса гимназіи куплены: 15-ть экземпляровъ грамматикъ Бредера и по 10-ти экземпляровъ: Теренціи, Корнелія Непота, Гораціи, Федра, писемъ Плинія, рѣчей Цицероновыхъ, лексикона Розанова, Тита Ливіи, Юлія Цезаря и Квинта Курціи. Ежемѣсячно производилось испытаніе ученикамъ въ латинскомъ языкѣ въ присутствіи всѣхъ членовъ совѣта; лучшимъ ученикамъ назначались награжденія, а лѣнивымъ—наказанія. Учители низшихъ латинскихъ классовъ замѣнены другими, а учитель высшаго латинскаго класса Русецкій хотя и оставленъ былъ въ гимназіи послѣ ревизіи; но такъ какъ, по донесенію инспектора Лубкина, этотъ учитель объяснялъ ученикамъ уроки на маловразумительномъ польско-русскомъ нарѣчіи, отъ чего нерѣдко ученики мало понимали его, то, по предписанію управлявшаго въ іюлѣ 1812 года министерствомъ народнаго просвѣщенія, оберъ-прокурора святѣйшаго синода князя А. Голицына, и этотъ учитель былъ уволенъ, и вмѣсто него опредѣ-

ленъ учителемъ кандидатъ Московскаго университета Калайдовичъ. Такъ какъ младшіе студенты признаны съ слабыми познаніями въ латинскомъ языкѣ, то въ 1812 году не было переводу въ студенты изъ учениковъ гимназіи.

Преподаваніе отечественнаго языка также обратило на себя вниманіе инспектора. Представивъ недостатки способа тогдашняго преподаванія русскаго и славянскаго языковъ въ нижнихъ и среднихъ классахъ, Лубкинъ предлагаетъ употребить два урока для изученія въ нижнемъ классѣ грамматики, а другіе два для риторическихъ начатокъ; послѣднія упражненія заключались въ изученіи сложныхъ предложеній и размноженіи ихъ въ періоды, а также въ изученіи знаковъ препинанія. Для письменныхъ занятій инспекторъ совѣтуетъ сочинять періоды по подражанію и составлять письма, которыя бы главнымъ образомъ служили бы къ развитію ума.

Въ среднемъ классѣ тоже два раза въ недѣлю назначено для изученія россійской и славянской грамматики, показывая при этомъ различіе и сходство между обоими языками, а другіе два урока для риторическихъ изученій, которыя заключались въ показаніи различныхъ способовъ соединенія періодовъ и составленіи хрій или краткихъ риторическихъ сочиненій. Для переводовъ съ славянскаго языка на русскій рекомендуетъ инспекторъ отборныя мѣста изъ псалмовъ, пророковъ и церковныхъ пѣсенъ. Для письменныхъ упражненій полагается составленіе краткихъ сочиненій по подражанію. Математическія науки, по донесенію инспектора, также преподавались неудовлетворительно. Недостатки въ преподаваніи этихъ наукъ произошли, по мнѣнію инспектора, отъ того, что учители въ преподаваніи не соображались ни съ возрастомъ учащихся, ни съ ихъ способностями; поэтому Лубкинъ представилъ въ совѣтъ, чтобы учители математики обязаны были инструкціею, въ которой бы точно означены были предѣлъ и пространства преподаваемыхъ наукъ, а также и знанія, которыхъ бы при испытаніи можно было требовать отъ учениковъ. Болѣе всего инспекторъ полагаетъ нужнымъ, чтобы ученики для лучшаго изученія фортификаціи пріобрѣтали свѣдѣнія въ геодезіи и ситуаціи. Еще прежде въ гимназіи устроены были, по требованію учителя естественной исторіи, технологіи и коммерческихъ наукъ Измайлова, натуральный и технологическій кабинеты, а для преподаванія зоологіи этимъ учителемъ взяты были изъ университетской библіотеки

рисунки, изображающіе животныхъ; однимъ словомъ, ни одна изъ преподаваемыхъ наукъ въ гимназіи не преподавалась безъ учебныхъ пособій и педагогическихъ пріемовъ при бдительномъ надзорѣ со стороны инспектора.

Но, къ сожалѣнію, въ то время, когда гимназія приводилась въ такое удовлетворительное состояніе, Казанскій учебный округъ лишился перваго попечителя: 9-го іюля получено отъ управлявшаго министерствомъ о смерти Румовскаго, послѣ котораго университетъ получилъ, по завѣщанію покойнаго, книги сочиненій Эйлера, портретъ Императора Александра I въ золоченной рамкѣ и нѣсколько географическихъ картъ.

Печальное извѣстіе о смерти попечителя было роковымъ ударомъ для Яковкина, пользовавшагося особенною довѣренностію Румовскаго, да и прочіе члены совѣта, призванные всѣ къ ученой дѣятельности въ Казанскомъ университетѣ и гимназіи Румовскимъ, приняли это извѣстіе съ великою скорбію, а молодые адъюнкты и магистры, бывшіе ученики гимназіи, истинно оплакивали смерть любимаго попечителя. Кромѣ того, это печальное извѣстіе пришло въ Казань въ то время, когда на политическомъ горизонтѣ Россіи собиралась грозная туча, предвѣщавшая совершеніе великихъ событій во всей Европѣ: это было время отечественной войны съ Наполеономъ; время, когда на Бородинскихъ поляхъ проливалась кровь храбрыхъ сыновъ Россіи, а въ Москвѣ совершалась великая панихида; даже въ самомъ климатѣ нашего отечества происходили необыкновенныя явленія. Мы нашли въ дѣлахъ совѣта университета за это время по этому поводу любопытный фактъ: 31-го августа 1812 года полицеймейстеръ города Саранска, Пензенской губерніи, Евлоковъ, донесъ совѣту университета для напечатанія въ Казанскихъ Извѣстіяхъ, что на 29-е число августа съ самаго вечера подулъ съ сѣверной стороны холодный вѣтеръ, продолжавшійся безпрерывно цѣлую ночь; холодъ усиливался безпрестанно падающимъ снѣгомъ, отъ чего въ такое необыкновенное время сдѣлался сильный морозъ, который причинилъ жителямъ большіе убытки: въ городскихъ пастбищахъ и дачахъ погибло много скота. (Дѣло архива Каз. университета 1812 г. № 9, стр. 234. См. 39 № Каз. Изв. 1812 г.). Вотъ, вѣрно, начало тѣхъ морозовъ, которые содѣйствовали Русскимъ для истребленія Наполеоновой арміи!

Жители Москвы должны были искать спасенія въ другихъ городахъ Россіи, въ особенности все бросилось въ Волжскій край. Казань по этому случаю избрана была, по Высочайшему повелѣнію, для перемѣщенія изъ Москвы высшихъ правительственныхъ присутственныхъ мѣстъ, а Казанскій университетъ и гимназія должны были помѣстить въ своихъ зданіяхъ Московскій университетъ и училища дѣвицъ опекунскаго совѣта. Всѣ эти событія должны были вызвать въ членахъ совѣта Казанскаго университета особыя мѣры къ защитѣ Россіи отъ общаго врага. Еще въ началѣ 1812 года дано знать совѣту университета о запрещеніи перепечатать въ Казанскихъ Извѣстіяхъ изъ иностранныхъ газетъ все то, что касалось Россіи, а изъ русскихъ газетъ дозволялось заимствовать извѣстія только изъ С. Вѣдомостей; также запрещены были цензурнымъ комитетомъ въ Петербургѣ для перепечатанія рукописи подъ названіемъ: 1-я Раскаяніе въ порокахъ, комедія въ 2-хъ дѣйствіяхъ—Аникіева и 2-я Ода на день рожденія Государя—Якимова. Но болѣе всего правительство опасалось вреда иностранцевъ въ Россіи; а такъ какъ въ Казани было много иностранцевъ, то прежде всего обращено было вниманіе на то, чтобы они не могли вредить Россіи перепискою съ врагами отечества; по этому поводу министръ полиціи, по Высочайшему повелѣнію, далъ знать совѣту университета 8-го іюля, чтобы оставить въ Казани изъ иностранцевъ только тѣхъ, за которыхъ мѣстное начальство ручается, что они не совратятъ съ пути порядка Россійскихъ вѣрноподданныхъ, и обо всѣхъ иностранцахъ, находившихся тогда на службѣ, велѣно было представить министру списки съ замѣчаніемъ начальниковъ губерній. Замѣчательно, что изъ числа 14-ти иностранныхъ профессоровъ университета и учителей гимназіи, только двое, Финке и Томасъ, удостоились одобренія Яковкина въ представленномъ имъ спискѣ губернатору Мансурову. Въ графѣ о Браунѣ Яковкинъ написалъ: «хотя и не подавалъ явнаго подозрѣнія и сомнѣнія, но мѣстное начальство не ручается». Всѣхъ вообще иностранцевъ, признанныхъ неблагонадежными по поведенію, велѣно было выслать за границу съ возможною поспѣшностію.

26-го іюня Яковкинъ заявилъ въ совѣтѣ, что онъ получилъ отъ министра народнаго просвѣщенія эстафету съ копіею съ рескрипта, подписаннаго Государемъ въ Вильнѣ объ объявленіи со стороны Франціи войны Россіи. Это объявленіе

назначено было для напечатанія въ Казанскихъ Извѣстіяхъ 18-го іюля заявлено было опять директоромъ, что онъ получилъ отъ курьера Петровскаго Высочайшій указъ о сборѣ внутри государства новыхъ силъ. Въ томъ же засѣданіи полученъ былъ Высочайшій манифестъ о томъ же предметѣ для перевода на татарскій языкъ и напечатанія въ университетской типографіи. При чтеніи этого манифеста, профессоръ Кондыревъ заявилъ желаніе поступить въ ополченіе; но Графъ Разумовскій отвѣтилъ на это представленіе директора, что Кондыревъ нуженъ для университета; письмоводитель же конторы гимназіи Виноградовъ поступилъ въ Московскій полкъ, сформированный Графомъ Салтыковымъ. Многіе изъ студентовъ и взрослыхъ учениковъ гимназіи поступили въ военную службу. Съ одобренія министра народнаго просвѣщенія, въ гимназіи стали обучать по вторникамъ и пятницамъ въ первые часы послѣ обѣда воинской экзерциціи, для чего присланъ былъ изъ Казанскаго гарнизоннаго баталіона унтеръ-офицеръ Мѣрзинъ. 27-го августа Яковкинъ заявилъ въ совѣтѣ, что по Высочайшему повелѣнію Императрицы Маріи Θеодоровны съ согласія Государя, прибудетъ въ Казань Московскій опекунскій совѣтъ съ его экспедиціями, Екатерининское и Александровское училища. Составъ всѣхъ членовъ Московскаго опекунскаго совѣта былъ: начальствующій А. М. Лунинъ, два директора, 12 штабъ-офицеровъ, 24 оберъ-офицера и 6-ть нижнихъ чиновъ. При училищахъ 160 дѣвицъ подъ начальствомъ т. сов. Баранова, двѣ начальницы, 14-ть классныхъ дамъ, два лѣкаря и 60 обоего пола рабочихъ. При этомъ сообщеніи губернаторъ просилъ директора перевести гимназію въ главный корпусъ университета, а въ гимназіи помѣстить вышеозначенныя училища. Институты помѣщались въ гимназіи до 10-го іюля 1813 года, а потомъ отправились въ Москву.

Черезъ мѣсяцъ, когда Московскій университетъ, по причинѣ тогдашнихъ военныхъ обстоятельствъ, нашелъ убѣжище сперва во Владимірѣ, а потомъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, ректоръ Московскаго университета Иванъ Геймъ обратился въ совѣтъ Каз. университета съ просьбою назначить помѣщеніе въ зданіяхъ университета для учениковъ и студентовъ, казны и дорогихъ вещей музея и физическихъ инструментовъ. На эту просьбу ректора члены совѣта изъявили полную готовность помочь въ бѣдственномъ положеніи Московскому уни-

верситету. 23-го ноября члены совѣта имѣли удовольствіе получить отъ ректора Гейма искреннюю благодарность отъ имени всѣхъ членовъ М. у. за изъявленную ему помощь въ горестномъ положеніи. Нѣкоторые изъ студентовъ М. у. и учениковъ Московской гимназіи перешли въ Казанскій университетъ и гимназію.

Во время этихъ событій для Россіи Казанскій университетъ былъ подъ непосредственнымъ управленіемъ самого министра народнаго просвѣщенія, а округомъ управлялъ совѣтъ университета, а 16-го сентября, по Высочайшему повелѣнію, назначенъ былъ попечителемъ Казанскаго учебнаго округа дѣйствительный камергеръ Михаилъ Александровичъ Салтыковъ. 26-го числа новый попечитель вступилъ въ управленіе округомъ. При первомъ извѣстіи объ этомъ назначеніи совѣтъ университета отправилъ попечителю слѣдующее донесеніе: «Императорскій Казанскій университетъ съ полною радостію и восхищеніемъ имѣетъ счастіе видѣть себя подъ начальствомъ В. П. Съ признательнѣйшимъ благоговѣніемъ мысленно лобзаетъ онъ десницу Августѣйшаго своего Основателя, Васъ въ семъ званіи утвердившую. Движимый таковыми къ особѣ В. П. чувствованіями, университетъ пріятнѣйшимъ себѣ поставляетъ долгомъ чрезъ сіе изъявить Вамъ усерднѣйшее поздравленіе съ особенною довѣренностію Монарха, поручившаго Вамъ блюсти виноградъ, Его десницею насажденный и простирающій гроздія свои по всему востоку обширнаго Его владычества. При особѣ, толикія Монаршія довѣренности удостоенной, мы, дѣлатели сего винограда, силы къ силамъ, труды къ трудамъ приложимъ на удобреніе онаго. Удостойте принять, В. П., увѣреніе какъ въ семъ, такъ и въ томъ глубочайшемъ высокопочитаніи, съ каковымъ имѣемъ счастіе быть всѣ члены Казанскаго университета». Кромѣ этого донесенія, посланы попечителю поздравленія, написанныя, по желанію всѣхъ членовъ совѣта, на русскомъ языкѣ Городчаниновымъ, а на латинскомъ—Френомъ.

Получивъ это донесеніе и поздравленія, попечитель въ лестныхъ выраженіяхъ прислалъ отвѣтъ членамъ совѣта. Первыми распоряженіями попечителя уничтожено раздѣленіе студентовъ на младшихъ и старшихъ, сдѣланное не по уставу, а также, требованіе основательнаго знанія латинскаго языка отъ своекоштныхъ студентовъ.

Съ изгнаніемъ французовъ изъ Москвы, присланы были въ Казань военноплѣнные наполеоновой арміи. Для разбору этихъ плѣнныхъ губернаторъ Мансуровъ просилъ Яковкина 13-го января 1813 года командировать учителя французскаго и нѣмецкаго языковъ для составленія списка; для чего назначенъ былъ учитель гимназіи Упадышевскій. При разборѣ всѣхъ плѣнныхъ оказалось: офицеровъ 8-мь, сержантовъ и капраловъ 49 и рядовыхъ 197, а всего 254 человѣка. Всѣ они принадлежали къ слѣдующимъ націямъ: офицеровъ: французовъ 1, итальянцевъ 4, швейцарцевъ 1 и вестфальц. 2. Нижнихъ чиновъ: французовъ 86-ть, итальянцевъ 35-ть, поляковъ 33, испанцевъ 54, нѣмцевъ 17-ть, голландцевъ 6-ть, кроатцевъ 6-ть, вестфальцевъ 6-ть, португальцевъ 2, виртемберецъ 1, пруссакъ 1, баденецъ 1. Изъ этого видно, что въ числѣ плѣнныхъ болѣе всего было католиковъ. По названіямъ войска плѣнные были: гвардейцевъ 7, гвардейской кавалеріи 10, гренадеровъ 12, егерей 12, легкой пѣхоты 40, улановъ (ланціеровъ) 6-ть, кирасиръ 5-ть, драгунъ 3, гусаровъ 11-ть, артиллеріи 4, фурштатскихъ полковъ 6-ть, линейной пѣхоты 134 и нестроевыхъ 4. Въ числѣ рядовыхъ французовъ находился Андрей Ролланъ, по ремеслу каменьщикъ, поступившій впослѣдствіи надзирателемъ гимназіи и очень извѣстный своею оригинальностію и строгостію въ обращеніи съ учениками. По чинамъ плѣнные были: капитанъ 1, поручиковъ 7, сержантовъ 75, фурьеръ 1, капраловъ 9, бараб. 1, труб. 1, рядовыхъ въ пѣхотѣ 178, въ конницѣ 51.

Съ окончаніемъ войны внутри Россіи въ 1813 году появилась зараза, распространенная, къ несчастію, въ другихъ частяхъ Имперіи плѣнными; поэтому м. н. п. предписалъ профессорамъ Фуксу, Брауну, Эрдману, Арнгольду, Реннарду и Калайдовичу составить правила для предохраненія отъ заразительныхъ болѣзней въ училищахъ Казанскаго учебнаго округа. Въ издаваемыхъ подъ редакціею профессора Городчанинова Казанскихъ Извѣстіяхъ также печатались статьи, касавшіяся военныхъ событій въ нашемъ отечествѣ; такъ напримѣръ въ № 47 помѣщены были донесенія въ двухъ рапортахъ генералъ-фельдмаршала князя Кутузова Государю Императору о побѣдахъ россійскаго войска.

Тутъ же, въ этомъ № 47, напечатана кантата на побѣду надъ французами 6-го и 8-го ноября 1812 года, сочиненная профессоромъ Городчаниновымъ. Кромѣ того, редак-

ція обратилась ко многимъ извѣстнымъ лицамъ въ губерніи для доставленія въ редакцію разныхъ статей; такъ въ 1812 году доставлены статьи: надв. сов. Свиньина, помѣщика Зиновьева.

4-го марта 1813 года пріѣхалъ въ Казань попечитель Салтыковъ. Осмотрѣвъ во всей подробности университетъ, гимназію и главное народное училище въ Казани, попечитель обратилъ особенное вниманіе на администрацію учебнаго округа, которымъ управлялъ совѣтъ университета до пріѣзда Салтыкова; такъ попечитель строжайше предписалъ всѣмъ директорамъ училищъ исполнять все въ точности и своевременно. Многіе изъ студентовъ университета и воспитанниковъ гимназіи часто производили безпорядки во время отпуска изъ казенныхъ заведеній и заражены были грубыми нравами, какъ напримѣръ пускали ракеты возлѣ суконной фабрики г. Осокина, часто, по ночамъ, производили шумъ на Черномъ озерѣ, а иногда это происходило и въ купеческихъ лавкахъ, даже извѣстны примѣры верховой ѣзды на коровѣ вмѣсто лошади; и потому нерѣдко случалось, что студенты забираемы были по ночамъ въ полицію тогдашнимъ полиціймейстеромъ Симоновымъ; для прекращенія этихъ безпорядковъ приняты попечителемъ строгія мѣры; такъ составлены были для студентовъ правила благочинія; сдѣланы выписки изъ разныхъ узаконеній, заключавшихъ въ себѣ наказанія и награжденія за проступки и благонравіе; такихъ артикуловъ составлено было 120-ть. Послѣдній артикулъ гласилъ: «Да исполнится желаніе университета, чтобы учрежденные для наказанія законы рѣдко исполнялись, но напротивъ, чтобы вышепоставленныя награжденія часто раздаваемы были».

Для инспектора студентовъ составлена была инструкція. Въ гимназіи воспитанники, по донесенію инспектора Лубкина, часто отлучались изъ классовъ, особенно латинскаго языка; тоже самое доносилъ помощникъ инспектора студентовъ Юнаковъ (¹); при всѣхъ предпринятыхъ мѣрахъ Юнаковымъ, студенты все таки не являлись на лекціи профессоровъ; также извѣстны кулачные бои на Кабанѣ, въ которыхъ принимали участіе долгое время и послѣ этого періода и студенты и гимназисты;—однимъ словомъ, можно сказать, не пре-

---

(¹) Дѣло архива Каз. унив. № 86 1812 г.

увеличивая, что въ студенческой и гимназической жизни совершался богатырскій эпосъ; и потому неудивительно, что попечитель Магницкій хотѣлъ смирить буйныя силы богатырей студентовъ и гимназистовъ постомъ и молитвою (5).

Съ другой стороны попечитель Салтыковъ съ самаго пріѣзда своего въ Казань сталъ благодѣтельствовать служившимъ въ его округѣ; такъ онъ старался облегчить жалкое положеніе въ матеріальныхъ средствахъ учителей народныхъ училищъ; выписывались, по его распоряженію, для всѣхъ учебныхъ заведеній округа учебныя пособія; такъ выписаны были книги путешествія вокругъ свѣта капитана Лисянскаго; разсмотрѣны были во всѣхъ педагогическихъ совѣтахъ гимназій и уѣздныхъ училищъ присланные министромъ народнаго просвѣщенія листы, составленные Зябловскимъ для землеописанія Россійской Имперіи; всѣ эти листы повѣрялись и дополнялись по отношенію той мѣстности, гдѣ находились гимназіи и училища Каз. учеб. окр.

Попечитель часто присутствовалъ на лекціяхъ и урокахъ профессоровъ университета и учителей гимназіи, въ особенности же на годичныхъ испытаніяхъ и публичныхъ экзаменахъ; такъ съ 17 до 27-го іюня происходили публичныя испытанія въ присутствіи попечителя въ гимназіи въ 26-ти классахъ, и съ 27-го до 5-го іюля въ университетѣ, гдѣ Салтыковъ и самъ испытывалъ многихъ студентовъ, и 6-го іюля, въ четыре часа по полудни въ гимназіи было торжественное собраніе въ присутствіи почетнѣйшихъ особъ и любителей учености, попечителя и профессоровъ университета. Магистръ и учитель гимназіи Срезневскій произнесъ рѣчь: «О примѣненіи учености къ жизни». Затѣмъ говорены были рѣчи на латинскомъ, нѣмецкомъ, татарскомъ и россійскомъ языкахъ. Изъ студентовъ слѣдующіе получили шпаги: Лентовскій, Спиридоновъ и В. Сахансkій; 6 учениковъ переведены въ университетъ; ученики гимназіи награждены похвальными листами и книгами, и сдѣланы были переводы изъ классовъ въ классы. Во время экзаменовъ въ гимназіи было 160-ть воспитанниковъ, въ томъ числѣ 85 дворянъ и 75 разночинцевъ.

---

(5) Въ 1811 г. по Высочайшему повелѣнію, отданъ былъ въ военную службу въ солдаты за дурное поведеніе ученикъ Иванъ Сокольскій. Дѣло архива универ. № 66 1811.

На казенномъ содержаніи 20 ч. дворянъ и 23 разночинцевъ; на пансіонерномъ 24 двор. и 8 разн.; своекоштныхъ 41 двор. и 38 разн. 12-го іюля попечитель отправился на Макарьевскую ярмарку для закупки разныхъ матеріаловъ, нужныхъ для университета и потомъ до 27-го августа обозрѣвалъ училища и гимназіи въ губерніяхъ: Нижегородской, Симбирской, Пензенской и Тамбовской и до пріѣзда его управлялъ округомъ комитетъ изъ профессоровъ: Брауна, Бартельса, Броннера, Литтрова и Томаса.

Въ іюлѣ, по предписанію министра н. п. и по предложенію попечителя, послѣдовало избраніе Брауна ректоромъ университета, а также избраны были деканы и прочіе члены, назначенные по уставу университета, и затѣмъ вскорѣ послѣдовало открытіе совѣта университета, а въ 1814 учреждено и правленіе, чрезъ что гимназія, оставшись при своемъ совѣтѣ и конторѣ и въ тоже время перемѣстившись въ собственныя свои зданія, совершенно отдѣлилась отъ университета и стала на ряду съ прочими губернскими гимназіями относиться въ присутствія университета, какъ то: въ совѣтъ, правленіе и училищный комитетъ, открытый еще съ 1811 года.

Покупка и отдѣлка домовъ для гимназіи съ 1806 года, производившаяся большею частію изъ штатной суммы, также дороговизна съѣстныхъ припасовъ и матеріаловъ для платья, обуви и проч., особенно усилившаяся съ 1807 года, были причиною, что въ числѣ 80 казенныхъ, по уставу положенныхъ, былъ большой недочетъ. Но, по окончаніи стройки, снисходя однакожъ дороговизнѣ, попечитель Румовскій требовалъ, чтобы съ 1812 года содержать казенныхъ воспитанниковъ по крайней мѣрѣ до 60-ти учениковъ, помѣщая въ то число и дѣтей бѣдныхъ чиновниковъ по учебной части. Въ тоже время попечитель испросилъ у министра разрѣшеніе брать съ пансіонеровъ-студентовъ и учениковъ по 250 рублей, а съ полупансіонеровъ по 150 руб. въ годъ, не раздѣляя на дворянъ и разночинцевъ. Съ 1812-го же года постановлено правиломъ сообразно 40-й статьѣ предварительныхъ правилъ устава народнаго просвѣщенія, сравнительно съ педагогическимъ институтомъ, обязывать родителей за дѣтей или самихъ казенныхъ студентовъ и учениковъ высшихъ классовъ гимназіи подпискою въ томъ, что послѣдніе, по окончаніи ученія, непремѣнно прослужатъ по учебной части по край-

ней мѣрѣ 6-ть лѣтъ, потому что цѣль и назначеніе казенныхъ ограничивались службою по учебной части, а до этого времени родители, отдавая дѣтей своихъ на казенное содержаніе и не зная напередъ, къ чему они способны будутъ, поручали ихъ въ полное и безусловное распоряженіе учебнаго начальства.

IV.

Состояніе гимназіи, по отдѣленіи ея отъ университета, подъ вѣдомствомъ онаго съ 1814 по 1835-й годъ, или до времени преобразованія гимназіи по уставу среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній 1828 года:

1) Составъ чиновъ гимназіи, по отдѣленіи ея отъ университета — 2) Сравненіе Казанской гимназіи въ правахъ съ губернскими гимназіями.— 3) Открытіе совѣта и конторы гимназіи въ 1814 году.—4) Причина возвышенія платы съ пансіонеровъ и содержаніе 50 казенныхъ воспитанниковъ.— 5) Пожаръ въ Казани 3-го сентября 1815 и причина крайняго разстройства положенія гимназіи, переведенной въ зданія университета.—6) Опредѣленіе учениковъ въ гимназію всѣхъ сословій и состояній и невыгоды увеличения числа учащихся въ гимназіи.—7) Свѣдѣнія о кантонистахъ, обучавшихся въ Казанской гимназіи съ 1818 до 1857 года.

Составъ гимназіи, по отдѣленіи ея отъ университета былъ слѣдующій:

1) Директоръ Яковкинъ.

2) Инспекторъ Лубкинъ, а послѣ него назначенъ былъ попечителемъ, 21-го января 1815 года, инспекторомъ гимназіи Николай Ибрагимовъ.

3) Законъ Божій преподавалъ учитель Унадышевскій, но, по предписанію попечителя, опредѣленъ былъ назначенный Архіепископомъ Казанскимъ и Симбирскимъ Павломъ Зерновымъ священникъ Грузинской церкви Тапаевскій, а духовникомъ гимназистовъ былъ священникъ Кресто-Воздвиженской церкви Смирновъ. (Дѣла архива Каз. гимназіи №№ 4 и 5 1814 г.).

4) Главный надзиратель Александръ Петровъ съ 1814 г. мая 27; онъ же преподавалъ исторію, географію и въ 3 отдѣленіи ариѳметику въ высшемъ классѣ.

5) Учитель опытной физики Честновъ.

6) Учителемъ философіи опредѣленъ былъ Запольскій, вмѣсто профессора Срезневскаго.

7) Учитель исторіи и географіи 2-го отдѣленія Упадышевскій.

8) Историческаго, географическаго и французскаго Илья Запольской.

9) Учитель естественной исторіи, технологіи, коммерческихъ наукъ и высшаго латинскаго класса Измайловъ.

10) Учитель французскаго высшаго Лейтеръ, а нижняго Дювиллардъ.

11) Учитель нѣмецкаго высшаго и греческаго Стефани.

12) Средняго нѣмецкаго Данковъ.

13) Средняго латинскаго Черниковъ.

14) Средняго славяно-россійскаго и 1-го исторіи и географіи Рыбушкинъ.

15) Нижняго россійскаго и ариѳметическаго Трофимовъ.

16) Первыхъ началъ россійскаго и ариѳметики Красновъ.

17) Нижняго нѣмецкаго Мейснеръ.

18) Татарскаго Хальфинъ.

19) Нижняго латинскаго Волоховъ, а послѣ смерти его Морозовъ.

20) Учитель чистописанія Петръ Васильевъ.

21) Музыки Нейманъ, пѣнія Новиковъ, рисованія Винокуровъ и Протопоповъ и танцованія Фавръ.

22) Надзиратели: Ивановъ, Комаровъ, Поляковъ и Сычуговъ.

23) Докторъ больницы профессоръ Эрдманъ.

24) Дежурные офицеры Поповъ и Лапшинъ.

25) Архитекторъ, учитель военной и гражданской архитектуры и библіотекарь адъюнктъ Петровскій.

26) Казначей Честновъ, экономъ Псаломщиковъ и Секретарь конторы Юферовъ, квартирмейстеръ Піокъ, а послѣ увольненія его за небытность во время пожара 1815 года въ гимназіи, назначенъ былъ Сычуговъ.

27) Учениковъ было:

1)	казенныхъ	58
2)	пансіонеровъ	25
3)	полупансіонеровъ	10
4)	своекоштныхъ	77
	Всего	174

Такъ какъ къ этому времени уже открыты были губернскія гимназіи и уѣздныя училища въ Казанскомъ учебномъ округѣ; то поэтому общими узаконеніями по министерству народнаго просвѣщенія и по особенному ходатайству начальства, и Казанская гимназія въ правахъ сравнена была съ губернскими гимназіями и уѣздными училищами.

Подъ вѣдомствомъ министра и начальствомъ попечителя Казанскаго учебнаго округа, въ подчиненности Казанскому университету, Казанская гимназія управлялась своимъ совѣтомъ и конторою подъ предсѣдательствомъ директора.

По отдѣленіи гимназіи отъ университета, совѣтъ былъ снова открытъ 13-го іюня 1814 года на основаніи положенія своего 1798 г. Членами совѣта, по предписанію попечителя, назначены были старшіе учители: Срезневскій, Ибрагимовъ, Измайловъ, Петровъ и Честновъ; послѣдній избранъ былъ секретаремъ совѣта; членами же конторы были: Директоръ, инспекторъ, главный надзиратель, казначей, экономъ, секретарь, архитекторъ и квартирмейстеръ.

Предметами разсужденій и дѣйствій совѣта составляли: пріемъ и увольненіе учениковъ, расположеніе учебнаго времени, улучшеніе способовъ преподаванія и введеніе постановленій, служившихъ руководствомъ учившимъ и учившимся.

Быстро на все распространявшаяся дороговизна была виною слѣдующихъ перемѣнъ: въ 1814 году въ августѣ утверждено министромъ народнаго просвѣщенія представленіе попечителя Салтыкова о томъ, чтобы брать за пансіонерное содержаніе учениковъ по 300 руб., а за полупансіонерное 200 р. 1816 года 14-го апрѣля изъявлено согласіе министра (6) на представленіе попечителя—содержать казенныхъ воспитанниковъ въ гимназіи только до 50 человѣкъ и брать съ пансіонеровъ по 400 руб., а съ полупансіонеровъ по 300 руб.; наконецъ въ 1822 съ марта мѣсяца разрѣшено министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія брать съ пансіонеровъ по 600 руб., а съ полупансіонеровъ по 350 р. въ годъ съ тѣмъ, чтобы штатная сумма, на содержаніе казенныхъ воспитанниковъ назначенная, имѣла нѣкоторое пособіе. При всей строгой расчетливости, при всей предусмотрительной оборотливости экономіи, содержаніе казеннаго воспитанника далеко не соотвѣтствовало положенному въ 1798 году.

(6) Дѣло архива Каз. гимназіи № 10 1816 г.

Для сравненія можно взять 1824 и 1825 годы, годы мира, въ которые еще примѣтно цѣны на все стали понижаться: на столъ каждому воспитаннику казенному въ сложности съ пансіонерами и полупансіонерами среднимъ числомъ вышло 95 руб. $3^3/_4$ коп.; на одежду и обувь въ сложности съ пансіонерами среднимъ числомъ употреблено 130 р. $85^3/_4$ коп.; и положивъ на счетъ неопредѣленныя замѣны бѣлья, починки и постройки кроватей, перемѣны столовой и кухонной посуды, разложивъ годичную плату повару и кастеляншѣ, обойдется содержаніе казеннаго воспитанника около 300 руб., не включая въ оное число расходовъ на отопленіе и освѣщеніе комнатъ и по учебной части на книги, ландкарты, бумагу, краски, карандаши и проч.

Но причиною самаго крайняго разстройства гимназіи былъ всеобщій пожаръ въ Казани въ 1815 году 3-го сентября, причинившій гимназіи на 89,087 руб. 80 коп. убытку. Въ этомъ пожарѣ почти всѣ классныя пособія сгорѣли; тѣмъ болѣе, что чины гимназіи спасали свои семейства и имущества въ городѣ, и потому не многіе изъ нихъ могли быть въ это время въ гимназіи, окруженной со всѣхъ сторонъ горѣвшими домами и улицами. Гимназія со всѣми принадлежавшими къ ней тогда домами истреблена была до тла. Слѣды этого несчастія едва изгладились въ теченіи 10-ти лѣтъ, безъ отягощенія государственной казны, заботливостію министерства, попечителей округа и ближайшаго начальства гимназіи. Такъ какъ зданія университета уцѣлѣли во время пожара, то гимназія опять помѣстилась въ зданіяхъ университета. Но съ расширеніемъ круга дѣйствій въ университетѣ и съ увеличеніемъ большаго числа учениковъ въ гимназіи, послѣдняя не могла уже имѣть достаточное помѣщеніе въ университетѣ, и потому пять лѣтъ гимназія тѣснилась въ нѣсколькихъ комнатахъ университетскихъ зданій, гдѣ были и спальни воспитанниковъ, и классы для всѣхъ учениковъ. Между тѣмъ, въ это время въ Россіи, послѣ событій 12 года, является потребность въ образованіи какъ между людьми высшаго сословія дворянства, такъ и въ среднихъ сословіяхъ чиновниковъ, духовенства и купечества. Въ гимназію стали опредѣляться ученики всѣхъ званій и состояній, исключая крѣпостныхъ людей, не только изъ окружныхъ губерній, гдѣ также уже открыты были гимназіи, но даже изъ отдаленныхъ краевъ Сибири. Замѣчательно, что на казенное содер-

жаніе, по предписаніямъ попечителя Салтыкова, старавшагося облегчить трудное положеніе учителей гимназій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ Казанскаго учебнаго округа, назначались преимущественно дѣти служившихъ въ ученомъ вѣдомствѣ этого учебнаго округа, а въ особенности дѣти учителей, заслуживавшихъ своею усердною службою вниманія попечителя. Кромѣ того, по Высочайшему повелѣнію Императора Александра I, назначались на казенное содержаніе дѣти убитыхъ или раненыхъ военныхъ офицеровъ; для чего въ гимназіи оставлялось нѣсколько незанятыхъ вакансій казенныхъ учениковъ. Дворянство также помѣщало дѣтей своихъ для обученія въ гимназію на ряду съ простолюдинами, съ дѣтьми мѣщанъ и кантонистовъ. Но невыгоды увеличенія числа учениковъ въ гимназіи, затруднительныя и обременительныя для самыхъ классовъ гимназіи, и которыя гимназія должна была сносить изъ необходимости—по недостатку учебныхъ заведеній въ Казани, при распространяющейся наклонности къ просвѣщенію во всѣхъ сословіяхъ народа, прекратились только при открытіи въ Казани въ 1835 году 2-й гимназіи, уѣзднаго и приходскихъ училищъ и по прекращеніи обученія кантонистовъ въ гимназіи. Говоря о кантонистахъ, мы считаемъ не лишнимъ представить здѣсь свѣдѣнія о кантонистахъ, обучавшихся въ 1-й Казанской гимназіи съ 1818 до 1857 года.

«О воспитаніи кантонистовъ въ гимназіи, можетъ быть (говоритъ г. Отто въ исторіи Новгородской дирекціи до 1828 г. (7)), не лишнимъ будетъ сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія. Факты объяснятъ, для чего обучались кантонисты въ гимназіи, чему и какъ»? Представляемые здѣсь факты могутъ также свидѣтельствовать о томъ, что кантонисты, бывшихъ Казанскихъ баталіоновъ и обучавшіеся въ 1-й Казанской гимназіи, требовали иногда со стороны начальства гимназіи особенныхъ заботъ и попеченій объ этихъ солдатскихъ дѣтяхъ, получавшихъ образованіе въ гимназіи для пользы службы по разнымъ отраслямъ управленія военнаго министерства, начальства которыхъ (управленій), къ сожалѣнію, не очень заботились объ участи этихъ кантонистовъ, служба которыхъ

---

(7) См. исторію Новгородской дирекціи, напечатанную по распоряженію министерства народнаго просвѣщенія, стр. 53.

была очень полезна и въ баталіонахъ кантонистовъ и въ упраздненныхъ училищахъ военнаго вѣдомства и въ существующихъ нынѣ начальныхъ военныхъ школахъ и даже въ учительской военной семинаріи въ Москвѣ, гдѣ находились наставники изъ кантонистовъ, учившихся въ 1-й Казанской гимназіи (Литвинниковъ и Григорьевъ).

Извѣстно, что учитель бывшихъ баталіоновъ кантонистовъ, кончившій даже полный гимназическій курсъ, обязывался прослужить въ унтеръ-офицерскомъ званіи 20-ть лѣтъ; а между тѣмъ, малограмотный унтеръ-офицеръ гвардейскихъ и армейскихъ полковъ могъ быть произведенъ въ офицеры за 12-ть и даже 8 лѣтъ.

Отдавая честь и справедливость начальству гимназіи за его заботы о воспитаніи кантонистовъ въ этомъ учебномъ заведеніи, мы должны однакожъ замѣтить, что въ 1853-мъ году бывшій директоръ гимназіи Растовскій входилъ съ представленіемъ къ попечителю Казанскаго учебнаго округа о недопущеніи вовсе кантонистовъ для обученія въ гимназіи. Этотъ фактъ напомнилъ намъ другой, подобный случай изъ гимназической жизни: Въ 1849 году учитель бывшихъ Казанскихъ баталіоновъ военныхъ кантонистовъ В. пожелалъ въ свободное отъ занятій время слушать уроки нѣкоторыхъ учителей 1-й гимназіи, на что, конечно, требовалось дозволеніе бывшаго тогда попечителя Молоствова. Явившись по этому поводу къ бывшему тогда директору гимназіи Галкину, этотъ учитель, къ сожалѣнію своему, встрѣтилъ категорическій отказъ въ своемъ стремленіи къ самообразованію; но въ этомъ дѣлѣ принялъ живое участіе тогдашній инспекторъ гимназіи С., испросивъ на то позволеніе попечителя, и вышеупомянутый учитель ходилъ слушать уроки нѣсколько лѣтъ, что и дало возможность ему—слушать лекціи съ 1860 года до 1864 г. и въ университетѣ, а потомъ перейти на службу по министерству народнаго просвѣщенія преподавателемъ гимназіи.

Представляемыя здѣсь свѣдѣнія о кантонистахъ, обучавшихся въ гимназіи, извлечены изъ дѣлъ архива бывшимъ секретаремъ педагогическаго совѣта первой Казанской гимназіи въ 1851 году Ладухинымъ (они также провѣрены нами и въ дѣлахъ архива упраздненнаго Казанскаго училища военнаго вѣдомства), вслѣдствіе предписанія ему (Ладухину) бывшаго тогда директора Растовскаго отъ 23-го ноября того же года.

Изъ рапорта, поданнаго секретаремъ, видно, что кантонисты начали обучаться въ гимназіи съ 1818 года. Но намъ извѣстно, что первое сношеніе бывшаго въ Казани военно-сиротскаго отдѣленія съ гимназіею началось еще въ 1806 году, когда комендантъ Жоховъ прислалъ въ гимназію воспитанниковъ этого отдѣленія для экзамена на учительское званіе изъ ариѳметики. 27-го февраля 1817 года присланы были отъ коменданта барона Пирха 4 воспитанника для испытанія въ ариѳметикѣ, грамматикѣ и рисованіи, по случаю отправленія ихъ въ военно-топографическое депо. Въ 1818 году, по предписанію училищнаго комитета при Казанскомъ университетѣ отъ 31-го августа, послѣдовавшему вслѣдствіе отношенія Казанскаго коменданта, принято въ Казанскую гимназію 6-ть человѣкъ ([8]) для приготовленія къ учительскимъ должностямъ по отдѣленіямъ военныхъ кантонистовъ. Потомъ 1820 года дежурный генералъ главнаго штаба Его Императорскаго Величества входилъ въ сношеніе съ министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія о допущеніи по 12 человѣкъ изъ малолѣтковъ военно-сиротскихъ отдѣленій обучаться при каждой губернской гимназіи съ цѣлію приготовлять ихъ въ учители по отдѣленіямъ, на что министромъ и было дано согласіе, изъявленное въ предписаніи бывшаго попечителя Казанскаго учебнаго округа 22-го ноября того 1820 года совѣту Казанскаго университета. Для этой же цѣли, т. е. для приготовленія къ занятію учительскихъ мѣстъ по отдѣленіямъ, въ 1825 году, согласно предписанію совѣта Казанскаго университета 18-го октября за № 1333-мъ совѣту гимназіи, принято въ эту послѣднюю еще 24 человѣка. Да и ранѣе сего, въ 1823 году, комендантъ вслѣдствіе распоряженія исправлявшаго должность главнаго штаба Его Императорскаго Величества представилъ въ Казанскую гимназію, а совѣтъ оной на основаніи предписанія бывшаго попечителя совѣту университета 2-го ноября № 1372, помѣстилъ въ оную еще 12-ть кантонистовъ для обученія восточнымъ языкамъ, съ цѣлію приготовлять изъ нихъ переводчиковъ для военнаго вѣдомства. Такимъ образомъ, по выбытіи

([8]) Вотъ фамиліи этихъ учениковъ: Осиповъ, Орловъ, Дмитрій Москвинъ, Кочетовъ, Питунинъ и Пономаревъ. Дѣло арх. Каз. гимназіи. 1818 г. № 23.

первыхъ 6-ти человѣкъ, въ Казанской гимназіи по 1828 годъ обучалось постоянно 48 человѣкъ военныхъ кантонистовъ, изъ которыхъ 36-ть человѣкъ предназначались для занятія учительскихъ должностей, а 12—въ переводчики по восточнымъ языкамъ; но въ 1828 году послѣдовало Высочайшее повелѣніе, изъясненное въ циркулярномъ предписаніи бывшаго попечителя конторѣ Казанской гимназіи 21-го февраля за № 309-мъ—не принимать въ гимназіи военныхъ кантонистовъ, кромѣ тѣхъ, гдѣ преподаются восточные языки, и въ таковыхъ упражнять ихъ преимущественнѣе въ сихъ языкахъ, а также въ черченіи и рисованіи съ тѣмъ, чтобы окончившихъ курсъ, какъ сказано въ приказѣ начальника штаба Его Императорскаго Величества 2-го того же февраля, № 15,—переводить въ С. Петербургскій баталіонъ военныхъ кантонистовъ для дальнѣйшаго пріуготовленія ихъ въ топографы.

А въ 1831 году, 9-го января въ ст. 6-й журнала педагогическаго совѣта гимназіи записано отношеніе командира казанскихъ баталіоновъ военныхъ кантонистовъ, обучающихся восточнымъ языкамъ—пріуготовлять въ переводчики.

Всѣхъ кантонистовъ, поступившихъ въ 1-ю Казанскую гимназію для обученія восточнымъ языкамъ съ 1823 по 1852 годъ, было: 102 человѣка, а именно:

Въ 1823	году	поступило	12
— 1825	—	—	24
— 1827	—	—	1
— 1828	—	—	2
— 1832	—	—	3
— 1834	—	—	8
— 1836	—	—	4
— 1838	—	—	9
— 1839	—	—	2
— 1840	—	—	2
— 1842	—	—	6
— 1845	—	—	4
— 1847	—	—	3
— 1848	—	—	7
— 1849	—	—	7
— 1850	—	—	3
— 1851	—	—	3
— 1852	—	—	2
			102 челов.

Эти 102 кантониста поступили собственно изъ бывшихъ баталіоновъ военныхъ кантонистовъ; но такъ какъ въ гимназіи обучались еще кантонисты пороховаго завода, артиллерійскаго и морскаго вѣдомства въ Казани и другихъ военныхъ командъ, то, какъ видно изъ архивныхъ дѣлъ канцеляріи, а въ особенности изъ списковъ годичныхъ экзаменовъ вообще, съ 1818 года обучалось кантонистовъ въ гимназіи:

1818 —	6	1836 —	6
1819 —	6	1837 —	6
1820 —	6	1838 —	10
1821 —	18	1839 —	11
1822 —	17	1840 —	12
1823 —	24	1841 —	12
1824 —	24	1842 —	12
1825 —	47	1843 —	11
1826 —	48	1844 —	11
1827 —	48	1845 —	11
1828 —	51	1846 —	12
1829 —	51	1847 —	12
1830 —	43	1848 —	12
1831 —	25	1849 —	12
1832 —	19	1850 —	12
1833 —	6	1851 —	12
1834 —	12	1852 —	12
1835 —	12		

Сверхъ того, въ 1824 году обучалось юнкеровъ и унтеръ-офицеровъ казанскаго учебнаго баталіона 20 человѣкъ.

Изъ числа учившихся въ гимназіи кантонистовъ съ 1818 года до 1857 года, времени прекращенія обученія кантонистовъ въ гимназіи, кончили курсъ: въ 1822 году 5-ть чел.: Москвинъ, Осиповъ, Яковлевъ, Кочетовъ, Питунинъ, поступившіе въ учители въ Казанское военное отдѣленіе. Въ 1829 году кончили: Чулковъ, Петровъ, Ершевъ, Галкинъ, Кирсановъ, Андреевъ; въ 1830: Нагавицынъ, Александровъ, Захаровъ, Козинъ, Кислицынъ, Савельевъ, Шевелевъ, Ушаковъ, Нечаевъ, Николаевъ; въ 1835 году: Дямиповъ; въ 1836: Вагаповъ. Въ 1839 году стали поступать въ гимназію кантонисты только русскаго происхожденія, а до сего времени были и татары; такъ въ 1837 обучались: Мухамедіаровъ, Аса-

новъ, Абсалямовъ, Медіаровъ, Газеевъ и Мусинъ. Въ 1845 году кончилъ курсъ Иванъ Гавриловъ; въ 1852 году Егоръ Литвинниковъ; въ 1853 году: Николай Кузнецовъ: въ 1856 году: Пискуновъ и Панфилъ Григорьевъ и въ 1858 году кончилъ курсъ исключенный изъ военнаго вѣдомства кантонистъ, продолжавшій ученіе въ гимназіи, Порфирій Григорьевъ, служащій въ настоящее время штатнымъ смотрителемъ въ Ардатовскомъ уѣздномъ училищѣ Нижегородской дирекціи. Александровъ, Дяминовъ, Вагановъ, Гавриловъ, Литвинниковъ, Кузнецовъ, Пискуновъ и Григорьевъ, служили учителями въ бывшихъ баталіонахъ военныхъ кантонистовъ и въ упраздненныхъ училищахъ: Казанскомъ, Оренбургскомъ, Омскомъ и Тобольскомъ; всѣ же прочіе выбыли изъ гимназіи до окончанія курса; 7 человѣкъ вытребованы на службу, и по большей части къ учительскимъ должностямъ; такъ въ 1845 году изъ числа этихъ 7-ми человѣкъ опредѣлены были учителями: Ильичевъ, Михайловъ, Павловъ, Петровъ, а въ 1848 году опредѣленъ былъ учителемъ кантонистъ, учившійся въ 7-мъ классѣ гимназіи— Ефимовъ, служащій въ настоящее время чиновникомъ во II-мъ отдѣленіи собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи; 3 взяты изъ гимназіи для опредѣленія въ другое вѣдомство; 2 возвращены родителямъ на пропитаніе; 3 исключены за смертію, 1 за слабостію здоровья; 1 за побѣгъ изъ баталіоновъ, 1 за дурное поведеніе и 48 за неспособность и неуспѣшность и за тѣмъ въ гимназіи оставалось въ 1852 году 12 человѣкъ; къ нимъ поступило еще: въ 1853 году 3 человѣка.

Что же касается до неуспѣшности, бывшей причиною исключенія столь значительнаго числа кантонистовъ, то отчасти, можетъ быть, было то, что они несвоевременно снабжались учебными пособіями и не доставало за ними наблюденія со стороны ихъ военнаго начальства, о чемъ начальство гимназіи и входило съ нимъ неоднократно въ сношенія: (смотри дѣла 1835 г., № 110, 1843, № 32, 1846 г., № 20 и 1848 г., № 60); а главною было нерасположеніе къ наукамъ самихъ кантонистовъ, не видѣвшихъ въ нихъ для себя никакихъ матеріальныхъ выгодъ и преимуществъ по службѣ.

Директоръ Растовскій входилъ рапортомъ отъ 27-го января 1853 года къ попечителю, за № 45-мъ о недопущеніи кантонистовъ учиться въ гимназіи; но изъ дѣлъ не видно отвѣта на это, и кантонисты продолжали ученіе въ гимназіи до

1857 года, когда упразднены были самые баталіоны кантонистовъ. Впрочемъ, предписаніемъ попечителя отъ 25-го ноября 1854 года за № 4157, основаннымъ на отношеніи департамента народнаго просвѣщенія, требовались по этому предмету слѣдующія свѣдѣнія: всѣ ли предметы гимназическаго курса были преподаваемы кантонистамъ, обучавшимся въ 1-й гимназіи; какія и въ какомъ количествѣ требовались издержки по обученію тѣхъ кантонистовъ. Въ донесеніи объ этомъ директора попечителю отъ 3-го декабря того 1854 года за № 555 видно, что кантонисты обучались всѣмъ предметамъ полнаго гимназическаго курса, кромѣ латинскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ, а также кантонисты обучались восточнымъ языкамъ, и хотя въ 1825 году (⁹) и были помѣщены на жительство въ Казанскую гимназію 47 обучавшихся кантонистовъ, но изъ дѣлъ канцеляріи не видно, чтобы гимназія употребляла на обученіе ихъ какія либо издержки кромѣ освѣщенія и отопленія комнатъ, которыя были заняты кантонистами. Кромѣ того, извѣстно, что по сношеніямъ высшаго начальства допущены въ Казанскую гимназію къ слушанію лекцій всѣ юнкеры и унтеръ-офицеры изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей 3-го карабинернаго баталіона въ Казани и потомъ въ университетѣ татарскаго языка. Попечитель Магницкій приказалъ награждать кантонистовъ за отличіе въ Законѣ Божіемъ книгами Св. Писанія. Магницкій болѣе всѣхъ попечителей заботился о лучшемъ образованіи кантонистовъ въ гимназіи; такъ въ 1822 онъ старался снабдить всѣхъ кантонистовъ всѣми нужными книгами для гимназическаго курса. Въ исторической запискѣ Казанскаго университета за 1822—1823 годъ, напечатанной въ Казанскомъ Вѣстникѣ 1825 г. части 14-й, стр. 283, о кантонистахъ говорится слѣдующее: «Кантонисты Казанскаго Военно-Сиротскаго отдѣленія, обучающіеся въ Казанской гимназіи, для приготовленія къ учительскимъ должностямъ, столько успѣли въ преподанныхъ имъ наукахъ, что признаны были достойными къ поступленію въ университетъ. Хотя сіе распоряженіе не могло быть приведено въ дѣйство, по правиламъ, военнымъ начальствомъ принятымъ, для образованія кантонистовъ, но тѣмъ не меньшую дѣлаетъ честь учебному вѣдомству».

(⁹) Дѣло архива Каз. гимназіи 1825 № 54, стр. 6.

V.

1) Гимназія, поставленная, по отдѣленіи ея отъ университета, въ зависимость отъ училищнаго комитета, и затрудненія поэтому поводу членовъ совѣта гимназіи выполнить въ точности положеніе о Казанской гимназіи 1798 года, такъ какъ училищный комитетъ управлялъ гимназіею на основаніи устава губернскихъ гимназій вообще.—2) Доносъ учителя Измайлова на главнаго надзирателя Петрова и послѣдствія этого доноса.—3) Нравственность воспитанниковъ въ гимназіи и внѣ оной.—4) Матеріальные недостатки по содержанію гимназіи послѣ пожара 1815 года и купленныя учебныя пособія.—5) Публичный экзаменъ 1817 года и пріѣздъ въ Казань въ этомъ году Великаго Князя Михаила Павловича.—6) Открытіе уѣздныхъ училищъ въ Казанскомъ учебномъ округѣ.—7) Производство учителей гимназіи въ чины, новые учители и число учениковъ гимназіи въ 1816 году.—8) Отстройка сгорѣвшихъ зданій гимназіи и недостатокъ 18000 руб. на содержаніе гимназіи въ 1818 году.—9) Потребованныя Княземъ Голицынымъ свѣдѣнія о недостаткахъ и опущеніяхъ въ Казанской гимназіи въ 1818 г.—10) Образованіе ученаго комитета при департаментѣ народнаго просвѣщенія въ 1817 г. и распоряженія этого комитета относительно учебныхъ руководствъ, употреблявшихся въ гимназіяхъ и училищахъ въ 1818 году.

По отдѣленіи гимназіи отъ университета, Яковкинъ желалъ быть въ управленіи ввѣреннымъ ему учебнымъ заведеніемъ независимымъ отъ совѣта университета. Объ этомъ совѣтъ гимназіи представилъ попечителю; но послѣдній отказалъ совѣту на основаніи § 1-го устава учебныхъ заведеній, и вмѣстѣ съ тѣмъ предписалъ совѣту гимназіи впредь объ увольненіи, опредѣленіи учителей и о всѣхъ прочихъ до учебной части относящихся случаяхъ, превышающихъ власть гимназическаго совѣта, представлять на разрѣшеніе совѣта университета. Получивъ это предписаніе, совѣтъ представилъ попечителю (30-го ноября 1814 года) о затрудненіяхъ, какія могутъ встрѣтиться при этомъ исполненіи по причинѣ подчиненія гимназіи университету на основаніи предписаній попечителя и сообщеній университета отъ 12 ноября за № 770 ([10]): Сущность этихъ затрудненій заключалась въ томъ, что совѣтъ гимназіи обязанъ былъ въ дѣлахъ своихъ подчиняться и совѣту университета и училищному комитету, при ономъ состоящему, и потому совѣтъ гимназіи былъ въ недоумѣніи, въ

([10]) Дѣло архива Каз. гимназіи 1814 г. № 20.

которое именно изъ сихъ мѣстъ должно относиться въ дѣлахъ, превышающихъ власть.

На основаніи предписанія попечителя совѣтъ университета въ завѣдываніи гимназіею долженъ наблюдать, чтобы внутреннее управленіе оной основано было въ точности на особенномъ положеніи, Высочайше гимназіи дарованномъ; но на основаніи этого же предписанія Императорская Казанская гимназія подчиняется университету на ряду съ губернскими гимназіями какъ по учебной, такъ и по хозяйственной части; а какъ внутреннее управленіе всѣхъ губернскихъ гимназій производится по особеннымъ единообразнымъ правиламъ; то по этому Казанская гимназія должна будетъ сообразоваться съ этими правилами и во внутреннемъ своемъ управленіи. Такимъ образомъ не только совѣтъ сей гимназіи не въ состояніи будетъ выполнять въ точности Высочайше дарованнаго ей положенія, котораго никто, кромѣ Высочайшей власти ни уничтожить, ни отмѣнить, ни перемѣнить не можетъ; но и самая гимназія останется неблагодарною къ памяти щедраго оной основателя Государя Императора Павла I и счастливаго Его Преемника, утвердителя Казанской гимназіи Александра I, даровавшихъ оной гимназіи особенныя преимущества для пользы образующагося здѣсь юношества. Представляя обо всемъ этомъ попечителю, совѣтъ гимназіи просилъ его, если онъ не желаетъ управлять по прежнему гимназіею, то бы снабдилъ совѣтъ ея точнѣйшимъ предписаніемъ относительно подчиненія гимназіи совѣту университета, и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы члены совѣта гимназіи не были въ отвѣтственности за неисполненіе Высочайше утвержденнаго о ней положенія.

На это представленіе совѣта гимназіи попечитель окончательно предписалъ обращаться въ училищный комитетъ по учебной и хозяйственной части. Впрочемъ, послѣ совѣтъ гимназіи опять сталъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ прямо обращаться къ попечителю.

Въ совѣтѣ гимназіи между членами совѣта и директоромъ (первые были большею частію прежніе ученики его по гимназіи) возстановилось полное согласіе, кромѣ члена совѣта, учителя Измайлова, который всегда старался вредить чѣмълибо членамъ совѣта по службѣ, для чего даже обращался

иногда съ жалобою прямо къ попечителю Салтыкову, жившему въ Казани до 20 января 1816 года ([11]).

Измайловъ обучался въ С. Петербургскомъ педагогическомъ институтѣ въ 1808 году, откуда поступилъ учителемъ естественной исторіи въ Псковскую губернскую гимназію въ 1810 году; но въ томъ же году отрѣшенъ былъ отъ должности. По открытіи классовъ, преподаванія естественной исторіи, технологіи и коммерческихъ наукъ въ Казанской гимназіи, Измайловъ, по назначенію министра народнаго просвѣщенія въ 1811 году, назначенъ былъ преподавателемъ этихъ предметовъ въ Казанскую гимназію. Послѣ разныхъ столкновеній съ членами совѣта, какъ увидимъ ниже, Измайловъ принужденъ былъ, какъ говорится волею и неволею, подать въ отставку въ 1818 году. «Прослуживши отечеству 10 лѣтъ въ званіи учителя гимназіи, писалъ Измайловъ въ своемъ прошеніи, я не намѣренъ больше продолжать сію службу; почему, слагая съ себя почтенную должность наставника юношества, прошу уволить меня изъ гимназіи» ([12]).

4-го марта 1815 года онъ письменно заявилъ въ совѣтѣ, что учитель Запольскій не имѣетъ права обучать въ гимназіи философіи, и кромѣ того, будто бы Запольскій дерется въ классѣ съ учениками. Когда совѣтъ гимназіи потребовалъ отъ Измайлова законныхъ доказательствъ по этому случаю, то онъ донесъ, что Запольскій билъ ученика Шапошникова по головѣ книгой и таскалъ его за волосы; причемъ выставилъ свидѣтелемъ этого происшествія учителя Лейтера; но послѣдній объявилъ совѣту, что онъ говорилъ съ Измайловымъ только о горячности характера Запольскаго, но не желалъ быть доносчикомъ на него, и потому Измайловъ употребилъ во зло, преувеличивъ разговоръ Лейтера о Запольскомъ. По поводу заявленія Измайловымъ о томъ, что Запольскій не можетъ преподавать философіи, послѣднему произведено испытаніе, по которому оказался вполнѣ достойнымъ занять должность преподавателя философіи. Черезъ годъ Измайловъ затѣялъ непріязненныя отношенія съ главнымъ надзирателемъ Петровымъ: 28-го января ([13]) Измайловъ донесъ

([11]) См. № 7 Казанскихъ Извѣстій 1816 г.

([12]) Дѣло архива Каз. гим. 1818 № 15.

([13]) Дѣло архива Каз. гим. 1815 г. № 11, протоколъ 28 января.

совѣту, что главный надзиратель увольняетъ учениковъ изъ классовъ самовольно, чрезъ что присвоиваетъ себѣ власть инспектора, вовсе ему не принадлежащую; нарушаетъ порядокъ ученія и самые классы дѣлаетъ пустыми, какъ это случилось 26-го января въ классѣ естественной исторіи, въ которомъ никого не было изъ воспитанниковъ, кромѣ Сапожникова, который объявилъ Измайлову, что Васильевъ боленъ, а Маньковскій отпущенъ главнымъ надзирателемъ; о чемъ Измайловъ заявилъ инспектору Ибрагимову и засвидѣтельствовалъ дежурнымъ офицеромъ Поповымъ. Измайловъ требовалъ, чтобы съ главнымъ надзирателемъ поступлено было по законамъ.

По этому донесенію Измайлова, совѣтъ гимназіи потребовалъ объясненій отъ инспектора Ибрагимова и дежурнаго офицера Попова; но первый отказался по причинѣ недавняго вступленія въ должность инспектора, а потомъ потребовано было объясненіе по этому поводу отъ бывшаго инспектора Лубкина; послѣдній отозвался, что «случай, выставленный Измайловымъ, кажется столь маловажнымъ, что изъ него нельзя сдѣлать никакого заключенія, потому что главный надзиратель, какъ непосредственный и ближайшій начальникъ надъ гимназистами, имѣетъ право позволять имъ на время отлучиться изъ гимназіи самъ собою и безъ отношенія къ слѣдующему начальнику гимназіи, коль скоро послѣднее, смотря по обстоятельствамъ, будетъ или невозможно, или не нужно. Потому и надлежало бы Измайлову случай сей привести въ надлежащую ясность, дабы прямо могъ оный случай служить къ обвиненію главнаго надзирателя. Но не смотря на сіе, Измайловъ изъ такого имъ приводимаго единственнаго случая, который во всякомъ отношеніи долженъ остаться маловажнымъ, даже если бы и въ худую сторону былъ перетолкованъ, изъ такого, говорю случая, выводитъ рѣшительное общее заключеніе о главномъ надзирателѣ, какъ о присвоителѣ, не принадлежащихъ ему правъ, разстроителѣ классовъ и какъ о достойномъ поступленія съ нимъ по законамъ. Но такое торопливое и слишкомъ увеличенное заключеніе, дѣлаемое ко вреду другаго, заставляетъ подозрѣвать, или нѣкоторую личность, или страсть, преобладающую духомъ и нетерпѣливо ищущую случаевъ, дабы ими воспользоваться для своихъ видовъ А потому и доносъ сей на главнаго надзирателя кажется мнѣ очень сомнительнымъ въ разсужденіи его

искренности и безпристрастія и заключающимъ въ себѣ нѣчто подобное доносу имъ же, Измайловымъ, недавно предъ симъ сдѣланному на дежурнаго офицера Лапшина, происшествіе котораго у всѣхъ въ свѣжей еще памяти».

Дежурный офицеръ Поповъ заявилъ совѣту, что 26-го января учитель Измайловъ, оставивъ классъ свой, пришелъ къ нему въ кладовую инспектора и объявилъ, что у него нѣтъ учениковъ въ классѣ, кромѣ Сапожникова, и потому оставляетъ классъ и отправляется къ попечителю. Черезъ часъ Измайловъ опять явился въ кладовую и объявилъ Попову, что скоро прибудетъ въ гимназію самъ попечитель. Въ это время Измайловъ увидѣлъ, что въ дневной запискѣ дежурнаго Попова отмѣченъ не бывшимъ въ классѣ по болѣзни учитель Честновъ, и потому потребовалъ отъ Попова записки о болѣзни Честнова и вмѣстѣ съ тѣмъ спрашивалъ дежурнаго, свидѣтельствованъ ли докторомъ больной Честновъ, и что обо всемъ этомъ спроситъ непремѣнно попечитель.

4-го февраля Измайловъ опять донесъ совѣту, что главный надзиратель Петровъ мучитъ и истязаетъ жесточайшимъ образомъ своекоштныхъ учениковъ, какъ то: 26-го января воспитанникъ Пуриковъ былъ посаженъ въ карцеръ на цѣлыя сутки за то, что разсмѣялся въ классѣ Петрова, а ученикъ Маковъ сидѣлъ въ карцерѣ трое сутокъ за то, что не выучилъ урока изъ Св. Исторіи, а потому Измайловъ требовалъ, чтобы Петровъ отрѣшенъ былъ отъ должности и преданъ былъ суду университета.

Совѣтъ потребовалъ по этому донесенію Измайлова объясненія отъ главнаго надзирателя, который донесъ 5-го февраля слѣдующее:

Воспитанники Пуриковъ и Маковъ были арестованы имъ не въ карцеръ, а въ одной комнатѣ съ сторожами. Первый былъ наказанъ за ложь и упрямство, а второй—за непозволительныя шалости и что эти наказанія назначены имъ съ согласія инспектора; поэтому съ своей стороны главный надзиратель проситъ совѣтъ защитить его отъ доносовъ Измайлова, и чтобы тотъ изъ нихъ (Измайлова и Петрова) отданъ былъ строжайшему суду, кто окажется виновнымъ.

По окончаніи всѣхъ этихъ объясненій, совѣтъ гимназіи представилъ все это дѣло на разсмотрѣніе совѣта университета, который, по обсужденіи всего этого, предписалъ 5-го марта: Измайлова уволить отъ присутствія въ совѣтѣ гимна-

зіи съ подтвержденіемъ, чтобы Измайловъ не вмѣшивался въ дѣла, до него не касающіяся, въ чемъ обязать его подпискою. Кромѣ того, 30 іюля совѣтъ университета далъ знать опять совѣту гимназіи, что министръ народнаго просвѣщенія, прочитавъ постановленіе правленія университета объ удаленіи Измайлова отъ присутствія въ совѣтѣ гимназіи, вполнѣ одобрилъ эту мѣру наказанія Измайлову, который, какъ уже извѣстно министру, удаленъ былъ отъ должности въ 1810 году въ Псковской гимназіи за сварливый характеръ, и потому министръ предписалъ объявить Измайлову, чтобы онъ исправился въ поведеніи и старался проходить должность свою съ надлежащимъ рачeніемъ, не обременяя начальства недѣльными бумагами своими.

Нравственность воспитанниковъ какъ въ гимназіи, такъ и внѣ оной, требовала особенныхъ заботъ и мѣры наказанія со стороны начальства гимназіи; такъ изъ дѣлъ видно, что ученики гимназіи Бояновскій и Кристъ скрылись изъ гимназіи 10 декабря ([14]) и явились уже вечеромъ въ 6-ть часовъ въ нетрезвомъ видѣ, за что были посажены подъ арестъ. Но были даже случаи побѣговъ изъ гимназіи казенныхъ воспитанниковъ за предѣлы губерніи; такъ изъ дѣла № 21, 1817 года видно, что 11-го сентября убѣжалъ изъ гимназіи ученикъ Ипполитъ Григорьевъ Богдановичъ, который взятъ былъ послѣ 13-го числа того же мѣсяца вмѣстѣ съ бѣжавшимъ своекоштнымъ ученикомъ Маньковскимъ въ Чебоксарахъ, откуда оба доставлены были по внутренней стражѣ въ Казанскую градскую полицію для доставленія въ гимназію. На допросѣ въ Чебоксарахъ ученики показали, что они отлучились изъ гимназіи съ цѣлію поступить въ военную службу; для чего они хотѣли явиться къ Нижегородскому губернатору. По разсмотрѣніи этого дѣла попечителемъ Салтыковымъ въ Петербургѣ, ученикъ Маньковскій, оказавшійся болѣе виновнымъ въ подстрекательствѣ къ побѣгу Богдановича, исключенъ вовсе изъ гимназіи, а Богдановичъ оставленъ въ гимназіи.

Съ отдѣленіемъ гимназіи отъ университета и въ особенности отъ истребленія зданій и имущества гимназіи, послѣдняя стала терпѣть во всемъ недостатокъ, и потому часто

([14]) Дѣло архива Каз. гимназіи 1816 г. № 30.

принуждена была брать изъ капитала гимназіи, хранившагося въ ломбардѣ Московскаго воспитательнаго дома и заимообразно изъ университетской суммы; такъ разрѣшено было попечителемъ взять изъ капитала гимназіи 4,295 р. 12 коп. 12 ноября 1817 г. и 16 января того же года взято уже было заимообразно 6000 рублей изъ университетской суммы для покупки вещей, истребленныхъ пожаромъ.

Болѣе всего, конечно, гимназія нуждалась въ учебныхъ пособіяхъ, не имѣя послѣ пожара ни кабинетовъ, ни библіотеки; поэтому Яковкинъ желалъ возвратить изъ университета натуральный кабинетъ и библіотеку князя Потемкина; но графъ Разумовскій не изъявилъ на это согласія [15], и потому гимназія должна была употребить большую сумму на пріобрѣтеніе учебныхъ пособій; кромѣ того, ежегодно покупались книги на значительную сумму для награжденія учениковъ, отличившихся на годичныхъ испытаніяхъ; такъ въ 1817 году куплены по этому случаю слѣдующія книги:

1) Анекдоты славныхъ мужей	3	р.	
2) Вечера, еженедѣльное сочиненіе	4	—	
3) Вильгельмъ Телль Флоріана	4	—	
4) Достопамятное въ Европѣ	3	—	50 к.
5) Духъ изящныхъ мнѣній	2	—	»
6) Достопамятности натуры	2	—	50 —
7) Эклоги Мерзлякова	3	—	»
8) Зеркало новаго Парижа	4	—	50 —
9) И отдыхъ въ пользу	3	—	»
10) Историческое изображеніе Грузіи	2	—	»
11) Краткое объясненіе объ индѣйцахъ	2	—	50 —
12) Картина Лондона	4	—	»
13) Логика общенародная	1	—	80 —
14) Лангедокская путешественница	3	—	50 —
15) Мысли о происхожденіи міровъ	3	—	50 —
16) Любопытный словарь животныхъ	2	—	50 —
17) Метафизика на латинскомъ языкѣ	2	—	»
18) Мазаніелло, историческій отрывокъ	3	—	50 —
19) Нѣкоторыя черты природы Поспѣловой	2	—	60 —

(15) Дѣло архива Каз. гимназіи 1815 № 6.

20) Начальныя основанія нравоученія . . . . 3 р. 30 к.
21) Опыты исторіи, письменъ и нравоученія 2 — »
22) Опыты Вольтера на эпическую поэзію . 2 — »
23) Опыты о человѣкѣ Попе . . . . 2 — »
24) О свободныхъ наукахъ . . . . 2 — 80 к.
25) Плачь Овидія съ латинскимъ . . . . 4 — 50 —
26) Похвальное слово Петру I-му Фонтенелля. 1 — 80 —
27) Прозаическіе цвѣтки . . . . 3 — 50 —
28) Путешествіе г. Бридона . . . . 3 —
29) Приключеніе Ѳемистокла . . . . 3 — 50 —
30) Поэма четыре времени года Томсона . . 4 — »
31) Поэма четыре времени года, переводъ Лубкина . . . . 4 — »
32) Сельскій житель Георгины . . . . 3 — »
33) Сочиненіе Деламберта . . . . 3 — 50 к.
34) Стихотворенія Оссіяна . . . . 3 — »
35) Собраніе острыхъ изрѣченій . . . . 2 — 50 к.
36) Творенія Гезіода . . . . 2 — 50 —
37) Фридерихъ при смерти . . . . 2 — 50 —
38) Цвѣтки Цицерона съ латинскимъ . . . . . 2 — 50 —
39) Азбука латинская . . . . 1 — 50 —
40) — нѣмецкая . . . . 1 — 20 —
41) — французская . . . . 1 — 20 —
42) Дружеское посланіе . . . . 1 — 20 —
43) Достопамятности французскихъ королей. 80 —
44) Этимологія французская . . . . 1 р. 20 —
45) Манчжурскаго и китайскаго Шун-джинъхана . . . . 1 — »
46) Путешествіе китайскаго посланника . . 1 — »
47) Письмо о поэтѣ Вольтера . . . . » 60 к.
48) Похвальное слово Генриху французскому. » 50 —
49) Примѣры для офицеровъ . . . . » 60 —
50) Стихотворенія Калмыкова . . . . » 80 —
51) Совершенство человѣческаго благополучія 1 р. »
52) Похвальное слово французскимъ офицерамъ . . . . » 50 к.
53) Сокращенная жизнь Карла Бургонскаго » 80 —
54) Сновидѣніе Аристовулова . . . . » 50 —
55) Таблицы растеній и животныхъ . . . . . . 1 р. 50 —
56) Упражненіе въ свободное время . . . . . . » 80 —

Итого . . . . 132 р. »

Для учебныхъ пособій выписаны были слѣдующія книги
1) Алгебръ и геометрій Фусса .... 20 экз.
2) Руководство къ ариѳметикѣ 1 и 2 ч...... 50 —
3) Математ. географій.................. 20 —
4) Философій Якоби ч. 1-я................ 25 —
5) Нѣмецкихъ грамматикъ Шумахера....... 30 —
6) Краткихъ россійскихъ грамматикъ ....100 —
7) Естественныхъ исторій Блуменбаха........ 50 —
8) Всеобщее землеописаніе ч. 1—2......... 25 —
9) Пространныхъ россійскихъ исторій Стриттера ч. 1, 2 и 3 .... 1 —
10) Краткихъ Св. Исторій ....100 —
11) Пространныхъ } .... 50 —
катихизисовъ безъ вопросовъ
12) Сокращенныхъ } .... 50 —
13) Латинскихъ учебныхъ книгъ .... 50 —
14) Описаніе всѣхъ частей свѣта.. .... 50 —
15) Технологій .... 50 —
16) Физикъ Шридера...................... 20 —
17) Латинскихъ грамматикъ Бредера.. ...... 50 —
18) Картъ 5-ти частей свѣта .... 3 —
19) Картъ историческихъ древней восточной и западной исторіи .... 1 —

Публичные экзамены происходили всегда 29-го іюня и въ томъ же порядкѣ, какъ и въ первые годы открытія гимназіи. Въ рѣчахъ, произносимыхъ на экзаменахъ, можно всегда найти отношенія къ событіямъ, совершавшимся внутри Имперіи и въ Европѣ вообще; такъ въ 1815 г. учитель Упадышевскій въ своей рѣчи касается событій, волновавшихъ тогда всю Европу; вотъ начало рѣчи: «О пользѣ исторіи въ нравственномъ образованіи человѣка»:

«Снова Европа приходитъ въ движеніе; снова слухъ нашъ оглашается повѣствованіями необычайныхъ происшествій, и снова сердца отъ страха и надежды трепещутъ!

Возможно ли, П. П., при сихъ обстоятельствахъ кому нибудь пребыть равнодушно, возможно ли не обратить любопытнаго взора на происходящія вокругъ насъ перемѣны, когда взоры цѣлой Европы, почти цѣлаго свѣта, устремлены на любезное наше отечество въ ожиданіи новаго освобожденія человѣчества отъ ига тиранства и возвращенія правъ свободы царямъ и народамъ»?

Ораторъ кончаетъ свою рѣчь обращеніемъ къ Монарху: «Августѣйшій Александръ!

Твои царственныя добродѣтели, мужество и кротость склонили на Тебя и отъ Тебя на насъ благословеніе Всевышняго; оно осѣняетъ Тебя и нынѣ грядущаго совершить предпріятый Тобою подвигъ — Божественный подвигъ воцарить миръ во всемъ мірѣ и благословенія подданныхъ и благословенія наши Тебя напутствуютъ».

Изъ представляемаго здѣсь описанія публичнаго собранія въ гимназіи 30-го іюня 1817 года видно, что лица всѣхъ сословій принимали живѣйшее участіе въ ходѣ образованія въ гимназіи:

«Іюня 30-го дня, по окончаніи экзаменовъ, Императорская Казанская гимназія имѣла торжественное собраніе для раздачи награжденій питомцамъ, отличившимся успѣхами, прилѣжаніемъ и благонравіемъ. Оное происходило слѣдующимъ порядкомъ:

По полудни въ 4 часа, по прибытіи правящаго должность гражданскаго губернатора, Казанскаго вице-губернатора, Ивана Николаевича Чернышева, артиллеріи генералъ-маіора Θедора Ивановича Ресдейна, Свіяжскаго Богородицкаго первокласснаго монастыря архимандрита Израиля, ректора университета и гг. посѣтителей, какъ духовныхъ, такъ военныхъ и гражданскихъ, актъ былъ открытъ симфоніею, по окончаніи которой учитель высшаго россійскаго класса Ибрагимовъ произнесъ рѣчь: «О необходимости знанія славянскаго языка для всякаго благовоспитаннаго Россіянина, а наче для Россіянина писателя», послѣ которой пѣтъ былъ хоръ; потомъ учитель средняго латинскаго класса Востоковъ произнесъ рѣчь «De stimulis, qui ad Latinarum litterarum scientiam impellant»; послѣ оной играла музыка, по окончаніи коей были произнесены учениками малыя рѣчи на латинскомъ, французскомъ, греческомъ, нѣмецкомъ, татарскомъ и россійскомъ языкахъ.

Послѣ сего ученикамъ, отличившимся прилѣжаніемъ, успѣхами и благонравіемъ, розданы награжденія, состоящіе въ большихъ и малыхъ похвальныхъ листахъ и книгахъ; ученики же, окончившіе курсъ ученія гимназическаго, получили аттестаты и при начатіи учебнаго времени поступятъ въ университетъ съ наименованіемъ студентовъ; послѣ сего играно было престо. Въ заключеніе инспекторъ Ибрагимовъ объявилъ

учащимъ и учащимся вакацію по 1 число августа; по окончаніи акта пѣтъ былъ хоръ».

Черезъ два мѣсяца послѣ описаннаго торжества въ гимназіи, послѣдней суждено было видѣть въ стѣнахъ своихъ Великаго Князя Михаила Павловича, пріѣхавшаго въ Казань 26-го августа 1817 г.

Въ городѣ ожидали Высокаго Посѣтителя еще съ 23-го числа августа. Изъ № 70 Казанскихъ Извѣстій видно, что многіе крестьяне, оставивъ работы свои, пришли въ Казань видѣть Великаго Князя. Отъ Московской заставы до самой крѣпости толпился народъ въ ожиданіи Царскаго Брата. Въ 10-ть часовъ вечера при освѣщеніи города и колокольномъ звонѣ въѣхалъ въ Казань Великій Князь. Проѣхавъ прямо въ соборъ, гдѣ былъ встрѣченъ архіепископомъ Амвросіемъ, Великій Князь отправился въ назначенный для помѣщенія домъ купца Крупенникова. На другой день, послѣ развода гарнизоннаго полка и осмотра военнаго госпиталя и коммиссаріата, Великій Князь удостоилъ своимъ посѣщеніемъ университетъ, гдѣ профессоръ Перевощиковъ поднесъ Ему привѣтствіе отъ лица ученаго сословія университета, а другіе профессоры поднесли свои сочиненія.

Тутъ же представлены были Яковкинымъ Высокому Посѣтителю чиновники гимназіи, послѣ чего Великій Князь посѣтилъ спальни учениковъ, гдѣ были и классы, почему Великій Князь замѣтилъ директору, что гимназія очень стѣснена въ помѣщеніи, и потому нужно скорѣе отстроить сгорѣвшій домъ. Изъ гимназіи Великій Князь отправился въ библіотеку университета, а оттуда въ военно-сиротское отдѣленіе и на пороховой заводъ. 28-го числа Великій Князь отправился изъ Казани въ Симбирскъ.

Такъ какъ въ Казанскомъ учебномъ округѣ ежегодно открывались новыя уѣздныя училища, то для приготовленія учителей для этихъ учебныхъ заведеній училищный комитетъ при университетѣ всегда имѣлъ въ виду, чтобы приготовленіе этихъ учителей было непремѣнно въ Казанской гимназіи, да и въ учители гимназій Казанскаго учебнаго округа поступили многіе изъ бывшихъ воспитанниковъ Казанской гимназіи, кончившихъ курсъ въ университетѣ, а бывшій ученикъ гимназіи Честновъ успѣлъ уже занять должность директора Оренбургскихъ училищъ, не говоря уже о томъ, что и въ Казанскомъ университетѣ нѣкоторыя каѳедры занимались бывши-

ми учениками Казанской гимназіи; такъ извѣстны: Кондыревъ, В. Перевощиковъ, Тимьянскій, Шопикъ, Кайсаровъ, Лобачевскіе, Е. Манассеинъ, Алехинъ, Юнаковъ, Симоновъ и Шопинъ;—однимъ словомъ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, открытыхъ въ Казанскомъ учебномъ округѣ при попечителѣ Салтыковѣ, дѣятелями были бывшіе ученики Казанской гимназіи; а дѣятельность Салтыкова съ 1812 до 1816 года была, при отъѣздѣ его въ Петербургъ, очень полезна для этого учебнаго округа; такъ 5-го іюля 1814 года торжественно открытъ былъ Казанскій университетъ; осмотрѣны были лично попечителемъ училища въ губерніяхъ: Тамбовской, Пензенской, Вятской и Пермской; предположено открыть въ 24 городахъ уѣздныя училища и предприняты мѣры къ открытію еще таковыхъ въ 25-ти городахъ, гдѣ не было никакихъ учебныхъ заведеній, также принято стараніе объ открытіи гимназій въ Тамбовѣ, Саратовѣ, Уфѣ и Томскѣ. Устройство уѣздныхъ училищъ въ городахъ Казанской губерніи было главнѣйшею заботою попечителя Салтыкова ([16]). Въ 1816 году при открытіи уѣздныхъ училищъ въ городахъ: Кунгурѣ, Слободскомъ, Сарапулѣ, Чебоксарахъ, Ардатовѣ, Чистополѣ Мензелинскѣ, Бузулукѣ, Моршанскѣ и Ставрополѣ училищный комитетъ, давая знать совѣту Казанской гимназіи о назначеніи учителей въ эти училища изъ воспитанниковъ гимназіи, требовалъ, чтобы молодые учители были въ состояніи, кромѣ преподаванія предметовъ въ уѣздныхъ училищахъ, приготовлять дѣтей помѣщиковъ и чиновниковъ въ гимназіи и университетъ, давая уроки въ домахъ родителей. При назначеніи учениковъ гимназіи и студентовъ университета изъ состоявшихъ на подушномъ окладѣ (купцевъ, мѣщанъ и вольноотпущенныхъ) въ учители и профессоры, начальство обязано было всегда представлять въ сенатъ, гдѣ эти учители и профессоры учились и какіе оказали таланты; такъ удостоены въ профессоры Иванъ Симоновъ изъ купцевъ; въ учители: Ярцевъ—изъ вольноотпущенныхъ и Ушаковъ. Въ уѣздные учители поступили въ 1816 году: А. Протопоповъ, Адоратскій, Кублицкій, Никитинъ, Второвъ, Трейденъ, Якимовскій, Поляковъ, Вороновъ, Волынскій; въ 1818 году: Богдановичъ, Полѣновъ, Глейнигъ, Иванъ Шалаевъ и Андреевъ. Кромѣ того,

---

([16]) № 7 Казанскихъ Извѣстій 1816 года, стр. 37.

военное министерство просило начальство гимназіи, нѣтъ ли изъ кончившихъ курсъ гимназіи, желающихъ поступить въ учители въ военно-сиротскія отдѣленія.

Министерство народнаго просвѣщенія желало преобразовать Казанскую гимназію сообразно уставу губернскихъ гимназій. По этому поводу попечитель предписалъ совѣту университета, на основаніи предложенія министра, составить новый планъ и штатъ для Казанской гимназіи, имѣющей быть соединенной съ губернской. Это было въ 1815 г. Черезъ два года опять возникаетъ мысль о преобразованіи гимназіи собственно по учебной части по примѣру преобразованія Петербургской гимназіи. Для этого совѣтъ университета прислалъ для соображенія совѣту гимназіи выписку изъ журнала главнаго училищъ правленія отъ 1-го марта 1817 г.

Преобразованія, произведенныя въ Петербургской гимназіи попечителемъ округа, касались слѣдующаго:

Отъ воспитанниковъ гимназіи, кромѣ малаго числа своекоштныхъ, требовалось знаніе латинскаго языка. Тоже самое предположено относительно греческаго языка. Такое требованіе знаній древнихъ языковъ отъ воспитанниковъ гимназій всѣхъ учебныхъ округовъ, по мнѣнію попечителя Петербургскаго округа, могло бы поставить гимназіи въ положеніе, составляющее средину между низшими училищами и университетами; а чтобы главное училищъ правленіе могло удостовѣриться въ выгодахъ или неудачахъ сего опыта по Петербургской гимназіи, попечитель просилъ назначить двухъ или трехъ членовъ правленія для осмотра Петербургской гимназіи и сличенія того или другаго курса. Петербургскій попечитель желалъ, чтобы изъ предметовъ, преподававшихся тогда въ гимназіяхъ, исключены были тѣ, которые предоставлены однимъ университетамъ; напримѣръ: политическая экономія, коммерческія науки, финансы, эстетика и философическая грамматика; напротивъ того, желательно было усилить преподаваніе Закона Божія, отечественнаго и классическихъ языковъ, исторіи въ пространномъ объемѣ, географіи со всѣми отдѣленіями, математическихъ наукъ, грамматики, логики, риторики, отечественной и иностранной словесности, особливо же, чтобы преподаваніе классическихъ языковъ признано было однимъ изъ главнѣйшихъ способовъ образованія. Главное училищъ правленіе, согласившись съ мнѣніемъ Петербургскаго попечителя, предложило всѣмъ попечителямъ сдѣлать нѣко-

торыя перемѣны въ обученіи во всѣхъ гимназіяхъ; о чемъ предложено было совѣтамъ университетовъ представить свои мнѣнія по этому поводу. Но Казанская гимназія не была вполнѣ преобразована до устава 1828 г. Хотя, вслѣдствіе осмотра Казанской гимназіи попечителемъ Магницкимъ въ 1819 году, и былъ составленъ совершенно новый проэктъ преобразованія Казанской гимназіи сообразно съ состояніемъ ея во время ревизіи Магницкаго; но и этотъ проэктъ не осуществился, и гимназія все еще должна была руководствоваться уставомъ 1798, примѣняясь въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ къ положенію о губернскихъ гимназіяхъ.

Отдѣльное положеніе Казанской гимназіи въ учебномъ округѣ не доставляло такихъ преимуществъ по службѣ учителямъ, какими пользовались наставники губернскихъ гимназій: такъ 1817 году учитель Ибрагимовъ не производился въ чинъ съ 1806 года, т. е. 11-ть лѣтъ; главный надзиратель Петровъ съ 1808 года не производился въ слѣдующій чинъ; учитель Честновъ, состоя на службѣ въ гимназіи съ 1809 года, все еще не имѣлъ чина; учитель Упадышевскій съ 1812 года не получалъ чиновъ; учители Запольскій (съ 1811 г.) и Рыбушкинъ (съ 1812 г.) не имѣли чиновъ. Поэтому совѣтъ гимназіи, основываясь на § 9-мъ устава учебныхъ заведеній, ходатайствовалъ о производствѣ этихъ учителей въ слѣдующіе чины. Самъ директоръ Яковкинъ былъ однако счастливѣе своихъ подчиненныхъ по службѣ: 27-го марта 1816 года онъ утвержденъ былъ въ званіи заслуженнаго профессора и въ этомъ же году произведенъ былъ въ коллежскіе совѣтники. Но ему уже не долго суждено было трудиться на ученомъ поприщѣ: въ 1819 году вмѣсто Салтыкова назначенъ былъ попечителемъ Магницкій, положившій конецъ дѣятельности Яковкина въ Казанской гимназіи.

Изъ учителей, поступившихъ вновь въ гимназію, извѣстенъ Θедоръ Блюменталь, родомъ изъ Пруссіи; онъ былъ домашнимъ учителемъ въ домѣ графа Ильи Андреевича Толстаго и выдержалъ экзаменъ въ Московской гимназіи въ 1810 году; въ комнатные надзиратели были опредѣлены: Аудиторъ Матвѣевъ и унтеръ-цейхвахтеръ Ефимовъ, изъ воспитанниковъ гимназіи—князь Чхейзе; профессору Кайсарову поручено было преподавать физику. Но, къ сожалѣнію, 17-го апрѣля 1818 года (17) гимназія лишилась своего инспектора и одного

(17) Дѣло архива Каз. гим. 1818 № 8.

изъ первыхъ учителей, поступившихъ въ нее въ 1799 году, Николая Ибрагимова; а прежде уже умерли изъ первыхъ учителей; Левитскій и Запольскій, а потомъ, 29-го апрѣля 1819 года умеръ Петровскій; вмѣсто Ибрагимова занялъ должность инспектора 27 іюня 1818 профессоръ Кондыревъ. Высшій латинскій языкъ взялъ на себя преподавать Бартельсъ, а технологію—Тимьянскій; французскій вмѣсто Дювилларда сталъ преподавать Натушъ, а артиллерію и фортификацію вмѣсто Петровскаго изъявилъ желаніе преподавать Петръ Васильевъ въ апрѣлѣ 1819, который при этомъ объявилъ совѣту, что онъ обучался въ Витебскомъ народномъ училищѣ, поступилъ потомъ въ іезуитское, при костелѣ сего ордена находившееся для усовершенствованія себя по части прикладной математики, военной и гражданской архитектуры и части артиллеріи, потомъ учился приватно у двухъ инженеровъ: у иностранца, инженера прусской службы Тиле и отставнаго поручика Буткевича.

Число учениковъ въ гимназіи все болѣе и болѣе увеличивается; такъ въ 1816 1-го сентября было: казенныхъ 47, пансіонеровъ 14, полупансіонеровъ 31 и своекоштныхъ 90, всего 183, а къ концу года было уже 194.

По заведенному порядку дежурные офицеры подавали еженедѣльно рапорты о состояніи классовъ, съ отмѣткою о не бывшихъ въ классѣ учителей; такъ въ сентябрѣ 1816 года пропущено учителями уроковъ, по болѣзни 44 и по законнымъ причинамъ 10, а въ октябрѣ 29, по болѣзни и 21 по законнымъ причинамъ.

Помѣщеніе гимназіи въ зданіяхъ университета было неудобно и крайне стѣснительно. Все это замѣтилъ, какъ мы видѣли выше, Великій Князь Михаилъ Павловичъ; но кромѣ того, помѣщеніе малолѣтнихъ учениковъ гимназіи со взрослыми студентами часто производило столкновенія, и потому въ февралѣ 1818 года совѣтъ гимназіи приступилъ къ отстройкѣ сгорѣвшаго гимназическаго дома; но гимназіи въ этомъ году не доставало на содержаніе 18,000 р. ([18]); а между тѣмъ на возобновленіе вновь гимназіи требовалось значительной суммы; къ тому же въ это время Салтыковъ былъ уже уволенъ по прошенію отъ управленія округомъ 4-го ав-

---

([18]) Дѣло архива Каз. гимназіи 1818 г. № 10, стр. 9.

густа 1818, и потому гимназія была въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Все это обратило на себя вниманіе министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князя Голицына, ([19]) который потребовалъ чрезъ совѣтъ университета 8-го октября подробныхъ свѣдѣній о состояніи Казанской гимназіи относительно содержанія ея, сколько потребно въ добавокъ по случаю недостатка 18,000 р. и предписалъ совѣту университета обратить все свое вниманіе на это заведеніе, бывшее въ такомъ упадкѣ, какъ директоръ гимназіи Яковкинъ донесъ князю Голицыну, и потому министръ потребовалъ также отъ совѣта университета, почему гимназія доведена была до такого состоянія и не приняты были надлежащія мѣры къ предупрежденію недостатковъ; отчего всѣ они произошли, и не было ли при этомъ, и отъ кого именно, какихъ либо опущеній? Конечно, князь Голицынъ не могъ получить удовлетворительнаго отвѣта на свои требованія: все это объяснилось, послѣ, въ 1819 году, когда Магницкій, въ своемъ отчетѣ отъ 9-го апрѣля 1819 года, описалъ всѣ безпорядки, замѣченныя имъ при ревизіи гимназіи, и потому весьма вѣроятно, что бѣдственное положеніе гимназіи въ 1818 году могло также служить причиною командированіе Магницкаго для осмотра университета и гимназіи въ Казани, и потому также неудивительно, что вся тяжесть отвѣтственности пала на Яковкина, доведшаго гимназію до такого состоянія.

Съ образованіемъ министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, 24 октября 1817 года, подъ управленіемъ князя Голицына, совпадаетъ, по времени, и учрежденіе при департаментѣ народнаго просвѣщенія ученаго комитета, который, между прочими занятіями, разсматривалъ учебныя книги, какъ тѣ, которыя вновь издавались, такъ и вообще, которыя были въ употребленіи по разнымъ училищамъ. 8-го іюня 1818 года ученый комитетъ требовалъ чрезъ попечителя отъ Казанской гимназіи—выслать по одному экземпляру учебныхъ книгъ, какія только употреблялись тогда въ Казанской гимназіи, а черезъ 10-ть дней, 16-го іюня ученый комитетъ предписалъ гимназіи ([20]):

([19]) Дѣло архива Каз. гимназіи 1818 № 10, стр. 11.
([20]) Дѣло архива Каз. гимназіи 1818 г. № 25, стр. 52.

1) «Прекратить преподаваніе лекцій по изданному курсу всеобщей исторіи Зябловскаго, такъ какъ сія признана сборищемъ, сдѣланнымъ съ большею поспѣшностію безъ выбора и соразмѣрности, и помѣщено въ оной множество ложныхъ мнѣній; 2) чтобы изданіе Корнелія Непота профессоромъ Кошанскимъ при обученіи латинскому языку въ гимназіяхъ и другихъ нижнихъ классахъ, равномѣрно кромѣ Корнелія Непота, употреблять въ первоначальныхъ классахъ латинскаго языка и другихъ на семъ языкѣ книги, кои могутъ быть для обучающагося юношества понятнѣе и полезнѣе, какова напримѣръ: Epitome Historiae sacrae, которая для нижнихъ классовъ издана будетъ; 3) употреблять басни Федра, изданныя профессоромъ Кошанскимъ, но 10-ю басню въ 3-й книгѣ подъ заглавіемъ: «De credere et non credere», какъ помѣщенную въ очищенномъ изданіи, неумѣста при второмъ изданіи, выкинуть и 4) прекратить преподаваніе по всеобщей грамматикѣ, Якобомъ изданной, такъ какъ она найдена вообще сочиненіемъ праздноумнымъ, безполезнымъ и обезображеннымъ. Каковыя представленія утверждены главнымъ училищъ правленіемъ».

VI.

Состояніе Казанской гимназіи при попечителѣ Магницкомъ съ 1819 до 1827 года.

1) Назначеніе Магницкаго въ 1819 году ревизоромъ, а 8 іюня того же года попечителемъ Казанскаго учебнаго округа.—2) Пріѣздъ Магницкаго въ Казань и посѣщеніе имъ гимназіи.—3) Увольненіе Яковкина и членовъ конторы.—4) Новый составъ членовъ совѣта гимназіи изъ профессоровъ университета.—5) Религіозное направленіе, проникшее въ воспитаніе и образованіе въ гимназіи.—6) Образованіе министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія 24 октября 1817 года.—7) Ежедневное чтеніе одной главы новаго завѣта въ гимназіи за $^1/_2$ часа до начала занятія.—8) Пріобрѣтеніе учениками новаго завѣта и псалтыри съ русскимъ переводомъ.—9) Законоучители: Нечаевъ, Павловскій и Головцевъ.—10) Исполненіе христіанскихъ обязанностей во время великаго поста учителями и учениками.—11) Религіозное направленіе, проникшее и въ преподаваніе предметовъ, и въ письменныя упражненія учениковъ, и въ оффиціальныя бумаги служившихъ въ гимназіи, и въ рѣчи, произносимыя на публичныхъ экзаменахъ.—12) Мѣры наказаній учениковъ и уѣздные учители, присланные въ гимназію для помѣщенія въ числѣ воспитанниковъ.—13) Предписаніе Магницкаго о веденіи

учителями гимназіи строгой трезвой жизни.—14) Помѣщеніе въ гимназію трехъ сиротъ, убитыхъ на островѣ Хіосѣ-Грековъ.—15) Обработываніе гимназистами участковъ заведеннаго въ университетѣ сада и 16) Воспоминаніе о воспитаніи въ гимназіи въ 1819—1820 академическомъ году бывшаго воспитанника гимназіи, нынѣ предсѣдателя ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія Карла Карловича Фойгта.

Мы уже видѣли, что неудовлетворительное состояніе Казанской гимназіи въ 1818 году обратило на себя вниманіе князя Голицына; но и вскорѣ послѣ этого и самый университетъ, управлявшій тогда, послѣ увольненія попечителя Салтыкова, и Казанскимъ учебнымъ округомъ, заслужилъ, по неудовлетворительному своему положенію дѣлъ, такую же репутацію ([21]), какъ и Казанская гимназія отъ м. н. п. Поэтому, какъ извѣстно ученому міру, съ Высочайшаго разрѣшенія, посланъ былъ въ Казань членъ главнаго правленія училищъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Михаилъ Леонтьевичъ Магницкій—произвести ревизію какъ Казанскому университету, такъ и Казанской Императорской гимназіи. Послѣдствіями этой ревизіи было назначеніе Магницкаго, по Высочайшему повелѣнію 8 іюля 1819 года, попечителемъ того же Казанскаго учебнаго округа.

Магницкій пріѣхалъ въ Казань въ субботу вечеромъ въ мартѣ мѣсяцѣ. Въ это время, по разсказамъ живущаго нынѣ въ Казани бывшаго ученика гимназіи Кроннихина, были посажены въ карцеръ главнымъ надзирателемъ Петровымъ три ученика.

Когда о пріѣздѣ Магницкаго дали знать въ университетъ, гдѣ помѣщалась и гимназія, то сейчасъ же ночью освободили, въ честь пріѣзда ревизора, арестованныхъ учениковъ. На другой день, въ 9 часовъ утра, въ воскресенье, Магницкій былъ уже въ университетѣ, будучи одѣтъ въ генеральской формѣ. Войдя въ гимназію изъ совѣта университета, ревизоръ, по разсказамъ того же Кроннихина, ласково здоровался съ учениками. Вообще на послѣднихъ пріѣздъ Магницкаго подѣйствовалъ къ лучшему устройству ихъ быта въ гимназіи. Но не такъ строгій ревизоръ взглянулъ на все начальство гимназіи. Если имя Магницкаго и теперь, чрезъ

([21]) См. Русскій Вѣстникъ 1864 г. № 6, ст. Е. Феоктистова, стр. 481.

48 лѣтъ послѣ ревизіи его въ Казани, рисуетъ, благодаря статьямъ о немъ гг. Θеоктистова, Лаженникова, Сухомлинова и друг., грозную фигуру неумолимаго начальника, то какое же впечатлѣніе могъ произвесть Магницкій на членовъ совѣта гимназіи, которые видѣли въ немъ лице, присланное карать за безпорядки, какіе только окажутся въ гимназіи? а найти эти безпорядки очень легко было Магницкому, зная о состояніи гимназіи по донесеніямъ министру князю Голицыну.

8 марта Магницкій присутствовалъ въ полномъ собраніи совѣта университета, гдѣ разсматривались и дѣла гимназіи. Первою жертвою ревизора былъ заслуженный профессоръ и директоръ гимназіи, Илья Θеодоровичъ Яковкинъ: 4-го марта въ послѣдній разъ Яковкинъ подписалъ протоколы совѣта гимназіи объ отчетахъ, которыхъ требовалъ совѣтъ университета отъ 27 февраля для предстоящей ревизіи, послѣ которой вступилъ въ должность директора профессоръ Никольскій, содѣйствовавшій Магницкому въ обнаруженіи всѣхъ безпорядковъ въ гимназіи. Мы уже видѣли (22), какими черными красками изобразилъ Магницкій двадцатилѣтнюю дѣятельность Яковкина по гимназіи въ отчетѣ князю Голицыну отъ 9 апрѣля 1819: вслѣдствіе этого донесенія Яковкинъ остался въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ; такой же участи подвергались и члены конторы гимназіи, и даже многіе изъ учителей должны были оставить службу въ ней; такъ вышелъ главный надзиратель Петровъ, вмѣсто котораго назначенъ былъ Магницкимъ адъюнктъ Юнаковъ; послѣ оставили службу Запольскій и Упадышевскій; почти весь совѣтъ гимназіи, по приказанію Магницкаго, образовался изъ профессоровъ университета, преподававшихъ въ гимназіи; такъ въ 1819 году были членами совѣта: Никольскій, Бартельсъ, профессоры и адъюнкты университета: Кондыревъ, Кайсаровъ, Тимьянскій, заслужившій особенное благоволеніе Магницкаго назначеніемъ въ 1822 г. главнымъ ревизоромъ Казанской гимназіи и истребителемъ всѣхъ вредныхъ книгъ, найденныхъ въ гимназіи, Самсоновъ и Полиновскій; всѣ эти лица должны были содѣйствовать директору Никольскому къ

---

(22) См. мою историч. записку о 1-й Казанской гимназіи 1867 г. ч. 2-я стр. 31.

преобразованію гимназіи по тѣмъ правиламъ, какія предписывались Магницкимъ чрезъ совѣтъ университета, гдѣ, за смертію ректора Брауна, 8 января 1819 г., управлялъ дѣлами совѣта проректоръ Гаврiилъ Солнцевъ. Съ этого времени въ воспитаніе и образованіе въ гимназіи проникаетъ самое строгое религіозное направленіе, чрезъ что имя Магницкаго оставило по себѣ память въ Исторической запискѣ о 1-й Казанской гимназіи, какъ самого строгаго распространителя между учившими и учившимися тогда религіознаго направленія. Мы представляемъ здѣсь всѣ дѣйствія Магницкаго относительно Казанской гимназіи по этому поводу во время семилѣтняго управленія его Казанскимъ учебнымъ округомъ; кромѣ того, мы имѣли возможность получить воспоминанія (которыя помѣщаемъ ниже) о воспитаніи въ Казанской гимназіи во время Магницкаго бывшаго тогда ученика, поставленнаго нынѣ Высочайшею волею Монарха во главѣ ученаго комитета м. н. п. Это—Карлъ Карловичъ Фойгтъ. (Смотри прилож. № XI).

Религіозное направленіе, проникшее въ воспитаніе и образованіе при попечителѣ Магницкомъ, стало распространяться вообще въ учебныхъ заведеніяхъ м. н. п. со времени соединенія дѣлъ этого министерства съ дѣлами всѣхъ вѣроисповѣданій подъ управленіемъ князя Голицина, съ 24 октября 1817 года. Манифестъ объ учрежденіи м. д. д. и н. п. положилъ въ основаніе дѣйствій этого министер.тва слѣдующее: «Желая дабы христіанское благочестіе было всегда основаніемъ истиннаго просвѣщенія, признали мы полезнымъ соединить дѣла по министерству народнаго просвѣщенія съ дѣлами всѣхъ вѣроисповѣданій въ составѣ одного управленія, подъ названіемъ министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія». Вотъ начало религіознаго направленія, которое сталъ вводить въ воспитаніе и образованіе въ учебныхъ заведеніяхъ Магницкій. Первыми дѣйствіями его было для этого чтеніе Св. Писанія.

19 іюля предписано было совѣту гимназіи отъ совѣта университета собирать всѣхъ учащихся въ одно мѣсто за полчаса до начатія занятій и читать имъ одну главу изъ Новаго Завѣта; по воскресеньямъ же и праздничнымъ днямъ, независимо отъ уроковъ Закона Божія законоучителя, ученики должны были собираться съ 7 часовъ утра до обѣдни для чтенія Евангелія. Для приведенія въ исполненіе этого

распоряженія совѣта гимназіи опредѣлилъ 4-го августа слѣдующее: «учителямъ гимназіи: Самсонову, Запольскому, Упадышевскому, Васильеву, Полиновскому, Рыбушкину, Ивану Сычугову, Краснову, Морозову, Винокурову, Протопопову, Павлу Сычугову, Пепармову, Бѣляеву, Кайсарову и Тимьянскому для чтенія Новаго Завѣта каждое утро за полчаса предъ началіемъ ученія въ Казанской гимназіи въ большой залѣ учредить дежурство, такъ чтобы каждый изъ означенныхъ чиновниковъ сряду три дня собравшимся питомцамъ казеннымъ и своекоштнымъ ясно и благоговѣйно прочитывалъ одну главу изъ Новаго Завѣта. Чтеніе же Новаго Завѣта по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ препоручить съ 7-ми часовъ до обѣдни для всѣхъ учениковъ Казанской гимназіи правящему должность директора профессору Никольскому, что онъ и донынѣ исполнялъ» ([23]); при этомъ чтеніи должны были присутствовать главный надзиратель и одинъ изъ дежурныхъ офицеровъ и комнатныхъ надзирателей.

10-го февраля 1822 г. Магницкій предписалъ, чтобы всѣ ученики гимназіи непремѣнно имѣли Новый Завѣтъ съ «россійскимъ» переводомъ и псалтырь на русскомъ языкѣ для собственнаго употребленія, ([24]) послѣ, въ 1824 году, предписано было имѣть въ гимназіи всѣ книги, составляющія весь курсъ церковный ([25]). Въ этомъ же 1824 году предписано было съ 3-го іюня читать молитвы предъ обѣдомъ и послѣ него вмѣсто читавшихся тогда въ гимназіи. Въ это время 31-го января 1822 года Магницкій назначилъ произвесть строгую и подробную ревизію Казанской гимназіи по хозяйственной, нравственной, полицейской и учебной частямъ. Ревизорами назначены были инспекторъ студентовъ Барсовъ и профессоръ Тимьянскій. Въ инструкціи для ревизіи гимназіи спрашивалось отъ совѣта гимназіи, всѣ ли ученики гимназіи обучаются катихизису и священной исторіи? На это требованіе совѣтъ гимназіи отвѣтилъ, что, кромѣ только магометанъ, остальные ученики, и католики и лютеране, на равнѣ съ православными учатся Закону Божію. Учебными руководствами по этому предмету служили: для младшаго класса: краткій

([23]) Протоколъ совѣта Казанской гимназіи 1819 г. 4 августа.
([24]) Дѣла архива Казанской гимназіи, 1822 г., № 4:
([25]) Дѣла 1824 г., № 42.

катихизисъ митрополита Платона и краткая священная исторія, изданная для народныхъ училищъ 1799 года; для старшаго класса: катихизисъ патріарха Адріана и катихизисъ митрополита Платона и исторія преосвященнаго Филарета. Законоучителемъ въ старшемъ отдѣленіи, послѣ Танаевскаго съ 15 января 1820 г. назначенъ былъ протоіерей, а впослѣдствіи профессоръ Богословія въ Казанскомъ университетѣ, Александръ Ивановичъ Нечаевъ. Онъ былъ сынъ сельскаго священника Лебединскаго и родился въ 1779 г., до 16-лѣтняго возраста онъ не зналъ даже азбуки. Послѣ смерти отца, оставшись двухъ лѣтъ, впослѣдствіи онъ былъ представленъ роднымъ дядею къ префекту Казанской духовной академіи, который, узнавъ, что мальчикъ не умѣетъ читать и писать, присовѣтывалъ дядѣ отдать его въ обученіе какому нибудь ремеслу; но по убѣдительнымъ просьбамъ ученикъ былъ все таки принятъ въ классы, какъ безнадежный для полнаго образованія подъ фамиліею Нечаевъ; но благодаря отличнымъ способностямъ своимъ, Нечаевъ кончилъ курсъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ; еще бывши студентомъ Богословія, онъ обучалъ въ академіи рисованію и живописи, выучившись самъ въ свободное время у живописца. Затѣмъ былъ посвященъ въ санъ священника въ 1807 году, а потомъ въ протоіерея въ 1817 году. Архіепископъ Амвросій, присутствуя на испытаніи учениковъ въ гимназіи въ 1820 году, отозвался въ письмѣ къ директору гимназіи о преподаваніи Нечаевымъ Закона Божія воспитанникамъ съ великою похвалою. Въ младшемъ отдѣленіи законоучителемъ былъ протодіаконъ Благовѣщенскаго собора Михаилъ Павловскій, учившійся въ бывшей Казанской академіи, а съ 1823 года 1 мая вмѣсто Нечаева опредѣленъ былъ Каѳедральнаго собора священникъ Головцовъ. 20 марта 1820 года сдѣлано распоряженіе, чтобы ученики гимназіи при поступленіи въ университетъ непремѣнно имѣли всѣ нужныя знанія изъ Закона Божія, необходимыя для слушанія Богословія въ университетѣ.

За исполненіемъ христіанскихъ обязанностей во время великаго поста какъ учениками, такъ и учителями, строго наблюдало начальство и объ исполненіи долга покаянія и причащенія Святыхъ Таинъ печаталось въ Казанскихъ Извѣстіяхъ: въ 25 № этихъ извѣстій за 1820 годъ напечатано: «Императорской Казанской гимназіи воспитанники и чиновники греко-россійскаго исповѣданія, исполнивъ долгъ покаянія на

страстной седьмицѣ сего марта 25 дня, пріобщались Св. Таинъ въ приходской церкви Воскресенія Христова».

Покойный Петръ Михайловичъ Васильевъ, бывшій адъюнктомъ университета въ 1820 г., разсказывалъ, что директоръ университета Владимірскій наблюдалъ во время говѣнья въ церкви за всѣми учителями (такъ какъ гимназія была подчинена ему), какъ кто стоялъ, и когда двое разговаривали, то на другой день имъ присылались директоромъ правила, какъ должно стоять въ церкви.

Преподаваніе предметовъ, письменныя упражненія учениковъ, отчеты о состояніи гимназіи, офиціальныя бумаги служившихъ въ гимназіи, рѣчи, произносимыя на публичныхъ экзаменахъ, писались на основаніи текстовъ Св. Писанія и притомъ же часто дѣлались сравненія между нынѣшними событіями и событіями изъ вѣтхозавѣтной исторіи; такъ въ краткомъ отчетѣ, читанномъ на публичномъ собраніи 29 іюня 1822 г. секретаремъ Полиповскимъ, гимназія представлена въ такомъ видѣ: «въ продолженіи сего академическаго года, гимназія, оживляемая животворящимъ Духомъ благодати Божіей, осѣняемая щедротами Помазанника Его, якоже Израиль во дни Соломона, мирно и единообразно шествовала частію предположеннымъ ею самою, а болѣе указуемымъ ей блюстителями истинныя мудрости, его сіятельствомъ господиномъ министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и его превосходительствомъ г. попечителемъ Казанскаго учебнаго округа путемъ къ образованію ввѣренныхъ ей дѣтей не по стихіямъ міра сего ([26]), но въ страхѣ Божіи, да измлада священное писаніе умѣютъ, могущее ихъ умудрити во спасеніе, вѣрою, яже о Христѣ, и да питаеми словесы вѣры, и добрымъ ученіемъ, совершенни будутъ Божіи человѣцы, на всякое благое дѣло уготованы; словомъ, употребляла всѣ усилія воспитывать ихъ истинными христіанами, а слѣдовательно послушными чадами родителей, полезными членами общества, вѣрными подданными Государю, усердными сынами отечества и во всякомъ дѣлѣ блазѣ плодоносящими и возрастающими въ разумѣ Божіи» ([27]).

([26]) I и II Тимоф. гл. 4, ст. 6, гл. 3, ст 15 и 17.
([27]) Колос. гл. 1. ст. 10.

Отчетъ за 1823 годъ, читанный тѣмъ же ораторомъ представляетъ сравненіе гимназіи съ тѣмъ свѣтильникомъ, о которомъ говорится въ XI главѣ, 33-мъ стихѣ Евангелиста Луки, предоставляя почтеннѣйшей публикѣ самой судить о томъ, стоялъ ли этотъ свѣтильникъ подъ спудомъ, или на свѣщницѣ. Самыя темы для ученическихъ рѣчей назначались преимущественно изъ житія святыхъ; такъ въ 1822 ученикъ Цыпковъ произнесъ рѣчь о жизни Св. Евстафія. Самый порядокъ публичныхъ экзаменовъ получаетъ другое направленіе: въ антрактахъ чтенія отчетовъ и рѣчей вмѣсто различныхъ симфоній поются духовные гимны; нѣсколько учениковъ разговариваютъ передъ публикою о достоинствѣ различныхъ наукъ; такъ въ 1822 году три ученика разговаривали о достоинствахъ поэта и математика:

Первый ко второму: Нѣтъ «милый мой Дамедъ, ты слишкомъ погрѣшаешь, что математику такъ сильно унижаешь.

3-й (входя, обращаясь къ Дамеду).

Поэту славному, любимцу музъ Дамеду, почтеніе свое приноситъ Филидоръ (къ Филлису): усердно кланяюсь странъ нашихъ Архимеду.

1-й Филлисъ: какъ кстати, милый другъ, рѣши нашъ жаркій споръ, Филлидоръ!

3-й Филидоръ: (перебивая): Довольно. Не спрашивая васъ, мнѣ можно догадаться, о чемъ изволите столь пылко состязаться:

Одинъ къ поэзіи душею прилѣпясь,
Всѣмъ знаніямъ другимъ ее предпочитаетъ;
Другой же въ бездну цифръ и линей углубясь,
Науки за ничто всѣ прочія считаетъ;
Теперь сошлись вы здѣсь и спорите о томъ,
Что всякой правъ изъ васъ въ сужденіи своемъ.
Не такъ ли»?

Въ такомъ порядкѣ продолжается разговоръ: поэтъ и математикъ высказываютъ передъ Филидоромъ достоинства и пользы въ жизни людей избранныхъ ими (Дамедомъ и Филлисомъ) наукъ. Весь разговоръ кончается совѣтомъ Филидора, что всѣ люди, пришлецы міра, должны умереть, и потому все на свѣтѣ подвержено тлѣнію, и самыя науки не избавятъ людей отъ вѣчнаго мученія; но всего лучше то ученіе, которое святую истину примѣромъ подтверждаетъ.

Смиренно учитъ жить,
Спокойно умирать.

Но вкореняя въ сердцахъ учениковъ такія правила христіанской жизни, Магницкій требовалъ отъ самихъ наставниковъ строгой и трезвой жизни, которая могла бы служить примѣромъ для учениковъ. Конечно, при тогдашней простой жизни наставниковъ, привыкшихъ послѣ праведныхъ трудовъ на педагогическомъ поприщѣ, въ часъ досуга и отдыха, въ пріятной бесѣдѣ съ товарищами по службѣ, предаваться веселію чаши вина, веселящее сердца поэтовъ и математиковъ, Магницкій съ сокрушеннымъ сердцемъ давалъ знать подчиненнымъ своимъ, что онъ не можетъ терпѣть на учительскомъ поприщѣ жрецовъ Бахуса и что онъ намѣренъ преслѣдовать и карать послѣднихъ всею строгостію законовъ съ отдачею нарушителей воли попечителя подъ судъ, или виновные будутъ исключены изъ службы съ отмѣткою штрафа во всѣхъ актахъ уволеннаго. Для строгаго исполненія этого предписанія (см. прилож. № XII) всѣ учители обязаны были дать подписки въ томъ, что они въ точности будутъ исполнять волю Магницкаго, т. е. не пить. Однако за всѣмъ тѣмъ преданіе говоритъ противное.

Мѣры наказанія для учениковъ назначались преимущественно за лѣность изъ Закона Божія; такъ 13 мая 1820 года своекоштные ученики: Разумовъ, Рождественскій, Пульхеровскій, Пуриковъ и Черновъ, по лѣности и незнанію первыхъ началъ Закона Божія, признаны не могущими быть въ сообществѣ съ добронравными воспитанниками: перваго исключили, а послѣднихъ заставили учиться Закону Божію. Кромѣ того, по приказанію Магницкаго, Казанская гимназія служила исправительнымъ мѣстомъ и для учителей уѣздныхъ училищъ Казанскаго учебнаго округа; такъ учитель Елабужскаго уѣзднаго училища Богдановичъ «за оказанные имъ законопротивные въ учительскомъ званіи поступки обращенъ былъ въ воспитанники Казанской гимназіи для утвержденія его въ правилахъ лучшей нравственности на казенное содержаніе».

5-го августа 1820 года Мамадышскаго уѣзднаго училища Иванъ Шелаевъ ([28]) по предписанію попечителя отъ 13 іюля былъ смѣщенъ съ учительскаго званія и опредѣленъ въ воспитанники гимназіи для того, «чтобы возбудить въ немъ

([28]) Дѣла архива Каз. гимназіи 1820 г. № 51.

любовь къ покорности и поселить страхъ Божій, чему отроческій (?) его возрастъ и дарованіе весьма благопріятствуютъ». 20 сентября того 1820 года слушатель университета Бѣльскій—Буянскій [29] за дерзкіе поступки противъ помощника инспектора студентовъ Никитина обращенъ въ Казанскую гимназію для исправленія съ порученіемъ инспектору и главному надзирателю ежедневно доносить словесно директору гимназіи и еженедѣльно письменно о поведеніи Буянскаго. Къ счастію послѣдняго, чрезъ два мѣсяца, по донесенію инспектора Кондырева и главнаго надзирателя Скворцова объ отличномъ поведеніи во всѣхъ классахъ присланнаго въ гимназію студента, Буянскій опять обращенъ 15 ноября въ университетъ къ слушанію лекцій профессоровъ. Замѣчательно, что главный надзиратель Скворцовъ, ходатайствуя о прощеніи Буянскаго, писалъ директору Пономареву, что первый достоинъ прощенія на основаніи словъ Спасителя Петру: «не глаголю тебѣ до седьмь кратъ (прощать грѣхи) но до семьдесятъ кратъ седьмерицею». 13-го ноября 1823 года возвращенъ въ воспитанники гимназіи учитель Тетюшскаго уѣзднаго училища Мари [30] за то, что изъ его класса 12 учениковъ перестали ходить въ училище.

На казенное содержаніе опредѣлялись преимущественно дѣти, не менѣе 10 лѣтняго возраста, родители которыхъ были или извѣстны попечителю или прямо обращались къ нему, а въ 1823 году 19 ноября Магницкій предписалъ помѣстить въ гимназію трехъ сиротъ убитыхъ на островѣ Хіосѣ грековъ: Тафраса, Пуллядаса и Клямуриса; послѣдній живетъ и нынѣ въ Казани, служа въ интендантствѣ чиновникомъ. Эти мальчики были выкуплены изъ плѣна у араба въ Константинополѣ грекомъ Бостанжогло и привезены были въ Одессу. Магницкій, узнавъ объ этомъ, просилъ князя Голицына дозволить помѣстить ихъ въ Казанскую гимназію, гдѣ неизвѣстная благотворительница прислала 100 рублей въ пользу этихъ сиротъ [31]. Объ этихъ сиротахъ помѣщена записка въ Казанскомъ вѣстникѣ 1823 года въ октябрской книжкѣ, гдѣ сказано, «что сіе важное и печаянное пріобрѣтеніе трехъ мало-

---

(29) Дѣла архива Каз. гимназіи 1820 г. № 56.

(30) Казанскій вѣстникъ, 1823 г. октябрская книжка стр. 113.

(31) Казанскій вѣстникъ, 1823 г., октябрская книжка, стр. 113.

лѣтнихъ исповѣдниковъ острова Хіоса есть какъ бы награда Казанскому округу, жертвовавшему съ такимъ усердіемъ во всѣхъ его предѣлахъ на искупленіе хіосцевъ изъ жестокаго плѣна турокъ». Дѣйствительно, чины гимназіи и воспитанники, желая ознаменовать торжество бракосочетанія Великаго Князя Михаила Павловича въ 1823 году, сдѣлали подписку, и на собранную сумму были выкуплены плѣнные греки.

Заботы Магницкаго о нравственности воспитанниковъ простирались такъ далеко, что попечитель не желалъ даже, чтобы и во время отдыха ученики не предавались вредной праздности. Для этого въ инструкціи директору Казанскаго университета, въ отдѣленіи третьемъ ст. 12-й, возложено на личное попеченіе директора устройство на свободномъ при университетѣ мѣстѣ сада, въ которомъ бы лѣтомъ была пространная и пріятная прогулка, а зимою—мѣсто для игры и движенія на чистомъ воздухѣ. Для устройства этого сада назначенъ былъ таковой садъ предъ Тениценскимъ домомъ.

Надзоръ за работами въ саду студентами порученъ былъ адъюнкту Тимьянскому и учителю фортификаціи Васильеву. Такъ какъ гимназія помѣщалась въ университетѣ до 27 августа 1820 года, то и ученики могли заниматься обработкою сада, но безъ принужденія. Эта работа, сказано въ предписаніи, полезна при изученіи естественной исторіи, фортикаціи и архитектуры въ свободные часы отъ учебныхъ занятій.

Въ такомъ безпрестанномъ преобразованіи той или другой части протекли первые два года жизни въ гимназіи при Магницкомъ, когда 14-го апрѣля 1820 г. былъ назначенъ вмѣсто Никольскаго директоромъ гимназіи чиновникъ при Тверскомъ гражданскомъ губернаторѣ титулярный совѣтникъ Алексѣй Сергѣевичъ Пономаревъ, учившійся въ Московской духовной академіи въ 1795 году, а главнымъ надзирателемъ съ января 1820 года назначенъ былъ учитель Симбирской гимназіи Скворцовъ вмѣсто Юнакова.

Для представленія полной картины внутренней жизни гимназіи въ первые два года существованія ея при попечителѣ Магницкомъ, представляемъ здѣсь воспоминанія бывшаго въ это время ученика Карла Карловича Фойгта: «Мнѣ было съ небольшимъ 11 лѣтъ, когда послѣ смерти отчима моего, ординарнаго профессора анатоміи и перваго ректора Императорскаго Казанскаго университета Ивана Осиповича Брауна, послѣдовавшей въ началѣ (8 января) 1819 г., мать моя

оставшись вдовою съ весьма ограниченными средствами, рѣшилась, по совѣту нѣкоторыхъ профессоровъ наиболѣе близкихъ къ нашему семейству, отдать насъ, т. е. меня и старшаго брата моего Августа, своекоштными учениками въ Казанскую гимназію ([32]). Гимназія эта была тогда единственною въ Казани, находилась на особомъ положеніи, значительно отличавшемся отъ прочихъ гимназій Имперіи и называлась Императорскою. Въ послѣдствіи, именно въ 1829 году, она лишилась этого названія, а съ 1835 года, съ учрежденіемъ въ Казани второй гимназіи, стала именоваться первой. Въ тотъ годъ, когда мнѣ суждено было поступить въ нее, она помѣщалась временно въ главномъ корпусѣ университета (на Воскресенской улицѣ), такъ какъ собственное зданіе ея (на Воздвиженской улицѣ) еще не было отстроено послѣ большаго пожара, истребившаго ее 3-го сентября 1815 года вмѣстѣ съ значительною частію города.

Ординарный профессоръ университета по каѳедрѣ чистой математики Март. Ѳед. Бартельсъ, преподававшій тогда и въ гимназіи, взялся представить насъ на экзаменъ. Это было, какъ теперь помню, 12 августа 1819 года. Въ тѣ времена пріемъ учениковъ и начатіе ученія въ гимназіи происходили постоянно 12 августа, точно также какъ и торжественный актъ и начатіе вакаціи назначались непремѣнно 29 іюня въ день Св. Ап. Петра и Павла. Ввели насъ въ небольшое помѣщеніе, состоявшее изъ двухъ комнатъ во второмъ этажѣ одного изъ боковыхъ зданій университета и наполненное преподавателями и вновь поступившими учениками. Должность директора гимназіи отправлялъ ординарный профессоръ прикладной математики Гр. Бор. Никольскій; по душею всѣхъ распоряженій былъ экстра-ординарный профессоръ политич. экономіи Петръ Серг. Кондыревъ, въ качествѣ инспектора гимназіи. Испытаніе длилось не болѣе $^1/_2$ часа, и насъ съ братомъ помѣстили въ классы: старшее законоученіе (отъ котораго не освобождались и лютеране), нижній русскій, а по всѣмъ прочимъ предметамъ — въ средніе классы, съ тѣмъ

([32]) 4-го августа 1819 г. записано въ протоколѣ совѣта: «профессорши вдовы Елисаветы по мужѣ Браунъ о принятіи двухъ сыновей ея Августа и Карла въ Казанскую гимназію въ своекоштные ученики». Опредѣлено: поручить инспектору Кондыреву — ввести въ классъ учениковъ Августа и Карла.

Владиміровъ.

только отличіемъ, что братъ мой вмѣсто латинскаго языка пожелалъ слушать фортификацію и артиллерію, такъ какъ онъ готовился къ поступленію въ военную службу, и дѣйствительно, чрезъ два года съ этою цѣлію отправился въ С.-Петербургъ. Распредѣленіе учениковъ дѣлалось тогда не на основаніи общаго уровня ихъ познаній по всѣмъ предметамъ, но соотвѣтственно тѣмъ познаніямъ, какія кто оказывалъ по каждому предмету въ отдѣльности. Каждый предметъ разбивался на два, на три или на 4 класса. Такъ Законъ Божій распадался на два класса: старшее законоученіе и младшее законоученіе; русская словесность и математика—на 4 класса—высшій, средній, нижній и начальный, всѣ остальные предметы—на три: высшій, средній и нижній; при томъ въ каждомъ классѣ каждаго предмета былъ особый учитель. Такимъ образомъ случалось, что одинъ и тотъ же ученикъ былъ иногда въ высшемъ русскомъ классѣ и нижнемъ математическомъ или въ высшемъ математическомъ и нижнемъ латинскомъ; случалось, что и въ университетъ были переводимы ученики, находившіеся не во всѣхъ высшихъ классахъ. Классы, въ первый годъ моего пребыванія въ гимназіи, т. е. въ теченіе всего 1819—1820 учебнаго года, помѣщались въ нижнемъ этажѣ главнаго университетскаго корпуса, на восточной половинѣ его, и занимали рядъ проходимыхъ комнатъ, обращенныхъ на дворъ. Нѣкоторые уроки, за недостаткомъ мѣста, давались въ верхнемъ этажѣ той же половины, въ столовой комнатѣ, примыкавшей къ спальнямъ казеннокоштныхъ воспитанниковъ, или питомцевъ, какъ ихъ тогда называли. Дежурная находилась по ту сторону параднаго крыльца, на правой половинѣ того же корпуса, въ нижнемъ этажѣ. Уроки продолжались каждый по два часа, и такихъ уроковъ ежедневно было 4: 2—утромъ, отъ 8 до 10-ти и отъ 10 до 12-ти, и два—послѣ обѣда, отъ 2-хъ до 4-хъ и отъ 4 до 6-ти часовъ.

Относительно хода преподаванія въ 1819—1820 учебномъ году припоминаю еще довольно много подробностей, которыя и готовъ передать здѣсь съ полнымъ безпристрастіемъ. Прошу только снисхожденія, если бы, при тщательнѣйшей повѣркѣ съ дѣлами гимназіи, въ моемъ разсказѣ встрѣтились нѣкоторыя неточности—невольное послѣдствіе давности тѣхъ событій, которыя теперь стараюсь воскресить въ моей памяти.—Законоучителемъ нашимъ былъ протодіаконъ

Павловскій [33]. Онъ читалъ катихизисъ, диктуя намъ свои записки, не очень впрочемъ обширныя, составленныя въ вопросахъ и отвѣтахъ. Такъ какъ число учениковъ было весьма значительно, то лучшіе изъ нихъ были назначаемы старшими и подстаршими, которымъ поручалось около 10-ти учениковъ, съ обязанностью, до прихода преподавателя, выслушивать уроки каждаго изъ нихъ и ставить имъ отмѣтки въ особыхъ табеляхъ. Отмѣтки эти выражались буквами [34]: s (scit), ns (nescit), nb (non bene), abs (absens). Когда законоучитель, переспрашивая на удачу того или другаго ученика, открывалъ неправильность отмѣтки, то непремѣннымъ слѣдствіемъ того было смѣщеніе виновнаго старшаго или подстаршаго и назначеніе на его мѣсто другаго.—Въ нижнемъ русскомъ классѣ преподавалъ Пл. Мих. Морозовъ. Онъ объяснялъ русскую грамматику по руководству, изданному главнымъ правленіемъ училищъ; заставлялъ насъ писать подъ диктовку стихи, большею частію басни, и задавалъ на домъ этимологическіе разборы продиктованнаго. Такъ какъ уроки были двухъ часовые, то онъ въ каждый урокъ успѣвалъ переспросить каждаго ученика и просмотрѣть и исправить наши диктанты съ надлежащими объясненіями. Человѣкъ былъ серьезный и справедливый.—Въ среднемъ латинскомъ классѣ училъ Панормовъ, слѣдуя руководству Бѣлюстина, и притомъ упражняя насъ нетолько въ переводахъ съ латинскаго языка на русскій, но и обратно. Той же методы держался и преемникъ его, со втораго полугодія, Ив. Петров. Сычуговъ, преподаватель даровитый, но чрезвычайно вспыльчивый. Лучшими учениками его были—я, Шутихинъ и Новиковъ, которыхъ онъ, по особенному расположенію, приглашалъ еще къ себѣ на домъ для частныхъ занятій.—Французскому языку училъ Илья Ипат. Запольскій, самый строгій изо всѣхъ учителей. Мы проходили грамматику по Перелогову и упражнялись въ легкихъ переводахъ съ французскаго языка на русскій. Уроки

---

(33) Дѣйствительно преподаватель Павловскій обучалъ въ младшемъ классѣ Закону Божію, чтенію по славянской печати и пѣнію, но штатнымъ законоучителемъ былъ протоіерей Нечаевъ, а Павловскій официально утвержденъ законоучителемъ попечителемъ Магницкимъ 7-го января 1821 года. (Дѣла архива Казан. гимназіи 1821 г. № 7).

Владимiровъ.

(34) Въ 1821 г. вмѣсто буквъ для отмѣтокъ стали употреблять цифры: 1. 2. 3. 4. Дѣла 1821 г. № 9.

должны были затверживаться безъ запинки; иначе тотчасъ же слѣдовало возмездіе. Другая особенность его заключалась въ томъ, что онъ каждому ученику давалъ свою кличку: такъ насъ съ братомъ онъ называлъ неиначе какъ Klein-Bruder и Gross-Bruder. Послѣ перваго полугодія онъ уже выбылъ, и классъ остался незамѣщеннымъ до конца учебнаго года.—Ѳед. Ив. Блюменталь преподавалъ нѣмецкую грамматику, по Гельтергофу, и также занимался переводами. Въ исправленіи этихъ переводовъ мы съ братомъ постоянно были его помощниками. Но вообще успѣхи учениковъ были весьма слабы, такъ-какъ не смотря на безпрерывные его призывы къ порядку, дѣти рѣшительно его не слушались.—Алгебру читалъ Александ. Ѳедоров. Левицкій, не придерживаясь строго никакого руководства, но рекомендуя для домашняго повторенія Осиповскаго. Къ сожалѣнію, голосъ его былъ до того тихъ, что большинство учениковъ, сидѣвшихъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ его стола и классной доски, никакъ не могли слѣдить за его объясненіями.—О преподаваніи исторіи и географіи ([35]) воспоминанія мои до того смѣшались, что я предпочитаю совершенно объ нихъ умолчать, чтобы не впасть въ какую либо грубую ошибку.—Для рисованія было два учителя: Ив. Ив. Протопоповъ и Ал. Тим. Винокуровъ. Мы съ братомъ были назначены къ послѣднему, и занимались, какъ и прочіе наши товарищи, и въ этотъ и въ слѣдующіе годы, срисовываніемъ съ оригиналовъ глазъ, ушей, рукъ, головокъ и проч.—Нѣкоторые ученики доходили впрочемъ до такого совершенства, что рисовали ландшафты масляными красками.—Годичные экзамены происходили въ іюнѣ мѣсяцѣ и состояли въ томъ, что учители высшихъ классовъ, по принадлежности каждаго предмета, переходили въ средніе, а учители среднихъ—въ нижніе и предложивъ каждому ученику нѣкоторое число вопросовъ, отмѣчали въ спискѣ, достоинъ-ли онъ перевода или нѣтъ. Результаты этихъ отмѣтокъ объявлялись намъ на актѣ.—Акты состояли изъ трехъ отдѣловъ: сначала одинъ изъ учителей произносилъ рѣчь; потомъ секретаремъ совѣта читался отчетъ, при чемъ провоз-

([35]) Исторію и географію въ этомъ году преподавалъ Мих. Рыбушкинъ по руководству преподаванія исторіи для народныхъ училищъ бывшаго директора Яковкина.

Владиміровъ.

глашались имена и фамиліи учениковъ, переведенныхъ въ слѣдующіе классы, и раздавались награды; наконецъ ученики декламировали заготовленныя учителями и выученныя ими наизусть краткія рѣчи на всѣхъ преподаваемыхъ иностранныхъ языкахъ, а одинъ ученикъ произносилъ на русскомъ языкѣ благодарственную рѣчь къ посѣтителямъ. Въ антрактахъ играла музыка и были исполняемы церковные гимны.

Надзоръ за учениками въ классное время былъ порученъ двумъ такъ—называвшимся тогда дежурнымъ офицерамъ, которые впрочемъ не пользовались большимъ авторитетомъ.

Директора и инспектора мы, своекоштные воспитанники, почти вовсе не видали. Отъ того, до прихода учителей, въ классахъ былъ постоянный шумъ. Большею частью въ это время два сосѣдніе класса вступали между собою въ бой, имѣя каждый своихъ предводителей. Этотъ обычай былъ, кажется, остаткомъ или подражаніемъ тѣхъ кулачныхъ боевъ, которые въ предшествовавшіе годы, по праздничнымъ днямъ зимою, происходили на озерѣ Нижнемъ Кабанѣ, между гимназистами и семинаристами, и иногда, по сохранившемуся преданію, оканчивались кровопролитіемъ. Я, какъ самый меньшой въ классѣ, по лѣтамъ и по росту, и слабенькій мальчикъ, не принимавшій никакого участія въ гомерическихъ схваткахъ своихъ товарищей, обыкновенно попадался въ руки непріятелей; но справедливость требуетъ сказать, что побѣдители обходились съ своимъ плѣнникомъ весьма великодушно.— Система взысканій была обыкновенная: ставили провинившихся учениковъ въ уголъ и на колѣни, оставляли безъ обѣда и безъ ужина, сажали подъ арестъ и въ карцеръ; строгія тѣлесныя наказанія и исключенія изъ заведенія были, кажется, рѣдки; чаще встрѣчались личныя расправы учителей. Я былъ такъ счастливъ, что въ теченіе всего четырехъ лѣтняго пребыванія въ гимназіи не подвергся ни одному изъ этихъ видовъ взысканія, за исключеніемъ двухъ случаевъ: разъ, когда за шумъ, произведенный въ среднемъ классѣ исторіи до прихода учителя, всѣ ученики безъ изъятія были поставлены на колѣни; другой разъ, когда, по странному недоумѣнію, но безъ всякаго умысла, половина учениковъ въ высшемъ латинскомъ классѣ не выучили весь заданный учителемъ урокъ и подверглись тому же наказанію. Впрочемъ, каждое изъ этихъ взысканій продолжалось не долѣе 10-ти минутъ, и, кромѣ этихъ случаевъ, я ни отъ одного учителя не слышалъ ни

одного грубаго слова, никто ни разу даже не сказалъ мнѣ *ты*. О содержаніи и внутренней жизни казеннокоштныхъ воспитанниковъ и пансіонеровъ не могу сообщить почти никакихъ свѣдѣній, такъ-какъ, ни въ этотъ, ни въ слѣдующіе годы, ни разу не заходилъ въ ихъ спальни и занимательныя комнаты. Знаю только, что живущіе въ пансіонѣ раздѣлялись на три разряда: казеннокоштныхъ воспитанниковъ, пользовавшихся полнымъ содержаніемъ отъ казны; пансіонеровъ—также на полномъ содержаніи отъ казны, но съ платою по 400 руб. ассигнац. и полупансіонеровъ, имѣвшихъ только помѣщеніе, столъ и учебныя пособія, съ платою по 250 руб. ассигнац. въ годъ. Для надзора за ними въ пансіонѣ были особые надзиратели. Обѣдали они за двумя столами: за однимъ сидѣли дворяне, за другимъ—такъ—называвшіеся разночинцы. Бѣлье казенныхъ воспитанниковъ и пансіонеровъ было грубое (36); платье ихъ—изъ толстаго темнозеленаго сукна, въ видѣ куртокъ и сюртуковъ; полупансіонеры же и своекоштные ученики не были обязаны ни какой формой».

VII.

1) Составъ гимназіи въ 1820 году.—2) Переходъ гимназіи изъ университета въ собственное зданіе 27 августа 1820 г.—3) Свѣдѣнія объ этомъ переходѣ и внутренней жизни въ гимназіи въ 1820—1821 академическомъ году, сообщенныя г. Фойгтомъ.—4) Существованіе гимназіи въ слѣдующіе три года по описанію же Карла Карловича Фойгта.

Въ такомъ устройствѣ была гимназія, когда 6 іюня 1820 года вступилъ въ должность директора Пономаревъ. Числительное состояніе гимназіи было:

Директоръ	1
Инспекторъ	1
Главный надзиратель. .	1

(36) Только еще въ 1835 г. было сшито тонкое бѣлье и вмѣсто байковыхъ шинелей построены суконныя, а также вмѣсто квасу къ полуднику, по распоряженію попечителя Мусина-Пушкина, стали давать сбитень, а потомъ, при инспекторѣ Угянскомъ въ 1861 году—чай.

Владиміровъ.

Учителей	25
Надзирателей	5
Дежурныхъ офицеровъ .	2
Экономъ	1
Больничный надзиратель	1
Помощникъ лекаря . .	1
Казенныхъ учениковъ .	51
Пансіонеровъ	15
Полупансіонеровъ . .	15
Своекоштныхъ. . . .	122
Кантонистовъ	17

Въ августѣ окончилась отстройка сгорѣвшихъ зданій гимназіи, и потому 27 числа этого мѣсяца назначенъ былъ торжественный переходъ гимназіи изъ университета въ свое собственное зданіе, откуда уже почти 50 лѣтъ гимназія не переселялась ни куда. Вотъ какъ описанъ переходъ гимназіи изъ университета въ 1820 году: «Императорская Казанская гимназія, помѣщавшаяся съ 3-го сентября 1815 года до сего времени въ домѣ Императорскаго Казанскаго университета, послѣ бывшаго въ Казани опустошительнаго пожара, чрезъ пять лѣтъ переведена въ прежде занимаемый ею, нынѣ вновь обстроенный домъ. По сему случаю 27 августа 1820 года, въ 8 часовъ утра, воспитанники гимназіи, отслушавъ божественную литургію въ Воскресенской церкви, гдѣ присутствовалъ и директоръ университета съ прочими чиновниками, отправились надлежащимъ порядкомъ въ новый гимназическій домъ. По прибытіи ихъ, отецъ протоіерей Александръ Ивановичъ Нечаевъ совершилъ молебное пѣніе съ водоосвященіемъ въ залѣ гимназической и окропилъ всѣ комнаты и классы святою водою. Господинъ директоръ университета, удостоившій своимъ вниманіемъ переселеніе гимназіи, осматривалъ покои, назначенные для питомцевъ и нашедши помѣщеніе ихъ удобнымъ, приказалъ развести казеннокоштныхъ воспитанниковъ, пансіонеровъ и полупансіонеровъ по своимъ мѣстамъ въ комнатахъ, а своекоштныхъ учениковъ въ классахъ. Радость и удовольствіе юныхъ дѣтей при видѣ прежняго ихъ жилища обновленнаго щедротами Монарха—Отца ихъ, восхищали чиновниковъ, участвовавшихъ въ благосостояніи питомцевъ.

Благодарность ихъ обнаружилась въ полной мѣрѣ въ вожделѣнный день Тезоименитства Его Императорскаго Величества. 30 числа сего августа, послѣ Божественной литур-

гіи и Высокоторжественнаго молебствія девять избранныхъ питомцевъ принесли усерднѣйшее поздравленіе отъ лица всей гимназіи г. директору университета, изъяснивъ предъ нимъ дѣтскимъ чистѣйшимъ языкомъ сердца душевную признательность къ щедротамъ Тезоименитаго Монарха. Съ радостію встрѣтили юные воспитанники чиновниковъ гимназіи, приглашенныхъ директоромъ оной къ обѣденному столу въ столовой залѣ, которую сами дѣти украсили своими цвѣтами. Предъ обѣдомъ послѣ молитвы они привѣтствовали Великаго Государя пѣніемъ хора: Боже! царя храни и многолѣтія по окончаніи обѣда. Въ заключеніе торжества, вечеромъ въ 9-мъ часу, весь домъ гимназическій былъ освѣщенъ огнями, а на балконахъ выставлены прозрачныя картины, кои сдѣланы были сверхъ чаянія собственными трудами и собственнымъ иждивеніемъ воспитанниковъ съ общаго ихъ согласія. Любовь и усердіе ихъ къ Тезоименитому покровителю подобились яркому пламени въ сію темную ночь. На первой картинѣ изображенъ Геній, прикасающійся рукою къ верху пирамиды, перевязанной гирляндою, а внизу колонна, обвитая цвѣтами: сіи три фигуры составляли собою вензеловое имя Государя Императора, осѣняемое благословляющею изъ облаковъ рукою. На боковыхъ балконахъ стоящія картины представляли также вензеловыя имена Благословеннаго Александра съ приличными надписями; на первой: «Твоими щедротами обновленная», а на другой: «Боже! царя храни»!

Такимъ образомъ чувство благодарности и любви къ Монарху—Отцу, развивающееся въ юныхъ сердцахъ, обѣщаетъ прекрасные плоды отечеству; содѣйствіемъ благодати Божіей оно укоренится въ нихъ вмѣстѣ съ христіанскимъ образованіемъ и возрастетъ, яко древо, насажденное при исходящихъ водъ» ([37]).

Бывшій въ числѣ учениковъ гимназіи, перешедшей изъ университета въ собственное зданіе, Карлъ Карловичъ Фойгтъ вотъ какими словами описываетъ этотъ переходъ: «1820—1821 учебный годъ открылся торжественнымъ шествіемъ изъ университетскаго зданія во вновь отстроенное собственное зданіе гимназіи на Воздвиженской улицѣ. Повели насъ чрезъ пролегавшія улицы по два въ рядъ, въ сопровожденіи инспекціи, и по прибытіи въ новое помѣщеніе, разсадили въ тѣхъ же

([37]) Казанскія извѣстія 1820 г. № 70, стр. 299.

классахъ, въ которыхъ были въ предшествовавшемъ учебномъ году. Потомъ инспекторъ, ставъ среди двери между двумя классами, вызывалъ по списку учениковъ, удостоенныхъ перевода, которые тутъ же и переходили изъ прежняго своего класса въ высшій. Меня при этомъ перевели изъ нижняго русскаго класса въ средній, по остальнымъ предметамъ изъ среднихъ классовъ въ высшій, а по законоученію оставили въ старшемъ классѣ, такъ-какъ высшаго и не было. Классы устроены были на западной половинѣ нижняго этажа по обѣ стороны коридора».—Съ этого времени и до 25 августа 1823 года, когда въ этотъ день вмѣсто директора Пономарева вступилъ въ должность профессоръ Василій Яковлевичъ Баженовъ, Карлъ Карловичъ Фойгтъ описываетъ внутреннюю жизнь въ гимназіи въ теченіи трехъ лѣтъ слѣдующимъ образомъ: «Преподаваніе было слѣдующее: по Закону Божію, вмѣсто О. Павловскаго, опредѣленъ былъ священникъ Алек. Ив. Нечаевъ, впослѣдствіи протоіерей и профессоръ Богословія при Казанскомъ университетѣ. Онъ диктовалъ намъ священную исторію Ветхаго Завѣта по запискамъ, большею частію заимствованнымъ имъ изъ сочиненія митрополита Филарета, и пространный катихизисъ, также по своимъ запискамъ, переполненнымъ текстами,—и тѣ и другія—въ вопросахъ и отвѣтахъ. Способъ преподаванія и контроля былъ тотъ же, какъ и у его предмѣстника.—Въ среднемъ русскомъ классѣ, Мих. Самис. Рыбушкинъ, въ послѣдствіи адъюнктъ университета, позднѣе—директоръ Астраханской и наконецъ Пензенской гимназіи, преподавалъ Русское словосочиненіе, по тому же руководству, изданному Главнымъ Правленіемъ Училищъ, какое употреблялось въ нижнемъ классѣ, потомъ теорію знаковъ препинанія и церковно-славянскую грамматику по своимъ запискамъ; преподаваніе свое сопровождалъ диктантами, этимологическимъ и синтаксическимъ разборомъ и переложеніями изъ стиховъ въ прозу.—Въ высшемъ латинскомъ классѣ Мих. Вас. Полиновскій, въ послѣдствіи адъюнктъ университета, а съ 1837 года директоръ Вятской гимназіи, читалъ синтаксисъ по Кошанскому, а изъ римскихъ писателей объяснялъ Корнилія Непота. Преподаваніе его было вполнѣ дѣльное и отчетливое, и нельзя не пожалѣть, что привычка его часто повторять частицу, *что* нарушала плавность его рѣчи.—Въ высшемъ французскомъ классѣ, Карлъ (съ 1825 г. по присоединеніи къ православію—Иванъ) Ѳед. Краузе, въ послѣдствіи также

адъюнктъ университета, а позднѣе Инспекторъ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ въ Москвѣ, диктовалъ намъ Теоретико-Практическій курсъ Французскаго языка, напечатанный имъ послѣ, въ 1827 году, въ Москвѣ. Переводили мы съ Русскаго языка на Французскій краткія фразы, и какъ самый курсъ, такъ и фразы заучивали наизусть; заучиваніе это требовалось съ неумолимою строгостью. Переводили также избранные отрывки изъ Карамзина. Карлъ Өедоров. былъ отличный знатокъ своего дѣла, но чрезвычайно взыскателенъ. Когда онъ бывалъ въ духѣ, то за маленькіе промахи любилъ награждать chiquenaude'ами; въ минуты же раздраженія обыкновеннымъ взысканіемъ его было уничтоженіе тетрадей, которыя за тѣмъ къ слѣдующему классу непремѣнно должны были быть переписаны съ-изнова на-бѣло.—Совершенно противоположный характеръ имѣло преподаваніе Нѣмецкаго языка въ высшемъ классѣ у Ив. Петров. Эмке: синтаксисъ проходили по Шумахеру, дѣлались и переводы; но трудно опредѣлить, на-сколько познанія учениковъ подвигались отъ этого впередъ, при томъ своеволіи, которое постоянно господствовало въ классѣ.—Исторію и Географію читалъ вышеупомянутый Мих. Самис. Рыбушкинъ. Для всеобщей исторіи руководствами служили—всемірная исторія, изданная Главнымъ Правленіемъ Училищъ и составленная бывшимъ директоромъ Казанской гимназіи и ординарнымъ профессоромъ Казанскаго университета Ил. Өед. Яковкинымъ, въ 3-хъ частяхъ, а впослѣдствіи — учебникъ Кайданова, также въ 3-хъ частяхъ; для Русской Исторіи—учебная книга всеообщей исторіи Шрекка, которой 4 и 5-я части заключали въ себѣ Россійскую исторію, составленную Константиновымъ, по Карамзину и др. Изъ первой была пройдена — древняя, изъ послѣдней — до сверженія ига Монголовъ. Географія читалась по Каменецкому. Преподаватель, переспросивши бóльшую часть учениковъ, обыкновенно читалъ по учебнику слѣдующій урокъ, сопровождая это чтеніе нѣкоторыми объясненіями и обращеніемъ къ прежде пройденному; а равно указаніями на картахъ.— Въ высшемъ Математическомъ классѣ читалась Геометрія, безъ опредѣленнаго руководства, но желающимъ рекомендовалась Геометрія Фусса. Сначала преподавалъ ее орд. профессоръ университета Мар. Өед. Бартельсъ, къ сожалѣнію, нетвердо владѣвшій Русскимъ языкомъ, а послѣ перемѣщенія его въ Дерптскій Университетъ, преподаваніе перешло вре-

менно къ Алек. Ѳед. Левицкому, о которомъ я упомянулъ выше, а потомъ къ Магистру Ник. Ос. Юферову, человѣку съ прекрасною логической головой, но жесткими манерами.— Физику читалъ Андр. Вас. Кайсаровъ, въ послѣдствіи адъюнктъ; онъ давалъ свои записки и сопровождалъ преподаваніе нѣкоторыми опытами.—Естественную исторію читалъ съ начала орд. профессоръ университета Вас. Ил. Тимьянскій (въ послѣдствіи начальникъ счетнаго отдѣленія въ Департаментѣ народнаго просвѣщенія), а потомъ Ник. Ѳед. Кулаковъ, впослѣдствіи также адъюнктъ университета. Первый преподавалъ минералогію, безъ руководства и безъ записокъ, предоставляя ученикамъ отмѣчать у себя въ тетрадяхъ главнѣйшія его объясненія, и показывая имъ по временамъ наиболѣе замѣчательные минералы; второй читалъ Ботанику по своимъ запискамъ, также принося съ собой для ближайшаго объясненія, живыя растенія изъ окрестностей города.—Надобно отдать полную справедливость всѣмъ поименованнымъ преподавателямъ Историческихъ, Математическихъ и Естественныхъ наукъ, что они преподаваніе свое вели вполнѣ систематически и усердно, хотя большаго одушевленія въ ихъ изложеніи не было; а иногда встрѣчались и довольно продолжительные пропуски уроковъ—вѣроятно, по болѣзни.

Во внутренней администраціи и организаціи гимназіи съ этого года стали обнаруживаться капитальныя преобразованія. Для управленія гимназіей назначены были особыя лица не изъ профессоровъ, именно: особый директоръ Пономаревъ, въ послѣдствіи переведенный въ Саратовъ, и особый инспекторъ Скворцовъ, бывшій также адъюнктомъ Университета, а позднѣе директоромъ Астраханской гимназіи. Надзоръ сдѣлался бдительнѣе. Бурныя вспышки юношеской силы прекратились. Класная дисциплина усилилась, и вмѣсто произвольнаго размѣщенія учениковъ въ классахъ, установлено разсаживаніе ихъ по степени успѣховъ и прилежанія. Испытанія стали производиться строже и чаще: сначала—по третямъ года (предъ Рождествомъ, предъ Пасхою и предъ лѣтними вакаціями), потомъ ежемѣсячно, а позднѣе полугодичныя, при томъ большею частью въ присутствіи директора, инспектора или ассистентовъ изъ учителей. Содержаніе казеннокоштныхъ воспитанниковъ и пансіонеровъ, кажется, тоже улучшилось, по-крайней-мѣрѣ судя по ихъ одеждѣ. Но самою главною, коренною перемѣною было то, что во всѣ

фазы гимназической жизни энергическими распоряженіями бывшаго тогда Попечителя Мих. Леонт. Магницкаго и его органовъ было проводимо самое строгое религіозное направленіе. Предъ началіемъ уроковъ, отъ 7 до 8 часовъ утра ежедневно, всѣмъ въ совокупности ученикамъ Законоучитель читалъ и объяснялъ Евангеліе; посѣщеніе обѣдни было сдѣлано обязательнымъ и для учениковъ, не исключая ни Католиковъ, ни Лютеранъ; въ теченіе Великаго Поста, каждую недѣлю, въ установленные дни, совершались всенощныя служенія, продолжавшіяся по два и по три часа съ ряду,—и не смотря ни на какіе морозы, ни на сугробы снѣга или не вылазную грязь на улицахъ, ни на темныя ночи, ученики должны были являться на нихъ не упустительно, не имѣя права ссылаться на отдаленность квартиръ или слабость здоровья, такъ-какъ въ тѣ патріархальныя времена ни-какіе подобные предлоги не уважались. Религіозное направленіе проникло и въ самое преподаваніе и въ характеръ нравственнаго руководства учащихся. Каждое явленіе природы, каждое событіе исторіи—и въ объясненіяхъ учителей и въ письменныхъ упражненіяхъ учениковъ—возводились къ высшему источнику міровой жизни—непосредственному Промыслу Божію. Относительно приложенія нравственныхъ началъ къ надзору за учащимися укажу здѣсь на одинъ примѣръ, хотя, можетъ быть, (хорошенько не припомню) онъ случился и не въ этомъ году, о которомъ теперь идетъ рѣчь, а въ слѣдующемъ, что впрочемъ не измѣняетъ дѣла. Два ученика высшихъ классовъ Шалаевъ и Викторъ Лубкинъ (38) имѣли между собою какую то крупную ссору. Оба они долго содержались подъ арестомъ; наконецъ, чтобы начальству имѣть благовидный поводъ къ ихъ прощенію, было устроено между ними торжественное примиреніе въ слѣдующей формѣ. Въ присутствіи всѣхъ собранныхъ учениковъ гимназіи, они были выведены въ средину обширной классной комнаты, гдѣ послѣ краткаго увѣщеванія со стороны начальствующихъ лицъ, положили другъ предъ другомъ три земныхъ поклона въ знакъ

(38) Изъ исторической записки Казанскаго университета за 1824—1825 академич. годъ видно, что физико-математическаго отдѣленія Викторъ Лубкинъ и словеснаго Ив. Шелаевъ «причислены къ канцеляріи университета подъ надзоръ, въ надеждѣ исправленія». См. Казан. Вѣстникъ 1825 г. ч. 15-я стр. 182.

Владиміровъ.

взаимнаго прощенія. Сцена была новая и оригинальная; но, странное дѣло—впечатлѣніе, произведенное ею на учениковъ, не было сильно, а также трудно рѣшить, на сколько примиреніе между виновными было дѣйствительно и искренне.

1821 и 1822-й учебный годъ, во всѣхъ отношеніяхъ, является прямымъ продолженіемъ предшествовавшаго. Потому ограничусь только указаніемъ тѣхъ перемѣнъ въ преподаваніи, которыя касались лично меня. Такъ-какъ я находился уже во всѣхъ высшихъ классахъ, кромѣ Русскаго, то, по бывшимъ тогда примѣрамъ, могъ бы даже перейти въ Университетъ, тѣмъ болѣе, что по окончаніи 1820—1821 учебнаго года и годичныхъ испытаній получилъ въ награду книгу: «Чтеніе изъ Четырехъ Евангелистовъ»; но за малолѣтствомъ (13 лѣтъ) меня оставили еще на годъ, съ переводомъ изъ средняго Русскаго класса въ высшій. — Здѣсь преподавалъ намъ инспекторъ Мих. Ѳед. Скворцовъ. Преподаваніе его было и теоретическое и практическое. Первое заключалось въ объясненіи «Краткой Логики и Риторики», составленной неизвѣстнымъ авторомъ по учебнику Никольскаго, съ разнообразными дополненіями самого преподавателя. Практическое состояло въ составленіи примѣровъ на логическія правила, изложеніи на дому статей, прочитанныхъ учителемъ въ классѣ, и собственныхъ сочиненіяхъ учениковъ—описаніяхъ, повѣствованіяхъ и легкихъ разсужденіяхъ преимущественно нравственнаго содержанія. Нельзя не отнестись съ глубокою признательностью къ усердію этого даровитаго наставника: съ рѣдкимъ вниманіемъ и сдержанностью разбиралъ онъ каждое ученическое упражненіе, вникая не только въ самое содержаніе его, расположенія, логическую связь частей и общій тонъ рѣчи, но и въ каждое выраженіе, каждую описку, и при томъ-то наводя самихъ учениковъ на сдѣланныя ими погрѣшности, то заставляя ихъ переработывать сочиненія на дому по его указаніямъ, то принимая на себя окончательное ихъ исправленіе. Также читалъ онъ въ классѣ нѣкоторыя изъ тогдашнихъ образцовыхъ сочиненій Русской Литературы и давалъ ихъ потомъ ученикамъ заучивать наизусть, строго наблюдая за правильной и выразительной интонаціей. Съ особенною любовью разбиралъ онъ рѣчь Холмскаго къ Новгородцамъ, изъ Марѳы Посадницы Карамзина, руководствуясь брошюрой ординарнаго профессора Казанскаго университета Гр. Ник. Городчанинова.—Въ классѣ Законоученія повторялся

прежній курсъ съ нѣкоторыми дополненіями. Я назначенъ былъ старшимъ, и мнѣ поручено было 11 учениковъ, изъ коихъ нѣкоторые были гораздо старше меня лѣтами и огромнаго роста. Тѣмъ не менѣе дѣло обходилось мирно: и Законоучитель и товарищи были постоянно мною довольны.—По Латинскому, Французскому и Нѣмецкому языкамъ значительныхъ перемѣнъ въ преподаваніи противъ прошлаго года не было, за исключеніемъ того, что для переводовъ были избираемы другія статьи. По этимъ тремъ предметамъ я былъ посаженъ на первое мѣсто.—Изъ общей исторіи была пройдена средняя и начало новой; изъ Русской—до царствованія Екатерины II.—Географія окончена.—Къ преподаванію Геометріи, присоединена Тригонометрія; Физика доведена до ученія объ электричествѣ включительно; вмѣсто ботаники прочитана Зоологія.—Нравственный надзоръ и прочія частности гимназической жизни остались прежнія.—Послѣ годичныхъ испытаній я получилъ старшую награду—Библію на Нѣмецкомъ языкѣ, съ похвальнымъ листомъ, и по причинѣ окончанія полнаго гимназическаго курса былъ удостоенъ перевода въ Университетъ, но и на этотъ разъ мать моя была противъ такого ранняго (14 лѣтъ) поступленія въ студенты.

Чтожъ оставалось дѣлать?—Лѣтняя вакація прошла въ колебаніяхъ. Наконецъ, по совѣту ближайшаго моего родственника, ордин. профессора Арабскаго и Персидскаго языковъ, Ѳед. Ив. Эрдманна и съ согласія гимназическаго начальства, рѣшено было дозволить мнѣ, въ наступившемъ 1822 — 1823 учебномъ году, продолжать въ гимназіи посѣщеніе уроковъ только по предметамъ Русской Словесности и Латинскаго языка, съ освобожденіемъ отъ прочихъ, и сверхъ того зачислили меня въ только-что открывшійся тогда классъ Арабскаго языка, котораго преподаваніе принялъ на себя безмездно профессоръ Эрдманъ. (По французскому языку я сталъ брать частные уроки у Лектора Краузе).—Чтеніе означенныхъ предметовъ въ гимназіи имѣло слѣдующій характеръ.—Преподаваніе Русской Словесности, за выбытіемъ адъюнкта Скворцова, перешло къ адъюнкту Мих. Вас. Полиновскому. Учебникъ остался тотъ же, но теоретическія объясненія были сопровождаемы значительными дополненіями изъ правилъ словесности Толмачева и Риторики Могилевскаго, а практическія упражненія приняли направленіе болѣе серьезное. Насъ заставляли не рѣдко на одну и туже тему, большею частью,

нравственно-религіознаго содержанія, написать всѣ двѣнадцать періодовъ, или хріи всѣхъ видовъ. Конечно, такой способъ упражненій назовутъ нынѣ схоластическимъ, педантическимъ и не безъ основанія; но нельзя не сознаться, что онъ имѣлъ и свою хорошую сторону, возбуждая всѣ молодыя способности учащагося, изощряя въ немъ самобытное мышленіе и пріучая къ строгой логической послѣдовательности, къ стройной періодической рѣчи. Одна изъ такихъ хрій моего произведенія, на тему: «Порочный человѣкъ ни-когда спокоенъ быть не можетъ» до того подѣйствовала на М. В. Полиновскаго и начальство гимназіи, что положено прочесть ее мнѣ на актѣ гимназіи; но торжество это не состоялось,—кажется по причинѣ слишкомъ продолжительнаго чтенія рѣчи и отчета и утомленія посѣтителей. Кромѣ означенныхъ упражненій, преподаватель читалъ намъ разныя образцовыя произведенія не только прозаическія, но и стихотворныя, съ объясненіями изъ теоріи поэзіи и Исторіи Литературы: помню, въ особенности, какъ плавно рецитировлъ онъ намъ посланіе Жуковскаго Императору Александру 1-му и съ какою подробностію разбиралъ его общія достоинства и частныя красоты. — О преподаваніи Латинскаго языка тѣмъ же адъюнктомъ Полиновскимъ распространяться не буду: вся разница противъ прошлаго года состояла въ избраніи другихъ статей для перевода. Прибавлю только, что по обоимъ этимъ предметамъ я опять удостоился перваго мѣста.—Классъ Арабскаго языка представлялъ мнѣ громадныя трудности. Прочіе мои товарищи по этому предмету были избраны изъ числа тѣхъ, которые уже учились Татарскому языку у адъюнкта Ибр. Ис. Хальфина, и слѣдовательно были уже знакомы съ чтеніемъ, письмомъ и нѣкоторыми особенностями, общими обоимъ языкамъ. Трудности увеличивались еще отъ того, что профессоръ Эрдманъ объяснялъ Арабскую грамматику, безъ руководства и безъ записокъ: безъ руководства—потому, что такого на Русскомъ языкѣ тогда не было, а безъ записокъ—потому, что еще слабо владѣлъ Русскимъ языкомъ. Тѣмъ не менѣе дѣло двигалось впередъ и къ концу учебнаго года главнѣйшія формы Арабской Грамматики были усвоены.—О преподаваніи прочихъ предметовъ въ гимназіи уже ничего не могу сказать, по той простой причинѣ, что не посѣщалъ ихъ. Тоже ни-какихъ свѣдѣній не могу сообщить о перемѣнахъ, какія произошли въ составѣ учителей и во внутренней орга-

низаціи гимназіи. Получивъ на годичномъ актѣ въ награду— Евангеліе на Татарскомъ языкѣ, я простился съ гимназіей, а въ Августѣ 1823 г. поступилъ въ студенты Казанскаго Университета на отдѣленіе Словесныхъ наукъ, заявивши вмѣстѣ съ тѣмъ желаніе слушать языки Арабскій и Персидскій съ дополнительными къ нимъ предметами, но и не отказавшись отъ Греческаго, — что дозволялось. — А такъ-какъ изъ числа близкихъ моихъ товарищей также ни одного не оставалось въ гимназіи, то, правду сказать, я уже и не интересовался ея судьбами въ теченіи всего пребыванія въ Университетѣ и весь этотъ промежутокъ времени долженъ пройти молчаніемъ».

VIII.

Ревизія гимназіи, по распоряженію Магницкаго въ 1822 году, Барсовымъ и Тимьянскимъ и послѣдствія этой ревизіи.

1) Состояніе гимназіи во время ревизіи.—2) Жалованье учителямъ за преподававшіеся тогда предметы.—3) Приступленіе къ ревизіи и представленіе чиновъ гимназіи ревизорамъ.—4) Свѣдѣнія, потребованныя ревизорами отъ преподавателей.—5) Учебныя руководства, бывшія въ употребленіи съ 1819 до 1822 г.—6) Пріобрѣтеніе учебныхъ пособій въ гимназіи при Магницкомъ.—7) Пожертвованіе чиновника Сырнева на покупку древнихъ книгъ Св. Писанія.—8) Свѣдѣнія г. Лажечникова о присылкѣ книгъ въ гимназію при Магницкомъ.—9) Ученые труды учителей гимназіи: Хальфина, Рыбушкина, Краузе, Стефани и Протасова.—10) Испытаніе учениковъ ревизоромъ Тимьянскимъ.—11) Донесеніе ревизоровъ о результатахъ ревизіи и объявленіе благодарности попечителемъ по этому поводу учителямъ.—12) Надзоръ профессоровъ университета за преподованіемъ въ гимназіи.—13) Надзиратель Ролланъ и вступленіе въ должность директора вмѣсто Пономарева Бажанова въ 1823 г.—14) Предложеніе Магницкаго Ив. Ив. Лажечникову—занять должность директора.—15) Свѣдѣнія о дѣятельности г. Лажечникова до пріѣзда его въ Казань.—16) Главный надзиратель Протасовъ, учители: Паременіоновъ, Ив. Грацинскій, Эмке, Ананіевъ, Флоренсовъ.—17) Желаніе Магницкаго угодить Графу Аракчееву назначеніемъ учителей гимназіи преподавать науки въ верхнемъ классѣ Казанскаго военнаго сиротскаго отдѣленія.—18) Пріѣздъ Магницкаго въ Казань въ 1825 г. и публичный экзаменъ въ гимназіи 13-го сентября тогоже года.—19) Переходъ г. Лажечникова изъ гимназіи въ университетъ и назначеніе главнымъ надзирателемъ гимназіи профессора Брашмана.—20) Инструкція директора

университета Любомирова директору гимназіи для управленія послѣднею по всѣмъ частямъ.

По распоряженію попечителя Магницкаго, въ первые три года управленія его Казанскимъ учебнымъ округомъ, съ 1819 до 1822 года, обревизованы были всѣ среднія и низшія учебныя заведенія въ этомъ округѣ визитаторами, назначенными отъ университета; одна только Казанская гимназія осталась неосмотрѣнною: по этому попечитель предписалъ совѣту университета 31 января 1822 года произвесть ревизію Казанской гимназіи по всѣмъ частямъ. Ревизорами были назначены попечителемъ инспекторъ студентовъ коллежскій совѣтникъ Барсовъ — по хозяйственной и полицейской части и профессоръ Тимьянскій — по учебной части, а обоимъ вмѣстѣ—по нравственной части. Назначая эту ревизію, Магницкій писалъ совѣту университета, «что осмотръ Казанской гимназіи необходимъ для вступленія въ новое ея положеніе».

Состояніе гимназіи въ это время было:

Директоръ	1
Главный надзиратель и инспекторъ	1
Учителей	26
Комнатныхъ надзирателей . . .	5
Дежурныхъ офицеровъ	2
Экономъ	1
Квартирмѣйстеръ	1
Секретарь конторы	1
Врачъ	1
Казначей	1
Бухгалтеръ	1

Учениковъ:

1) Казенныхъ	48
2) Кандидатовъ казеннаго содержанія	16
3) Пансіонеровъ	13
4) Своекоштныхъ	115
5) Приказа обществ. призрѣнія .	5
6) Кантонистовъ	17

За преподававшіеся тогда учителями предметы производилось въ началѣ 1822 года слѣдующее содержаніе:

1) Директору Пономареву .... 1000 р.

2) Законоучителю старшаго отдѣленія протоіерею Нечаеву .... 500 —

3) Младшаго отдѣленія протодіакону Павловскому за Законъ Божій и обученіе славянскому чтенію и пѣнію .... 400 —

4) Учителю логики и риторики адъюнкту россійской словесности, главному надзирателю и исправляющему должность инспектора съ ноября 1820 года Михаилу Скворцову............ ... 400 — 200 — 550 —

Всего.. 1150 —

5) Учителю опытной физики адъюнкту университета.............................. 500 —

6) Учителю артиллеріи и фортификаціи адъюнкту университета .... 700 —

7) Учителю высшаго латинскаго класса преподавателю университета и секретарю совѣта гимназіи Михаилу Полиновскому .... 400 —

8) Учителю всеобщей исторіи и славяно-россійскаго языка Мих. Сампсон. Рыбушкину ...... 900 —

9) Учителю географическаго класса кандидату университета и комнатному надзирателю Василію Ѳедоровичу Гипе, въ томъ числѣ за надзирательство. 750 — 200 —

10) Испр. д. учителя естественной исторіи и комнатному надзирателю гимназіи Кулакову ... .. 800 —

11) Испр. д. учителя средняго и высшаго математическаго классовъ .... 750 —

12) Учителю высшаго французскаго класса лектору университета Карлу Ѳед. Краузе .... 500 —

13) Высшаго нѣмецкаго и греческаго класса и переводчику управленія университета Стефани .... 750 —

14) Учителю татарскаго класса лектору университета Ибрагиму Хальфину .... 200 —

15) Учителю средняго латинскаго класса и комнатному надзирателю кандидату университета Протасову .... 550 —

16) Кандидату университета Токареву, испр. д. въ одномъ изъ отдѣленій средняго математическаго

класса безъ жалованья, разрѣшено совѣтомъ университета производить въ пособіе.................. 250 р.

17) Испр. д. учителя средняго французскаго и комнатному надзирателю кандидату университета Потѣхину.. 400 —

18) Учителю нижняго ариѳметическаго класса старшему учителю главнаго народнаго училища въ Казани Макарову............................... 200 —

19) Учителю нижняго французскаго класса кандидату университета Алекс. Фавръ.............. 300 —

20) Учителю нижняго россійскаго класса, чистописанія и комнатному надзирателю Петру Гаврив. Скорнякову.................................... 630 —

21) Учителю первыхъ началъ ариѳметики, начальнаго россійскаго и нижняго латинскаго классовъ Краснову, служившему въ гимназіи съ 1799 года.. 550 —

(Въ томъ числѣ было 50 руб. прибавочныхъ за долговременную службу).

22) Учителю средняго нѣмецкаго класса Ѳед. Блюменталю.................................. 400 —

23) Учителю нижняго нѣмецкаго класса Мейснеру.. 300 —

24) Учителю рисованія Протопопову........ 300 —

25) Учителю рисованія Винокурову......... 300 —

26) Учителю танцованія Денису Фавръ...... 400 —

27 Дежурнымъ офицерамъ: Попову и Полякову по.. 200 —

Всего...14,080 —

Отъ всѣхъ этихъ учителей ревизоры должны были требовать отчета о ходѣ преподаванія наукъ въ гимназіи съ 1820 г. до 1822 года. Ревизія началась 29 апрѣля и окончилась въ 1823 г.; окончательные же результаты этой ревизіи получены отъ попечителя Магницкаго 14 мая того же года. 29 апрѣля приказано было явиться всѣмъ преподавателямъ въ гимназію въ мундирахъ для представленія ревизорамъ. Но какимъ-то образомъ послѣдніе донесли попечителю, что чиновники гимназіи явились не въ формѣ, о чемъ Магницкій 13 іюня спрашивалъ чрезъ совѣтъ университета, какимъ образомъ не исполнено приказаніе ревизоровъ. На это тре-

бованіе совѣтъ гимназіи донесъ, что всѣ чиновники гимназіи представлялись визитаторамъ въ мундирахъ, точно такъ же, какъ они были представлены директоромъ университета генералъ-губернатору Сибири Михаилу Михайловичу Сперанскому во время его посѣщенія гимназіи въ 1821 году, во время проѣзда чрезъ Казань.

Приступая къ ревизіи, Барсовъ и Тимьянскій увѣрили всѣхъ членовъ гимназіи, что они будутъ свидѣтельствовать предъ попечителемъ о трудахъ и усердіяхъ отличныхъ чиновниковъ; но для этого ревизоры требовали отъ всѣхъ чиновъ гимназіи свѣдѣнія относительно внутренняго и наружнаго порядка и благоустройства гимназіи. По представленіи всѣми чинами гимназіи нужныхъ свѣдѣній, совѣтъ гимназіи представилъ ревизорамъ свѣдѣнія о состояніи гимназіи: 1) по учебной части, 2) относительно воспитанниковъ и 3) относительно преподаванія предметовъ. Изъ этихъ свѣдѣній видно, что въ гимназіи преподавались: а) науки: (39) Законоученіе, священная исторія, всеобщая и россійская исторія, географія, логика, риторика, естественная исторія, физика, артиллерія, фортификація, ариѳметика, алгебра и геометрія. в) языки: славянскій, россійскій, греческій, латинскій, нѣмецкій, французскій и татарскій. с) искуства: чистописаніе, пѣніе, рисованіе и танцованіе.

1) Всѣ эти предметы, вслѣдствіе измѣненія цѣли существованія гимназіи, изложеннаго въ предписаніи попечителя Салтыкова отъ 3-го ноября 1814 года, проходились только приготовительнымъ образомъ, потому что казенные воспитанники и нѣкоторые изъ своекоштныхъ, по окончаніи курса, для лучшаго образованія поступали въ университетъ.

2) Науки раздѣлены были на нѣсколько классовъ, а именно: Законоученіе и св. исторія на два класса; математика и россійскій языкъ на 4, изъ которыхъ въ среднемъ россійскомъ преподавался и славянскій языкъ; языки: латинскій, нѣмецкій и французскій на три; рисованіе на два, а прочіе науки и языки имѣли по одному классу.

3) Для изученія наукъ въ низшихъ классахъ по § 5 Высочайше конфирмованнаго о гимназіи положенія—полгода,

---

(39) Дѣла архива Казан. гимназіи, 1822 г., № 16, стр. 110.

а въ прочихъ годахъ; полный же курсъ ученія проходитъ ученикъ въ 4 года.

4) Изученіе всѣхъ предметовъ учениками зависитъ отъ ихъ способностей и воли родителей.

5) Но въ классахъ катихизиса и св. исторіи обучаются всѣ ученики, кромѣ магометанъ; латинскому языку обучаются всѣ безъ изъятія казенные воспитанники; пансіонеры же, полупансіонеры и своекоштные обучаются сему предмету по желанію ихъ родителей или ихъ самихъ; кантонисты же по волѣ ихъ начальства.

6) Такъ какъ многіе изъ преподавателей гимназіи занимали и каѳедры въ университетѣ, то расположеніе учебныхъ часовъ приходилось измѣнять, чѣмъ распоряжался директоръ гимназіи.

7) Такъ какъ съ открытіемъ университета, цѣль воспитанія и обученія въ гимназіи измѣнилась, и ученики вмѣсто военной и гражданской службы стали поступать въ университетъ; то и преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ, положенныхъ въ положеніи 1798 г. о гимназіи, отмѣнено, а нѣкоторые введены, а именно, отмѣнены тактика, механика и прочія части смѣшанной математики, гражданская архитектура, химія, гидравлика, земледѣліе и законовѣденіе, по причинѣ преподаванія этихъ наукъ въ университетѣ, фехтованіе и музыка—по неимѣнію учителей, нравоученіе, по предписанію попечителя Магницкаго 1820 г. 8 октября, и технологія по предписанію совѣта университета 1819 г. Вновь стали преподаваться: греческій языкъ съ 1807 г., чистописаніе съ 1812 г. и пѣніе съ 1821 г. А такъ какъ главное правленіе училищъ прислало новое распредѣленіе учебныхъ предметовъ гимназическаго курса, то и изъ послѣднихъ принято было только то, что сообразно было съ курсомъ преподававшихся въ Казанской гимназіи предметовъ.

8) По причинѣ многочисленности учениковъ въ гимназіи, раздѣленіе нѣкоторыхъ предметовъ по классамъ отступаетъ отъ положенія 1798 г., что сдѣлано было, съ разрѣшенія министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, бывшаго директора Пекина и совѣта университета.

8) Объемъ преподаванія каждаго предмета въ классахъ ограничивается слѣдующимъ: 1) въ младшемъ классѣ законоученія катихизисъ и св. исторія преподавалась въ меньшемъ размѣрѣ, а въ старшемъ въ большомъ объемѣ; 2) въ мате-

матическомъ начальномъ курсѣ ученія ограничивался изученіемъ простыхъ чиселъ до дробей, въ нижнемъ оканчивалась вторая часть ариѳметики, въ среднемъ проходилась кратко алгебра, начиная съ общихъ способовъ счисленія количествъ и оканчивая рѣшеніемъ уравненій, въ высшемъ проходилась кратко геометрія, съ раздѣленіемъ ея на: лонгиметрію, планиметрію и стереометрію и примѣненіемъ ея къ алгебрѣ. 3) Въ россійскомъ начальномъ проходилось начало этимологіи, въ нижнемъ продолжалось изученіе этимологіи съ прибавленіемъ орѳографіи, въ среднемъ изучались словосочиненіе и употребленіе знаковъ препинанія и показывались правила составленія предложеній и періодовъ; въ этомъ же классѣ проходилась вся славянская грамматика; въ высшемъ курсѣ ученія начинался изученіемъ первыхъ оснований риторики и оканчивался сочиненіемъ писемъ. 4) Въ нижнемъ латинскомъ начинали чтеніемъ и письмомъ и оканчивали началами этимологіи, въ среднемъ продолжалась этимологія и проходилась часть слвосочиненія, въ высшемъ повторялось и оканчивалось словосочиненіе съ присовокупленіемъ практическихъ упражненій, состоявшихъ въ переводахъ съ латинскаго языка на русскій и обратно и сопровождаемыхъ подробнымъ грамматическимъ разборомъ. 5) Въ класахъ языковъ нѣмецкаго и французскаго соблюдался тотъ же порядокъ, какъ и въ латинскихъ классахъ. Въ прочихъ же нераздѣльныхъ классахъ преподавались науки и предметы пріуготовительнымъ средствомъ для университета, а именно: курсъ логики начинался краткимъ объясненіемъ способностей души и оканчивался прикладною логикою. 6) Физика начиналась изъясненіемъ общихъ свойствъ тѣлъ, механики твердыхъ и жидкихъ тѣлъ и оканчивалась разсмотрѣніемъ матерій теплотворной, свѣтлотворной и электрической. 7) Естественная исторія начиналась краткимъ изъясненіемъ устройства тѣлъ естественныхъ и оканчивалась изложеніемъ метода для каждой изъ частей ея порознь. 8) Въ классѣ историческомъ проходилась вся древняя всеобщая исторія и часть новѣйшей до крестовыхъ походовъ. Россійская же исторія начиналась происхожденіемъ монархіи и оканчивалась сверженіемъ ига татарскаго. 9) Въ классѣ географическомъ всеобщая географія проходилась кратко, начиная обозрѣніемъ частей: математической, физической и полицейской и оканчивая землеописаніемъ всѣхъ европейскихъ государствъ, включая и краткую географію.

Россіи. 10) Курсъ артиллеріи и фортификаціи начинался полевою фортификаціею, продолжался крѣпостною и оканчивался артиллеріею, заимствуя изъ сей послѣдней предварительно потребныя свѣдѣнія для объясненія правилъ при изученіи фортификаціи. 11) Преподаваніе греческаго языка начиналось чтеніемъ и оканчивалось этимологіею. 12) Изученіе татарскаго языка начиналось чтеніемъ и письмомъ и оканчивалось изученіемъ всей грамматики. 13) Занятія въ классѣ рисованія начинались рисовкою сперва карандашемъ, потомъ штрихами и тѣнью и наконецъ тушью соковыми и корпусными красками съ оригиналовъ и 14) въ классѣ танцованія воспитанники обучались всѣмъ употребительнѣйшимъ танцамъ.

10) При изученіи предметовъ и наукъ съ 1819 до 1822 года учебными руководствами служили въ классахъ слѣдующія книги: 1) сокращенный катихизисъ и краткая священная исторія, изданныя отъ главнаго правленія училищъ, 2) катихизисъ патріарха Адріана и митрополита Платона, 3) церковно-библейская исторія преосвященнаго Филарета, 4) логика для духовныхъ училищъ, 5) исторія для народныхъ училищъ, 6) краткое всеобщее землеописаніе Каменецкаго, 7) Физика Шредера, 8) основанія артиллеріи, изданныя ученымъ комитетомъ, 9) курсъ полевой фортификаціи Баженова, 10) курсъ Сентъ-Поля—для крѣпостной фортификаціи, 11) ариөметика, изданная главнымъ правленіемъ училищъ — въ нижнемъ классѣ и курсъ Фусса — для средняго класса, 12) для зоологіи—дѣтскій музеумъ профессора Ржевскаго, 13) для ботаники—философическая ботаника, 14) краткая минералогія Севергина, 15) русская грамматика, изданная главнымъ правленіемъ училищъ, 16) славянская грамматика Виноградова, 17) краткая логика и риторика для духовныхъ училищъ (о грамматикѣ Виноградова совѣтъ гимназіи писалъ, что она составляетъ классическую книгу, потому что лучшей печатной славянской грамматики еще въ свѣтъ неиздано). 18) Латинская азбука 1817 г. и латинская грамматика Кошанскаго, изданная по руководству Бредера, 19) нѣмецкая азбука 1814 г. и нѣмецкая грамматика Шумахера, 20) греческая грамматика архимандрита Варлаама, 21) французская грамматика Перелогова, а изъ грамматики Вальи дѣлались выписки лекторомъ Краузе, 22) татарская грамматика и хрестоматія Хальфина. Кромѣ этихъ учебныхъ руководствъ, совѣтъ гим-

назіи представилъ свѣдѣнія ревизорамъ, какія еще нужны учебныя пособія, а именно: четыре библіи съ параллельными мѣстами, географическія карты Св. земли, греческая грамматика Протасова, лѣточислительная таблица и рѣка временъ, глобусы, новѣйшія ландкарты всѣхъ частей совѣта, всеобщая и россійская статистика, минералогія Фишера и разговоры на татарскомъ языкѣ. Всѣ эти книги дѣйствительно были куплены по разрѣшенію попечителя; кромѣ того, какъ только выходила въ свѣтъ новая замѣчательная книга, то Магницкій давалъ знать совѣту университета о выходѣ ея для пріобрѣтенія во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ округа. Многіе авторы книгъ прямо доставляли Магницкому свои сочиненія для разсылки ихъ въ учебныя заведенія Казанскаго учебнаго округа; такъ присланы были въ 1823 году билеты на полученіе отечественныхъ записокъ, издававшихся Свиньинымъ; также выписывались при Магницкомъ Сынъ Отечества, Сѣверная Пчела и Московскія Вѣдомости. Титуляр. сов. Сырневъ прислалъ въ гимназію 100 руб. на покупку древнихъ книгъ Св. Писанія, а чиновникъ Горскій подарилъ бесѣды Іоанна Златоуста ([40]). Такія пожертвованія въ пользу гимназіи дѣлались во время самаго разгара библейскихъ обществъ, о которыхъ говоритъ и Ив. Ив. Лажечниковъ въ статьѣ своей: «Какъ я зналъ Магницкаго» ([41]). Изъ сочиненій свѣтской литературы присланы были Магницкимъ 8 іюня 1824 года въ даръ гимназической библіотеки доставленныя попечителю графомъ Хвостовымъ сочиненіе послѣдняго: «Наука о стихотворствѣ», и «Исторія Россійскаго государства»—Карамзина.

11) Кромѣ занятій въ классахъ съ учениками, слѣдующіе преподаватели издали или приготовили для печати свои сочиненія и переводы: 1) Хальфинъ издалъ татарскую хрестоматію и жизнь Чингисъ-Хана-Аксакъ-Тимура. 2) Учитель Рыбушкинъ напечаталъ много стихотвореній въ Казанскихъ Извѣстіяхъ и написалъ славянскую грамматику, разсмотрѣнную совѣтомъ университета и отправленную къ попечителю Магницкому. 3) Лекторъ Краузе написалъ французскую грамматику. 4) Учитель Стефани перевелъ на нѣмецкій языкъ: a) уставъ Казанскаго университета, b) резуль-

---

([40]) Дѣло архива Каз. гимназіи 1815 № 37.

([41]) Русскій Вѣстникъ, 1866 г., 1-я, стр. 126.

таты путешествія въ Сибирь профессора Вуттига, c) описаніе рыбныхъ ловель на Каспійскомъ морѣ и по Волгѣ—соч. бывшаго адъюнкта Миллера и d) инструкцію директору Казанскаго университета. 5) Учитель Протасовъ написалъ полный курсъ юридическихъ лекцій, извѣстный совѣту университета.

12) Всѣ преподаватели представили профессору Тимьянскому списки ученикамъ, съ отмѣтками цифрами поведенія, способностей, успѣховъ и числа уроковъ пропущенныхъ каждымъ ученикомъ, начиная съ августа 1820 до 1822 года; въ этихъ спискахъ также показано учителями, что пройдено ими въ это время и какія употреблялись ими учебныя руководства.

Всѣ ученики были проэкзаменованы профессоромъ изъ всѣхъ предметовъ тогдашняго гимназическаго курса; обративъ особенное вниманіе на письменныя упражненія учениковъ. Во время ревизіи въ гимназіи, какъ послѣ донесъ Тимьянскій попечителю, случились столкновенія (42): своекоштные ученики производили въ присутствіи ревизора безпорядки; а на учениковъ: Неронова, Хвостова и Энгельке Тимьянскій жаловался директору гимназіи; но послѣдній отозвался, что ученики со времени ревизіи сдѣлались гораздо хуже прежняго. О результатахъ ревизіи Барсовъ и Тимьянскій донесли попечителю. По донесенію ревизоровъ оказалось, что въ гимназіи, вопреки положенію объ окончаніи воспитанниками курса въ гимназіи въ 4 года, въ послѣдней были ученики Горбуновы, учившіеся въ ней девятый годъ; что учители не имѣютъ нужныхъ для нихъ занятій учебныхъ руководствъ; что воспитанники принимаются въ гимназію во всякое время года безъ всякихъ приготовительныхъ свѣдѣній; что не всѣ учители доставили письменныя упражненія учениковъ; что нѣкоторыя науки преподаются по такимъ руководствамъ, которыя или уже устарѣли, или написаны безъ всякой связи и системы; что ученики старшаго и младшаго законоученія учили все наизусть, и потому на экзаменѣ не могли ничего объяснить своими словами; что ученики высшаго россійскаго класса учителя Скворцова оказали весьма малые успѣхи и даже читать не умѣли; что у учителя Блюменталя ученики переводили съ нѣмецкаго болѣе по навыку, нежели по вни-

(42) Дѣла Казан. гимн., 1823 г., № 33, стр. 2.

манію въ грамматическую связь; что учитель Потѣхинъ не можетъ водить учениковъ далѣе переводовъ; что у лектора Краузе ученики знаютъ французскій языкъ весьма хорошо; но только одни своекоштные (вѣрно послѣдніе были дѣти помѣщиковъ, имѣвшихъ въ домахъ гувернеровъ и гувернантокъ), въ казенныхъ же замѣчены лѣность и неуспѣшность; что у учителя Протасова ученики въ переводахъ слабы; что у учителя Полиновскаго ученики отлично успѣли; что учитель кандидатъ Токаревъ не выработалъ способа преподаванія, и такому же недостатку подверженъ и учитель Юферовъ; что по исторіи, географіи, физикѣ, естественной исторіи, ариѳметикѣ и фортификаціи успѣхи хорошіе; напротивъ же ученики учителей Винокурова и Протопопова изъ искусствъ весьма плохо успѣли. Лучшимъ изъ учителей оказался по усердію и рвенію Полиновскій; учители же Красновъ и Стефани, за старостію лѣтъ и слабостію здоровья, представлены были ревизорами къ увольненію съ назначеніемъ имъ полнаго оклада пенсіи, на что и послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе 23 іюня 1824 г. ([43]); но Стефани умеръ въ апрѣлѣ 1825 года. Своекоштные ученики часто пропускали уроки въ классахъ.

Вслѣдствіе донесеній ревизоровъ, попечитель предписалъ совѣту университета: объявить благодарность учителямъ: Полиновскому, Петру Мих. Васильеву, испр. д. главнаго надзирателя, Кайсарову, Краузе, Хальфину и Гипе и исправить всѣ недостатки, замѣченные во время ревизіи, а для лучшаго изученія предметовъ въ гимназіи поручено было профессорамъ университета слѣдить за преподаваніемъ въ гимназіи тѣхъ предметовъ, которые служатъ приготовительными для слушанія лекцій въ университетѣ, и для сохраненія гимназіи въ надлежащемъ единообразномъ порядкѣ съ университетомъ, первую подчинить высшему надзору директора университета.

Въ это время вновь опредѣлены надзирателями Тимоѳеевъ и плѣнный французъ Андрей Ролланъ, экзаменованный, по приказанію Магницкаго, профессоромъ Жобаромъ ([44]). Вмѣсто Скворцова назначенъ инспекторомъ Рыбушкинъ, отличившійся во время ревизіи гимназіи. Директоръ Пономаревъ ос-

---

([43]) Протоколы совѣта Казан. гимн. 1824 г. засѣдан. іюля.

([44]) Дѣла архива Казанск. гимн. 1823 г., № 41, стр. 2.

тавилъ службу въ гимназіи и перешелъ чиновникомъ въ правленіе генералъ-губернатора Западной Сибири Капчевица, будучи представленъ Магницкимъ за свою усердную службу въ гимназіи къ ордену св. Владиміра 4 степени. Вмѣсто Пономарева опредѣленъ директоромъ 25 августа 1823 года профессоръ университета Вас. Яковл. Бажановъ ([45]), обратившій особенное вниманіе на изученіе географіи въ гимназіи; такъ по разсказамъ учениковъ, учившихся при Бажановѣ въ гимназіи (многіе изъ этихъ учениковъ еще и нынѣ живутъ въ Казани) этотъ педагогъ оригинально испытывалъ изъ географіи: положивъ географическую карту на столъ, директоръ ложился грудью на карту и спрашивалъ стоящихъ предъ нимъ учениковъ: какой городъ лежитъ у него подъ правою рукою или подъ лѣвою; вѣрно этотъ способъ замѣнялъ Бажанову нѣмыя карты. При Бажановѣ вообще гимназія была приведена въ лучшее устройство. Но такъ какъ Бажановъ, занимая каѳедру въ университетѣ, не могъ посвятить всю дѣятельность гимназіи, то Магницкій, еще до назначенія исправляющимъ должность директора гимназіи Бажанова, обратился 18 марта 1823 года къ директору Пензенской гимназіи Ив. Ив. Лажечникову съ предложеніемъ занять должность директора Казанской гимназіи; но, по случаю порученія Магницкимъ ревизіи Саратовской гимназіи Лажечникову, послѣдній опредѣленъ былъ въ Казанскую гимназію только еще въ январѣ 1824 года. 28 іюля пріѣхалъ въ Казань и вступилъ въ должность новый директоръ ([46]) Ив. Ив. Лажечниковъ, извѣстный авторъ романовъ: «Басурманъ» и «Ледяной Домъ». Какъ извѣстно изъ его статьи, помѣщенной въ № 1 журнала «Русскій Вѣстникъ» за 1866 годъ, стр. 122, онъ находился въ военной службѣ до 1820 года, съ этого времени онъ рѣшился посвятить свою дѣятельность педагогическому поприщу, желая занять должность директора училищъ. Рекомендованный графомъ Остерманомъ—Толстымъ, прежнимъ своимъ начальникомъ, попечителю Харьковскаго округа Карнѣеву, г. Лажечниковъ, по измѣнившимся обстоятельствамъ, обратился лично съ просьбою къ попечителю Магницкому, жившему въ Петербургѣ, съ цѣлію занять должность

([45]) Тамъ же № 34.

([46]) Протоколъ совѣта Казанской гимназіи 1824 г. засѣданія 24 іюля.

директора Пензенскихъ училищъ, на что и послѣдовало утвержденіе министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князя Голицына. Пріѣхавъ въ Пензу, г. Лажечниковъ вскорѣ получилъ лестное для него назначеніе Магницкаго произвесть ревизію въ Саратовской гимназіи, гдѣ директоръ Ченыкаевъ за допущенные безпорядки въ гимназіи былъ уволенъ, трое учениковъ: Чекмаревы и Щайниковъ исключены изъ гимназіи съ тѣмъ, чтобы не были принимаемы ни въ какія учебныя заведенія Казанскаго учебнаго округа (47); также былъ уволенъ одинъ изъ учителей «за неотправленіе надлежащимъ образомъ дежурства 7-го декабря 1822 года».

Исполнивъ въ точности предписаніе Магницкаго, г. Лажечниковъ возвратился въ Пензу, получилъ благодарность попечителя и приглашеніе занять должность директора Казанской гимназіи; но вступилъ въ послѣднюю должность чрезъ годъ, 24 іюля 1824 года. Въ это время уже князь Голицынъ оставилъ министерство, занявъ только мѣсто главноначальствующаго надъ почтовымъ департаментомъ. Министромъ же народнаго просвѣщенія назначенъ былъ адмиралъ Шишковъ.

Вмѣстѣ съ должностью директора Казанской гимназіи, г. Лажечниковъ занялъ и должность директора училищъ Казанской губерніи, которую занималъ до него только временно одинъ изъ бывшихъ директоръ училищъ Лихачевъ (48). Главнымъ надзирателемъ назначенъ былъ 19 ноября вмѣсто Васильева Протасовъ, а учителями назначены были: Парменіоновъ, Ив. Грацинскій въ сентябрѣ 1823 г., Эмке (изъ Саратовской гимназіи) и Апаніевъ (учителемъ латинскаго языка); послѣдній учился въ Казанской семинаріи и былъ инспекторомъ и учителемъ Казанскаго духовнаго уѣзднаго училища. Извѣстно, что онъ и нынѣ служитъ въ Московскомъ учебномъ округѣ учителемъ латинскаго языка въ гимназіи. У него въ гимназіи учился въ классѣ Крюковъ, бывшій впослѣдствіи професс. въ Москов. унив. Учителемъ русскаго языка и ариѳметики въ нижнемъ классѣ опредѣленъ былъ Флоренсовъ, учившійся въ Казанской семинаріи и потомъ въ Московской духовной академіи.

---

(47) Дѣла архива Казанской гимназіи, 1823 г., № 40, предписаніе Магницкаго отъ 28 августа, № 1059-й.

(48) См. мою историч. записку о 1-й Казанской гимназіи 1866 г., ч. 2-я, стр. 30.

Съ оставленіемъ министерства княземъ Голицынымъ, Магницкій сталъ искать покровительства графа Аракчеева ([49]). Желая угодить послѣднему, Магницкій предложилъ всѣмъ учителямъ Казанской гимназіи—преподавать въ свободное отъ занятій время нѣкоторые предметы въ верхнихъ классахъ военно-сиротскаго отдѣленія, бывшаго подъ главнымъ начальствомъ Аракчеева ([50]). Но кредитъ Магницкаго сталъ падать. Въ сентябрѣ 1825 года, съ отъѣздомъ Императора Александра на югъ Россіи, Магницкій пріѣхалъ въ Казань 21 августа. Въ это время въ гимназіи производились годичныя испытанія, продолжавшіяся нѣсколько дней; попечитель ежедневно посѣщалъ экзамены, которые окончились торжественнымъ собраніемъ, назначеннымъ самимъ попечителемъ 13 сентября. Отличившимся ученикамъ, въ числѣ, которыхъ первымъ былъ Ив. Павл. Умовъ ([51]), выданы были книги съ золотыми буквами на переплетѣ, изображавшими 6-й стихъ 4-й главы Второзаконія: «И сохраните, и сотворите, яко сія премудрость ваша и смышленіе предъ всѣми языки, елицы аще услышатъ вся оправданія Ваша и рекутъ: се людіе премудріи и умѣтельны языкъ велій сей». Отчетъ о состояніи гимназіи читалъ самъ директоръ Ив. Ив. Лажечниковъ ([52]); учитель Потѣхинъ произнесъ рѣчь: «О ходѣ просвѣщенія въ Россіи», а малыя рѣчи для учениковъ написаны были учителями: Полиновскимъ, Протасовымъ, Краузе, Хальфинымъ, Грацинскимъ и Эмке на русскомъ, латинскомъ, французскомъ, татарскомъ, греческомъ и нѣмецкомъ языкахъ. На публичномъ экзаменѣ присутствовалъ управлявшій тогда губерніей А. Я. Жмакинъ. Магницкій остался доволенъ устройствомъ гимназіи при директорѣ Лажечниковѣ и предложилъ послѣднему занять мѣсто инспектора студентовъ, оставаясь директоромъ Казанской губерніи. Дѣйствительно 23 сентября директоръ перешелъ въ университетъ и вмѣсто него опять сталъ исправлять должность профессоръ Бажановъ, а 8 января 1826

([49]) Русскій вѣстникъ, 1866 г., № 1, стр. 144.

([50]) Дѣла архива Каз. гимназіи, 1825 г., № 51.

([51]) Протоколы совѣта гимназіи, 1825 года, засѣданіе 11 сентября.

([52]) Рѣчь Лажечникова напечатана во II ч. Славянина, журнала Воейкова. 1827 г.

года Лажечниковъ уволенъ былъ отъ званія директора гимназіи; вмѣсто главнаго надзирателя Протасова назначенъ былъ Брашманъ (крещеный еврей), бывшій послѣ профессоромъ въ Московскомъ университетѣ. Въ это время, 18 ноября 1825 года, для управленія гимназіею по всѣмъ частямъ директоръ университета Любомировъ прислалъ наставленіе директору гимназіи ([53]). По этому наставленію всѣ ученики, жившіе въ гимназіи, раздѣлены были по поведенію и успѣхамъ на отличныхъ, весьма хорошихъ, хорошихъ, испытуемыхъ, посредственныхъ, исправляемыхъ и подъ особеннымъ присмотромъ находящихся.

Средній этажъ гимназическаго дома, какъ лучшій, опредѣленъ былъ для первыхъ трехъ разрядовъ; верхній этажъ назначался для остальныхъ разрядовъ учениковъ, гдѣ также должны были помѣститься и надзиратели. Одна изъ комнатъ назначалась для уединенія учениковъ провинившихся. Если же кто либо изъ учениковъ былъ замѣченъ въ безнравственныхъ поступкахъ, то о виновномъ комнатный надзиратель долженъ былъ немедленно донести главному надзирателю, а послѣдній, съ разрѣшенія директора гимназіи, долженъ былъ принять надлежащія мѣры къ прекращенію безпорядка въ гимназіи.

Для внутренняго устройства гимназіи предложены были въ этомъ наставленіи директору слѣдующія правила:

1) Каждый день въ 5 часовъ утра два комнатныхъ служителя, проходя по спальнямъ воспитанниковъ, должны были звонить въ колокольчики. Чрезъ 5 минутъ послѣ звонка дежурный надзиратель осматривалъ, всѣ ли встали и одѣты; чрезъ 15 минутъ входилъ главный надзиратель и осматривалъ, всѣ ли ученики одѣты и оправили кровати свои, а послѣ этого въ продолженіи 5 минутъ всѣ должны были творить «краткое молитвенное возношеніе Пославшему свѣтъ». Потомъ всѣ воспитанники собирались въ одной изъ большихъ комнатъ, становясь во фронтъ, а главный надзиратель осматривалъ наружную ихъ опрятность, какъ то: волосы, платье и обувь, послѣ чего велъ всѣхъ учениковъ въ столовую; позади всѣхъ шелъ дежурный надзиратель; ученики входили въ столовую съ книгами и тетрадями. По приходѣ въ столовую, главный

([53]) Дѣло архива Каз. гимназіи, 1825 г. № 70.

надзиратель приказывалъ одному изъ отличнѣйшихъ учениковъ, каждый день по очереди, читать ясно и внятно утренія молитвы по канонику, заключивъ ихъ положенными моленіями за Церковь и Государя.

2) Въ 6 часовъ ученики садились по мѣстамъ въ томъ же столовомъ залѣ съ своимъ дежурнымъ надзирателемъ. Во время завтрака происходило чтеніе Евангелія, по заведенному порядку, дежурнымъ на тотъ день учителемъ въ присутствіи главнаго надзирателя; все это продолжалось до половины 7-го часа; во время завтрака дежурный или главный надзиратель обращался съ вопросами къ ученикамъ, съ цѣлію удовлетвориться, со вниманіемъ ли слушали.

3) Въ половинѣ 6-го часа всѣ ученики отправлялись въ занимательныя комнаты (въ такомъ же порядкѣ, какъ входили въ столовую) для приготовленія къ классамъ, и въ исходѣ 8 часа дежурный учитель отправлялъ всѣхъ учениковъ по классамъ, гдѣ своекоштные ученики должны были уже находиться подъ надзоромъ дежурнаго офицера; въ это время тотъ же учитель назначалъ въ каждый классъ особаго старшаго для надзора за поведеніемъ товарищей своихъ до прихода преподавателя. Дежурный офицеръ и дежурный учитель попеременно входили въ каждый классъ, наблюдая за тишиною и поведеніемъ до прихода преподавателя, а старшій ученикъ въ классѣ испытывалъ учениковъ въ знаніи урока какъ настоящаго, такъ и прежнихъ, и неисправныхъ въ чемъ либо выставлялъ на видъ преподавателю, тотъ-часъ по приходѣ его въ классъ; тотъ же старшій ученикъ записывалъ учениковъ, нарушавшихъ «благочестіе и тишину въ классѣ», и подавалъ записку при первомъ случаѣ или дежурному офицеру и дежурному учителю. Во время занятій два раза въ день наблюдалъ за порядкомъ во всѣхъ классахъ инспекторъ гимназіи, а директоръ долженъ былъ посѣщать классы въ неопредѣленное время. Ученики, у которыхъ не было уроковъ въ классѣ, приготовляли въ особой комнатѣ уроки подъ надзоромъ дежурнаго учителя.

4) По окончаніи классовъ, своекоштные ученики въ надлежащемъ порядкѣ, подъ присмотромъ дежурнаго офицера, расходились по своимъ квартирамъ; при этомъ имъ подтверждалось, чтобы на улицѣ они не дѣлали никакихъ шалостей и рѣзвостей; казенные же ученики, построясь въ фронтѣ, от-

правлялись, въ сопровожденіи дежурнаго надзирателя, въ сборный залъ.

5) Въ 12 часовъ главный и дежурный надзиратели водили учениковъ въ столовую. Во время обѣда также происходило чтеніе Евангелія. Послѣ обѣда (если была хорошая погода) дежурный надзиратель и старшіе ученики, въ надлежащемъ порядкѣ, водили учениковъ на прогулку, въ лѣтнее время—въ садъ, а въ зимнее—на дворъ, съ покрытыми головами, гдѣ ученикамъ дозволялось бѣгать, но безъ нарушенія благоприличія. Послѣ часа прогулки ученики отправлялись въ занимательныя комнаты, и по окончаніи классовъ, уходили въ рекреаціоныя комнаты, а оттуда отправлялись въ столовую къ ужину, гдѣ присутствовалъ главный надзиратель. По окончаніи ужина и по прочтеніи молитвъ по канонику за Церковь и Государя, какъ по утру, ученики отправлялись въ комнаты. Въ 9 часовъ ложились спать; при этомъ ученики каждой комнаты собирались вмѣстѣ и старшій ученикъ читалъ молитвы въ присутствіи главнаго или комнатнаго надзирателя; послѣ чего раздѣвались и ложились спать. Послѣ этого комнатные служители уносили одежду и обувь для чистки, гасили свѣчи, и квартирмейстеръ гимназіи осматривалъ, нѣтъ ли гдѣ въ комнатахъ воспитанниковъ огня, котораго ни подъ какимъ видомъ не дозволялось имѣть, кромѣ ночника въ каждой комнатѣ и корридорѣ. Съ этого времени начинался ночной надзоръ; при этомъ кватирмейстеръ смѣнялъ двухъ часовыхъ, ко входамъ этажей на день поставленныхъ, а ночные часовые занимали ихъ мѣста. Чрезъ 4 часа приходилъ квартирмейстеръ смѣнять часовыхъ другими, которые уже оставались до 5 часовъ утра, когда дневную смѣну приводилъ унтеръ-офицеръ. Дежурный надзиратель прошедшаго дня обязанъ былъ осмотрѣть въ неопредѣленное время спальни учениковъ, и для повѣрки часовыхъ отдавалъ билетъ съ своимъ именемъ той смѣнѣ, которую видѣлъ, а дежурный учитель пріѣзжалъ также осмотрѣть спальни и одну изъ ночныхъ смѣнъ, которой отдавалъ билетъ съ своимъ именемъ. Ночная смѣна отдавала полученные ею билеты квартирмейстеру, который при донесеніи о ночномъ благосостояніи представлялъ ихъ директору. Послѣдній въ назначенный имъ часъ, принималъ донесенія о ночномъ благополучіи: 1) отъ квартирмейстера, 2) отъ главнаго надзирателя, получившаго донесеніе отъ бывшаго комнатнаго надзирателя о посѣщеніи имъ ученическихъ спаленъ, 3) отъ дежурнаго учителя, ос-

матривавшаго въ ночное время смѣну и спальни. Въ 9-ть часовъ утра директоръ получалъ дневные рапорты: 1) отъ квартирмейстера, 2) отъ главнаго надзирателя, который къ этому времени долженъ былъ получить рапорты отъ дежурнаго комнатнаго надзирателя, 3) отъ дежурнаго по классамъ офицера, который доносилъ также о порядкѣ по учебной части, т. е. о бытности и небытности учителей инспектору классовъ; послѣдній, узнавъ о причинѣ небытности въ классахъ учителей, доносилъ объ этомъ директору; въ случаѣ болѣзни учителей, инспекторъ назначалъ другаго преподавателя или поручалъ классъ старшему изъ учениковъ. Директоръ гимназіи, собравъ всѣ эти донесенія, запечатывалъ ихъ въ конвертъ и съ унтеръ-офицеромъ отправлялъ ихъ въ канцелярію директора университета; а въ случаѣ важныхъ происшествій, обязанъ былъ тотчасъ лично донести директору университета.

6) Для приведенія въ дѣйствіе предписанныхъ правилъ, начальство гимназіи должно было дѣйствовать въ слѣдующемъ порядкѣ:

a) Директоръ гимназіи долженъ былъ дѣйствовать на точномъ основаніи Высочайше утвержденнаго о гимназіи положенія и руководствуясь Высочайше дарованными инструкціями директору и ректору университета, впредь до составленія инструкціи директорамъ гимназій.

b) Инспекторъ классовъ и главный надзиратель должны были слѣдовать въ исполненіи обязанностей своихъ тому же положенію, и кромѣ того, директоръ гимназіи обязанъ былъ дать имъ наставленія, примѣняясь къ вышеупомянутымъ инструкціямъ.

7) Мѣры взысканій:

Всѣ нарушенія порядка учениками раздѣлялись на проступки легкіе и тяжкіе и дурныя привычки. За первые ученики подвергались слѣдующимъ наказаніямъ: приватному выговору отъ инспектора или главнаго надзирателя, такому же выговору отъ директора, публичному выговору предъ всѣми учениками въ сборномъ залѣ отъ инспектора, главнаго надзирателя и директора; за дурныя привычки ученики подвергались наказанію отъ инспектора или главнаго надзирателя, а именно: лишенію стола, уединенію и, по опредѣленію совѣта гимназическаго, написанію именъ ихъ на черной доскѣ, повѣшенной въ удобномъ мѣстѣ. Если же и эти мѣры ока-

зывались недостаточными, то о казенномъ ученикѣ представлялось директору университета, а своекоштные, пансіонеры и полупансіонеры, по опредѣленію гимназическаго совѣта, исключались изъ гимназіи.

8) Каждый комнатный надзиратель долженъ былъ подавать главному надзирателю еженедѣльно о ввѣренныхъ попеченію его воспитанникахъ кондуитные списки по слѣдующей формѣ:

Имена и прозванія.	Время анхожденія въ гимназіи.	Характеръ	Благочестіе.	Образъ мыслей.	Наружное поведеніе.	былъ ли наказанъ, чѣмъ и за что.
		Пылкій, мелапх., кроткій, веселый, вѣтренный,	Набоженъ, холоденъ, небреженъ въ исполненіи христіанскихъ обязанностей.	Благоразумный, вольный, дерзкій.	Тихъ, рѣзвъ, грубъ, сварливъ.	

Главный надзиратель по окончаніи мѣсяца, составивъ общую вѣдомость, подавалъ ее директору гимназіи. Инспекторъ получалъ отъ учителей, чрезъ дежурнаго офицера, ежедневныя записки о неисправности или невниманіи учениковъ въ классахъ, и по истеченіи каждаго мѣсяца, соображалъ эти замѣчанія съ поданными отъ учителей на имя совѣта гимназіи вѣдомостями, выбиралъ изъ нихъ отличныхъ по успѣхамъ и поведенію, лѣнивыхъ и дурныхъ по поведенію и прочитывалъ ихъ имена въ присутствіи всѣхъ учениковъ и учителей въ гимназическомъ залѣ въ первое воскресенье каждаго мѣсяца предъ обѣднею согласно постановленію совѣта.

9) Никто изъ отмѣченныхъ въ кондуитныхъ спискахъ невыгоднымъ образомъ въ разсужденіи началъ и образа мы-

слей, наружныхъ дурныхъ привычекъ, не могъ быть достоинъ никакихъ гимназическихъ наградъ, также и тѣ, которые не исправились искреннимъ раскаяніемъ и добрымъ поведеніемъ помѣщенія ихъ въ комнату исправляемыхъ, либо подъ особеннымъ надзоромъ находящихся. Переводъ изъ комнаты отличныхъ, за какой либо проступокъ, въ комнату хорошихъ и такъ далѣе, зависѣлъ отъ главнаго надзирателя, который доводилъ объ этомъ до свѣдѣнія директора гимназіи.

10) При удостоеніи къ наградамъ похвальными листами и книгами главный надзиратель и инспекторъ приносили въ собраніе совѣта кондуитные списки: первый объ ученикахъ казенныхъ, пансіонерахъ и полупансіонерахъ, а второй—о своекоштныхъ, и награды не иначе могли быть назначаемы, когда поведеніе ученика было лучше успѣховъ.

11) Весь вышеозначенный порядокъ внутренней жизни и надзора соблюдался и въ посты и въ дни праздничные и въ каникулярное время, только съ нѣкоторыми измѣненіями по усмотрѣнію директора гимназіи.

12) Переходъ изъ этажа въ этажъ и изъ комнаты худыхъ въ комнаты отличныхъ, весьма хорошихъ и хорошихъ воспитанникамъ воспрещался безъ позволенія дежурнаго надзирателя. Отпуски изъ гимназическаго дома къ знакомымъ и родственникамъ зависѣли отъ личной отвѣтсвенности главнаго надзирателя, и если отпущенный ученикъ произвелъ безпорядокъ внѣ гимназіи; то отвѣтственность не падала только тогда на главнаго надзирателя, если ученикъ былъ отпущенъ изъ гимназіи послѣднимъ по поручительству одного изъ надзирателей, на котораго падала и отвѣтственность. Входъ посторонимъ лицамъ, т. е. знакомымъ и роднымъ учениковъ, дозволялся въ праздничные дни и въ субботу послѣ обѣда съ билетами отъ дежурнаго надзирателя.

и 13) Для пропуска учениковъ изъ одного этажа въ другой, при выходѣ, стояли часовые, за исправность которыхъ въ непропускѣ безъ билета, отвѣтствовалъ лично квартирмейстеръ ([54]).

Нужно-ли сказать, что эти правила соблюдались во всей строгости? За исполненіемъ ихъ наблюдалъ директоръ университета Трифонъ Егоров. Любомировъ, который, по

([54]) Дѣла архива Казан. гимн., 1825 г., № 70.

словамъ Лажечникова въ статьѣ его въ Русскомъ Вѣстникѣ 1866 года № 1-й стр. 136, вводилъ, съ разрѣшенія Магницкаго, такія же строгія мѣры въ университетѣ въ 1825 году послѣ экзаменовъ, бывшихъ въ университетѣ послѣ пріѣзда въ Казань Магницкаго 21 августа того же 1825 года. Но эти строгія мѣры воспитанія въ гимназіи были послѣдними усиліями со стороны попечителя въ отношеніи предначертаннаго имъ плана воспитанія въ учебныхъ заведеніяхъ. Въ это время скончался Императоръ Александръ: на престолъ вступилъ юный Монархъ Николай I. Графъ Аракчеевъ, покровительствовавшій Магницкому, оставилъ свое громкое поприще, и Магницкому также суждено было вскорѣ прекратить свою дѣятельность въ Казанскомъ учебномъ округѣ; всѣ дѣйствія его за семилѣтнее управленіе этимъ округомъ подверглись строжайшему изслѣдованію назначеннаго по Высочайшему повеленію ревизора, который, начавъ ревизію университета, коснулся и гимназіи; послѣдняя въ этомъ случаѣ, такъ же какъ и при ревизіи университета въ 1819 г. Магницкимъ, подвергалась той же участи какъ университетъ. Мы говоримъ о ревизіи генерала Желтухина.

IX.

1) Назначеніе надв. сов. Галкина исправляющимъ должность директора гимназіи. — 2) Ревизія гимназіи генераломъ Желтухинымъ. — 3) Требованіе чиновникомъ Есиповымъ, по приказанію генерала Желтухина, свѣдѣній о состояніи гимназіи съ 1805 до 1825 г. — 4) Отправленіе Магницкаго изъ Казани въ Ревель и назначеніе директоромъ гимназіи опять Лажечникова.— 5) Директоръ Галкинъ съ 13-го іюля 1826 г. и свѣдѣнія о служебной дѣятельности послѣдняго.—6) Состояніе гимназіи въ концѣ 1826 г.—7) Учители Гине и Бюрно. — 8) Распоряженіе м. н. п. адмирала Шишкова объ обученіи славянскому языку въ гимназіи.—9) Исключеніе изъ гимназіи учениковъ за рѣдкое хожденіе въ классы.—10) Введеніе новыхъ учебныхъ руководствъ.

Не прошло и двухъ мѣсяцевъ послѣ назначенія вмѣсто Лажечникова Бажанова, какъ уже 8 ноября 1825 г. назначенъ былъ попечителемъ исправляющимъ должность директора гимназіи надворный совѣтникъ Галкинъ, при которомъ въ гимназіи произведена была ревизія генералъ-маіоромъ Петромъ Ѳедоровичемъ Желтухинымъ по Высочайшему повелѣ-

пію Императора Николая I. Въ это время Магницкій возвратился въ Казань изъ Петербурга. 8 февраля 1826 г. Исправлявшій должность директора Казанскаго университета Никольскій [55] далъ знать директору гимназіи Галкину, что по Высочайшему повелѣнію 12 января 1826 г. назначена ревизія университета и гимназіи генераломъ Желтухинымъ, при которомъ состоялъ чиновникъ департамента народнаго просвѣщенія Есиповъ; почему предписывается директору гимназіи доставлять ревизорамъ всѣ нужныя свѣдѣнія для ревизіи. Вслѣдствіе этого распоряженія 16-го февраля директоръ Галкинъ извѣстилъ всѣхъ служившихъ въ гимназіи, что завтра, 17 февраля въ 9 часовъ утра, прибудетъ въ гимназію ревизоръ генералъ Желтухинъ, а потому нужно позаботиться всѣмъ служащимъ «привести все имѣющееся на ихъ содержаніи въ совершенный порядокъ и чистоту». По разсказамъ бывшихъ тогда учениковъ гимназіи, послѣдняя всю ночь, на канунѣ ревизіи, была въ движеніи: все чистилось, обновлялось и готовилось ко встрѣчѣ ревизора. Дѣйствительно, аккуратно въ назначенное время явился въ гимназію генералъ Желтухинъ. Всѣ воспитанники, одѣтые въ новой формѣ, поставлены были каждый у своей кровати. Обошедши всѣ комнаты гимназіи, ревизоръ осмотрѣлъ все въ подробности. Гимназія въ составѣ своемъ была многочисленна: учившихся въ ней было 275; изъ нихъ на казенномъ содержаніи 50, пансіонеровъ 10, полупансіонеровъ 22, учителей 28, всѣхъ классовъ 32, а именно: законоученія 2, нѣмецкихъ, французскихъ — по три, русскихъ и математическихъ — по четыре, исторіи, географіи—по два, восточныхъ языковъ—2, греческаго, татарскаго, артиллеріи и фортификаціи, физики, естественной исторіи, танцованія, чистописанія и логики — по одному, комнатныхъ надзирателей 7.

18-го февраля чиновникъ Есиповъ, по приказанію генерала Желтухина, потребовалъ отъ директора гимназіи: 1) вѣдомость о воспитанникахъ гимназіи съ означеніемъ, кто сколько времени находился въ каждомъ классѣ; 2) почему кантонисты, жившіе въ гимназіи, ходили обѣдать и ужинать въ квартиры; 3) сколько изъ гимназіи выпущено воспитанниковъ съ 1805 года по 1819 годъ въ студенты и въ учи-

---

[55]) Дѣло архива Каз. гимназіи, 1826, № 16.

тели, и съ 1819 года по 1826, и 4) въ какую сумму обходилось содержаніе воспитанника въ годъ. Кромѣ этихъ свѣдѣній, Магницкій, предписалъ 9 февраля представить генералу Желтухину списокъ всѣмъ чинамъ гимназіи, съ отмѣткою возложенныхъ на нихъ должностей и обозначеніемъ, какіе классы и въ какіе дни и часы занимаемы были учителями, свѣдѣнія о составѣ совѣта и конторы и о числѣ воспитанниковъ и вообще положенія, относившіяся до гимназіи. Изъ представленныхъ свѣдѣній ревизору видно, что съ 1805 года, времени открытія университета, переведено въ студенты изъ гимназіи:

	Поступили въ студенты:	поступили въ учители:
Въ 1805 году	34	нѣтъ
— 1806 —	8	1
— 1807 —	12	нѣтъ
— 1808 —	нѣтъ	нѣтъ
— 1809 —	8	нѣтъ
— 1810 —	18	нѣтъ
— 1811 —	28	нѣтъ
— 1812 —	нѣтъ	1
— 1813 —	9	нѣтъ
— 1814 —	15	1
— 1815 —	4	1
— 1816 —	22	4
— 1817 —	9	11
— 1818 —	14	2
— 1819 —	13	1
— 1820 —	10	нѣтъ
— 1821 —	11	1
— 1822 —	11	1
— 1823 —	10	5
— 1824 —	18	2
— 1825 —	17	3

Итого съ 1805 по 1819 г. поступило въ студенты 165, въ учители 22; а съ 1819 по 1826 г. въ студенты—до 100, а въ учители 12.

Изъ числа 275 человѣкъ, учившихся въ гимназіи во время ревизіи, изъ дворянъ было 75 челов., т. е. треть всего числа учившихся.

Послѣдствіями ревизіи Казанскаго университета и гимназіи генераломъ Желтухинымъ было увольненіе, по Высочайшему повеленію 6 мая того же 1826 г., Магницкаго отъ званія члена главнаго правленія училищъ и попечителя Казанскаго учебнаго округа, который, до назначенія новаго попечителя въ 1827 году, былъ подъ высшимъ правленіемъ министра народнаго просвѣщенія.

Съ отправленіемъ Магницкаго изъ Казани на мѣсто жительства въ Ревель, бывшій директоръ Ив. Ив. Лажечниковъ опять вступилъ, 28 мая по назначенію м. н. п., въ управленіе гимназіею; но 13 іюля онъ вовсе уѣхалъ изъ Казани, а директоромъ гимназіи уже окончательно утвержденъ былъ, съ 13 іюля 1826 года Ник. Алекс. Галкинъ, которому суждено было управлять гимназіею ровно четверть столѣтія, до 2 іюня 1851 года. Ни одинъ изъ 22-хъ директоровъ, бывшихъ въ гимназіи въ теченіи ста-лѣтняго существованія ея, не управлялъ ею такъ долго, какъ Ник. Алекс.; при немъ гимназія особенно сдѣлалась извѣстною развитіемъ въ ней изученія восточныхъ языковъ и выполненіемъ тѣхъ предначертаній воспитанія и образованія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, которыя вводились у насъ въ Россіи при министрѣ народнаго просвѣщенія графѣ Уваровѣ; при директорѣ Галкинѣ Казанская гимназія, лишившись званія Императорской въ 1829 г., преобразована по уставу 1828 года. Ему же, Галкину, также суждено было составить новый проэктъ и штатъ гимназіи въ 1826 году, которые требовались отъ гимназіи въ январѣ 1826 г. Комитетомъ при м. н. п., въ средѣ котораго возникъ уставъ 1828 года. Но Ник. Ал. не былъ педагогомъ по спеціальному своему образованію: онъ до 1823 года, когда занялъ должность директора Пензенскихъ училищъ, трудился на медицинскомъ поприщѣ. Вступивъ 16-ти лѣтъ отъ роду въ С. Петербургскую медико-хирургическую академію въ 1810 году, онъ опредѣленъ былъ лекаремъ въ 1814 г. въ Кронштадскій военный госпиталь. Продолжая службу въ морскомъ вѣдомствѣ, онъ находился съ 1-го іюля 1819 г. по 16-е августа 1821 г. въ экспедиціи для открытій кругомъ свѣта къ южному полюсу и частію въ южныхъ тропикахъ на шлюпѣ «Мирномъ». По возвращеніи въ Россію этой экспедиціи, въ бытность Государя Александра I на этомъ шлюпѣ, Галкинъ «удостоился лично получить отъ Него благоволеніе за неутомимые труды и успѣхи въ поль-

зованіи больныхъ, бывшихъ во время похода», а въ 1822 г. избранъ членомъ корреспондентомъ медико-хирургической академіи. Оставивъ службу въ морскомъ вѣдомствѣ, Галкинъ опредѣленъ былъ въ 1822 г. операторомъ въ Казанскую врачебную управу. Такъ какъ на шлюпѣ «Мирномъ» былъ вмѣстѣ съ Галкинымъ и профессоръ Казанскаго университета Симоновъ, то, вѣроятно, послѣдній и рекомендовалъ Магницкому Галкина въ директоры Пензенскихъ училищъ. Во время дѣятельности своей по гимназіи, онъ обращалъ на себя особенное вниманіе бывшаго попечителя Мусина-Пушкина, пользуясь особеннымъ довѣріемъ послѣдняго. Первый годъ дѣятельности Галкина по гимназіи ознаменованъ былъ составленіемъ полнаго отчета о состояніи гимназіи, который требовался, по Высочайшему повелѣнію Императора Николая, непремѣнно къ 1-му января 1827 г. Изъ этого отчета видно, что въ концѣ 1826 г. было въ гимназіи:

Всѣхъ чиновъ . . .	43,
изъ нихъ учителей .	28,
и учениковъ . . .	265,
изъ нихъ выбыло. .	66,

въ томъ числѣ 16 съ аттестами, изъ которыхъ 14 поступили въ университетъ. 5 учениковъ гимназіи поступили въ учители. Главнымъ надзирателемъ вмѣсто Брашмана опредѣленъ былъ учитель Гине, а учителемъ французскаго языка, вмѣсто лектора Краузе, назначенъ былъ 30 іюня Бюрно. Вмѣсто преподававшаго восточные языки въ гимназіи профессора Эрдмана допущены къ преподаванію арабскаго и персидскаго языковъ кандидатъ университета Карлъ Фойгтъ и дѣйствительный студентъ Николаевъ. Замѣчательною мѣрою къ возбужденію соревнованія въ ученикахъ служила выдача ученикамъ въ первый разъ существованія гимназіи табелей за каждый мѣсяцъ, съ отмѣткою поведенія и успѣховъ учениковъ, что, какъ извѣстно, продолжается и нынѣ. Для усиленія успѣховъ славянскаго языка совѣтъ гимназіи испрашивалъ разрѣшенія высшаго начальства на отдѣленіе этого предмета отъ совмѣстнаго изученія его съ классомъ русскаго языка. По этому поводу послѣдовало слѣдующее распоряженіе бывшаго м. н. п. адмирала Шишкова:

«Несмотря на то, что славянскій языкъ, будучи языкомъ кореннымъ нынѣшняго россійскаго, языкъ столько богатый, равно необходимый каждому, особенно же историку и лите-

ратору, до сихъ поръ преподавался исключительно въ однихъ духовныхъ училищахъ». Вслѣдствіе этого распоряженія введенно преподаваніе этого языка во всѣхъ гимназіяхъ съ возложеніемъ преподаванія на учителя, и хотя въ Казанской гимназіи славянскій языкъ введенъ съ самаго основанія ея, но онъ преподавался въ одномъ среднемъ россійскомъ классѣ; но съ 1827 года, согласно вышесказанному распоряженію м. н. п., славянскій языкъ сталъ изучаться во всѣхъ четырехъ классахъ словесности (56). По сложности содержанія воспитанниковъ столомъ и одеждою въ 1824 и 1825 годахъ, на каждаго казеннаго ученика издерживалось 256 р. 33⅓ к. ас. Чтобы заставить учениковъ аккуратно посѣщать классы приняты совѣтомъ гимназіи правила исключать вовсе изъ гимназіи за рѣдкое хожденіе; такъ исключены въ 1826 г. 25 своекоштныхъ учениковъ (57). Для лучшаго изученія предметовъ введены слѣдующія руководства: исторія Строева, логика Любачинскаго, славянская грамматика г. Пенинскаго и пространный катихизисъ митрополита Платона.

X.

1) Назначеніе попечителемъ Мусина—Пушкина.—2) Число учебныхъ заведеній Казанскаго учебнаго округа въ 1827 г.—3) Число учебныхъ заведеній Казанскаго учебнаго округа въ 1842—1843 году.—4) Состояніе учебныхъ заведеній при вступленіи Мусина—Пушкина въ управленіе учебнымъ округомъ.—5) Устраненіе недостатковъ хода образованія въ учебныхъ заведеніяхъ въ періодъ съ 1827 до 1835 года.—6) Измѣненіе направленія въ образованіи, введеннаго попечителемъ Магницкимъ и свѣдѣнія объ этомъ Карла Карловича Фойгта.—7) Опредѣленіе учителей и надзирателей въ гимназію при директорѣ Галкинѣ съ 1827 до 1830—8) Состояніе гимназіи въ 1829 г.—9) Выписка книгъ и періодическихъ изданій въ 1829 г.—10) Годичные экзамены и результаты испытаній учениковъ, кончившихъ курсъ.—11) Требованіе училищнымъ комитетомъ историческихъ записокъ отъ гимназіи и ученые труды адъюнкта Рыбушкина.

Направленіе, данное воспитанію и образованію въ учебныхъ заведеніяхъ при попечителѣ Магницкомъ, совершенно

(56) Дѣла архива Казан. гимн., 1827 г., № 123, стр. 25.
(57) Дѣла канцеляріи гимн. 1826 г. № 43.

стало измѣняться вскорѣ послѣ назначенія 24 февраля 1827 года, по Высочайшему повелѣнію Императора Николая I, исправляющимъ должность попечителя Казанскаго учебнаго округа отставнаго полковника Мусина-Пушкина съ переименованіемъ его въ статскіе совѣтники. Мих. Никол. Мусинъ-Пушкинъ родился въ 1793 г. и происходилъ изъ Казанскихъ дворянъ. Получивъ домашнее воспитаніе подъ руководствомъ иностранныхъ воспитателей, онъ выдержалъ испытаніе въ совѣтѣ Казанской гимназіи 12 января 1810 года въ знаніи предметовъ тогдашняго гимназическаго курса и поступилъ въ студенты Казанскаго университета. Изъ университета онъ поступилъ въ колонновожатые въ томъ же 1810 г. и произведенъ въ подпоручики 29 сентября 1810 г. Участвуя въ сраженіяхъ 1812 г., Мусинъ-Пушкинъ награжденъ золотою шпагою за храбрость, а за участіе въ Бородинскомъ сраженіи пожалованъ орденомъ Св. Владиміра 4 степени. Постепенно возвышаясь въ чинахъ, онъ въ 1817 г. произведенъ былъ въ полковники съ назначеніемъ бригаднымъ командиромъ, но въ 1821 году Мусинъ-Пушкинъ оставилъ военную службу. Послѣ увольненія Магницкаго, вслѣдствіе ревизіи Желтухина, проживавшаго въ отставкѣ въ Казани, Мусинъ-Пушкинъ назначенъ былъ исправляющимъ должность попечителя Казанскаго учеб. окр. въ 1827 году. Двухъ-лѣтнее управленіе учебнымъ округомъ удостоило его быть Всемилостивѣйше пожалованнымъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники и утвержденнымъ попечителемъ округа. За отличное состояніе Казанскаго учебнаго округа, засвидѣтельствованное м. н. п., Мусинъ-Пушкинъ пожалованъ въ 1831 году золотою табакеркою съ вензелевымъ Его Императорскаго Величества именемъ, брилліантами украшенною; 2) въ 1832—орденомъ Св. Станислава 1-й степени; 3) въ 1834—Св. Анны 1-й степени; 4) въ 1836—Св. Анны 1-й степени съ Императорскою короною; 5) при Высочайшемъ посѣщеніи Императоромъ Николаемъ I Казанскаго университета 20 августа 1836 г. за отличное состояніе университета пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Владиміра 2 степени большаго креста 21 августа 1836 г. и чрезъ годъ избранъ въ почетные члены Академіи наукъ, а въ 1839 г. пожалованъ въ тайные совѣтники. Изъ Казани Мих. Никол. переведенъ въ 1845 г. попечителемъ С. Петербургскаго учебнаго округа.

При поступленіи Мусина-Пушкина попечителемъ Казанскаго учебнаго округа въ 1827 году, въ этомъ округѣ считалось заведеній, исключая Сибирскихъ учебныхъ заведеній, отдѣленныхъ отъ Казанскаго округа въ 1829 г.:

1) Гимназій 8
2) Главное народное училище 1
3) Уѣздныхъ училищъ . . . 55
4) Приходскихъ училищъ . . 34
5) Частныхъ заведеній . . 4 (58)

Въ продолженіе 17-ти лѣтняго управленія округомъ попечителя Мусина-Пушкина, открыты слѣдующія учебныя заведенія:

1) Губернская гимназія Оренбургская въ Уфѣ и вторая въ Казани.

2) Уѣдныхъ училищъ открыто въ разныхъ городахъ 20.

3) Приходскихъ 76.

4) Приготовительныхъ классовъ при уѣздныхъ училищахъ вновь учреждено 23.

5) Частныхъ учебныхъ заведеній 10.

Такимъ образомъ къ концу управленія учебнымъ округомъ попечителя Мусина-Пушкина было учебныхъ заведеній (59): гимназій 10, уѣздныхъ училищъ 75, приходскихъ 101, приготовительныхъ классовъ при уѣздныхъ училищахъ 23 и частныхъ заведеній 6. Во всѣхъ этихъ учебныхъ заведеніяхъ было: почетныхъ попечителей 6, директоровъ 10, инспекторовъ 10, почетныхъ смотрителей 61, штатныхъ смотрителей 74, учителей 680, и прочихъ должностныхъ лицъ 65 (60); въ этихъ училищахъ въ 1842—1843 академическомъ году считалось учащихся 14,548 (61).

Теперь посмотримъ, что было сдѣлано попечителемъ въ гимназіяхъ для усовершенствованія учебной части въ нихъ, изъ чего можно будетъ вывести заключеніе о состояніи Казанской гимназіи при этомъ попечителѣ.

---

(58) Отчетъ Казан. учеб. окр. съ 1827 по 1-е января 1844, отд. II гл I, стр. 5.

(59) Тамъ же.

(60) Отчетъ Каз. учеб. окр. 1827—1844 г. стр. 11.

(61) Тамъ же стр. 25.

Въ 1827 году во всѣхъ гимназіяхъ образованіе происходило на основаніи устава 1804 года, а въ Казанской гимназіи существовало все еще положеніе 1798 года. Уставъ 1804 года во многомъ уже не соотвѣтствовалъ требованіямъ духа времени по слѣдующимъ причинамъ: 1) четырехъ-лѣтній курсъ былъ недостаточенъ для изученія всѣхъ предметовъ; поэтому ученики выходили по окончаніи курса съ поверхностными знаніями; 2) учебныя руководства употреблялись такія, которыя уже слишкомъ устарѣли, а другихъ вовсе не было, и потому употреблялись тетради, въ которыхъ диктовались уроки какой либо науки. 3) Зависимость гимназій отъ училищнаго комитета университета усложняла только дѣйствія лицъ, которымъ ввѣрено было образованіе и воспитаніе въ гимназіяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не давала возможности попечителю округа непосредственно наблюдать за ходомъ образованія въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ; 4) равнодушіе общества къ гимназіямъ и скудное обезпеченіе преподавателей за ихъ трудъ парализировали энергію самыхъ лучшихъ наставниковъ, большая часть которыхъ, отслуживъ шестилѣтній обязательный терминъ по учебному вѣдомству, поступали въ гражданскую службу для занятія болѣе выгодныхъ мѣстъ; 5) не было однообразныхъ и раціонально составленныхъ программъ для преподаванія всѣхъ предметовъ въ гимназіяхъ; 6) ревизія учебныхъ заведеній производилась одними визитаторами, назначенными университетомъ и очень рѣдко попечителемъ, посѣщеніе котораго гимназіи считалось необыкновеннымъ явленіемъ въ ней и записывалось въ исторической запискѣ ея; такъ до попечителя Мусина-Пушкина Казанская гимназія посѣщаема была только нѣсколько разъ Магницкимъ на публичныхъ экзаменахъ и годичныхъ испытаніяхъ; между тѣмъ, какъ Мусинъ-Пушкинъ посѣщалъ это учебное заведеніе по меньшей мѣрѣ разъ въ недѣлю.

Всѣ эти недостатки устранены были въ періодъ времени правленія Мусина-Пушкина отъ 1827 до 1835 года, когда введенъ былъ уставъ 1828 г. и въ особенности въ 1837 году, когда гимназіи ввѣренны были непосредственному надзору попечителя, безъ участія университета; такъ при попечителѣ Мусинѣ-Пушкинѣ перепечатываемы были въ университетской типографіи учебныя книги для употребленія въ гимназіяхъ, а министерствомъ народнаго просвѣщенія изданы были нужныя руководства; составлены, по распоряженію попечи-

теля, подробныя программы гимназическаго курса; фундаментальныя библіотеки гимназій обогащались пріобрѣтеніемъ и пожертвованіями книгъ лучшихъ писателей того времени; наставникамъ по уставу 1828 г. прибавленъ окладъ жалованья и за усердіе лучшіе изъ нихъ стали занимать мѣста инспекторовъ и директоровъ въ гимназіяхъ или награждались за отличіе денежными наградами или знаками отличія; введены въ гимназіяхъ подробные журналы поведенія учениковъ. Направленіе же, данное воспитанію и образованію въ Казанской гимназіи вслѣдствіе вліянія попечителя Магницкаго, приняло другое направленіе съ перваго же года вступленія въ управленіе округомъ попечителя Мусина-Пушкина. Для этого стоитъ только представить выдержки изъ отчета, читаннаго въ Казанской гимназіи въ 1827 г.; вотъ какими словами начинается этотъ отчетъ:

«Дѣло, имѣющее цѣлію благо общее, каково воспитаніе и образованіе юношества, въ дѣйствіяхъ не должно, конечно, оставаться погребеннымъ въ стѣнахъ заведенія, которому оно ввѣрено, а тѣмъ болѣе въ заведеніи нашемъ, гдѣ воспитываются или дѣти, или родственники, или ваши знакомые, П. П., въ которыхъ принимаете вы живѣйшее участіе; не зная ни мѣръ, ни средствъ, ни попеченій, какія принимаются гимназическимъ начальствомъ къ оправданію вашихъ надеждъ, вы должны будете безъ сомнѣнія роптать, что оно устраняетъ васъ отъ дѣла, столь близкаго вамъ.

По сему то, совершивъ годичный курсъ нашихъ занятій, гимназія поставляетъ обязанностію представить Вамъ, П. П., чрезъ меня краткую историческую записку о распоряженіяхъ и перемѣнахъ, произшедшихъ въ Казанской гимназіи въ прошломъ 1826—1827 году, какъ о дѣйствіяхъ, свидѣтельствующихъ заботливость начальства гимназіи, вниманіе высшаго учебнаго правительства и щедроты Великаго нашего Государя Императора Николая I».

Обращаясь къ воспитанникамъ гимназіи, ораторъ заключаетъ рѣчь свою такими словами:

«Любезные благовоспитываемые юноши!

Вы знаете уже, какія попеченія принимаются правительствомъ для воспитанія вашего; вы знаете, какія благодѣянія изливаются на Васъ отъ Высочайшаго наукъ Покровителя, Государя Императора Николая Павловича и какого жъ возмездія за все сіе требуютъ отъ васъ?—Доброй нравственно-

сти и успѣховъ въ наукахъ, качествъ, имѣющихъ слѣдствіемъ ваше собственное же благо и счастіе, качествъ, долженствующихъ содѣлать васъ полезными согражданами, вѣрными подданными Царю, истинными сынами Церкви и Отечества; къ достиженію цѣли вамъ предоставлены всѣ способы; для васъ не щадятся ни труды, ни иждивеніе; остается вамъ самимъ быть болѣе рачительными къ себѣ; умѣйте же пользоваться временемъ: въ ваши лѣта оно идетъ быстрѣе, и тѣмъ то болѣе должно цѣнить его»!

Самый порядокъ торжественныхъ собраній получаетъ другое направленіе; такъ наприм. въ антрактахъ произнесенія рѣчей на публичномъ экзаменѣ 1827 г. назначаются музыкальные концерты изъ произведеній Моцарта, чего не было при Магницкомъ. Но мы имѣемъ вѣрныя свѣдѣнія объ измѣненіи направленія воспитанія и образованія въ Казанской гимназіи при попечителѣ Мусинѣ-Пушкинѣ, сообщенныя намъ Карломъ Карловичемъ Фойгтомъ, поступившимъ послѣ окончанія курса въ Казанскомъ университетѣ учителемъ восточныхъ языковъ въ Казанскую гимназію вскорѣ послѣ увольненія Магницкаго и бывшимъ свидѣтелемъ преобразованія Казанской гимназіи при новомъ попечителѣ Мусинѣ-Пушкинѣ; вотъ какъ Карлъ Карловичъ начинаетъ описаніе учительской дѣятельности своей въ томъ учебномъ заведеніи, въ которомъ онъ воспитывался: «Быстро пронеслись три года студенчества. Въ 1826 г., 18 лѣтъ отъ роду, я кончилъ университетскій курсъ съ степенью кандидата. Разные пути жизни представлялись мнѣ на выборъ. Но судьбѣ угодно было, чтобы я началъ свое служебное поприще именно въ томъ заведеніи, которому обязанъ былъ своимъ воспитаніемъ. Это случилось такимъ образомъ: профессоръ Эрдманъ, въ теченіе предшествовавшихъ трехъ лѣтъ, предложилъ читать въ гимназіи Арабскій языкъ, а также въ послѣдній годъ присоединилъ къ нему Персидскій. Между тѣмъ, въ Университетѣ число его слушателей стало возрастать, возрасло и число его лекцій и усложнились другія обязанности. По этимъ уваженіямъ, на основаніи заявленія его въ Совѣтѣ Университета, онъ былъ уволенъ отъ преподаванія въ гимназіи Арабскаго и Персидскаго языковъ, и тогда преподаваніе перваго изъ нихъ поручено было дѣйствительному студенту Петру Ивановичу Николаеву, а втораго—мнѣ, на первый годъ безъ жалованія.

Постановленіе Совѣта Университета, по этому предмету, состоялось 7 августа 1826 года.

Отсюда начинается для меня новая дѣятельность—педагогическая, изъ которой 22-го года безъ перерыва, не смотря на другія служебныя обязанности, постепенно возлагавшіяся на меня по Университету, были посвящены 1-й Казанской гимназіи. Но прежде чѣмъ приступлю къ передачѣ воспоминаній моихъ за этотъ продолжительный періодъ времени, я считаю долгомъ оговориться, что воспоминанія эти будутъ крайне скудны. Причины тому слѣдующія. Въ первые два года моего учительства, я имѣлъ всего два урока въ недѣлю, слѣдовательно только два раза въ недѣлю приходилъ въ гимназію, и тотчасъ по окончаніи уроковъ возвращался домой, дорожа временемъ для своихъ домашнихъ занятій, которыми желалъ дополнить университетское образованіе. Чрезъ два года, сверхъ должности преподавателя въ гимназіи, я былъ назначенъ помощникомъ библіотекаря въ Университетѣ, и переселившись въ самый Университетъ, отдавши бо́льшую часть времени новымъ своимъ обязанностямъ, естественно ближе примкнулъ къ университетской жизни. Наконецъ, хотя въ послѣдствіи число уроковъ моихъ въ гимназіи увеличилось; но, для удобства расположенія, они назначались непремѣнно или ранѣе или позднѣе прочихъ, именно отъ $7^1/_2$ до 9 и отъ 1 до $2^1/_2$ часовъ, а слѣдовательно я мало встрѣчался съ моими сослуживцами по гимназіи и мало вникалъ въ перемѣны, совершавшіяся во внутреннемъ ея быту, тѣмъ болѣе, что преподаватели восточныхъ языковъ, коихъ главныя обязанности сосредоточивались въ Университетѣ, не считались и Членами Гимназическаго Совѣта. Такимъ образомъ, мнѣ по необходимости приходится говорить только о себѣ и о своемъ преподаваніи, предпославъ развѣ краткое указаніе на главнѣйшія перемѣны въ составѣ начальствующихъ лицъ гимназіи и предоставляя за тѣмъ другимъ, болѣе компетентнымъ лицамъ восполнить мои невольные пробѣлы.

И такъ, вступленіе мое въ должность преподавателя Гимназіи относится къ началу 1826—1827 учебнаго года, къ такъ-называвшемуся тогда у нашей молодежи періоду междуцарствія, т. е. приблизительно годичному промежутку времени между увольненіемъ попечителя Мих. Леонт. Магницкаго и назначеніемъ на его мѣсто Мих. Никол. Мусина-Пушкина.

Прежній характеръ управленія замѣтно ослабѣлъ; новому, проявившемуся въ усиленіи общей дисциплины и въ особенности учебной части, суждено было выработаться позднѣе. Директоромъ Гимназіи я засталъ Надв. Сов. Николая Алексѣевича Галкина, незадолго предъ тѣмъ возвратившагося изъ кругосвѣтнаго путешествія, совершеннаго подъ начальствомъ Белинсгаузена, и въ которомъ онъ участвовалъ въ качествѣ врача. Н. А. Галкинъ оставался директоромъ до самаго выбытія моего изъ гимназіи и даже долѣе—до 1851 года. Инспекторы же мѣнялись довольно часто. Съ 1823 года въ этой должности находился Мих. Самс. Рыбушкинъ, который перемѣщенъ былъ Директоромъ Училищъ Астраханской губерніи въ 1833 году; вмѣсто Рыбушкина былъ опредѣленъ инспекторомъ 17 декабря 1827 г. адъюнктъ Петръ Мих. Васильевъ; послѣ перемѣщенія сего послѣдняго Директоромъ Училищъ Пермской губерніи въ 1837 г.,—Петръ Гаврил. Скорняковъ; потомъ слѣдовали: въ 1841 году—Кропачевъ, въ 1846 г.—Зейдлицъ, въ 1847 г.—Ив. Алекс. Сахаровъ, при которомъ я и оставилъ гимназію. Со всѣми этими лицами я находился постоянно въ наилучшихъ отношеніяхъ».

При Галкинѣ опредѣлены были вновь учителями: 1) Покровскій—математики съ 26 января 1827 г., 2) учитель Тобольской гимназіи Маклаковъ — комнатнымъ надзирателемъ съ 4 февраля 1827 года; 3) 29 февраля студентъ Казанскаго университета Кадинъ—учителемъ чистописанія вмѣсто Андрея Никитина; 4) 19 октября Тефлингеръ—учителемъ музыки; 5) кандидатъ Знаменскій — комнатнымъ надзирателемъ; 6) адъюнктъ Васильевъ—инспекторомъ гимназіи вмѣсто Рыбушкина съ 17 декабря; 7) 1-го января 1828 г. опредѣленъ учителемъ высшаго латинскаго класса Лукашевскій; онъ кончилъ курсъ въ Виленскомъ университетѣ въ 1819 году. Опредѣленный Попечителемъ Мусинымъ-Пушкинымъ учителемъ латинскаго языка въ Уфимскую гимназію, Лукашевскій переведенъ былъ учителемъ того же предмета въ Казанскую гимназію, и 10-го апрѣля того же 1828 года назначенъ преподавателемъ латинскаго языка и въ Казанскомъ университетѣ. По разсказамъ слушателей Лукашевскаго, послѣдній съ особеннымъ увлеченіемъ объяснялъ чтеніе латинскихъ классиковъ, чѣмъ старался поддерживать вниманіе учениковъ въ классѣ. 8) 19 марта 1828 года опредѣленъ учителемъ

высшаго ариѳметическаго класса Мих. Ив. Мельниковъ, бывшій впослѣдствіи почетнымъ попечителемъ гимназіи. 5) 5-го мая 1828 года опредѣленъ учителемъ средняго французскаго класса Гавріилъ Матюнинъ. 10) 22 сентября опредѣленъ учителемъ начальнаго россійскаго класса студентъ Туринъ. 11) 1-го февраля 1829 г., по многочисленности учениковъ, обучавшихся въ историческомъ и географическомъ классахъ, назначенъ въ этотъ классъ преподаватель исторіи и географіи студентъ Телешевъ. 12) Нижняго нѣмецкаго класса опредѣленъ учителемъ губернскій секретарь Ив. Ридеръ. Учителемъ средняго нѣмецкаго языка допущенъ гражданинъ Дерпта Александръ Норманъ, утвержденный въ этомъ званіи послѣ. 13) По многочисленности учениковъ средняго математическаго и нижняго латинскаго назначены были 29 ноября: Ламухинъ, Руфъ Волковъ, Никольскій и Брусьяновъ; 14) комнатными надзирателями опредѣлены 13-го января 1829 г. дѣйствительные студенты: Ив. Павл. Умовъ и Топорнинъ, а 19 января опредѣлены вновь надзирателями студенты Евтроповъ и Каптеревъ.

Такимъ образомъ составъ гимназіи, какъ видно изъ годичнаго отчета за 1829 г., былъ:

Директоръ	1
Инспекторъ	1
Главный надзиратель . . . . , .	1
Учителей	30
Испр. долж. учителей	3
Комнатныхъ надзирателей . . .	4
Квартирмейстеръ	1
Экономъ	1
Дежурныхъ по классамъ офицеровъ.	2
Секретарь конторы	1
Повытчикъ	1
Канцелярскихъ служителей . . .	2
Казначей	1
Бухгалтеръ	1
Архитекторъ	1
Учениковъ	318
Классовъ.	34

Въ нихъ обучали: Закону Божію, математикѣ, естественной исторіи, физикѣ, логикѣ, всеобщей и русской исторіи,

географіи и артиллеріи и фортификаціи; языкамъ: россійскому, латинскому, французскому, нѣмецкому, татарскому, арабскому, персидскому и греческому; искусствамъ: музыкѣ, рисованію, чистописанію и танцованію.

Въ теченіе года пріобрѣтено книгъ и учебныхъ пособій для лучшаго изученія наукъ по предписаніямъ министра народнаго просвѣщенія, попечителя и училищнаго комитета: 1) одинъ экземпляръ физико-географическихъ картъ Европы съ изъясненіемъ соч. Риттера, переводъ Погодина. 2) Одинъ экземпляръ математической энциклопедіи соч. Перевощкова. 3) Три экземпляра путешествія къ татарамъ Планокорпина. 4) Одинъ экз. Спутника въ Царство Польское, соч. г. Языкова. 5) Одинъ экз. греческихъ классиковъ. 6) 2. 3. 4 и 5 части исторіи Иродота. 7) 2. 3 и 4 части Одиссея. 8) 1 и 2 части Пиндара. 9) Стихотворенія Анакреона. 10) 10 экз. французской грамматики Ломонда. 11) 10 экз. словесности Никольскаго. 12) 5 экз. риторики Могилевскаго. 13) 5 экз. христоматіи нѣмецкой Аллера. 14) 95 экз. краткаго всеобщаго землеописанія Каменецкаго. 15) Одинъ экз. историческихъ изслѣдованій о древностяхъ Новгорода. 16) Одинъ экз. Мейрбергова путешествія въ Россію, издан. Аделунгомъ. 17) 5 экз. теоретическо-практическаго курса языка французскаго, соч. Краузе. 18) Для преподаванія логики принято руководство Кизеветера, а для всеобщей исторіи Шрека. 19) Выписанъ словарь добродѣтелей и пороковъ князя Энгалычева. 20) Описаніе Тибета, Чжуньгаріи и Восточнаго Туркестана и записки о Монголіи, соч. монаха Іоакиммѳа. Всѣ эти сочиненія предложено было выписать по предписанію м. н. п. 21) Изъ періодическихъ изданій выписывались: Сынъ Отечества, Сѣверный Архивъ и Московскія Вѣдомости, а въ 1830 году выписанъ еще «Телеграфъ».

Годичные экзамены производились въ присутствіи попечителя Мусина-Пушкина, и результаты этихъ испытаній дѣлались извѣстными учителямъ гимназіи чрезъ предписанія попечителя; такъ въ 1828 г. 23 іюля Мусинъ-Пушкинъ, послѣ годичныхъ экзаменовъ, далъ знать совѣту гимназіи, что онъ, присутствуя на испытаніи воспитанниковъ, окончившихъ курсъ ученія, хотя и усмотрѣлъ, что нѣкоторые изъ нихъ сдѣлали въ теченіи истекшаго года значительные успѣхи; но не нашелъ однако въ числѣ ихъ ни одного, котораго бы можно было удостоить степени студента и назначить къ пе-

реводу въ университетъ, почему и предписалъ совѣту—оставить всѣхъ назначенныхъ въ студенты еще на годъ для усовершествованія, особенно въ языкахъ; вмѣстѣ съ тѣмъ попечитель объявилъ признательность свою директору гимназіи Галкину за постепенное улучшеніе гимназіи по учебной и хозяйственной частямъ и адъюнктамъ Васильеву, Полиновскому, Бюрно и Грацинскому за успѣхи, оказанные учениками въ классахъ этихъ преподавателей, а въ классахъ исторіи, математики, логики и особенно географіи ученики оказали недостаточные успѣхи, и потому попечитель выразилъ надежду, что на испытаніяхъ 1829 г. преподаватели послѣднихъ классовъ постараются доставить ему случай изъявить признательность (62). Дѣйствительно, успѣхи учениковъ по всѣмъ предметамъ на экзаменахъ 1829 г. были гораздо выше успѣховъ предшествовавшаго года; такъ изъ числа 318 учениковъ, учившихся въ гимназіи, было отличныхъ и хорошихъ учениковъ по каждому: въ Законѣ Божіемъ 213, въ математикѣ 155, въ физикѣ 24, въ естественной исторіи 20, въ логикѣ 32, въ исторіи 81, въ географіи 99, въ артиллеріи и фортификаціи 8, въ россійскомъ и славянскомъ (среднемъ) 153, въ латинскомъ 146, въ французскомъ 91, въ нѣмецкомъ 63, въ татарскомъ 11 (изъ 28), въ арабскомъ 5 (изъ 13), въ персидскомъ 6 (изъ 13), въ греческомъ 19 (изъ 39), въ музыкѣ и рисованіи 58 (изъ 177), въ чистописаніи 89 (изъ 117) и въ танцованіи 11 (изъ 25). Лучшія изъ сочиненій учениковъ представлены попечителю для напечатанія въ Казанскомъ Вѣстникѣ. Послѣ экзаменовъ 1829 г., по требованію попечителя, предписано было представить свѣдѣнія, на основаніи § 51 устава учебныхъ завеюеній 1804 года, о томъ: ведется ли историческая записка гимназіи, и кто изъ учителей гимназіи старался наиболѣе объ усовершенствованіи собственныхъ своихъ познаній, а также, кто изъ нихъ занимается составленіемъ историческихъ, топографическихъ, метеорологическихъ и статистическихъ записокъ въ томъ видѣ, какъ предписано 52-мъ § устава. Всѣ эти свѣдѣнія съ приложеніемъ сочиненій учителей предписано было представить въ училищный комитетъ. Вслѣдствіе этого распоряженія училищнаго комитета, совѣтъ гимназіи поручилъ инспектору Васильеву—

---

(62) Протоколы засѣданія гимназіи 31 іюля 1828 г.

вести ежегодную историческую записку о гимназіи «съ обстоятельнымъ изложеніемъ всѣхъ особенныхъ случаевъ, приращеній библіотекъ, усовершенствованія хода ученія и проч. и по окончаніи учебнаго года доставить въ совѣтъ, а адъюнкту Кайсарову и учителямъ Гине и Рыбушкину, преподававшимъ въ гимназіи физику, исторію и географію, совѣтъ поручилъ—заняться составленіемъ и собираніемъ метереологическихъ, топографическихъ и статистическихъ свѣдѣній о Казанской губерніи».

Чрезъ два года съ половиною, 31 декабря 1831 года, училищный комитетъ, не получивъ ни историческихъ и ни другихъ какихъ либо сочиненій учителей гимназіи вслѣдствіе своего распоряженія отъ 22 іюля, поставилъ на видъ всѣмъ учителямъ гимназіи, что штатные смотрители уѣздныхъ училищъ Нижегородской дирекціи городовъ: Арзамаса, Василя, Горбатова, Балахны, Ардатова, Семенова, Лукоянова и Макарьева представили въ училищный комитетъ требуемыя записки, за что совѣтъ университета поручилъ училищному комитету изъявить благодарность отъ совѣта директору Нижегородскихъ училищъ и вышепомянутымъ штатнымъ смотрителямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ понудить училищныхъ чиновниковъ Казанскаго учебнаго округа къ составленію таковыхъ записокъ. По этому распоряженію вторично состоялся протоколъ совѣта Казанской гимназіи, 10-го февраля 1831 г., по которому опять вмѣнено въ обязанность преподавателямъ: Кайсарову, Рыбушкину и Гине—выполнить требованіе училищнаго комитета. Но къ сожалѣнію, изъ дѣлъ не видно, что была составлена полная историческая записка о Казанской гимназіи: одинъ только Рыбушкинъ, вслѣдствіе этого порученія чрезъ годъ, 26 февраля 1831 г., представилъ въ совѣтъ гимназіи рапортъ о своихъ ученыхъ трудахъ, которые заключались въ историческомъ описаніи слѣдующихъ мѣстъ: 1) всѣхъ монастырей, находящихся въ Казанской губерніи, 2) Адмиралтейской слободы и построеннаго при ней помповаго завода, 3) пороховаго завода, 4) собрана исторія Казани отъ основанія сего города до нынѣшняго состоянія, 5) собраны слѣдующія статистическія свѣдѣнія по Казанской губерніи: о числѣ душъ и податей по Казанской губерніи, о количествѣ земли подъ Казанскою губерніею по генеральному межеванію; о числѣ душъ по 7 ревизіи крещеныхъ и некрещеныхъ иновѣрцевъ, въ Казанской губерніи обитающихъ, также о

числѣ мечетей и какъ ихъ, такъ и языческихъ духовныхъ, о посѣвѣ и урожаѣ хлѣба, о скотоводствѣ, о фабрикахъ и мануфактурахъ, о нравственныхъ наклонностяхъ жителей, о свирѣпствовавшихъ въ Казанской губерніи въ 1831 г. болѣзняхъ и числѣ больныхъ и проч. Всѣ эти свѣдѣнія, по донесенію Рыбушкина, помѣщены были имъ въ издававшихся при университетѣ прибавленіяхъ къ Казанскому Вѣстнику, а нѣкоторыя должны были быть помѣщены, по отзыву Рыбушкина, въ журналѣ «Заволжскій Муравей». Но трудовъ другихъ учителей Казанской гимназіи за это время изъ дѣлъ архива не видно, кромѣ рѣчей, произнесенныхъ въ торжественныхъ собраніяхъ. Забота же о составленіи исторической записки гимназіи являлась иногда въ разныя времена; такъ, когда приближалось время праздновать столѣтній юбилей гимназіи въ 1858 году, предъ этимъ было поручено составить историческую записку бывшему учителю исторіи Авдѣю Ивановичу Соколову, за что изъявлена была благодарность послѣднему попечителемъ Молоствовымъ; послѣ него этимъ полезнымъ трудомъ занимался бывшій преподаватель латинскаго языка М. П. Петровскій, который съ большимъ рвеніемъ и знаніемъ дѣла принялся за этотъ трудъ и навѣрное бы кончилъ всю записку за цѣлое столѣтіе; но непріятныя обстоятельства, сопровождавшія составленіе предпринятаго имъ труда, заставили г. Петровскаго вовсе оставить службу въ Казанской гимназіи: г. Петровскій напечаталъ только въ «Русской Бесѣдѣ» свѣдѣнія о дѣятельности перваго директора—Веревкина. Между тѣмъ, представленіе бывшаго директора гимназіи Ив. Алекс. Сахарова о празднованіи столѣтняго юбилея въ 1858 г. не было утверждено министерствомъ народнаго просвѣщенія (63) по той причинѣ, что гимназія была закрыта въ прошломъ столѣтіи 10-ть лѣтъ, съ 1788 до 1798 г., и потому до 1864 г. 18 іюня, когда нынѣшній попечитель Казанскаго учебнаго округа, П. Д. Шестаковъ, вмѣнилъ въ непремѣнную обязанность вести историческую записку о гимназіи, заботы о составленіи этой записки почти оставлены были, и потому составленіе ея требовали усиленныхъ трудовъ преимущественно по собиранію матеріаловъ, которые хранятся въ архивѣ Казанскаго университета и у лицъ, учив-

---

(63) Дѣла архива Казанской гимназіи, 1858 г. № 35.

шихся въ Казанской гимназіи. При этомъ нельзя не быть благодарнымъ за доставленіе матеріаловъ для исторической записки Карлу Карловичу Фойгту и Александру Емельяновичу Лазареву, изъ которыхъ первый въ концѣ сообщенныхъ имъ матеріаловъ такъ выразился объ этой гимназіи.

«Мнѣ остается выразить во все услышаніе, мою неподдѣльную, глубокую благодарность заведенію, которое дало мнѣ главныя основанія общаго образованія и первое открыло мнѣ двери къ дальнѣйшему служебному поприщу,—заведенію, въ которомъ—говорю съ полною искренностью—я, ни какъ ученикъ въ теченіи четырехъ лѣтъ, ни какъ преподаватель въ теченіи 22-хъ лѣтъ, не имѣлъ ни одной, сколько нибудь серьезной непріятности. Да благословитъ-же Богъ полезную дѣятельность 1-й Казанской гимназіи еще на многія грядущія столѣтія». Къ этимъ словамъ Карла Карловича мы съ радостію можемъ прибавить то, что, по ходатайству попечителя Казанскаго учебнаго округа П. Д. Шестакова и по всеподданнѣйшему докладу Господина Министра Народнаго Просвѣщенія Графа Толстаго, объ имѣющемся исполниться въ 1868 году столѣтіи со времени открытія первой Казанской гимназіи, Государь Императоръ въ 12 день іюля 1867 года, Всемилостивѣйше соизволилъ на празднованіе столѣтняго юбилея этой гимназіи по программѣ, составленной педагогическимъ совѣтомъ, съ употребленіемъ на сей предметъ до тысячи рублей изъ спеціальныхъ суммъ гимназіи, и въ память столѣтняго существованія гимназіи будетъ выбита медаль по рисунку, который представленъ, по Высочайшему повелѣнію, въ гербовое отдѣленіе при департаментѣ герольдіи Правительствующаго Сената ([64]).

XI.

Состояніе гимназіи въ періодъ введенія новаго устава съ 1830 до 1835 года.

1) Измѣненіе положенія гимназіи 1798 г. введеніемъ новаго устава.—2) Капиталъ, пожертвованный Казанскимъ дворянствомъ для открытія

([64]) Предписаніе управлявшаго Казанскимъ учебнымъ округомъ отъ 29 іюля 1867 г., № 2545.

благороднаго пансіона при гимназіи.—3) Помѣщеніе воспитанниковъ магометанъ пансіонерами въ гимназіи.—4) Обязательное изученіе учениками католиками и лютеранами св. исторіи въ классахъ гимназіи.—5) Нравственное состояніе учениковъ въ 1830 г.—6) Число учениковъ по успѣхамъ и прилежанію.—7) Рѣчи, произнесенныя учениками на торжественномъ собраніи.—8) Поступокъ ученика Короткова.—9) Прекращеніе занятій въ классахъ съ 14 сентября по 25-е ноября по случаю свирѣпствовавшей въ Казани холеры въ 1830 г.—10) Вновь опредѣленные учители въ гимназію.—11) Распредѣленіе учебныхъ часовъ въ классахъ, сообразно съ новымъ уставомъ.—12) Командированіе инспектора Васильева въ Петербургъ для осмотра всѣхъ лучшихъ столичныхъ училищъ.—13) Введеніе новыхъ способовъ преподаванія наукъ по возвращеніи Васильева въ гимназію.—14) Число учениковъ въ гимназіи въ іюлѣ 1831 г.—15) Столкновенія между воспитанниками вслѣдствіе различія возраста, нравовъ и религіи.—16) Учебная часть по отчету инспектора Васильева 1830—31 академическаго года.—17) Свѣдѣнія г. Фойгта о преподаваніи имъ въ гимназіи съ 1827 по 1840 г.—18) Воспоминанія бывшаго воспитанника гимназіи съ 1827 по 1832 г. Александра Лазарева о состояніи гимназіи въ этотъ періодъ времени.

Періодъ времени съ 1830 по 1835 годъ замѣчателенъ тѣмъ, что въ гимназіи вводится постепенно, въ теченіи 5-ти лѣтъ, уставъ гимназій 1828 года, который долженъ былъ замѣнить положеніе о Казанской гимназіи 1798 г., и на основаніи котораго гимназія управлялась ровно 35 лѣтъ. Новый уставъ долженъ былъ во многомъ измѣнить положеніе гимназіи временъ Императора Павла I: вмѣсто 26 предметовъ и искусствъ вводились только Законъ Божій, россійская словесность и логика, русская грамматика и географія, исторія и статистика, физика, математика; языки: латинскій, нѣмецкій, французскій и греческій, чистописаніе, черченіе и рисованіе; вмѣсто бывшихъ въ гимназіи 36 преподавателей должно было оставить ко времени полнаго преобразованія гимназіи только 11 учителей; званіе главнаго надзирателя должно было вовсе уничтожиться; вмѣсто 8 надзирателей осталось только четверо. Съ совершеннымъ преобразованіемъ гимназіи по новому уставу, предположено было открыть и вторую гимназію въ Казани, гдѣ должны были получить образованіе одни только своекоштные ученики, а въ первой Казанской (такъ стала называться Казанская гимназія временъ Павла I съ 8-го іюля 1835 г.) должны были остаться одни казенные ученики, пансіонеры и полупансіонеры; кромѣ того, по новому уставу введена должность почетнаго попечи-

теля гимназіи, избиравшійся изъ мѣстныхъ дворянъ, на которого уставомъ возлагалась забота о благосостояніи благородныхъ пансіоновъ, открытіе которыхъ требовалось § 239 устава 1828 г. Капиталъ для содержанія этихъ пансіоновъ долженъ былъ образоваться изъ суммъ, пожертвованныхъ дворянствомъ. Хотя при гимназіи и существовалъ казенный пансіонъ, но для открытія благороднаго пансіона изъ пожертвованныхъ дворянствомъ суммъ не было капитала. Начало этому капиталу положено было въ 1830 г., еще до назначенія перваго почетнаго попечителя Еремѣева (25 марта 1833 года). Попечитель Мусинъ-Пушкинъ, какъ представитель Казанскаго дворянства (помѣщикъ Спасскаго уѣзда, села Бездны), желалъ, чтобы при Казанской гимназіи существовалъ непремѣнно благородный пансіонъ, и, благодаря сочувствію Казанскаго дворянства, Мусинъ-Пушкинъ съ особеннымъ удовольствіемъ въ февралѣ 1830 г. прислалъ чрезъ училищный комитетъ въ гимназію 12,000 руб. ас., пожертвованныхъ дворянствомъ для храненія впредь до особаго по сему предмету распоряженія, такъ-какъ уставъ не былъ еще введенъ въ гимназіи. Говоря о капиталѣ благороднаго пансіона, мы должны коснуться другаго важнаго распоряженія попечителя Мусина-Пушкина, относящагося къ тому же времени; мы говоримъ о помѣщеніи учениковъ магометанскаго исповѣданія въ числѣ пансіонеровъ Казанской гимназіи. Хотя въ гимназіи уже давно обучались дѣти мѣстныхъ татаръ и даже ученики изъ магометанъ Сибирскаго края (Омской Азіятской школы); но они еще никогда не помѣщались вмѣстѣ съ казеннокоштными воспитанниками и пансіонерами въ самой гимназіи; причиною тому было то, что высшее начальство учебнаго округа, въ особенности при попечителѣ Магницкомъ, не желало имѣть въ гимназіи учениковъ магометанскаго исповѣданія, живущихъ въ однѣхъ комнатахъ съ христіанами. До 1828 года нѣкоторые ученики изъ магометанъ, учившіеся въ гимназіи, жили у адъюнкта Хальфина, но со смертію его въ 1828 г., начальство гимназіи испрашивало разрѣшенія ([65]) совѣта университета на помѣщеніе этихъ учениковъ магометанъ или въ гимназію, или у корректора типографіи Мамышева—магометанина. Совѣтъ университета рѣшилъ по-

([65]) Дѣла архива Казанской гимназіи, 1830 г., № 30.

мѣстить учениковъ у послѣдняго на квартирѣ. Но послѣ оказалось, что содержаніе учениковъ у Мамышева было весьма плохое. Узнавъ объ этомъ, попечитель немедленно предписалъ (6 марта 1830 г.)—помѣстить учениковъ Курбанакова, Бикмаева и Сейфуллина, жившихъ у Мамышева, въ гимназію на пансіонерное содержаніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ предписалъ на будущее время, что исповѣданіе учениками магометанскаго закона не должно служить препятствіемъ къ помѣщенію ихъ въ гимназію, и тѣмъ положилъ начало помѣщенія дѣтей инородцевъ Сибири и Оренбургскаго края въ Казанскую гимназію. Послѣ мы увидимъ однако, что съ появленіемъ въ гимназіи дѣтей башкирцевъ, въ гимназіи были столкновенія между учениками въ слѣдствіе различія европейскихъ и азіятскихъ нравовъ. Начальство гимназіи было также въ затрудненіи по причинѣ заведеннаго порядка при попечителѣ Магницкомъ, по которому ученики лютеранскаго и католическаго исповѣданія обязывались наравнѣ съ православными изучать Законъ Божій въ классахъ гимназіи. Совѣтъ гимназіи вошелъ съ представленіемъ: должны ли лютеране и католики ходить въ классъ Закона Божія или должны оставить это на волю родителей. 24 ноября 1830 г. послѣдовало распоряженіе попечителя, что ученики—лютеране и католики должны непремѣнно ходить въ классъ Св. Исторіи.

Нравственное состояніе воспитанниковъ, судя по тому, что въ дѣлахъ архива за 1830 г. мы нашли одинъ только случай исключенія изъ гимназіи за буйный характеръ, было въ удовлетворительномъ состояніи, а успѣхи учениковъ достигали хорошихъ результатовъ: всему этому, конечно, содѣйствовалъ лучше всего строгій надзоръ за исполненіемъ обязанностей какъ со стороны начальства гимназіи, такъ и со стороны преподавателей, большая часть которыхъ занимала каѳедры въ университетѣ или готовились для полученія магистерской степени; такъ мы можемъ назвать: А. Казембека, К. К. Фойгта, М. Рыбушкина, Полиновскаго, Михаила Иванов. Мельникова, Верниковскаго и въ особенности Петра Мих. Васильева, на котораго, какъ увидимъ ниже, возложена была попечителемъ обязанность постепеннаго преобразованія гимназіи по уставу 1828 года. Пропускъ уроковъ учителями въ классахъ гимназіи весьма не значителенъ въ сравненіи съ тѣмъ числомъ уроковъ, которые будутъ показаны въ исторической запискѣ за послѣдніе 20 лѣтъ столѣтняго существованія гим-

назіи; такъ въ декабрѣ 1830 г., съ 15 по 22 число, изъ 34 преподавателей пропустили только по болѣзнямъ: Ридеръ—3 ур., Лукашевскій 1 ур. и Верниковскій 1 ур.; но встрѣчаются иногда отмѣтки въ рапортахъ дежурныхъ офицеровъ, что преподаватель не былъ въ классѣ по неизвѣстной причинѣ. По успѣхамъ и прилежаніямъ учениковъ за 1830 годъ въ общей сложности изъ числа 316 воспитанниковъ было:

1) По Закону Божію	отличныхъ	120
	хорошихъ	70
	средственныхъ	55
	дурныхъ	55
2) — математикѣ	отличныхъ	57
	хорошихъ	112
	средственныхъ	64
	дурныхъ	68
3) — физикѣ	хорошихъ	12
	средственныхъ	17
	дурныхъ	16
3) — естественной исторіи	отличныхъ	3
	хорошихъ	8
	средственныхъ	13
	дурныхъ	10
5) — логикѣ	отличныхъ	10
	хорошихъ	12
	средственныхъ	27
	дурныхъ	14
6) — исторіи	отличныхъ	17
	хорошихъ	90
	средственныхъ	45
	дурныхъ	36
7) — географіи	отличныхъ	20
	хорошихъ	55
	средственныхъ	92
	дурныхъ	24
8) — артиллеріи и фортификаціи	отличныхъ	5
	хорошихъ	11
	средственныхъ	7
	дурныхъ	3

9) По россійскому	отличныхъ	43
	хорошихъ	115
	средственныхъ	119
	дурныхъ	39
10) — латинскому языку	отличныхъ	56
	хорошихъ	120
	средственныхъ	70
	дурныхъ	48
11) — французскому	отличныхъ	58
	хорошихъ	52
	средственныхъ	73
	дурныхъ	38
12) — нѣмецкому	отличныхъ	48
	хорошихъ	56
	средственныхъ	77
	дурныхъ	31
13) — греческому	отличныхъ	1
	хорошихъ	14
	средственныхъ	8
	дурныхъ	9
14) — татарскому языку	отличныхъ	7
	хорошихъ	»
	средственныхъ	12
	дурныхъ	3
15) — арабскому	отличныхъ	3
	хорошихъ	3
	средственныхъ	3
	дурныхъ	4
16) — персидскому	отличныхъ	4
	хорошихъ	5
	средственныхъ	7
	дурныхъ	2
17) — музыкѣ	отличныхъ	1
	хорошихъ	7
	средственныхъ	9
	дурныхъ	3

18) По рисованію	отличныхъ	7
	хорошихъ	45
	средственныхъ	43
	дурныхъ	126
19) — чистописанію	отличныхъ	21
	хорошихъ	72
	средственныхъ	26
	дурныхъ	25
20) — танцованію	отличныхъ	6
	хорошихъ	6
	средственныхъ	6
	дурныхъ	1

Изъ всѣхъ этихъ учениковъ награждены въ торжественномъ собраніи 29 іюня: первой наградою 4, второю 12, третьей 37; награды состояли изъ книгъ и похвальныхъ листовъ. Изъ книгъ назначались преимуществено: Евангелія на русскомъ и славянскомъ языкахъ, Толкованія воскресныхъ и праздничныхъ Евангелій, Новый Завѣтъ на нѣмецкомъ языкѣ, Русская исторія для гимназій, Русская исторія Строева, Нѣмецкіе разговоры Вейнгельма, Торжество торжествъ, О подражаніи Христу, Пастырское наставленіе, Ручная книга коренныхъ латинскихъ словъ, Дѣянія апостоловъ и курсъ математики Фусса. Рѣчи произносились учениками на торжественномъ собраніи на всѣхъ тѣхъ языкахъ, которые преподавались въ гимназіи; вотъ переводъ персидской рѣчи:

«Почтеннѣйшіе Посѣтители!

Озаренные свѣтомъ Монаршаго Покровительства, согрѣтые теплыми назиданіями начальства, окропленные росою Вашего вниманія, П. П. мы опять предстаемъ предъ лице Ваше, чтобы видѣть на ономъ знаки вашего одобренія. И мы находимъ ихъ, и счастливы. Ваше снисхожденіе поощряетъ насъ продолжить начатый многотрудный путь изученія; мы дорѣшаемся идти далѣе по пустынямъ и блатамъ, чтобы достигнуть современемъ цвѣтистаго оазиса и водрузить на ономъ знамя съ надписью: трудъ и награда»!

Переводъ арабской рѣчи:

«Въ саду юности, озаряемомъ лучами премудрости, цвѣтутъ слабые отпрыски младенческаго дерева. Десница Все-

вышняго раскинула надъ нимъ золотой покровъ своея святости, поддерживаемый земнымъ могуществомъ. Духъ безсмертный на выспреннѣйшихъ крыльяхъ мысли и чувствованій, стремится къ назначеннымъ предѣламъ. Онъ проходитъ сквозь священный огонь мудрости, очищается въ немъ постепенно и уподобляется свѣтлому источнику бытія.—Кто же возжегъ для него сіе благодѣтельное пламя? Кто видимою рукою проводитъ его сквозь?—Помазанникъ Божій на земли тотъ, вручилъ Которому Богъ скипетръ своего могущества: тотъ, чрезъ уста котораго объявляетъ съ высотъ свою священную волю, видѣть всѣхъ счастливыми и участниками его славы. Да будетъ же благословеніе Всевышняго надъ Августѣйшею Его тѣнью на земли, Николаемъ Первымъ».

Одинъ изъ преподавателей произносилъ большую рѣчь, темою которой служила одна изъ преподаваемыхъ въ гимназіи наукъ. Въ 1830 году произнесъ въ торжественномъ собраніи рѣчь учитель М. И. Мельниковъ: «О вліяніи физическихъ наукъ на искусства».

Представивъ примѣры награжденій учениковъ за успѣхи и хорошее поведеніе, мы можемъ также представить по архивнымъ документамъ гимназіи за 1830 г. и высшія мѣры взысканій за важные проступки. Изъ 26 § положенія о гимназіи 1798 видно было, что тѣлесныя наказанія ни въ какомъ случаѣ не употреблялись въ гимназіи; уставъ же 1828 г. напротивъ ясно выразилъ въ § 205 о дозволеніи совѣту гимназіи по необходимости опредѣлять наказаніе розгами. Вотъ одинъ изъ извѣстныхъ случаевъ наказанія розгами въ 1830 г.: 24 марта отлучился изъ гимназіи самовольно ученикъ Аполлонъ Коротковъ ([66]); явившись на другой день въ гимназію, онъ былъ посаженъ, по приказанію директора, подъ арестъ; но въ тотъ же день главный надзиратель донесъ директору, что Коротковъ, прогнавъ двухъ поставленныхъ къ нему солдатъ, вбѣжалъ въ залъ, гдѣ схватилъ перочинный ножичекъ, а въ умывальной комнатѣ—желѣзный крюкъ отъ рукомойника, обороняясь имъ отъ людей, желавшихъ схватить его; изъ гимназіи Коротковъ выбѣжалъ на улицу, гдѣ былъ взятъ квартирмейстеромъ гимназіи и посаженъ подъ арестъ. На сдѣланный Короткову вопросъ директоромъ, съ

([66]) Дѣла архива Казанской гимназіи 1830 г., № 53.

какимъ намѣреніемъ онъ произвелъ этотъ буйный поступокъ, ученикъ объяснилъ, что онъ ничего не помнитъ, и что всему причина его вспыльчивый характеръ. По доведенію о семъ до свѣдѣнія попечителя, Коротковъ былъ наказанъ въ присутствіи директора и главнаго надзирателя розгами, а послѣ вовсе исключенъ былъ изъ гимназіи. Вообще въ управленіе гимназіею директоромъ Галкинымъ употребленіе тѣлеснаго наказанія служило средствомъ къ исправленію нравственности; впрочемъ, и послѣ Галкина существовало еще нѣсколько лѣтъ тѣлесное наказаніе.

Съ начатіемъ классовъ въ 1830—1831 академическомъ году, въ августѣ мѣсяцѣ, занятія были прерваны съ 14 сентября до 25 ноября по случаю свирѣпствовавшей тогда въ Казани сильной холерной эпидеміи, въ числѣ жертвъ которой былъ и тогдашній начальникъ губерніи Жевановъ. Горестное извѣстіе о холерѣ появилось въ Казани въ августѣ. Лѣто было жаркое, а въ августѣ были палящіе жары. Съ возвращеніемъ торговцевъ съ Нижегородской ярморки, появилась холера на Бакалдѣ, куда былъ посланъ чиновникъ для надзора за порядкомъ; но посланный тутъ же умеръ отъ сильныхъ судорогъ; къ несчастію, татары привезли съ собою изъ Нижняго умершаго тамъ Ахуна, и тѣмъ распространили заразу. 9-го сентября разнеслась въ городѣ молва о холерѣ: многіе изъ богатыхъ жителей оставили городъ, а другіе запаслись съѣстными припасами на полтора мѣсяца. Сперва холера появилась на Сѣнной площади, а оттуда она бросилась въ Ямскую и Мокрую и распространилась по всѣмъ частямъ города. При появленіи этой эпидеміи, зараза была такъ сильна, что люди падали и коченѣли на улицахъ ([67]). Усиливаясь болѣе и болѣе, эпидемія къ концу сентября достигла ужасныхъ размѣровъ и навела на жителей ужасъ. Городъ былъ оцѣпленъ; учреждены были карантины, которыми завѣдывали выбранныя лица; въ числѣ ихъ были выбраны и служившіе въ ученомъ вѣдомствѣ; такъ изъ служившихъ въ гимназіи были начальниками карантиновъ преподаватели: Полиповскій и Рыбушкинъ; для очищенія воздуха на улицахъ производилось окуриваніе; жизненные припасы, привозимые крестьянами, продавались за чертою города, гдѣ продавцы и

([67]) Казанскій Вѣстникъ 1831 г., апрѣль, 223 стр.

покупатели не допускались другъ къ другу, но первые клали свой товаръ на землю за протянутою веревкою, а послѣдніе, положивъ на землю деньги, брали товары; священнослужители не успѣвали отпѣвать умершихъ; послѣднихъ возили телегами на кладбища, гдѣ сваливали въ ямы; вообще картина была ужасающая. По Высочайшему повелѣнію Императора Николая I, въ это время Казань посѣтилъ бывшій тогда министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Закревскій; пріѣздъ послѣдняго послужилъ къ успокоенію волненія въ городѣ и возстановленію порядка въ санитарномъ отношеніи.

При такомъ положеніи дѣлъ въ городѣ, конечно, занятія въ гимназіи не могли продолжаться. 14 сентября, вслѣдствіе предложенія директора за № 60, ученіе въ гимназіи было прекращено. Инспектору Васильеву поручена была и должность главнаго надзирателя при воспитанникахъ гимназіи, гдѣ остались только казеннокоштные ученики въ числѣ 81 человѣка и 10-ти своекоштныхъ, жившихъ пансіонерами у разныхъ чиновъ гимназіи; изъ надзирателей въ гимназіи остались при воспитанникахъ Ролланъ, Злыгостевъ и Топорнинъ, а учители Верниковскій и Скорняковъ назначены были въ помощь инспектору Васильеву. Въ теченіе болѣе двухъ мѣсяцевъ ученики не выпускались никуда изъ гимназіи, а также и родителей и родственниковъ не впускали въ гимназію ни подъ какимъ видомъ; даже ученики не могли знать, живы ли ихъ родители; нѣкоторые изъ нихъ и умерли въ это время. Директоръ Галкинъ, какъ врачъ по спеціальности своей и бывшій членъ врачебной управы, могъ вмѣстѣ съ гимназическимъ докторомъ Лентовскимъ содѣйствовать къ сохраненію здоровья воспитанниковъ, изъ которыхъ, какъ видно изъ рапорта Васильева отъ 25 ноября за № 28 директору Галкину, при помощи Божіей, ни одинъ не умеръ ([68]), только одинъ изъ служителей гимназіи сдѣлался жертвою болѣзни. Сообразно съ обстоятельствами, измѣненъ былъ и прежній порядокъ внутренней жизни въ гимназіи: днемъ ученики занимались повтореніемъ предметовъ гимназическаго курса по предварительно составленному инспекторомъ росписанію. Верниковскій занимался повтореніемъ съ учениками изъ исторіи, географіи, латинскаго и французскаго языковъ, а

([68]) Дѣла архива Каз. гимназіи, 1830 г., № 134.

Скорняковъ — изъ математики, русскаго и нѣмецкаго языковъ; въ низшихъ классахъ ученики занимались повтореніемъ подъ руководствомъ надзирателей Топорнина, Роллана и Злыгостева изъ русскаго, французскаго и латинскаго языковъ. Скорняковъ также, для поддержанія веселаго расположенія духа въ воспитанникахъ, занималъ послѣднихъ по вечерамъ музыкою, а по воскреснымъ днямъ онъ читалъ воспитанникамъ Евангеліе съ изъясненіемъ. За всѣ эти труды Верниковскому и Скорнякову объявлена благодарность попечителя Мусина-Пушкина, а адъюнкты Полиновскій и Рыбушкинъ удостоились Высочайшей награды: первый получилъ орденъ св. Владиміра 4 степ., а послѣдній св. Станислава 3 степени. 24 ноября директоръ Галкинъ писалъ въ совѣтъ:

«Благодареніе Всемогущему: холера въ Казани совершенно прекратилась, и оцѣпленіе города снято. Почему, вслѣдствіе предписанія попечителя, я предлагаю инспектору Васильеву—сдѣлать надлежащее распоряженіе объ открытіи въ гимназіи съ 25 числа сего ноября мѣсяца ученія».

По отзыву полиціи въ совѣтъ гимназіи, въ городѣ въ это время было 45,041 челов., каменныхъ домовъ 405, а деревянныхъ 3679.

Въ 1830 г. вновь опредѣлены учителями: естественной исторіи—Покровскій, съ 1-го февраля; вмѣсто умершаго законоучителя Голубцева, поступилъ съ 19 декабря священникъ Розовъ; онъ кончилъ курсъ въ Казанской семинаріи, а потомъ поступилъ въ Московскую духовную академію, гдѣ получилъ ученую степень магистра Богословскихъ наукъ въ 1824 г. и опредѣленъ былъ 2-мъ профессоромъ словесности въ Казанскую семинарію. Въ 1826 г. рукоположенъ во священники Успенскаго собора; дежурнымъ офицеромъ опредѣленъ губернскій секретарь Еремѣевъ; учителемъ французскаго языка опредѣленъ съ 10-го января 1831 г. Дечеверри. Нѣкоторыя учебныя руководства замѣнены новыми; такъ для преподаванія исторіи принята исторія Кайданова, а для риторики — руководство Кошанскаго. Съ академическаго же 1830—1831 г. и росписаніе учебныхъ часовъ распредѣлено сколько возможно было сообразно съ уставомъ 1828 г.; вообще преобразованіе учебной части съ этого времени дѣлается вслѣдствіе вліянія новаго устава. Но такъ какъ введеніе этого устава въ Петербургскихъ гимназіяхъ подъ наблюденіемъ самого министра народнаго просвѣщенія могло слу-

жить примѣромъ и для другихъ гимназій, то, по распоряженію попечителя, командированъ былъ съ 10-го марта 1829 г. инспекторъ гимназіи Васильевъ въ Петербургъ для осмотра всѣхъ лучшихъ столичныхъ училищъ, съ цѣлію «вникнуть въ разные способы преподаванія, а потомъ все полезное ввести въ училищахъ Казанскаго учебнаго округа». По возвращеніи изъ Петербурга, чрезъ 6 мѣсяцевъ и по представленіи отчета объ осмотрѣнныхъ имъ учебныхъ заведеніяхъ въ Петербургѣ ([69]), Васильевъ, съ разрѣшенія попечителя, обратилъ особенное вниманіе на учебную часть, не оставивъ также безъ вниманія и постройки новой классной мебели по рисункамъ, привезеннымъ имъ изъ Петербурга. При введеніи новыхъ способовъ преподаванія наукъ въ гимназіи инспекторомъ, неоднократно присутствовалъ въ классахъ попечитель Мусинъ-Пушкинъ и самъ даже показывалъ, какъ примѣнять новые способы, въ особенности же обратило на себя вниманіе попечителя новое хоровое обученіе нѣмецкому и французскому языкамъ въ нижнихъ классахъ по методѣ Ланкастера; для чего даны попечителемъ на время таблицы. Этотъ способъ обученія введенъ былъ еще въ 1829 г. при самомъ пріѣздѣ Васильева, который изучилъ этотъ методъ обученія во многихъ училищахъ въ Петербургѣ. Этотъ способъ обученія, по донесенію совѣта гимназіи училищному комитету, могъ употребляться только въ начальныхъ и нижнихъ многочисленныхъ классахъ, а въ особенности въ Казанской гимназіи, имѣвшей въ каждомъ отъ 80 до 100 челов. и болѣе; этотъ методъ оказался полезнымъ для обученія на иностранныхъ языкахъ и для затверживанія чего либо на память въ классѣ и вычисленія общей ариѳметической задачи учениками. Очевидную пользу этого метода совѣтъ гимназіи доказывалъ тѣмъ, что при обыкновенномъ обученіи наставникъ, наприм. нѣмецкаго языка, принужденъ заниматься по одиночкѣ съ каждымъ ученикомъ, и потому при множествѣ учениковъ не можетъ успѣть прослушать каждаго ученика; а между тѣмъ, занимаясь съ однимъ, прочіе остаются праздными, или худо занимаются со старшими. При хоровомъ же

([69]) Дневныя записки Васильева о командировкѣ его въ Петербургъ будутъ напечатаны особымъ приложеніемъ ко II тому Исторической Записки о 1-й Казанской гимназіи.

обученіи всѣ учащіеся бываютъ заняты, лучше затверживается правило или замѣчаніе, повторяемое нѣсколько разъ хоромъ и пріучаются читать также правильно, какъ и отъ учителя, обучающаго по одиночкѣ, потому что учитель для удостовѣренія заставляетъ попеременно читать хоромъ весь классъ или нѣсколько лавокъ съ учениками, или и одного ученика. «Опытъ показалъ», прибавляетъ совѣтъ въ своемъ донесеніи училищному комитету, «что выгоды этого метода оказались на дѣлѣ, потому что въ прошломъ 1829—1830 академ. году изъ нижняго нѣмецкаго класса переведено въ средній отъ одного учителя 31 человѣкъ, между тѣмъ какъ въ 1826 г. переведено 10, въ 1827—19 и 1828—10 челов. Въ 1830—1831 году успѣхи этого класса были не такъ значительны, потому что долговременная болѣзнь и смерть учителя, изучившаго хорошо этотъ методъ, и прекращеніе ученія въ гимназіи, по случаю холеры, много препятствовали успѣшнѣйшему преподаванію».

Такъ какъ по новому уставу гимназія должна была преобразоваться въ семиклассную, то при существовавшемъ раздѣленіи классовъ на начальный, нижній, средній и высшій преподаваніе предметовъ нужно было примѣнить такъ, чтобы въ начальномъ классѣ преподавались тѣ науки, которыя назначены были для первыхъ двухъ низшихъ классовъ семиклассной гимназіи, нижній долженъ былъ соотвѣтствовать 3-му и 4-му классамъ, средній—5-му и 6-му и наконецъ высшій—послѣднему выпускному, 7-му классу.

Въ начальномъ классѣ вовсе не преподавались нѣкоторые предметы, входившіе въ составъ преподаванія въ низшихъ классахъ по уставу 1828 г.; по этому инспекторъ Васильевъ, представляя 27 августа 1830 г. въ совѣтъ гимназіи росписаніе учебныхъ часовъ на 1830—1831 годъ, просилъ совѣтъ учредить начальный географическій классъ съ тѣмъ, чтобы въ немъ преподаваема была самая краткая географія съ употребленіемъ нѣмыхъ картъ, привезенныхъ имъ изъ Петербурга, показывая иногда мѣломъ на доскѣ границы государствъ и важнѣйшіе физическіе предметы, какъ дѣлалось въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ въ Петербургѣ.

Учрежденіе такого класса онъ считалъ необходимымъ потому, что, по множеству учившихся въ Казанской гимназіи и по обширности предмета, трудно было окончить положенное въ двухъ прежнихъ классахъ; между тѣмъ, съ учре-

жденіемъ начальнаго географическаго класса, изученіе географіи должно было начаться раньше годомъ, и чрезъ что могла соблюстись необходимая и полезная поспѣшность въ изученіи и познаніи мѣстности, способствуя изученію исторіи. Время для преподаванія географіи назначено вмѣсто уроковъ чистописанія въ начальномъ классѣ, такъ какъ многіе изъ учениковъ уже писали хорошо. Преподаваніе географіи въ этомъ классѣ возложено было на учителя Турина, которому поручено было преподавать и начала математической и русской географіи.

Результаты усовершенствованій способа обученія въ классахъ гимназіи и введенія новыхъ порядковъ внутренней жизни въ теченіи 1830—1831 учебн. года представлены инспекторомъ Васильевымъ въ подробномъ отчетѣ его, отличающемся большею полнотою свѣдѣній, чѣмъ прежніе отчеты. Изъ этого отчета видно, что къ 1-му іюля 1831 г., считалось по списку учениковъ: казенныхъ 49, пансіонеровъ 8, полупансіонеровъ 32; своекоштныхъ: кандидатовъ, пользовавшихся остатками отъ казеннаго стола 4, на своемъ содержаніи 34, своекоштныхъ 146, кантонистовъ 30, всѣхъ 303; но до экзамена по списку было: казенныхъ 50, пансіонеровъ 8, полупансіонеровъ 32, кандидатовъ 38, своекоштныхъ 146, кантонистовъ 31—всѣхъ 305. По сословіямъ учениковъ было: дворянъ и чиновниковъ 237, дѣтей профессоровъ и учителей (70) 9; духовнаго званія 1, дѣтей купцовъ 11, дѣтей мѣщанъ 3, иностранцевъ (71) 6, солдатскихъ дѣтей 31, вольноотпущенныхъ 5, казачьихъ дѣтей 2, сынъ убитаго грека на островѣ Хіосѣ 1. И такъ, число дворянъ и чиновниковъ составляло $^4/_5$ всего числа, духовныхъ—$^1/_{300}$, купцовъ и мѣщанъ $^1/_{20}$, иностранцевъ $^1/_{50}$, солдатскихъ дѣтей $^1/_{10}$, вольноотпущенныхъ $^1/_{60}$, учителей и профессоровъ $^1/_{30}$.

Изъ этихъ данныхъ можно ясно вывести заключеніе, что существованіе гимназіи было необходимо для образованія дѣтей дворянъ и чиновниковъ, для которыхъ и открыта была гимназія Императоромъ Павломъ.

---

(70) Гордчанинова, Рыбушкина, Мейснера, архитектора Гартмана, Блюменталя, Трофимова, Некрасова, Ибрагимова.

(71) Вильгельмъ Диттель, путешествовавшій на востокъ съ профессоромъ Березинымъ для изученія восточныхъ языковъ.

При поступленіи въ гимназіи учившіеся въ ней въ 1831 г. ученики были по возрастамъ: 17 лѣтъ—1, 16-ти 6; 15—12; 14—25; 13—60; 12—60; 11—96; 10—19; 9—14; 8—9; 7—1.

А такъ какъ ученикъ Сергѣй Кучинъ, поступившій въ гимназію еще въ 1821 г. 7-ми лѣтъ, а другіе ученики учились въ гимназіи съ 1822, 1823 и т. д., то Кучину, учившемуся уже 10-й годъ въ 1831 году было 17, а другимъ было и за 20 лѣтъ, при томъ же до введенія устава среднихъ учебныхъ заведеній 1864 г. ученики могли пробыть въ одномъ и томъ же классѣ болѣе двухъ лѣтъ, и по тому случалось часто въ гимназіи, что до 1865 г. было въ низшихъ классахъ много взрослыхъ учениковъ, учившихся съ самыми малолѣтними, такъ какъ до 1835 года принимались въ гимназію и 7-ми лѣтніе воспитанники; къ этому нужно прибавить то, что инородцы Сибири и Оренбургскаго края присылались въ гимназію лѣтъ 10-ти и болѣе и при недостаточномъ приготовленіи ихъ для поступленія въ гимназію, они большею частію поступали въ первый классъ, гдѣ просиживали по нѣскольку лѣтъ, да и послѣ они съ трудомъ достигали до 5 класса, такъ что часто случалось, что ученики башкирцы и киргизы, лѣтъ 16-ти, сидѣли съ учениками 10-ти лѣтъ, и потому при столкновеніяхъ и ссорахъ между учениками въ классѣ или на дворѣ гимназіи во время игры учениковъ, жившихъ постоянно въ гимназіи (инородцы же всегда числились пансіонерами), азіятцы—ученики часто обижали маленькихъ учениковъ европейцевъ. Кромѣ того, въ концѣ 30-хъ годовъ, когда инородцевъ въ гимназіи было ежегодно не менѣе 20-ти человѣкъ среднимъ числомъ, то послѣдніе, составляя всегда, по свойству племени, религіи и азіятскихъ нравовъ, отдѣльную корпорацію въ гимназіи, нерѣдко находили возможность внѣ гимназіи наслаждаться напиткомъ, запрещеннымъ закономъ Магомета—Кораномъ; впрочемъ, изъ дѣлъ гимназіи видно, что во время директорства Галкина взрослые казеннокоштные ученики нерѣдко исключались изъ гимназіи за порокъ пьянства.

Учебная часть въ 1830—1831 академическомъ году по отчету инспектора Васильева, представляется въ слѣдующемъ видѣ: ученіе въ гимназіи началось 11-го августа 1830 г. и прекратилось, по случаю холеры, 14-го сентября; съ 25-го ноября началось снова ученіе, продолжавшееся до 23 декаб-

ря; а съ этого времени до 7-го января 1831 г. продолжалась зимняя вакація; съ 7-го января до 6-го іюня происходили опять классы, а съ 6-го іюня начались экзамены. Такимъ образомъ, по донесенію Васильева, ученіе въ гимназіи происходило въ теченіе семи мѣсяцевъ, включая тутъ и праздничные дни.

Преподаваніе въ классахъ было слѣдующее:

1) Законоученія: a) въ младшемъ: уроковъ во весь годъ было 42. Законоучитель Павловскій, краткій катихизисъ Платона и краткая св. исторія; b) въ старшемъ уроковъ было 42, законоучители Голубцевъ, а послѣ смерти его Розовъ; пройденъ весь пространный катихизисъ по руководству Платона; изъ церковной исторіи (преосвящ. митр. Филарета) пройдено 9 періодовъ, заключающихъ въ себѣ исторію Ветхозавѣтной Церкви отъ начала міра до перевода св. книгъ 70 толковниками.

2) Математики: a) въ начальномъ: пройдена первая часть ариѳметики; уроковъ было 87; b) въ нижнемъ: о простыхъ и десятичныхъ дробяхъ, о возвышеніи въ степень и извлеченіи квадратныхъ и кубическихъ корней, о содержаніяхъ и пропорціяхъ и тройныхъ правилахъ; всѣхъ уроковъ было 96, учитель Флоренсовъ; c) въ среднемъ алгебраическомъ пройдено по руководству профессора Николая Лобачевскаго: о счетѣ одночленныхъ количествъ, о скобкахъ, о счетѣ сложныхъ количествъ, о дробяхъ, объ уравненіяхъ 1-й степени, о Ньютоновой строкѣ, объ уравненіяхъ 2-й степени, общія понятія о логарифмахъ и объ ихъ главныхъ свойствахъ.— Всѣхъ уроковъ было 83; d) въ высшемъ: пройдена вся плоская геометрія, придерживаясь записокъ профессора Лобачевскаго. Всѣхъ уроковъ было 83, учители: М. И. Мельниковъ и адъюнктъ Юферовъ.

3) Физики: руководствуясь сочиненіями Шредера и Двигубскаго, учитель прошелъ введеніе въ физику, общія свойства тѣлъ, движеніе и равновѣсіе однородныхъ и разнородныхъ жидкихъ тѣлъ, равновѣсіе жидкихъ тѣлъ съ твердыми, о водѣ и воздухѣ. Всѣхъ уроковъ было 50. Преподаватель адъюнктъ Кайсаровъ.

4) Полевой фортификаціи: по руководству С. Поля пройдено: опредѣленіе и раздѣленіе науки; предварительныя познанія, теорія профилей полевыхъ укрѣпленій, вспомогательныя средства, каковы засѣки, полисады, фугасы и проч. О рас-

положеніи или о планѣ полевыхъ укрѣпленій, т. е. о цѣпныхъ, отдѣльныхъ, береговыхъ укрѣпленіяхъ и проч. При изученіи ученики чертили планы и профили. Всѣхъ уроковъ 50. Учитель инспекторъ Васильевъ.

5) Логики: пройдена вся логика по книгѣ Кизеветтера, переведенной Толмачевымъ. Всѣхъ уроковъ 50. Учитель Иванъ Фроловичъ Грацинскій, нынѣ директоръ Пермской гимназіи въ чинѣ дѣйств. ст. сов.

6) Естественной исторіи: по руководству Блюменбаха пройдено: a) изъ зоологіи предварительныя познанія о естественной исторіи и о животныхъ вообще, о млекопитающихъ, о птицахъ, земноводныхъ и о рыбахъ; b) изъ минералогіи: о тѣлахъ неорудныхъ вообще, о признакахъ химическихъ, кристаллографическихъ, и физическихъ, о классификаціи и о углекислой извести. Всѣхъ уроковъ было 50, учитель Покровскій.

7) Географіи: a) въ начальномъ, введенномъ въ нынѣшнемъ году для приготовленія учениковъ къ слѣдующему полному и подробному гимназическому ученію. Преподаваніе въ этомъ классѣ поручено было учителю Турину, принявшему на себя безмездно эту обязанность. Пройдено: краткое изученіе математической географіи; изъ физической показаны границы частей свѣта, главнѣйшія горы, озера, моря, рѣки въ Европѣ, Азіи и Африки. Въ Европѣ показаны столичные города и мѣстоположеніе государствъ, а въ прочихъ частяхъ свѣта положеніе однихъ государствъ. При прохожденіи употреблены были нѣмыя карты, и ученики упражнялись въ черченіи на аспидныхъ доскахъ и на бумагѣ главнѣйшихъ очертаній изучаемаго государства или части свѣта. Всѣхъ уроковъ было 48.—b) Въ младшемъ изучены: математическая географія, общее обозрѣніе Европы и Азіи и землеописаніе Россійской Имперіи. Уроковъ было 50, учители: Гине и Телешевъ; c) въ старшемъ повторено о Европѣ и Азіи и вновь землеописаніе Африки, Америки и Австраліи. Уроковъ 50, учитель Гине.

8) Исторіи: a) въ младшемъ изъ всеобщей древней исторіи пройдено: о евреяхъ, вавилонянахъ, ассиріянахъ, мидянахъ, финикіянахъ, грекахъ, египтянахъ, персахъ, македонянахъ и римлянахъ до Императоровъ. Уроковъ 50, учители: Рыбушкинъ и Телешевъ. b) Въ старшемъ: изъ всеобщей древней исторіи: продолженіе о римлянахъ; изъ средней исторіи: о переселеніи народовъ и о государствахъ: Франціи, Герма-

ніи и Англіи; русская исторія преподавалась по руководству Кайданова, введенному вновь въ гимназіи. Уроковъ 50, учитель Рыбушкинъ.

9) Россійскаго языка: а) въ младшемъ россійскомъ пройдено: о буквахъ, слогахъ, словопроизводствѣ и объ измѣняемыхъ частяхъ рѣчи, съ примѣрами и упражненіями въ склоненіи и спряженіи. Пройдено вкратцѣ о неизмѣняемыхъ частяхъ рѣчи; ученики также упражнялись въ чтеніи на славянскомъ языкѣ. Всѣхъ уроковъ было 104, учитель Туринъ. b) въ низшемъ повторено пройденное въ начальномъ классѣ съ большею подробностію и вновь пройдено о неизмѣняемыхъ частяхъ рѣчи, о правильномъ употребленіи буквъ въ письмѣ, о знакахъ препинанія и предложеніяхъ. При этомъ ученики писали подъ диктовку и дѣлали грамматическій разборъ диктованнаго. Всѣхъ уроковъ было 99, учитель Флоренсовъ; с) въ среднемъ: пройдены синтаксисъ и ороографія, прежде изученія послѣдней части сдѣлано было надлежащее изъясненіе о понятіяхъ, предложеніяхъ и періодахъ; также ученики упражняемы были разборомъ частей рѣчи и небольшихъ сочиненій. Изъ славянскаго языка пройдены ороографія и этимологія по грамматикѣ Пенинскаго. Всѣхъ уроковъ 104, учитель Скорняковъ; d) въ высшемъ пройдены: вся общая риторика по руководству Кошанскаго и славянское словосочиненіе по грамматикѣ Пенинскаго. Ученики занимались въ классахъ разборомъ славянскихъ текстовъ, переводимыхъ на россійскій языкъ, а внѣ классовъ—прозаическими стихотворными сочиненіями, которыя разбираемы были критически и исправляемы. Всѣхъ уроковъ 70, учитель Полиповскій.

10) Латинскаго: а) въ низшемъ: пройдены по грамматикѣ Кошанскаго правила чтенія, раздѣленіе словъ, склоненія именъ существительныхъ, склоненія и сравненіе именъ прилагательныхъ, склоненія мѣстоименій, раздѣленіе и принадлежности глаголовъ и спряженіе глагола sum. Учили вокабулы. Всѣхъ уроковъ было 93, учитель Ананьевъ; b) въ среднемъ: повторено пройденное въ низшемъ классѣ и вновь пройдены спряженія правильныхъ и неправильныхъ глаголовъ и неизмѣняемыя части рѣчи, а изъ синтаксиса — главнѣйшія общія правила. Ученики занимаемы были легкими переводами съ латинскаго на россійскій и обратно. Всѣхъ уроковъ было 70; учитель Иванъ Грацинскій. с) Въ старшемъ: пройденъ съ подробностями синтаксисъ по руковод-

ству Кошанскаго съ повтореніемъ правилъ этимологіи, ученики переводили съ россійскаго на латинскій и обратно изъ Корнелія Непота, Павзанія, Лизандра, Діона, Ификрата и Тимоѳея. Всѣхъ уроковъ было 91, учитель Лукашевскій.

11) Греческаго: пройдено: о буквахъ, ихъ раздѣленіи и произношеніи, о разныхъ видахъ словъ, и ихъ принадлежностяхъ, о склоненіяхъ и спряженіяхъ глаголовъ. Ученики занимались чтеніемъ съ грамматическимъ разборомъ изъ хрестоматіи Якоби и переводами съ греческаго на россійскій. Всѣхъ уроковъ было 68.

12) Французскаго: a) въ нижнемъ ученики упражняемы были въ произношеніи и чтеніи буквъ, складовъ и словъ и письмѣ; изучены правила произношенія и къ концу года упражняемы были въ изученіи началъ этимологіи и учили вокабулы. Всѣхъ уроковъ было 100, учитель Ролланъ; b) въ среднемъ: пройдена вся этимологія по грамматикѣ Ломонда, заимствуясь изъ Ноеля и Шапсаля; ученики также занимались чтеніемъ и письмомъ подъ диктовку и небольшими легкими переводами съ французскаго на россійскій, заучивая слова, встрѣчавшіяся при переводахъ. Всѣхъ уроковъ было 104, учитель Гавріилъ Матюнинъ; c) въ высшемъ: этотъ классъ раздѣленъ былъ между двумя учителями: адъюнктомъ Бюрно и учителемъ Дечеверри. Первый прошелъ съ учениками синтаксисъ по грамматикѣ Ломонда, заимствуя полезное изъ Летевье и Ноеля. Ученики занимались разборомъ частей рѣчи, писали подъ диктовку и переводили съ французскаго на россійскій изъ Телемака Фенелонова. Уроковъ было 80; второй повторилъ съ учениками этимологію и прошелъ синтаксисъ по грамматикѣ Ломонда, заимствуя и изъ Летевье. Ученики занимались чтеніемъ съ грамматическимъ разборомъ, переводили съ россійскаго на французскій, сначала слово въ слово, а потомъ — по правиламъ и свойству французскаго языка, пользуясь примѣрами, помѣщенными въ грамматикѣ Краузе, а также переводили съ французскаго на россійскій. Всѣхъ уроковъ было 51.

13) Нѣмецкаго языка: Тоже что во французскомъ языкѣ. Руководствами служили: нѣмецкая азбука, грамматика Шумахера, а для переводовъ съ нѣмецкаго на россійскій хрестоматія Аллера. Учители: Эмеке—высшаго, Норманъ—средняго и Ридеръ—нижняго.

14) Татарскаго: ученики упражняемы были въ чтеніи, письмѣ и пройдена вся татарская грамматика по сочиненію адъюнкта Хальфина. Занимались разборомъ частей рѣчи, а съ успѣвшими переводили съ татарскаго на россійскій языкъ по христоматіи. Всѣхъ уроковъ было 52.

15) Арабскаго: преподавалась грамматика, и ученики занимались переводами съ арабскаго на россійскій языкъ изъ христоматіи, изданной Болдыревымъ. Всѣхъ уроковъ было 52, преподаватель Ив. Антонов. Верниковскій.

16) Персидскаго: хотя въ отчетѣ инспектора Васильева о преподаваніи этого языка сказано: пройдено тоже, что въ арабскомъ (всѣхъ уроковъ было 52); но такъ-какъ преподавателемъ въ это время былъ Карлъ Карловичъ Фойгтъ; то, пользуясь его матеріалами, присланными имъ для составленія исторической записки о 1-й Казанской гимназіи, мы помѣщаемъ здѣсь свѣдѣнія о преподаваніи персидскаго языка г. Фойгтомъ, начиная съ 1826—1827 академическаго года до 1840 г. Эти свѣдѣнія важны тѣмъ, что служатъ дополненіемъ къ свѣдѣніямъ, представленнымъ нами въ 1-й части исторической записки, стр. 59.

«Преподаваніе мое шло, пишетъ Карлъ Карловичъ, приблизительно въ слѣдующемъ порядкѣ: при предмѣстникѣ моемъ, орд. проф. Ѳ. И. Эрдманнѣ, учениками была пройдена вкратцѣ этимологическая часть Персидской Грамматики, преимущественно по Вилькену. Я счелъ нужнымъ повторить ее, примѣняя по возможности къ Русской Грамматикѣ, и сталъ переводить легкія повѣсти Мирхонда, давая ихъ списывать ученикамъ на домъ и диктуя слова, такъ-какъ печатнаго руководства еще ни какого не было. Въ послѣдніе годы я въ теоретическомъ преподаваніи предпринялъ значительныя перемѣны. Постепенно переработалъ я всю Персидскую Грамматику, измѣнивъ преимущественно систему спряженій, расположеніе и значеніе временъ и распредѣленіе неправильныхъ глаголовъ, а потомъ прибавилъ особую статью о производныхъ и сложныхъ словахъ, и наконецъ синтаксисъ, приноровленный мною къ общему порядку, принятому для Европейскихъ языковъ. Еще позднѣе, именно со введенія въ 1836 г. новыхъ штатовъ для восточныхъ языковъ въ 1-й Казанской Гимназіи и вновь составленнаго Профессоромъ Мирзою Алекс. Кас.Ituazemъ-бекомъ новаго распредѣленія преподаванія, съ увеличеніемъ числа уроковъ отъ 2-хъ и 4-хъ, какъ

до селѣ были, до 8-ми и 9-ти,—я сообщалъ ученикамъ высшихъ отдѣленій Краткую Риторику и Пiитику Персидскую, по Глядвину, но тоже, по возможности, съ примѣненiемъ къ общепринятымъ Европейскимъ началамъ. Всѣ эти труды были изложены мной въ Запискахъ, которыя я давалъ ученикамъ и желалъ даже напечатать, но не успѣлъ, по недостатку времени для окончательной ихъ обработки. Къ практическому преподаванію я приступалъ не ранѣе, какъ со втораго года послѣ поступленія ко мнѣ учениковъ, т. е. тогда, когда этимологическая часть грамматики была уже усвоена ими совершенно твердо. Руководствомъ для переводовъ съ Персидскаго языка на Русскій служила вышедшая въ 1827 г. и дополненная въ слѣдующихъ изданіяхъ Персидская Христоматія Болдырева. Требуя, чтобъ ученики сами пріискивали, въ приложенномъ къ Христоматіи Лексиконѣ, слова для предстоящей къ переводу статьи, я заставлялъ ихъ попеременно сдѣлать прежде подробный этимологическій разборъ каждаго слова, обращая вниманіе не только на каждое измѣненіе, сколько бы разъ оно ни встрѣчалось, но и на причины, почему именно употреблена такая форма, а не иная, почему поставлена на этомъ мѣстѣ, а не на другомъ, и т. п., а также объясняя вмѣстѣ съ тѣмъ Арабскія слова, постоянно встрѣчающіяся въ Персидскихъ сочиненіяхъ и указывая на сходства и отличія отъ конструкціи Русской и другихъ языковъ, преподававшихся въ Гимназіи. Послѣдній пріемъ могъ быть прилагаемъ мной съ тѣмъ большимъ основаніемъ, что для изученія восточныхъ языковъ избирались только такіе ученики, которые изъ Русскаго, Латинскаго и Французскаго языковъ прошли уже этимологію и имѣли въ этихъ предметахъ хорошія отмѣтки. За тѣмъ послѣ описаннаго разбора, я заставлялъ учениковъ сдѣлать каждому періоду сначала переводъ подстрочный, а потомъ изложить его въ плавной Русской рѣчи. Естественно, при такомъ методѣ, въ первый годъ практическихъ упражненій ученики подвигались впередъ медленно; но зато впослѣдствіи они шли такъ быстро, что чрезъ два-три года могли уже довольно бѣгло переводить трудныя историческія статьи, помѣщенныя въ 1-й части Христоматіи Болдырева, и стихотворные отрывки 2 части; тогда и синтаксисъ, сообщаемый имъ обыкновенно въ концѣ 2-го года, представлялся имъ предметомъ уже знакомымъ—простымъ, систематическимъ сводомъ правилъ прежде объясненныхъ, и

затѣмъ и общіе законы языковъ и характеристическія ихъ отличія выступали предъ ними болѣе ярко и рельефно. Сверхъ того, на 3-й и слѣдующіе годы я считалъ нужнымъ, при удобныхъ случаяхъ, указывать ученикамъ на особенности персидской риторики, размѣры стихотворные и важнѣйшія данныя историко-литературныя. Могу сказать—отчасти съ гордостью, отчасти съ сознаніемъ моего собственнаго безсилія, что въ иные годы мнѣ удавалось доводить моихъ слушателей до той степени знаній, на которой стоялъ самъ. Случалось, что недоумѣнія, встрѣчаемыя учениками въ стихотвореніяхъ трудныхъ поэтовъ, я не былъ въ состояніи разрѣшать тѣми средствами, какими обладалъ; и тогда приходилось обращаться за разъясненіями къ моему другу, Мирзѣ Ал. Кас. Казембеку, при чемъ обыкновенно оказывалось, что въ самомъ руководствѣ были опечатки, не только искажавшія, но и совершенно уничтожавшія и смыслъ и размѣръ подлинника. Въ дополненіе къ этимъ свѣдѣніямъ о практическихъ моихъ занятіяхъ, долженъ прибавить, что, по временамъ не оставлялъ упражнять учениковъ и въ переводахъ съ Русскаго языка на Персидскій, избравъ для того разговоры, помѣщенные въ Грамматикѣ Домбея, хотя впрочемъ съ 1830 годовъ эта часть преподаванія, равно какъ и каллиграфія разными почерками стала возлагаться на особенныя лица изъ природныхъ Персіянъ, каковыми при мнѣ были надзиратель, въ послѣдствіи Лекторъ Университета, Ник. Дм. Сонинъ и Каллиграфъ Махмудовъ. Вообще мнѣ кажется, что избранный мною способъ преподаванія достигалъ своей цѣли. Грѣхъ утаить, не рѣдко случалось мнѣ опаздывать въ классъ потому, что отъ своевременнаго прибытія на поздніе уроки (1—2½ ч.) меня удерживали многосложныя занятія въ Библіотекѣ Университета. Но не смотря на эти невольныя уклоненія и вообще на всю тягость первоначальнаго обученія, я—говорю по совѣсти—каждый разъ выходилъ изъ класса съ отраднымъ чувствомъ, что принесъ извѣстную долю пользы. Смѣю думать, что, приготовляя учениковъ для поступленія въ Университетъ, я дѣйствительно приготовлялъ студентовъ, вполнѣ достойныхъ и способныхъ слушать высшія части восточной науки, преподававшіяся Профессорами. Такъ, по крайней мѣрѣ, отзывались о моихъ чтеніяхъ и проф. Ѳ. И. Эрдманнъ и Попечитель М. Н. Мусинъ-Пушкинъ, неоднократно посѣщавшіе мои уроки. Такъ отзывались и нѣкоторые изъ моихъ учени-

ковъ, съ которыми впослѣдствіи, по выходѣ ихъ изъ Университета, мнѣ удалось сойтись ближе. Они признавались мнѣ, что хотя уроки мои доставались имъ очень не легко, по тому напряженію, въ которомъ я постоянно держалъ ихъ — какъ безпрерывными обращеніями то къ тому, то къ другому изъ нихъ, такъ и безпрерывными наведеніями на то или другое правило изъ прежде объясненныхъ; но за то отъ этихъ пріемовъ въ нихъ крѣпло логическое мышленіе, изощрялась быстрота соображенія, и посредствомъ сравненія отличій разныхъ языковъ, выработывался достаточный запасъ для дальнѣйшихъ филологическихъ занятій. Если они мнѣ льстили,— пусть лесть эта падетъ на ихъ отвѣтственность. Я съ своей стороны считаю моимъ долгомъ здѣсь засвидѣтельствовать, что въ общей массѣ ученики мои истинно радовали меня своими успѣхами и прилежаніемъ. Не помню, чтобы я когда нибудь, на кого-нибудь приносилъ жалобу Гимназическому Начальству. Изъ лучшихъ моихъ учениковъ, нѣкоторые оставили во мнѣ столь глубокую признательность, что даже до сихъ поръ помню имена ихъ. Таковы: Вил. Диттель, Мих. Первухинъ, Сейфуллинъ, Нигматуллинъ, Токумбетовъ, Куватовъ, Насреддиновъ, Сертлановъ, Хаировъ, Маркелъ Никольскій, Ал. Михайловъ, Викт. Ильинъ, Ив. Холмогоровъ, Коропачинскій, двое Бѣляевыхъ, Ник. Крашенинниковъ, Ст. Филоновъ, Мих. Навроцкій, Вл. Михайловъ, Констант. Поповъ и др. Наконецъ послѣднему изъ поименованныхъ учениковъ суждено было быть моимъ преемникомъ. Поводомъ къ тому послужило слѣдующее обстоятельство.

Въ 1848 г. окончили университетскій курсъ со степенью кандидата восточной словесности, послѣдніе три изъ только что поименованныхъ здѣсь студентовъ, именно Мих. Навроцкій, Влад. Михайловъ и Конст. Поповъ. По дѣйствовавшимъ тогда правиламъ бывшій попечитель, Генералъ-Маіоръ Влад. Порфир. Молоствовъ предложилъ Университету произвести имъ испытаніе на званіе старшихъ учителей Гимназіи. Испытаніе выдержали они съ полнымъ успѣхомъ, и между ними—Конст. Поповъ избралъ своею спеціальностью Персидскій языкъ; но не смотря на сдѣланныя съ разными министерствами сношенія, ни одному изъ нихъ не представлялось соотвѣтственнаго мѣста внѣ Казани. Тогда, не колеблясь ни одной минуты, я тотчасъ же просилъ Совѣтъ Гимназіи объ увольненіи меня отъ преподаванія этого предмета,

рекомендуя на мое мѣсто г. Попова, какъ одного изъ даровитѣйшихъ моихъ слушателей, подававшаго наилучшія надежды къ успѣшному веденію этого дѣла. Ходатайство мое было уважено. Я получилъ увольненіе отъ Гимназіи, съ объявленіемъ мнѣ признательности бывшаго тогда Министра Народнаго Просвѣщенія, Графа С. С. Уварова за исполненіе преподавательскихъ обязанностей въ теченіе 22-хъ лѣтъ, и— мое мѣсто заступилъ г. Поповъ.

Вотъ—въ болѣе или менѣе удовлетвоительной подробности все, что могу теперь припомнить изъ моей школьной жизни и моей преподавательской дѣятельности въ 1-й Казанской Гимназіи. На сколько приведенныя мною частности годятся для составляемой нынѣ Исторіи столѣтія этого учрежденія, пусть судитъ редакція, которой и представляю мои замѣтки въ полное ея распоряженіе. Скажу одно, что я изложилъ ихъ съ возможною правдивостью, безъ прикрашиванiй, но и безъ ложной скромности. Если тамъ или сямъ встрѣтятся невѣрности или неточности, прошу усерднѣйше ихъ исправить».

17) Чистописанія: ученики занимаемы были письмомъ буквъ и словъ по прописямъ и подъ диктовку, по линейкамъ и безъ нихъ. Всѣхъ уроковъ было 104, учитель Матв. Крыловъ.

18) Рисованія: ученики упражняемы были въ рисованіи съ оригиналовъ: начальныхъ частей лицъ, головъ большихъ и малыхъ, ландшафтовъ — карандашемъ, тушью и красками. Всѣхъ уроковъ было 76, учители: Протоповъ и Винокуровъ.

19) Музыки: преподавались правила музыки, изученіе нотъ, а съ успѣвшими выучены слѣдующія піесы: двѣ увертюры изъ Русалки, соч. Кадера, «Канцертантъ» для двухъ скрипокъ, соч. Роде, рондо, соч. Плейла, Минуэтъ его же, рондолетъ соч. Тефлингера, варіаціи для скрипки его же, варіаціи для флейты, соч. Вебера, симфонія, соч. Гебидера и симфонія, соч. Брюни. Всѣхъ уроковъ было 56, учитель Тефлингеръ.

20) Танцованія: по недавнему вступленію танцмейстера, ученики обучаемы были начальнымъ правиламъ и выправкѣ при стояніи, хожденіи и поклонахъ.

Переведено изъ классовъ:

Изъ младшаго законоученія въ старшее ...... 30 чел.
Изъ математическаго:
— начальнаго въ нижній .... 22 —
— нижняго въ средній .... 22 —
— средняго въ высшій .... 20 —
— географическаго начальнаго въ младшій географическій и историческій .... 33 —
и историческаго младшихъ въ высшіе географич. 35 —
Изъ россійскаго: начальнаго въ нижній....... 29 —
изъ нижняго въ средній .... 29 —
— средняго въ высшій и логику. 21 —
Изъ латинскаго: нижняго въ средній......... 40 —
— средняго въ высшій .... 29 —
Изъ французскаго: нижняго въ средній........ 25 —
— средняго въ высшій....... 21 —
Изъ нѣмецкаго: нижняго въ средній .... 13 —
— средняго въ высшій .... 14 —

Поступило и выбыло учениковъ съ 1-го іюля 1830 г. по 1-е іюня 1831 года:

a) поступило:

На пансіонерное содержаніе .... 2 —
— полупансіонерное .... 10 —
— своекоштные .... 70 —
Изъ нихъ зачислены кандидатами казеннаго содержанія .... 15 —

Всего.. 82 чел.

b) Выбыло:

Кончившихъ курсъ:

Казенныхъ............. 13 чел.
Пансіонеровъ........... 1 —
Полупансіонеровъ .... 4 —
Своекоштныхъ .... 25 —

Изъ нихъ поступили въ Казанской университетъ 9 чел. и 14 человѣкъ кантонистовъ въ учители.

Некончившихъ курса:

Казенныхъ............. 2 чел.
Пансіонеровъ........... 2 —
Полупансіонеровъ .... 1 —

Кандидатовъ казеннаго содержанія .... 6 чел.
Своекоштныхъ.......... 30 — изъ нихъ 3 умерло.
Всего... 84 человѣка.

Отчетъ заключенъ донесеніемъ инспектора Васильева о томъ, что предъ началомъ курса во время прошедшей лѣтней вакаціи устроены были новые классическіе столы, одинъ другаго выше, съ лавками; въ столахъ вставлены оловянныя чернильницы. Для учителей сдѣланы въ классахъ возвышенныя мѣста съ каѳедрами.

Изъ протокола совѣта гимназіи 1831 года, 30 декабря, видно, что состояніе гимназіи въ этомъ мѣсяцѣ было: учителей 31, учениковъ: казенныхъ 49, пансіонеровъ 5, полупансіонеровъ 27, кандидатовъ 43, и своекоштныхъ 163 челов. Въ инспекторской кладовой помѣщалось до 7 тысячъ книгъ, въ физическомъ кабинетѣ находилось до 10 тысячъ названій, минеральный кабинетъ, по мнѣнію совѣта, стоилъ 550 рублей.

Въ такомъ состояніи была гимназія, когда наступилъ 6-й годъ управленія Казанскимъ учебнымъ округомъ съ 1827 Попечителя Мусина-Пушкина; къ этому времени уже нѣкоторые ученики, поступившіе въ гимназію при попечителѣ въ 1827 г., окончили курсъ ученія въ гимназіи и сдѣлались извѣстными попечителю на годичныхъ испытаніяхъ и во время посѣщенія классовъ гимназіи и перешли уже въ университетъ, откуда, по окончаніи курса и по назначенію попечителя, сдѣлались наставниками въ той же гимназіи, гдѣ воспитывались; въ числѣ послѣднихъ учениковъ, кончившихъ курсъ въ 1831 г., считался Александръ Емельяновичъ Лазаревъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, управляющій нынѣ государственными имуществами Курской губерніи. Узнавъ отъ Карла Карловича Фойгта, что, по случаю имѣющемся исполниться въ 1868 году столѣтія со времени открытія первой Казанской гимназіи, г. Лазаревъ доставилъ составленныя имъ «Воспоминанія бывшаго ученика Императорской Казанской гимназіи 1827—1840 года». Такъ какъ Александръ Емельяновичъ вступилъ въ гимназію въ самый первый годъ управленія Казанскимъ учебнымъ округомъ Мусина-Пушкина, то помѣщаемыя нами «Воспоминанія» его за время воспитанія въ гимназіи до 1832 года вполнѣ характеризуютъ

внутреннюю жизнь гимназіи во время преобразованія ея при попечителѣ Мусинѣ-Пушкинѣ: точно такъ, какъ свѣдѣнія г. Фойгта изображаютъ внутреннюю жизнь гимназіи спачала при попечителѣ Магницкомъ, а потомъ при Мусинѣ-Пушкинѣ; вотъ какъ описываетъ состояніе гимназіи г. Лазаревъ съ 1827 до 1832 года:

«Мнѣ было около 11-ти лѣтъ, когда меня помѣстили ученикомъ въ Императорскую Казанскую гимназію, на полупансіонерное содержаніе, 12-го іюня 1827 года.

Живо помню первый день моего вступленія въ гимназію! Чрезъ парадное крыльцо, ввели меня въ небольшую дежурную комнату, наполненную незнакомыми мнѣ личностями. Ко мнѣ подошелъ директоръ, которому я былъ прежде представленъ моею матерью, у него на дому, и, сказавъ нѣсколько привѣтливыхъ словъ, пригласилъ какихъ-то господъ испытать мои познанія. За тѣмъ меня окружили бывшіе въ комнатѣ учители и стали предлагать мнѣ разные вопросы изъ начальныхъ предметовъ гимназическаго курса, впрочемъ безъ всякой торжественности и даже безъ порядка, такъ-что одинъ спроситъ изъ грамматики, другой изъ ариѳметики, третій опять изъ грамматики, и т. д.—Такъ какъ я былъ весьма порядочно приготовленъ къ поступленію въ гимназію, то и удостоился пріема въ нижніе классы, исключая русскаго и французскаго языковъ, по которымъ принятъ прямо въ средній классъ.

Я поступалъ въ гимназію весьма охотно, и потому былъ веселъ, смѣлъ, отвѣчалъ бойко, и даже безъ особо—грустнаго чувства разстался съ матерью, оставившею меня на житье въ гимназіи, тотчасъ по окончаніи экзамена.—Но за то, въ тотъ же день мнѣ привелось испытать сильное потрясеніе, оставившее во мнѣ впечатлѣніе на всю мою жизнь. Это тѣлесное наказаніе одного воспитанника (Успенскаго) за какую-то крупную шалость, произведенное директоромъ, вскорѣ по отъѣздѣ моей матери изъ гимназіи, въ присутствіи всѣхъ прочихъ воспитанниковъ. Приготовленія къ этой операціи, мольбы виновнаго о прощеніи, потомъ его раздирающіе крики,—все это было для меня такъ ново, такъ дико, такъ отвратительно, что я едва не поддался первому побужденію—бѣжать изъ гимназіи, и только страхъ такого же позорнаго наказанія остановилъ меня.—Впрочемъ, это потрясеніе имѣло для меня и хорошую сторону: оно, во первыхъ, во все время

пребыванія моего въ гимназіи, стояло предо мною какъ грозное привидѣніе, отклоняя меня отъ лѣности и отъ дурныхъ поступковъ; во вторыхъ—и главное до того поразило меня, что до сихъ поръ для меня не мыслимо подвергнуть кого нибудь такому наказанію.

Не смотря на то, что я болѣе 20-ти лѣтъ стою во главѣ губернскаго управленія людьми, не изъятыми отъ тѣлеснаго наказанія, и что весьма часто эти люди выводили меня изъ конечнаго терпѣнія, я не наказалъ буквально ни одного человѣка и даже не выучился до сихъ поръ употреблять тѣхъ угрозъ и пріемовъ, которые обыкновенно предшествуютъ тѣлесному наказанію. Безъ всякаго сомнѣнія, такое благодѣяніе оказало мнѣ впечатлѣніе перваго дня пребыванія моего въ гимназіи.

При поступленіи моемъ въ Казанскую гимназію, она считалась первою въ Казанскомъ учебномъ округѣ. И въ самомъ дѣлѣ: одно названіе Императорской гимназіи выдвигало уже ее изъ круга подобныхъ заведеній; потомъ, въ числѣ ея учителей было 6 адъюнктовъ, изъ которыхъ двое (А. К. Казембекъ и М. Ф. Грацинскій) сдѣлались вскорѣ профессорами, 5 университетскихъ преподавателей; остальные всѣ изъ лучшихъ кандидатовъ Казанскаго университета.

Директоромъ гимназіи былъ тогда Николай Алексѣевичъ Галкинъ. Онъ имѣлъ ученую степень медико-хирурга и совершилъ, въ качествѣ врача, кругосвѣтное плаваніе на шлюпѣ «Мирный», подъ команоою капитана (впослѣдствіи адмирала) М. П. Лазарева.

По возвращеніи изъ путешествія, Галкинъ перемѣнилъ свою служебную дорогу, поступивъ директоромъ Пензенской гимназіи, откуда вскорѣ былъ переведенъ на такую же должность въ Казанскую гимназію, и управлялъ ею лѣтъ 25, если не болѣе.

Галкинъ былъ хорошій администраторъ, прекрасно велъ гимназію, но нерѣдко былъ очень строгъ съ воспитанниками.—Онъ не жилъ въ домѣ гимназіи, а пріѣзжалъ въ нее ежедневно въ 11-ть часовъ утра; классовъ почти не посѣщалъ, такъ-что непосредственнаго вліянія его на учебную часть рѣшительно ни какого не было, исключая выбора наставниковъ и наказанія учениковъ, по жалобамъ учителей, за слабые успѣхи. Обыкновенно, пріѣхавъ въ гимназію и обойдя спальныя комнаты, буфетъ и столовую, онъ отправлялся

въ контору, помѣщавшуюся въ верхнемъ этажѣ главнаго корпуса, и тамъ часа два занимался подписомъ бумагъ и разными хозяйственными распоряженіями.—Сверхъ того, онъ посѣщалъ иногда гимназію во время столовъ (такъ называлось вечернее приготовленіе воспитанниковъ къ урокамъ слѣдующаго дня). Здѣсь часто производилась расправа. Вообще мы замѣчали—и никогда въ этомъ не ошибались,—что если директоръ пріѣдетъ въ гороховой шинели со множествомъ маленькихъ воротничковъ, по тогдашней модѣ; то быть бѣдѣ? И многіе изъ насъ, зная за собою какой нибудь грѣшокъ и увидя издали эту роковую шинель, усердно призывали къ себѣ на помощь Царя Давыда и всю кротость его. Но, по большей части, ни Царь Давыдъ, ни его прославленная кротость не спасали несчастныхъ отъ наказанія. — Напротивъ, если директоръ явится въ коричневой шинели, съ длиннымъ капишономъ, то все обойдется благополучно, и гимназическая тишина не возмутится ни чьимъ крикомъ.—Теперь смѣшно, а это было дѣйствительно такъ.

Впрочемъ, Галкинъ въ душѣ былъ добрый человѣкъ, обходительный и особенно умирялся часто вліяніемъ своей жены, Надежды Николаевны (урожденная Бутлерова), которая была настоящій ангелъ. Вся гимназія ее обожала.

Съ подчиненными своими Галкинъ держалъ себя довольно гордо и пользовался отъ всѣхъ, даже отъ преподавателей изъ профессоровъ и адъюнктовъ университета, большимъ уваженіемъ, а многимъ внушалъ къ себѣ страхъ.

За директоромъ, въ порядкѣ служебной іерархіи, слѣдовали два равносильныя лица: Инспекторъ и главный надзиратель. — Первый имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи собственно учебную часть и былъ, сверхъ того, непосредственнымъ наблюдателемъ за приходящими учениками, или своекоштными, какъ ихъ тогда называли.—Второй завѣдывалъ воспитанниками, живущими въ гимназіи, т. е. казенными, пансіонерами и полупансіонерами, и раздѣлялъ съ директоромъ труды по хозяйственной и полицейской частямъ заведенія.

Инспекторомъ въ мое время былъ адъюнктъ университета Петръ Михайловичъ Васильевъ, преподававшій вмѣстѣ съ тѣмъ артиллерію и фортификацію въ высшемъ классѣ гимназіи.

Васильевъ былъ человѣкъ весьма добрый, кроткій, обходительный, съ маленькими странностями. Его почти не

слышно было въ гимназіи. Онъ жилъ на казенной квартирѣ въ угольномъ домѣ, обращенномъ лицевою стороною къ Черному Озеру, и всегда приходилъ въ гимназію во время классовъ, чрезъ задній дворъ, такъ-что изъ высшаго и средняго классовъ, которыхъ окна выходили на этотъ дворъ, ученики непремѣнно замѣчали его появленіе. Нерѣдко появленіе это случалось во время перемѣны уроковъ и шумнаго говора, спора, игры или драки между воспитанниками. Тогда первый замѣтившій инспектора, называлъ его фамилію шопотомъ, съ удареніемъ на букву с; другіе, для предупрежденія товарищей, повторяли этотъ возгласъ; такимъ образомъ, въ минуту, шумъ утихалъ и между десятками мальчиковъ явственно слышалась одна свистящая буква. Когда же лѣтомъ окна были отворены, то, разумѣется, звукъ этотъ и на дворѣ былъ также слышенъ, какъ въ комнатахъ. Это было всегда причиною страшнаго огорченія для инспектора. Обыкновенно, прямо со двора, онъ входилъ въ классы и дѣлалъ строгое замѣчаніе ученикамъ за то, что его называли по фамиліи, а не по имени и отечеству, или, по крайней мѣрѣ, по должности.

Вообще, Петръ Михайловичъ не могъ ни въ комъ оставить по себѣ иного воспоминанія, кромѣ отраднаго. Иногда онъ и посѣкалъ своеконтныхъ учениковъ; но всегда дѣлалъ это такъ легко, такъ отечески, съ такимъ участіемъ, что въ самомъ наказанномъ не возбуждалъ противъ себя злобы.

За то, преподаваніе имъ артиллеріи не оставило уже ровно никакого воспоминанія. Кажется, и самъ онъ зналъ свой предметъ слишкомъ поверхностно, и какъ къ тому же онъ былъ вовсе не краснорѣчивъ, то и не могъ придать никакого интереса своимъ лекціямъ, изъ которыхъ слушатели выносили головную боль и надежду на скорое забвеніе этихъ безполезнопотраченныхъ часовъ.—Впрочемъ, преподаваніе артиллеріи въ гимназіи было вскорѣ отмѣнено.

Главный надзиратель гимназіи, Василій Ѳедоровичъ Гиле, преподавалъ географію въ высшемъ и младшемъ классѣ. Онъ никогда не объяснялъ своихъ уроковъ, но проводилъ все время въ перекличкѣ учениковъ по списку и спрашиваніи заданнаго; а предъ самымъ окончаніемъ класса, бралъ печатный учебникъ географіи и задавалъ по немъ урокъ къ слѣдующему классу, читая громко, что̀ именно должно выучить и что̀ пропустить, какъ заключающее въ себѣ излишнія подробности. Метода, какъ видно, не затѣйливая; но мы

учились хорошо, видя въ учителѣ человѣка, имѣющаго власть, по выраженію учениковъ, «рѣшить и вязать и розгами наказать».

Впрочемъ, надо сказать правду: до розогъ Гиппе былъ не охотникъ. Онъ употреблялъ эту мѣру только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, и то по порученію директора. Всѣ ученики любили Василія Θеодоровича, и можно смѣло сказать, что никто не помянетъ его недобрымъ словомъ.

Гиппе жилъ въ казенномъ гимназическомъ домѣ, противъ главнаго корпуса, гдѣ впослѣдствіи помѣщался совѣтъ гимназіи. Разъ по пяти и болѣе въ день онъ приходилъ въ гимназію; постоянно его можно было встрѣтить и въ дежурной комнатѣ, во время классовъ, и въ столовой, во время обѣда и ужина, и въ классныхъ комнатахъ, во время вечернихъ занятій, и на дворѣ, во время игръ, и въ спальняхъ, во время раздѣванія и укладыванія воспитанниковъ.—Всегда кроткій, привѣтливый, онъ не вселялъ въ насъ къ себѣ излишняго страха; но невольно заставлялъ держать ухо востро.

За начальствующими лицами слѣдуютъ наставники. Но прежде нежели говорить о нихъ, нужно сказать нѣсколько словъ о тогдашнемъ распредѣленіи классовъ по предметамъ. Въ Казанской гимназіи, до образованія ея по уставу 1828 года, не было общаго раздѣленія классовъ на 1-й, 2-й и т. д.; но каждый предметъ имѣлъ свое раздѣленіе, а именно: Законъ Божій, исторія и географія раздѣлялись каждый на два класса: младшій и старшій; математика и языки русскій и латинскій на четыре: начальный, нижній, средній и высшій. Французскій и нѣмецкій языки на три: нижній средній и высшій. Логика преподавалась тѣмъ ученикамъ, которые были въ высшемъ классѣ по русскому языку, а физика, естественная исторія и артиллерія съ фортификаціею—тѣмъ, которые были въ высшемъ классѣ по математикѣ. Греческій языкъ имѣлъ одинъ только классъ и преподавался желающимъ; но былъ обязателенъ для тѣхъ воспитанниковъ, которые учились одному только новѣйшему языку, а равно и для тѣхъ, которые приготовлялись къ университету на словесный (нынѣ историко-филологическій) факультетъ.

Вообще у насъ было непремѣннымъ правиломъ, чтобъ каждый ученикъ обучался тремъ языкамъ: двумъ новымъ (французскому и нѣмецкому) и одному древнему, въ такомъ

случаѣ, непремѣнно латинскому, или же одному новому, по избранію самого ученика, и обоимъ древнимъ, т. е. латинскому и греческому. Я самъ, пользуясь этимъ правиломъ, обучался французскому, латинскому и греческому языкамъ, а нѣмецкому началъ учиться уже въ университетѣ, и оттого знаю его весьма плохо.

За таковымъ раздѣленіемъ классовъ, и переводъ воспитанниковъ изъ одного класса въ другой происходилъ не паралельно по всѣмъ предметамъ, а по каждому особо, смотря, по мѣрѣ познаній и успѣховъ учениковъ. Такъ напримѣръ: можно было быть во всѣхъ высшихъ классахъ, кромѣ русскаго языка, а по русскому языку—въ нижнемъ, и т. под. Окончаніе же полнаго курса или поступленіе въ университетъ возможно было только тогда, когда ученикъ выслушаетъ хотя одинъ годъ во всѣхъ высшихъ классахъ и выдержитъ въ томъ экзаменъ. Я самъ, перейдя во всѣ высшіе классы, остался на другой курсъ въ среднемъ математическомъ, и оттого пробылъ лишній годъ въ гимназіи.

Такое распредѣленіе, можетъ быть, имѣло свои недостатки; но за то, оно совершенно достигало цѣли въ научномъ отношеніи. За отмѣтку 2 не переводили въ слѣдующій классъ. Поэтому ученикъ, поступивъ въ высшіе классы, одинаково хорошо зналъ всѣ предметы гимназическаго преподаванія; тогда-какъ, при нынѣшнемъ распредѣленіи, переводу не мѣшаютъ двѣ или три двойки, которыя, по большой части, сохраняются за ученикомъ и въ слѣдующихъ классахъ, и такимъ образомъ ученикъ оканчиваетъ курсъ гимназіи съ весьма ограниченными познаніями въ двухъ или трехъ предметахъ.

Въ мое время, уроки въ классахъ давались ежедневно, утромъ отъ 8 до $12^1/_2$ и послѣ обѣда отъ 3-хъ до 6-ти часовъ. Каждый урокъ продолжался полтора часа.

Вообще, для воспитанниковъ, жившихъ въ гимназіи, учебный день распредѣлялся слѣдующимъ образомъ: вставали, по звонку, въ 6 часовъ утра; тотчасъ по пробитіи звонка, дежурный надзиратель обходилъ спальныя комнаты и понуждалъ всѣхъ къ скорѣйшему одѣванію, на что̀ давалось не болѣе $^1/_4$ часа. Потомъ ученики, подъ предводительствомъ надзирателей, отправлялись въ столовую, гдѣ, послѣ общей утренней молитвы, садились за завтракъ, состоявшій изъ ста-

кана сбитня, а лѣтомъ молока, и большой бѣлой булки для каждаго.

Послѣ завтрака, шли въ классныя комнаты за утренніе столы, т. е. для приготовленія къ урокамъ. Въ 8 часовъ начинались классы, по росписанію.—Въ 12½ часовъ выходили изъ классовъ, лѣтомъ на дворъ, а зимою въ верхній корридоръ, и тамъ строились по-парно къ обѣду, который продолжался ½ часа. За тѣмъ, до 3-хъ часовъ отдыхали, одни играли на дворѣ или въ саду, другіе составляли хоры и пѣли пѣсни, преимущественно духовныя, иные учили уроки. По окончаніи послѣобѣденныхъ классовъ, всѣ ученики строились обыкновеннымъ порядкомъ и шли въ столовую полдничать. Полдникъ, хотя онъ всегда давался послѣ 6 часовъ вечера, состоялъ, какъ и завтракъ, изъ стакана сбитня или молока и булки.—Послѣ него, одинъ часъ опредѣлялся для отдыха и игры, а тамъ вели всѣхъ за вечерніе столы, для приготовленія уроковъ къ слѣдующему дню. Въ 9-ть часовъ звонили къ ужину, послѣ котораго тотчасъ ложились спать.

Этотъ порядокъ измѣнялся только въ праздники, когда, вмѣсто утреннихъ классовъ, водили учениковъ въ Церковь, по первому удару колокола; а далѣе, имѣвшіе родныхъ или знакомыхъ отпускались къ нимъ до 6-ти часовъ вечера, оставашіеся же въ гимназіи занимались играми до 7-ми часовъ, когда начинались вечерніе столы, и занятія учениковъ опять входили въ будничную колею. Лѣтомъ же, въ праздничные дни, оставшіеся въ гимназіи ученики, подъ предводительствомъ одного или двухъ надзирателей, отправлялись гулять преимущественно въ Швейцарію, а иногда на Нѣмецкое гулянье.

Игры учениковъ, какъ въ праздники, такъ и въ будни, происходили зимою на первомъ дворѣ, а лѣтомъ въ саду. Онѣ состояли преимущественно изъ кегель, которые были устроены на дворѣ, у самаго забора, отдѣляющаго его отъ Церкви; изъ лапты, т. е. подбрасыванія мяча палкою, и изъ чехарды, гдѣ одинъ становился въ наклонномъ положеніи у стола или у стѣны, на его спину прыгалъ другой, затѣмъ третій, и т. д. Впрочемъ эта послѣдняя игра была вскорѣ запрещена, изъ опасенія какихъ либо несчастныхъ случаевъ съ спинами играющихъ.—Нерѣдко играли въ солдаты, и многіе очень любили эту игру. — Зимою же ни одинъ день не проходилъ безъ снѣжковъ, т. е. бросанія другъ въ друга

круглыми комками снѣга.—Несчастныхъ случаевъ при играхъ я не помню ни одного. Также не помню столкновеній съ учениками другихъ заведеній; да, кажется, ихъ вовсе и не было: къ университету мы питали уваженіе, съ семинаріей не имѣли ничего общаго, съ кантонистами, жившими вблизи гимназіи, тоже; учениковъ народнаго училища, бывшаго рядомъ съ гимназіей, мы даже и не встрѣчали. Одно столкновеніе, если его можно такъ назвать, было у насъ, т. е. у живущихъ въ гимназіи, съ приходящими или своекоштными учениками. Въ такомъ случаѣ мы занимали первый дворъ и не пускали ихъ сюда, а они рвались сквозь наши ряды; при этомъ бывали и драки. Но ихъ скоро прекращали, съ одной стороны наши надзиратели, а съ другой инспекторъ своекоштныхъ, жившій на заднемъ дворѣ. — Особенныхъ происшествій при этомъ я не помню.

Семейка у насъ была шумная и многолюдная. Сколько я могу припомнить, всѣхъ жившихъ въ гимназіи учениковъ было 84. Изъ нихъ, болѣе 60-ти казеннокоштныхъ, 6 пансіонеровъ, прочіе полупансіонеры. За то и присмотръ за нами былъ не маленькій. Сверхъ главнаго надзирателя, обязанность эта лежала на комнатныхъ надзирателяхъ, которыхъ въ мое время было постоянно 6, а иногда 8 человѣкъ. Въ эту должность опредѣлялись иногда иностранцы, а по большей части окончившіе университетскій курсъ казенные студенты, до назначенія ихъ на учительскія должности.—Такъ, при поступленіи моемъ въ гимназію, надзирателями были: изъ студентовъ, Д. Я. Телешевъ, П. В. Протоповъ, А. С. Топорнинъ, В. П. Бобановскій, М. Ѳ. Злыгостевъ, С. И. Знаменскій, Трисвятскій и изъ иностранцевъ, А. И. Ролланъ и Ратке. Впрочемъ, надзиратели перемѣнялись довольно часто, исключая Роллана и Злыгостева, изъ которыхъ каждый состоялъ въ этой должности болѣе 10-ти лѣтъ.

Всѣ надзиратели жили въ самой гимназіи, имѣя у себя отдѣльныя комнаты; одинъ только Ролланъ, какъ семейный, помѣщался противъ главнаго корпуса, въ угольномъ домѣ, въ верхнемъ этажѣ, котораго была гимназическая больница. Дежурный надзиратель находился въ гимназіи безотлучно въ теченіи сутокъ; а прочіе обязаны были вмѣстѣ съ нами обѣдать, ужинать и наблюдать за нами во время столовъ.—Каждый надзиратель имѣлъ въ своемъ особомъ завѣдываніи нѣсколько воспитанниковъ, по мѣсту ихъ спалья,

почему на гимназическомъ языкѣ говорилось, что у такого-то надзирателя въ вѣдѣніи такія-то спальныя компаты. Такихъ компатъ въ вѣдѣніи каждаго надзирателя было двѣ или три, смотря по ихъ пространству и расположенію, а надзирательская компата находилась въ раіонѣ его наблюденія.—Сверхъ того, въ каждой спальной компатѣ были, по назначенію надзирателя, старшіе воспитанники, которые наблюдали за тишиною и порядкомъ во время вечерняго раздѣванія и утренняго вставанія; они обязаны были недопускать вечеромъ никакихъ разговоровъ, особенно шума, а утромъ понуждали всѣхъ къ немедленному послѣ звонка вставанію, умыванью и одѣванью.

Надо замѣтить, что вставали мы не по тому звонку, по которому ходили въ столовую или въ классы. Этотъ послѣдній звонокъ, довольно большаго размѣра, висѣлъ на высокомъ столбѣ, стоявшемъ у входа въ столовую, а будили учековъ колокольчикомъ такого объема, какъ почтовый, и этимъ колокольчикомъ дневальный сторожъ звонилъ въ каждой спальной компатѣ по нѣсколько разъ. Послѣ чего, вскорѣ обходилъ комнаты дежурный надзиратель.

Изъ всѣхъ названныхъ мною надзирателей, особеннымъ расположеніемъ учениковъ пользовались Бобановскій и Злыгостевъ. Напротивъ того, Роллань и, особенно, Телешевъ внушили противъ себя страшное озлобленіе, а появленіе Ратке встрѣчалось всегда такими презрительными насмѣшками, что онъ отъ нихъ долженъ былъ оставить гимназію, пробывъ въ ней менѣе года.

Андрей Ивановичъ Роллань опредѣлился въ должность надзирателя изъ плѣнныхъ въ 1812 году французовъ, въ войскахъ которыхъ былъ барабанщикомъ. Онъ былъ крайне невѣжественъ, грубъ, дерзокъ, но не глупъ. Страсть его была подсматривать, подслушивать и являться между воспитанниками изъ-за угла, когда его менѣе всего ожидали. Малѣйшая шалость или не ловкость подвергались строгому наказанію, часто несправедливому, потому что, отъ плохаго знанія русскаго языка, онъ нерѣдко принималъ обыкновенный разговоръ за неприличіе, или простое оправданіе за грубость.

Еще хуже былъ Телешевъ. Въ обращеніи съ нами постоянно тихій, ни когда не возвышавшій голоса, онъ всюду подкрадывался изъ-подтишка. Не черня памяти Телешева, я,

въ интересахъ истины, обязываюсь сказать, что придирчивость и несправедливость его превосходятъ всякое вѣроятіе. Напримѣръ: ученикъ смирно сидитъ за обѣдомъ, ни съ кѣмъ не говоритъ, даже по сторонамъ не смотритъ. Вдругъ подходитъ къ нему Телешевъ, съ приказаніемъ: «ступай къ печкѣ» (72). Знавшіе характеръ Телешева, послѣ его приказанія, выходили изъ-за стола, и въ такомъ случаѣ, скоро возвращались опять къ обѣду. Если же неопытный мальчикъ спроситъ его: «за что»? «А вотъ, за слово за что», отвѣчаетъ ему Телешевъ, и тогда прощенія уже не послѣдуетъ. А когда ученикъ, думая, что тутъ вышла какая нибудь ошибка или недоразумѣніе, вздумаетъ оправдываться, тогда лишеніе обѣда сопровождалось стояніемъ на колѣнахъ по среди столовой.—Впрочемъ, во все время надзирательства Телешева, ему не было дѣлаемо учениками ни какихъ общихъ грубостей. Кажется, сколько мнѣ помнится, подкинули ему одинъ разъ какое то бранное письмо; но этимъ и ограничились.

Надо отдать справедливость воспитанникамъ тогдашняго времени: такой духъ кротости, подчиненности, сдержанности господствовалъ между ними, что во все время моего ученія, и потомъ службы въ гимназіи, не было рѣшительно ни одной крупной шалости, ни одного скандала, ни одного происшествія, которое рѣзко выдавалось бы изъ общаго уровня простыхъ дѣтскихъ шалостей. Разъ, правда, было что-то похожее на скандалъ, да, благодаря Бога, кончилось благополучно. Какъ теперь помню, это было въ началѣ осени, по возвращеніи учениковъ съ лѣтней вакаціи. Въ одно прекрасное утро, одѣваясь къ завтраку, мы замѣтили какое то особенное смущеніе въ служителяхъ; главный надзиратель, не смотря на раннюю пору, переходилъ озабоченно изъ комнаты въ комнату и перешептывался съ надзирателями, которые были всѣ въ сборѣ, исключая дежурнаго предыдущаго дня, А. С.

(72) Это значило оставить свой приборъ и выдти изъ за-стола. Стоять у печки было техническое выраженіе, означавшее лишеніе обѣда за какой-нибудь проступокъ. Это основывалось на томъ, что всѣмъ оставляемымъ безъ обѣда не позволялось сидѣть за общимъ столомъ, а должны были они, во время обѣда, стоять въ столовой комнатѣ, противъ обѣденныхъ столовъ, подлѣ печки, или на ногахъ или на колѣнахъ, по мѣрѣ вины, или по взгляду опредѣляющаго наказаніе.

Топорнина. Отъ служителей мы вскорѣ узнали, что причиною этой суматохи—побѣгъ изъ гимназіи двухъ учениковъ: Демьяна Смирнова и Григорія Звѣрева, и что Топорнинъ, какъ отвѣтствующее въ томъ лицо, по званію дежурнаго, еще съ 4-хъ часовъ утра, отправился ихъ розыскивать. Къ 8-ми часамъ Топорнинъ возвратился изъ своихъ поисковъ безъ успѣха и почти тотчасъ же опять уѣхалъ. Наконецъ, уже вечеромъ привезли обоихъ бѣглецовъ. На другой день ихъ высѣкли,—и тѣмъ дѣло кончилось.

Объ открытыхъ грубостяхъ надзирателямъ, а тѣмъ болѣе преподавателямъ, не было и помина.—Да и наказанія за всякую подобную попытку были весьма строгія. Я испыталъ это на себѣ. Одинъ разъ по случаю какихъ то передѣлокъ въ классахъ, мы занимались приготовленіемъ уроковъ въ спальныхъ комнатахъ, и уронилъ свой карандашъ подъ кровать. Взявъ со столика свѣчу, я сталъ искать его подъ кроватью. Въ это время вошелъ въ комнату надзиратель Злыгостевъ и приказалъ мнѣ поставить свѣчку на мѣсто; исполнивъ его приказаніе, я сказалъ ему только, что не могу въ потьмахъ найти карандаша, потому что у меня не мышиные глаза. По докладу на другой день Злыгостева объ этомъ необыкновенномъ обстоятельствѣ, главный надзиратель отставилъ меня отъ должности старшаго, въ которой я состоялъ уже около двухъ лѣтъ, и оставилъ меня безъ обѣда, безъ ужина и безъ тюфяка. И за такое сравнительное снисхожденіе я обязанъ только тому, что порядочно учился.

Нельзя и при этомъ, грустномъ для меня, случаѣ не вспомнить добрымъ словомъ Злыгостева. Прежде своей жалобы, онъ подсылалъ ко мнѣ одного изъ моихъ товарищей (Владиміра Максимова) уговорить меня, чтобъ я раскаялся въ своемъ проступкѣ и просилъ бы у него прощенія. Но какое то непонятное упорство, или ложная гордость, не допустили меня послѣдовать благоразумному совѣту.

Добронравію учениковъ содѣйствовало много религіозное направленіе, въ которомъ ихъ воспитывали. Во первыхъ, современъ еще попечителя Магницкаго, сохранилось обыкновеніе соблюдать всѣ посты, такъ-что не только въ посты, но по средамъ и пятницамъ намъ приготовляли постное кушанье и сбитень давали безъ молока. Во вторыхъ, съ тѣхъ же временъ, одинъ изъ воспитанниковъ, помѣщаясь, во время обѣда, у маленькаго столика, по срединѣ столовой, читалъ Евангеліе; а оттого пе-

вольно за обѣдомъ сохранялась тишина, нарушеніе которой строго наказывалось.

Эти два обыкновенія существовали года два по вступленіи моемъ въ гимназію; но потомъ, сначала отмѣнили вовсе чтеніе Евангелія, а за тѣмъ перестали соблюдать и посты, оставивъ для постной пищи только первую и страстную недѣлю Великаго Поста.

Далѣе, на канунѣ каждаго праздника, всѣхъ воспитанниковъ водили ко всенощной, а въ день праздника—къ обѣднѣ. Строили насъ правильными рядами по обѣ стороны Церкви, начиная отъ самыхъ клиросовъ, и наблюдали за тѣмъ, чтобъ воспитанники стояли тихо, смирно и благоговѣйно.— Отъ этого, церковная служба такъ хорошо была всѣмъ намъ извѣстна, что я, напримѣръ, до сихъ поръ помню наизусть всѣ молитвы, всѣ ектеніи, всѣ возгласы священника.

Всенощныя слушались нами въ Церкви въ то время года, когда онѣ тамъ служатся, т. е. отъ Пасхи до 14-го сентября. Съ этого же времени до другой Пасхи, эта служба отправлялась всегда въ залѣ гимназіи, поочередно, однимъ изъ законоучителей, которые приходили для того въ гимназію. Хоръ пѣвчихъ состоялъ изъ гимназистовъ; хоръ этотъ пѣлъ какъ въ гимназіи, такъ и въ Церкви. Пѣнію обучалъ, подъ руководствомъ законоучителя Павловскаго, бывшаго въ тоже время архіерейскимъ регентомъ, одинъ изъ пѣвчихъ архіерейскаго хора.

Тогда гимназія не имѣла еще своей Церкви, а ходили мы въ сосѣдственную съ домомъ гимназіи Церковь Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста. Но требы въ гимназіи, какъ то: исповѣдь, служеніе всенощныхъ и молебновъ, напутствованіе больныхъ и т. под., совершалъ всегда одинъ изъ законоучителей, которыхъ, какъ объ этомъ будетъ сказано ниже, было двое и изъ которыхъ каждый имѣлъ свой приходъ въ довольно отдаленномъ отъ гимназіи разстояніи.

Это продолжалось до 1836 года. При посѣщеніи же гимназіи, въ іюнѣ мѣсяцѣ этого года, Блаженной памяти Императоромъ Николаемъ I, Его Величество, проходя по двору гимназіи, изъ главнаго корпуса въ столовую, и узнавъ въ это время отъ попечителя, что, по проэкту о распространеніи зданія гимназіи, предположено соорудить въ ней домовую церковь, изволилъ указать рукою на сосѣдственную Воздвиженскую церковь и повелѣлъ взамѣнъ этого сооруже-

нія, присоединить ее къ гимназіи, такъ-какъ она, по близкому сосѣдству своему съ гимназіею, также для нея удобна какъ и домовая.—Повелѣніе это тогда же было исполнено, и законоучитель, оставшійся уже одинъ по преобразованіи гимназіи, перемѣстился изъ Грузинскаго прихода въ гимназическую церковь, близь коей имѣлъ казенное помѣщеніе.

Говѣли воспитанники всегда на Страстной недѣлѣ Великаго Поста. Исповѣдывали ихъ и приготовляли къ причастію законоучители по классамъ, т. е. каждый тѣхъ воспитанниковъ, которые у него учились.

При такомъ настроеніи и при такомъ порядкѣ, понятно, что гимназисты не могли быть очень дурны.

Большою уздою для нихъ были и наказанія тогдашняго времени. Наказанія эти состояли постепенно: изъ выговоровъ (впрочемъ, весьма рѣдкихъ, и то только отъ *добрыхъ* надзирателей), оставленія безъ обѣда, безъ ужина, безъ тюфяка, или безъ того, другаго и третьяго вмѣстѣ, заключенія въ карцеръ, тѣлеснаго наказанія и наконецъ исключенія изъ гимназіи.—Оставляемыхъ безъ обѣда или безъ ужина иногда допускали сидѣть за столомъ, вмѣстѣ съ прочими, и только, по приказанію надзирателя, обносили ихъ блюдами. Это снисхожденіе дѣлалось только за самую незначительную шалость. По большей же части, присужденныхъ къ такимъ наказаніямъ ставили къ печкѣ, а за очень крупную виновность—по срединѣ столовой на колѣна. На колѣна ставили также въ самыхъ классахъ—за лѣность, и въ классномъ корридорѣ—за шалость въ классахъ.

Оставляемые безъ тюфяка, по приходѣ вечеромъ въ спальныя комнаты, обязаны были снять свой тюфякъ и задвинуть его подъ кровать, а сами ложились на доскахъ, прикрытыхъ простынею, а иногда даже и безъ этой роскоши, смотря по винѣ.

Карцеромъ называлась маленькая темная комната, въ нижнемъ этажѣ главнаго корпуса. Туда сажали на день, на два и даже на недѣлю, и во все время заключенія давали наказанному только хлѣбъ и воду

Тѣлесное наказаніе производилось или въ особой комнатѣ, такъ называемой сторожевской, гдѣ своекоштные ученики складывали свои шинели, или въ классномъ корридорѣ, или въ большой залѣ, въ присутствіи всѣхъ воспитанниковъ.—

Способъ наказанія и число ударовъ обусловливались мѣрою вины, а главное—взглядомъ на дѣло директора.

У насъ было обыкновеніе, по окончаніи каждаго мѣсяца, составлять табели объ успѣхахъ и поведеніи каждаго ученика, и тѣ ученики, которые имѣли въ среднемъ—выводѣ за поведеніе 2 и за успѣхи 1—непремѣнно подвергались тѣлесному наказанію.—Вообще, на розги не скупились. Но, вѣроятно, были за дѣло, потому-что директора и главнаго надзирателя, имѣвшихъ право опредѣлять это наказаніе, воспитанники любили. Я самъ, не смотря на страхъ, который внушалъ мнѣ Галкинъ въ былое время, до сихъ поръ сохранилъ къ нему глубокую привязанность и о личности его самое почтительное и благодарное воспоминаніе.

Исключались изъ гимназіи весьма рѣдко, только за самые важные, выходящіе изъ обыкновеннаго порядка поступки, или за неисправимую лѣность.

Я помню только два случая исключенія: это Успенскаго и Звѣрева. Впослѣдствіи было ихъ больше; но я уже не былъ тому свидѣтелемъ.

Для больныхъ воспитанниковъ, при гимназіи была устроена больница, въ отличномъ порядкѣ и чистотѣ всегда содержавшаяся, попеченіемъ директора Галкина. Докторомъ въ этой больницѣ былъ профессоръ Александръ Егоровичъ Лентовскій, посѣщавшій ее одинъ разъ въ день (въ 11 часовъ утра); когда же случались трудные больные, то Лентовскій пріѣзжалъ разъ по пяти и болѣе, даже ночью.

Сверхъ доктора, при больницѣ постоянно находился фельдшеръ, изъ нижнихъ служителей. Въ мое время фельдшеромъ былъ Астраханцевъ, отлично знавшій свое дѣло и уходъ за больными; но, къ сожалѣнію, великій пьяница.

Не лишнимъ считаю замѣтить, что всѣ мои воспоминанія о гимназіи относятся къ ея внутренней жизни, т. е. къ воспитанникамъ, жившимъ въ ней на казенномъ, пансіонерномъ и полупансіонерномъ содержаніи. О своекоштныхъ же и о надзорѣ за ними я помню весьма мало, потому что не имѣлъ съ ними ничего общаго. Мы были различены даже самымъ названіемъ, перешедшимъ какъ бы въ оффиціальное выраженіе: жившихъ въ гимназіи называли *воспитанниками*, а приходящихъ—*учениками*. — Если скажутъ въ разговорѣ *«воспитанникъ»*, всякій пойметъ подъ этимъ живущаго въ

гимназіи.—Если скажутъ *«ученикъ»*,—всякій знаетъ, что это приходящій или своекоштный.

Отъ подробностэй внутренней жизни перейдемъ къ состоянію въ гимназіи учебной части. Я сказалъ уже выше о раздѣленіи классовъ по предметамъ. Теперь обратимся къ наставникамъ.

При поступленіи моемъ въ гимназію, наставниками въ ней были слѣдующія лица:

1. По Закону Божію.

1) Въ младшемъ классѣ, гдѣ преподавался Краткій Катихизисъ и Краткая Священная Исторія, Михаилъ Леонтьевичъ Павловскій. Онъ былъ прежде соборнымъ протодіакономъ, потомъ священникомъ Куртинской (на кладбищѣ) церкви и вмѣстѣ съ тѣмъ регентомъ архіерейскаго хора. Училъ по печатнымъ книжкамъ, изданнымъ отъ Святѣйшаго Синода.

2) Алексѣй Михайловичъ Головцевъ, соборный протоіерей. Преподавалъ въ старшемъ классѣ пространный катихизисъ, по печатной книгѣ, и церковно-библейскую исторію, по своимъ запискамъ, которыя объяснялъ ученикамъ во время уроковъ и давалъ потомъ переписывать. — По смерти Головцева (отъ холеры, въ 1830 году), на его мѣсто поступилъ магистръ духовной академіи и священникъ Грузинской церкви, Ермій Лаврентьевичъ Розовъ. Въ 1836 году, Розовъ перемѣстился въ гимназическую Кресто-Воздвиженскую церковь и состоялъ преподавателемъ до 1848 года, въ которомъ (августа 1-го) умеръ, также отъ холеры.

Розовъ былъ мнѣ очень близокъ. Сперва онъ былъ моимъ законоучителемъ и духовникомъ; — потомъ, съ 1835 по 1840 годъ, товарищемъ по службѣ въ гимназіи и опять духовникомъ. Онъ вѣнчалъ меня въ 1837 году и всегда имѣлъ ко мнѣ особенное расположеніе. Я очень хорошо помню день его смерти. Проѣзжая по Воскресенской улицѣ, во время случайнаго пребыванія моего въ Казани, 1-го августа 1848 года, въ 2 часа дня, я встрѣтилъ Розова, шедшаго мнѣ на встрѣчу, съ кулькомъ въ рукахъ. Я тотчасъ же узналъ его, соскочилъ съ дрожекъ и бросился его привѣтствовать. Мы поговорили минутъ пять, и онъ сказалъ мнѣ, что возвращается домой съ похоронъ, а какъ тамъ весь обѣдъ былъ

скоромный, то онъ ничего не ѣлъ, но дорогой купилъ для себя кой-чего постнаго и теперь спѣшитъ поѣсть и отдохнуть.

Къ ужасу моему, въ тотъ же день, часовъ въ 6 по полудни, мнѣ сказали, что Розовъ уже на столѣ.....

Онъ былъ не краснорѣчивъ; но отлично—добрый, привѣтливый и совершенно—чистый сердцемъ человѣкъ.

Миръ праху его!

2. По Математикѣ.

1) Въ начальномъ и низшихъ классахъ—Макаровъ.

2) Въ среднемъ—Михаилъ Ивановичъ Мельниковъ.

3) Въ высшемъ—Николай Ѳедоровичъ Юферовъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ читалъ и физику, по руководству Двигубскаго.

Въ начальномъ классѣ математики преподавалась первая часть ариѳметики; въ среднемъ — вторая часть. Въ обоихъ классахъ руководительною книгою была ариѳметика Меморскаго, въ вопросахъ и отвѣтахъ.

Въ среднемъ классѣ преподавалась алгебра, а въ высшемъ—геометрія. Та и другая по запискамъ учителей.

Для учениковъ высшаго математическаго класса читалась.

3. Артиллерія и Фортификація.

Адъюнктомъ и инспекторомъ гимназіи Васильевымъ. Для нихъ же преподавалъ

4. Естественную Исторію

Адъюнктъ Николай Ѳедоровичъ Кулаковъ.

5. По Русскому языку и словесности.

Въ начальномъ классѣ—П. В. Протопоповъ, комнатный надзиратель; но не родственникъ покойнаго профессора.

Въ нижнемъ—Ананьинъ, вскорѣ переведенный инспекторомъ гимназіи въ Тверь, гдѣ еще въ недавнее время состоялъ директоромъ.

Въ среднемъ—Петръ Гавриловичъ Скорняковъ.

Въ высшемъ—адъюнктъ Михаилъ Васильевичъ Полиновскій.

Въ начальномъ классѣ преподавалось начало русской грамматики, по книгѣ, кажется, того же Меморскаго, который издалъ ариѳметику.

Въ нижнемъ — повтореніе грамматики въ болѣе обширномъ объемѣ и продолженіе ея до синтаксиса.

Въ среднемъ—изученіе знаковъ препинанія, подробныя правила объ употребленіи буквъ ѣ и е, синтаксисъ и правильное письмо подъ диктовку.—Въ этомъ же классѣ преподавался *славянскій языкъ*, по грамматикѣ Добровскаго.

Въ высшемъ—читалась риторика, по руководству Могилевскаго, замѣненному потомъ риторикою Кошанскаго.

Въ этомъ классѣ преподавалась 6, *логика*, учителемъ коей былъ преподаватель географіи въ университетѣ Иванъ Фроловичъ Грацинскій, читавшій логику по печатному руководству Кизиветтера.

7. По Исторіи.

Въ обоихъ классахъ исторіи, младшемъ и старшемъ, преподавалъ адъюнктъ Михаилъ Самсоновичъ Рыбушкинъ, авторъ «Исторіи Казани» и редакторъ, вмѣстѣ съ М. В. Полиновскимъ, журнала: «Заволжскій Муравей», продолжавшагося весьма короткое время, въ самомъ плачевномъ видѣ. Помню знаменитые стихи Полиновскаго, воспѣвшаго новый годъ въ одномъ изъ первыхъ номеровъ «Муравья». Стихи эти начинаются такъ:

«На лонѣ тишины дремала
«Послѣдняя декабрска ночь,
«И тихо свѣтъ свой разливала
«Задумчивая Ѳеба дочь»......

Хорошо?

Рыбушкинъ читалъ исторію по печатному сочиненію Яковкина, имя котораго, впрочемъ, не означено на книгѣ.

8. По Географіи.

Также въ обоихъ географическихъ классахъ былъ одинъ учитель, главный надзиратель Василій Ѳедоровичъ Гине, о методѣ котораго сказано выше.

9. По Латинскому языку.

Было три учителя: Красновъ, И. Ф. Грацинскій и Г. А. Лукашевскій. Руководствомъ для этого языка служили: ла-

тинская грамматика Кошанскаго, какая-то хрестоматія и Корнелій Непотъ.

Преподаваніе латинскаго языка оживилось съ поступленіемъ въ гимназію Лукашевскаго, отличнаго латиниста и искуснаго преподавателя. За эти качества его уважали всѣ гимназисты, хотя не рѣдко подтрунивали надъ неправильнымъ его разговоромъ по-русски.

10. *По Французскому языку.*

Учителями были: надзиратель Топорнинъ, иностранецъ Дечеверри и адъюнктъ Иванъ Ивановичъ Бюрно. Дечеверри ни слова не говорилъ по-русски и всѣ объясненія свои дѣлалъ на французскомъ языкѣ. Оттого знавшіе плохо этотъ языкъ окончательно забывали его, не вынося съ лекцій учителя ничего, кромѣ скуки и утомленія. Напротивъ, понимавшіе кое-что и, хоть немного, говорившіе по-французски пріобрѣли въ этомъ языкѣ отъ Дечеверри основательныя свѣдѣнія.

Дечеверри много говорилъ въ классахъ и заставлялъ насъ писать подъ диктовку; а въ прочихъ классахъ французскаго языка руководствомъ служила грамматика Ломонда и, для переводовъ приключенія Телемака.

11. *Нѣмецкій языкъ.*

Преподавалъ Эмке.

12. *Греческій языкъ.*

Адъюнктъ, сдѣланный вскорѣ экстраординарнымъ профессоромъ, Михаилъ Фроловичъ Грацинскій.

Восточнымъ языкамъ я не обучался; но помню, что учителями этихъ языковъ въ мое время были: адъюнктъ Александръ Касимовичъ Казембекъ, учитель, впослѣдствіи адъюнктъ, Карлъ Карловичъ Фойгтъ, адъюнктъ Хальфинъ, умершій чрезъ годъ по вступленіи моемъ въ гимназію, и кандидатъ Виленскаго университета Иванъ Антоновичъ Верниковскій.

Насъ учили также разнымъ искусствамъ, а именно: *рисованію, чистописанію, музыкѣ* и *танцамъ*. Для рисованія и чистописанія было два учителя: Александръ Тимоѳеевичъ Винокуровъ и Иванъ Ивановичъ Протопоповъ, отецъ покой-

наго профессора. Хотя оба класса рисованія были равны между собою и учениковъ къ тому и другому учителю назначали по распоряженію гимназическаго начальства; но, по принятому взгляду, классъ Протопопова считался старшимъ, а Винокуровъ обучалъ начинающихъ. Съ этимъ взглядомъ сообразалось и начальство, при распредѣленіи учениковъ по ихъ классамъ.—Я учился рисованію у обоихъ учителей; но вынесъ изъ ихъ уроковъ только искусство дѣлать носы, да и то уродливые. Кажется, и товарищи мои, исключая весьма немногихъ, вышли такими же знаменитыми художниками.

Музыкѣ обучалъ Тефлингеръ, и я былъ однимъ изъ его любимыхъ учениковъ, держа въ хорѣ сперва вторую, а потомъ и первую флейту.

Танцамъ училъ насъ Фабръ, преклонный старичекъ. По смерти же его, прислали изъ Петербурга отставнаго балетмейстера Стриганова.

Классы музыки и танцевъ назначались всегда послѣ обѣда, по два раза въ недѣлю.

Изъ всѣхъ вышепоименованныхъ учителей, особенно выдвигались, по своимъ познаніямъ и способу преподаванія, Мельниковъ, Иванъ Грацинскій, Лукашевскій, Казембекъ, Фойгтъ и Верниковскій.—Вообще же, ко всѣмъ наставникамъ мы имѣли уваженіе, слушали уроки внимательно и ни разу не нарушали спокойствія въ классѣ. Разумѣется, были разговоры объ учителяхъ, пересуды, насмѣшки; но все это внѣ классовъ, а въ классахъ одно только вниманіе и самая строгая дисциплина. Да и учителя моего времени усердно исполняли свои обязанности и исправно приходили въ назначенные для каждаго часы. Я не помню ни одного, который былъ бы между нами извѣстенъ за лѣниваго или небрежнаго. Нѣкоторые слыли за плохо знающихъ свой предметъ, другіе—за дурно преподающихъ; но за лѣниваго—ни одного.

Сколько я теперь припоминаю, мнѣ становится яснымъ, что ревность нашихъ учителей возбуждалась, главнымъ образомъ, строгимъ и внимательнымъ наблюденіемъ со стороны попечителя Мусина-Пушкина. О, это былъ замѣчательный человѣкъ для своего времени! Правда, онъ былъ вспыльчивъ, часто крикливъ; но болѣе дѣятельнаго начальника, болѣе внимательнаго къ нуждамъ своихъ подчиненныхъ, болѣе снисходительнаго къ людскимъ слабостямъ, — я не встрѣчалъ во всю мою жизнь.—Довольно было хоть немного знать его

сердце, чтобъ отдать ему всѣ свои симпатіи, все свое уваженіе. По наружности строгій, безпощадный, онъ всегда былъ далекъ отъ мысли сдѣлать кому-либо серьёзную непріятность и только самая крайняя необходимость, и то въ весьма рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ, заставляла его прибѣгать къ подобной мѣрѣ.

Я благоговѣю предъ Пушкинымъ за все добро, которое онъ сдѣлалъ нашему университету и нашей гимназіи! Я благоговѣю предъ нимъ за тѣ начала и побужденія, которыя руководили его служебными дѣйствіями! Я благоговѣю предъ нимъ за самую его крикливость, которая, не дѣлая никому зла, многимъ указала прямую дорогу въ жизни!

Михаилъ Николаевичъ Мусинъ-Пушкинъ поступилъ къ намъ попечителемъ почти въ то самое время, какъ я былъ помѣщенъ въ гимназію ученикомъ.—Я помню даже первое его обозрѣніе гимназіи. Въ тотъ день дежурнымъ надзирателемъ былъ Ролланъ. Важность попечительскаго сана и, особенно, разнесшійся слухъ о строгости Мусина-Пушкина, до того смутили бѣднаго барабанщика, что, встрѣтивъ начальника на парадномъ крыльцѣ, онъ совершенно растерялся и даже забылъ подать ему приготовленный рапортъ. При видѣ этой смущенной фигуры, Пушкинъ рѣзко спросилъ: «ты кто такой»? «Мюзиканъ», отвѣчалъ Ролланъ безсознательно. «Какъ музыкантъ? На чемъ же ты играешь»? «Барабанъ бью-съ».— Этотъ анекдотъ не выдумка; по крайней мѣрѣ, тогда онъ разсказывался за положительно вѣрное происшествіе.

Мусинъ-Пушкинъ посѣщалъ гимназію не менѣе двухъ разъ въ недѣлю, а иногда ежедневно, по нѣскольку дней сряду. Это послѣднее случалось обыкновенно тогда, когда до него доходили слухи о неисправности какого-либо учителя, или о другихъ безпорядкахъ по гимназіи. Въ такомъ случаѣ онъ старался лично удостовѣриться въ этихъ слухахъ и пріѣзжалъ къ намъ, когда менѣе всего его ожидали. Посѣщенія его не были ревизіею, но постояннымъ наблюденіемъ. Пріѣзжая въ гимназію, онъ шелъ, по большей части, въ классы и обходилъ всѣ ихъ; потомъ останавливался въ которомъ-нибудь изъ нихъ и пробывалъ тамъ до окончанія урока. Онъ никогда не садился на стулъ; но слушалъ учителя или учениковъ стоя, хотя-бы урокъ продолжался часъ и болѣе.

Часто, прервавъ чтеніе учителя, онъ обращался къ ученикамъ съ вопросами и всѣ вялые или неточные отвѣты, а

тѣмъ болѣе совершенное познаніе предмета падали на отвѣтственность учителя, который тутъ же получалъ громкое замѣчаніе или выговоръ, нерѣдко въ весьма сильныхъ выраженіяхъ. Но учителя, зная характеръ попечителя, не обижались этимъ, да и ученики, по этой же причинѣ, не измѣняли своего уваженія къ наставникамъ. Попечитель съ своей стороны, не сохранялъ злобы къ получившему выговоръ учителю, но считалъ свои слова достаточно сильными, чтобъ понудить его къ лучшему преподаванію. — Я испыталъ это на себѣ, бывши уже учителемъ; но отъ этого благосклонное расположеніе ко мнѣ Михаила Николаевича и моя къ нему преданность ни сколько не измѣнились.

Иногда попечитель отправлялся прямо въ столовую или въ спальныя, обращая вниманіе на чистоту, на качество съѣстныхъ припасовъ, и пр. и пр. Словомъ, ни одного предмета гимназическаго вѣдомства не оставлялъ онъ безъ надзора и исправленія. А оттого, вся гимназія, по наружному виду, блестѣла какъ золото, кормили насъ хорошо и наставники были исправны.

Особенно онъ не любилъ, когда, прійдя въ классъ, не заставалъ тамъ опоздавшаго учителя: гонка за это была неминуемая, шумная и строгая. Но тѣмъ дѣло и оканчивалось: о предложеніяхъ, взысканіяхъ, арестахъ, вычетахъ изъ жалованія у насъ не было и помину.

Да вознаградитъ Господь Богъ на томъ свѣтѣ этого достойнаго человѣка!

Не было при немъ ни волненій, ни демонстрацій. Духъ Самодержавія, Православія и Народности, принятый нашимъ попечителемъ въ основу всѣхъ его дѣйствій и распоряженій, постоянно господствовалъ между нами. Духъ этотъ развилъ въ насъ теплую вѣру въ Бога и въ ученіе Святой Православной Церкви; внушилъ намъ непоколебимую любовь къ Престолу и Отечеству и сопутствуетъ до сихъ поръ оставшимся въ живыхъ на всѣхъ поприщахъ гражданской дѣятельности. Мы не вдавались въ утопіи, не выдумывали теорій,—но были счастливы! Не многіе оставили по себѣ такой нетлѣнный памятникъ, какъ Мусинъ-Пушкинъ!

Экзамены у насъ происходили два раза въ годъ: зимніе и лѣтніе. Первые предъ Рождествомъ, а вторые предъ началомъ лѣтней вакаціи, которая всегда начиналась съ 29-го іюня.

Для экзаменовъ не было особаго росписанія; но они производились въ тѣ же часы, которые были назначены для преподаванія каждаго предмета. Экзаменаторами были учителя старшихъ классовъ, такъ что учитель средняго русскаго экзаменовалъ учениковъ нижняго русскаго; учитель высшаго математическаго экзаменовалъ учениковъ средняго математическаго; старшій законоучитель экзаменовалъ учениковъ младшаго законоученія, и т. дал. Тѣ классы, которые имѣли по одному учителю, экзаменовались въ присутствіи инспектора, который иногда заходилъ и въ другіе классы во время экзаменовъ. Изрѣдка посѣщалъ экзамены директоръ и довольно часто попечитель, по своему обыкновенію.

Этому порядку не подчинялись только ученики всѣхъ высшихъ классовъ: для тѣхъ экзамены производились, по особому росписанію, въ большой залѣ, всегда въ присутствіи попечителя, который своею рукою отмѣчалъ въ спискѣ успѣхи учениковъ. Профессоры университета, каждый по своему предмету, тоже присутствовали при этихъ экзаменахъ и принимали въ нихъ участіе. Для испытанія въ Законѣ Божіемъ приглашался Преосвященный и старшее въ городѣ духовенство.

Экзамены, какъ тѣ, такъ и другіе, оканчивались за недѣлю до 29-го іюня. Въ эту недѣлю собирался ежедневно совѣтъ гимназіи, для перевода учениковъ въ старшіе классы и для опредѣленія имъ наградъ. Успѣхи учениковъ высшихъ классовъ разсматривались въ совѣтѣ университета, который заключалъ о пріемѣ достойныхъ въ университетъ и къ тому же времени сообщалъ о томъ гимназіи.

29-го іюня, въ память тезоименитаго возобновителя Казанской гимназіи, Императора Павла I, происходилъ всегда торжественный актъ, на который приглашались: епархіальный Архіерей, Губернаторъ, Ректоръ и всѣ члены университетскаго сословія, всѣ высшія власти, родственники учениковъ и проч.—Разумѣется, попечитель удостоивалъ своимъ посѣщеніемъ каждый актъ гимназіи.

Архіерей, попечитель и губернаторъ приглашались самимъ директоромъ. Къ прочимъ значительнымъ лицамъ города приглашенія отвозились учителями гимназіи; по городу же разсылались о томъ повѣстки.

На этихъ актахъ читались учителями приготовленныя ими рѣчи, произносились стихи и прозаическія привѣтствен-

ныя слова учениками, на всѣхъ преподаваемыхъ въ гимназіи языкахъ, не исключая восточныхъ, читался отчетъ о состояніи гимназіи и наконецъ раздавались награды, состоявшія изъ книгъ, большихъ и малыхъ похвальныхъ листовъ и похвальныхъ отзывовъ, или, какъ тогда выражались, публичной похвалы. (Медалей въ мое время еще не было; онѣ установлены уже послѣ). На хорахъ помѣщались пѣвчіе и музыканты, изъ гимназистовъ.

При входѣ Архіерея въ залу, пѣвчіе пѣли: «Днесь благодать Святаго Духа насъ собра» и проч. За тѣмъ, начиналась рѣчь учителя; послѣ него, рѣчи учениковъ; въ заключеніе отчетъ, въ которомъ произносились также имена удостоенныхъ перевода въ университетъ и въ высшіе классы гимназіи. Между рѣчами играла музыка, которая также играла тутъ при произнесеніи имени каждаго награжденнаго ученика.

Въ тотъ же день гимназія пустѣла, потому что всѣ ученики, имѣвшіе родственниковъ, отправлялись къ нимъ на вакацію; въ гимназіи оставались весьма не многіе, которые проводили вакаціонное время какъ обыкновенные праздничные дни, т. е. въ играхъ, прогулкахъ и изрѣдка въ легкихъ занятіяхъ.

Къ 1-му августа возвращались съ вакаціи и гимназическая жизнь входила вскорѣ въ обыденную колею. Для возвращенія съ вакаціи допускалась маленькая просрочка, до 7 дней.—Въ это время вносилась пансіонерами и полупансіонерами плата за первое полугодіе учебнаго года, а за второе полугодіе плата вносилась въ январѣ. Плата эта составляла: съ пансіонеровъ 600 руб. ассигн. въ годъ, съ полупансіонеровъ 350 руб. ассигн., своекоштные ничего не платили.

Сверхъ лѣтней вакаціи, была у насъ еще вакація зимняя, отъ 23 декабря до 7 января.—Имѣвшіе родныхъ не въ особо дальнемъ разстояніи отъ Казани отпускались къ нимъ на это время. Въ другое же время, ни на Пасху, ни на масленницу, воспитанниковъ изъ Казани не отпускали, а позволяли только отлучаться къ роднымъ и знакомымъ въ самомъ городѣ, и то, если воспитанникъ достоинъ этого по своимъ успѣхамъ и поведенію.

Я изложилъ здѣсь все, что могъ припомнить изъ времени своего ученія въ Казанской гимназіи. Перейдя изъ нея въ университетъ, въ 1831 году, я, по окончаніи университетскаго курса, съ степенью кандидата правъ, возвратился опять въ ту же гимназію, въ званіи старшаго учителя исторіи и статистики, 28 іюня 1835 года. Но прежде нежели обращусь къ этому періоду моей жизни, долженъ разсказать о трехъ событіяхъ, случившихся въ гимназіи во время моего въ ней ученія.

1) Въ началѣ 1829 года, мы узнали, что отъ гимназіи отнятъ титулъ Императорской, которымъ всѣ мы чрезвычайно дорожили. Намъ не было тогда извѣстно, по какой причинѣ это случилось; но, считая это какою-то опалою, мы горько сѣтовали объ утраченномъ титулѣ. Я помню, что вскорѣ послѣ этого событія, я писалъ объ немъ своей матери и буквально обливалъ письмо свое горькими слезами.— Потомъ, уже гораздо послѣ, мы узнали, что отнятіе титула не есть немилость къ гимназіи; но что это сдѣлано по неимѣнію въ гимназіи доказательствъ на право именоваться Императорскою.

Правда, мы нѣсколько утѣшились; но все-таки было горько!

2) Въ 1830 году Казань посѣтила страшная гостья— холера.

Сперва она появилась въ Казанскомъ уѣздѣ, особенно въ татарскихъ селеніяхъ. Для прекращенія ея, по требованію губернскаго начальства, были командированы изъ университета два только что кончившіе курсъ врача: Пупыревъ и Утробинъ, незадолго предъ тѣмъ назначенный къ намъ ординаторомъ больницы, въ помощь профессору Лентовскому. Потомъ мы узнали, что Пупырева, едва живаго, привезли въ Казань, а Утробинъ умеръ въ какой-то деревнѣ.

Вслѣдъ за тѣмъ (это было раннею осенью, по возвращеніи учениковъ съ вакаціи) холера стала показываться въ Казани. Тогда еще были убѣждены въ прилипчивости этой болѣзни, а потому гимназію тотчасъ же закрыли, классы прекратили и живущихъ въ ней отлучили отъ всякаго сообщенія съ постороннимъ міромъ.

Директоръ, со всѣмъ своимъ семействомъ и съ прислугою, переѣхалъ жить изъ своего дома въ гимназію и помѣстился въ верхнемъ этажѣ, гдѣ была прежде контора.—Так-

же помѣстились въ гимназіи, въ одной комнатѣ нижняго этажа, два учителя: Скорняковъ и Верниковскій. Они были дружны между собою, и въ городѣ жили на одной квартирѣ.

Больница оставалась въ томъ же домѣ, противъ главнаго корпуса, на углу, и ее ежедневно посѣщалъ профессоръ Лентовскій; но въ самую гимназію его не впускали; а, въ случаѣ надобности, переговаривались съ нимъ чрезъ стекло подъѣзда.

Провизію для стола закупалъ экономъ и два служителя; но всѣ они жили въ это время на заднемъ дворѣ, ни съ кѣмъ изъ живущихъ въ гимназіи сообщенія не имѣли и къ намъ не показывались.

Такимъ образомъ, мы просидѣли взаперти болѣе двухъ мѣсяцевъ, и во все это время сперва вовсе не учились, а потомъ слегка занимались подъ руководствомъ жившихъ съ нами учителей. Изъ нихъ, Верниковскій, за отсутствіемъ учителя музыки, управлялъ нашимъ хоромъ. Онъ же устроивалъ изъ гимназистовъ домашніе спетакли, въ большой залѣ, которые посѣщались директоромъ, его семействомъ и всѣми обитателями нашей колоніи. Давали нѣсколько разъ Недоросля, Фонъ-Визина, комедію: Романъ на большой дорогѣ и друг.—Кромѣ этого времени, никогда спектаклей въ гимназіи не было. О холерѣ мы почти вовсе не слыхали, не думали о ней и были совершенно спокойны. Въ первые дни нашего заключенія мы потревожились было не много смертію солдата Шапова, лѣтъ болѣе 60-ти, который, будучи часовымъ на парадномъ крыльцѣ, заболѣлъ и на другой день умеръ. Кромѣ его, никто изъ живущихъ въ гимназіи не былъ даже болѣнъ холерою; прихворнулъ, правда, ученикъ Смирновъ; но оказалось, что у него не холера, а какая-то другая болѣзнь.

Съ гимназіи сняли карантинъ, которымъ, впрочемъ, мы были весьма довольны, въ первой половинѣ октября. Я помню, что 13-го числа этого мѣсяца, въ день своего рожденія, я въ первый разъ вышелъ изъ гимназіи на вольный воздухъ, и тогда въ городѣ было уже все спокойно.

Изъ учителей мы не досчитались священника Головцева.

3) Въ 1831 году, не задолго до годовыхъ экзаменовъ, вышло постановленіе, чтобъ въ университетъ не принимать молодыхъ людей, не достигшихъ 16-ти лѣтняго возраста.

Это было для меня страшнымъ ударомъ, потому что мнѣ не доставало около полгода до 16-ти лѣтъ! Я считался однимъ изъ лучшихъ учениковъ гимназіи, твердо надѣялся на поступленіе въ университетъ, увѣрилъ въ томъ свою мать и брата, замѣнившаго мнѣ отца. И вдругъ, такое разочарованіе.... Я былъ какъ помѣшанный: ходилъ изъ угла въ уголъ и безпрестанно плакалъ. Наконецъ директоръ доложилъ о моемъ состояніи попечителю, который, въ одно изъ посѣщеній своихъ гимназіи, призвалъ меня къ себѣ и сказалъ торжественно: «утѣшься! даю тебѣ слово, что ты будешь студентомъ». И въ самомъ дѣлѣ, въ видѣ особаго изъятія, меня приняли въ университетъ, но до 13-го октября считали вольнымъ слушателемъ и въ списки студентовъ не вносили. Только за октябрь 1831 года я въ первый разъ показанъ по этимъ спискамъ студентомъ нравственно-политическаго отдѣленія.

XII.

1) Подписка чиновъ гимназіи на открытіе памятника Державину.— 3) Отчетъ, читанный въ торжественномъ собраніи 1832 г. Составъ воспитанниковъ въ этомъ году.—3) Содержаніе гимназіи и составъ библіотеки.— 4) Вновь опредѣленные въ гимназію учители и надзиратели. — 5) Составъ воспитанниковъ гимназіи въ 1833 и 1834 годахъ —6) Ученые труды учителей гимназіи.—7) Уклоненіе ученика отъ Православія въ лютеранство.— 8) Пропускъ учителями уроковъ въ гимназіи съ февраля до ноября 1834 г. и распоряженіе по этому поводу попечителя.—9) Распоряженіе министра Уварова о строгой разборчивости при опредѣленіи иностранцевъ въ наставники.—10) Составъ чиновъ гимназіи къ концу 1834 г. — 11) Число уроковъ и учениковъ въ каждомъ классѣ.—12) Ученики, учившіеся въ 1834 г. и живущіе нынѣ въ Казани —13) Торжественное собраніе въ гимназіи и читанныя на немъ рѣчи.—14) Книги, выписанныя въ гимназіи въ 1834 году.— 15) Администрація гимназіи и мѣры наказанія.—16) Помѣщеніе гимназіи.— 16) Штатныя и другія суммы.—18) Пожертвованіе разныхъ предметовъ.— 19) Недвижимое имущество.—20) Библіотеки, кабинеты и другія учебныя пособія.—21) Предметы ученія и раздѣленія на классы.—22) Чиновники и служители гимназіи.—23) Число учениковъ въ гимназіи съ 1799 по 1835 годъ.

Начало 1832 г. ознаменовалось стараніемъ попечителя соорудить памятникъ Державину. Еще въ 1825 г. на публичномъ торжествѣ, бывшемъ въ присутствіи Магницкаго и

губернатора Жмакина, возникла первоначальная мысль, по предложенію бывшаго директора Лажечникова, о сооруженіи монумента «пѣвцу Екатерины»; по окончаніе этого дѣла послѣдовало только въ 1832 г. По этому поводу попечитель Мусинъ-Пушкинъ писалъ директору Галкину 24 мая:

«Безсмертный Россійскій поэтъ, Гаврила Романовичъ Державинъ, родился въ Казани и воспитывался первоначально въ гимназіи сего города.

Казанское Общество Любителей Отечественной Словесности предположило соорудить сему знаменитому мужу въ Казани памятникъ.

Предположеніе сіе удостоилось Высочайшаго утвержденія, и Его Императорское Величество, по ходатайству Г. М. Н. П., Высочайше дозволилъ открыть по всему государству подписку на сооруженіе памятника.

Дальнѣйшія по сему предмету распоряженія возложены на меня».

Члены гимназіи, приглашенные попечителемъ принять участіе въ сооруженіи памятника Державину, пожертвовали: директоръ Галкинъ—20 р. ас.; инспекторъ Васильевъ—10 р.; главный надзиратель Гине—15 р.; учители: Фойгтъ—10 р.; Покровскій—2 р.; Крыловъ—5 р.; Топорнинъ—10 р.; Скорняковъ—5 р.; Лукашевскій—5 р.; Ананьинъ—2 р.; Бакакинъ—25 р.; Мельниковъ 10 р,;—всего 119 руб.

Пожертвованныя деньги отправлены къ попечителю, о чемъ гимназія заявила въ своемъ отчетѣ, читанномъ въ торжественномъ собраніи 29 іюня. Отчетъ этотъ замѣчателенъ тѣмъ, что онъ, представлялъ полную картину жизни гимназіи, вмѣстѣ съ тѣмъ коснулся въ концѣ и важнаго событія въ Россіи—возстанія Польши въ 1831 г., предостерегая въ особенности кончившихъ тогда курсъ въ гимназіи воспитанниковъ—быть вѣрными Царю, Религіи и Отечеству. Прекрасный примѣръ для юношества! Вотъ подлинныя слова:

«Благородное юношество, воспитывающееся въ сей гимназіи подъ кровомъ мудраго Монарха—Отца, при неусыпномъ попеченіи о васъ вашего начальства! Нѣтъ мнѣ надобности исчислять предъ Вами тѣ обильные сладкіе плоды, которые въ будущности готовятъ для Васъ и чрезъ Васъ и для отечества вашего истинное образованіе; для васъ поднята была мрачная завѣса со времени прошедшаго, когда раздоры претворяли земли въ вертепы разбойниковъ, въ сборище всѣхъ

пороковъ и ужасовъ,—когда повсюду царствовалъ кровавый духъ заговора, не было вѣрности, стыда и религіи, когда ни святости дружбы и гостепріимства, ни узы родства, ни нѣжность пола и возраста — ничто не могло удержать руки мстителя; когда отецъ на смертномъ одрѣ бралъ клятву съ сына питать непримиримую вражду къ ненавистному племени, которому, по не счастію или не осторожности, одинъ изъ членовъ нанесъ оскорбленіе, и клятва сія, а съ нею и вражда, переходя изъ рода въ родъ, прекращалась только съ совершеннымъ истребленіемъ которой нибудь враждующей стороны—для васъ поднята, говорю, была завѣса съ того плачевнаго времени, и кто изъ васъ послѣ сего не возчувствуетъ въ душѣ своей такой благодарности къ Виновнику нашего благополучія, ревностно пекущемуся объ истинномъ образованіи своего народа,—образованіи, которое такъ явственно смягчаетъ загрубѣлыя сердца народа, связываетъ между собою всѣхъ и каждаго, и тѣмъ благосостояніе нашего отечества уже поставлено на прочномъ основаніи.

Спокойно нынѣ вкушая сладкіе плоды образованія въ семъ святилищѣ наукъ, кто изъ васъ вездѣ и во всякое время не будетъ просить Господа Вседержителя о сохраненіи дражайшей жизни возлюбленнаго Его Помазанника, Благочестивѣйшаго Нашего Императора Николая?. Да будетъ всегда вашею къ нему краткою молитвою: «Боже, царя храни»!

Дѣятельность гимназіи по этому отчету представляетъ слѣдующее:

По Высочайшему повелѣнію присланы были въ гимназію 4 воспитанника оренбургскаго военнаго Неплюевкаго училища для обученія латинскому языку и тѣмъ предметамъ, которые необходимы для изученія медицины въ университетѣ.

Для преподаванія русскаго языка введена грамматика Востокова.

Директоръ и 6 учителей произведены въ слѣдующіе чины.

Директору объявлено Высочайшее благоволеніе за предохраненіе гимназіи отъ холеры. Преподаватель Каземъ-бекъ Высочайше награжденъ 400 р., а Скорняковъ—300 руб.

Въ теченіе года пожертвованы разными лицами книги и деньгами 166 р.

Построены для воспитанниковъ желѣзныхъ кроватей на 2 т. руб., куплены зеркальныя лампы и мѣдныя подсвѣчники на 240 руб.

Число воспитанниковъ въ гимназіи къ 1-му сентября 1832 года было:

Казенныхъ	47
Пансіонеровъ	7
Полупансіонеровъ	40
Кандидатовъ	50
Своекоштныхъ	69
Кантонистовъ	19
Всего	332

Съ 15 сентября 1832 г. по 15-е сентября 1833 года вновь поступило:

На казенное	3
— полупансіонерное	14
— пансіонерное	1
— своекоштныхъ	60
Всего	78

Въ теченіе сего же времени выбыло вовсе изъ гимназіи:
Кончившихъ курсъ съ аттестами:
1) Въ студенты Казанскаго университета:

Казеннокоштныхъ	12
Пансіонеровъ	2
Полупансіонеровъ	4
Своекоштныхъ	17

2) Въ другія учебныя заведенія и на службу:
Казеннокоштныхъ 2 (въ учители).
Своекоштныхъ: изъ дворянъ 5, кантонистовъ 5 (въ учители).

Неокончившихъ курса:

Казенныхъ	3	(въ учители 1, 1 умеръ, 1 по болѣзни).
Пансіонеровъ	1	
Полупансіонеровъ	5	
Своекоштныхъ	45	

(Въ томъ числѣ заключалось: умершихъ 3, исключенный за дурную нравственность 1, за лѣность и нехожденіе въ классъ 11 челов. Прочіе же вышли по желанію ихъ родителей, большею частію, для поступленія въ службу; такъ въ 1833 г. вышли изъ гимназіи Валерьянъ и Павелъ Филиповичи и поступили въ дворянскій полкъ.

Всего выбыло 101 челов. Затѣмъ осталось къ 15 сентября 1833 г.

Казенныхъ	50
Пансіонеровъ	6
Полупансіонеровъ	31
Своекоштныхъ	209
Всего	296

Изъ нихъ дворянъ 107, оберъ-офицерскихъ дѣтей 134, купеческихъ 12, мѣщанскихъ 10, приказнослужительск. 6, изъ иностранцевъ 11, вольноотпущенныхъ 3, экономическихъ крестьянъ 1, духовнаго званія 1, калмыцкаго войска 2, сынъ казака 1, сынъ мещеряка 1, и 6 кантонистовъ.

На содержаніе гимназіи употреблено было 54,371 р. 35 к. Въ фундаментальной библіотекѣ находилось 1336 книгъ, да въ ученической библіотекѣ 3794, всего примѣрно на сумму 17387 р. 95 к.

Изъ распоряженій м. н. п. и училищнаго комитета замѣчательно: 1) приглашеніе учителямъ гимназіи участвовать своими литературными трудами въ журналѣ м. н. п., начавшемъ издаваться при управлявшемъ министерствомъ Сергѣѣ Уваровѣ, 2) доставленіе въ училищный комитетъ свѣдѣній о числѣ уроковъ, пропущенныхъ учителями въ каждый мѣсяцъ. Изъ представленной по этому поводу вѣдомости за ноябрь мѣсяцъ видно, что учители пропустили только 22 урока, по болѣзни. Изъ этого можно заключить, что учители аккуратно посѣщали занятія въ классахъ, потому что 22 урока, пропущенные въ теченіи мѣсяца въ 36 классахъ, гораздо менѣе числа уроковъ, пропущенныхъ чрезъ 16 лѣтъ въ 7 классахъ въ 1850 г., такъ въ январѣ того года пропущено 112. 3) по Высочайшему повелѣнію, отмѣнено преподаваніе военныхъ наукъ въ гимназіи и 4) при опредѣленіи воспитанниковъ въ гимназію съ 1833 г. стали требовать свидѣтельства о привитіи оспы.

До совершеннаго преобразованія гимназіи въ 1835 г. вновь опредѣлены учителями:

1) Нѣжинскій грекъ Иванъ Настовъ—учителемъ греческаго языка вмѣсто Михаила Грацинскаго съ 8 октября 1833 г. Онъ былъ родомъ изъ Молдавіи города Яссъ и родился въ 1809 году; онъ учился сперва въ Одесскомъ греческомъ коммерческомъ училищѣ, а потомъ въ Казанскомъ университетѣ, но не кончилъ курса.

2) Губернскій секретарь Потоцкій—учителемъ чистописанія съ 3-го марта 1833 г., а въ 1834 г. ему порученъ классъ нижняго латинскаго.

3) Вмѣсто умершаго учителя Эмке опредѣленъ учителемъ Норманъ, а вмѣсто послѣдняго опредѣленъ послѣ Людвигъ Шмидтъ съ 28 іюня 1834 г. Онъ былъ родомъ изъ Виртемберга, сынъ пастора.

4) Учителемъ нижняго нѣмецкаго класса опредѣленъ съ 14 октября 1833 г. Карлъ Гартманъ; родомъ изъ Голштинской націи, учился въ Дерптской и Казанской гимназіяхъ.

5) Учителемъ арабскаго языка опредѣленъ 10-го ноября 1834 г. Михаилъ Первухинъ, изъ Вятской губерніи, учился въ Казанской гимназіи и въ Казанскомъ университетѣ.

6) Учителемъ чистописанія опредѣленъ 2-го сентября 1833 г. Свіяжскій уѣздный учитель Николай Митяшинъ, изъ вольно-отпущенныхъ Пермской губерніи и учился въ Казанскомъ университетѣ.

7) Нижняго россійскаго класса опредѣленъ Иванъ Соколовъ 28 іюня 1834 г. и Колпиковъ.

Такимъ образомъ состояніе гимназіи къ концу 1833 г. было: директоръ 1, инспекторъ 1, главный надзиратель 1, учителей и чиновниковъ 46. Учениковъ поступило въ 1833 г. 71. Изъ нихъ дворянъ 24, оберъ-офицерскихъ дѣтей 25, купцовъ 3, мѣщанъ 6, вольноотпущенный 1, приказнослужителей 1, экономическихъ крестьянъ 1, иностранцевъ 3, кантонистовъ 5, калмыцкаго войска 2; выбыло: 94, изъ нихъ по окончаніи курса 56. Затѣмъ къ 1834 г. въ гимназіи состояло: 276. Изъ нихъ дворянъ 104, оберъ-офицерскихъ дѣтей 122, купеческаго званія 8, мѣщанскаго 12, разночинцевъ 18, и кантонистовъ 12.

Въ фундаментальной библіотекѣ находилось названій книгъ 549 томовъ, 1336 назв. Изъ нихъ на русскомъ языкѣ 614, древнихъ классическихъ 273, новѣйшихъ европейскихъ 428, азіятскихъ 21. Въ ученической библіотекахъ: 238 названій, 3794 тома, въ физическомъ кабинетѣ орудій 61, въ минералогическомъ кабинетѣ штуфовъ 733.

Изъ ученыхъ трудовъ учителей замѣчательны:

1) Покровскій написалъ статью о кристаллографіи.

2) Топорнинъ написалъ рѣчь о пользѣ исторіи, напечатанную въ Заволжскомъ Муравьѣ и статью о погребеніи у древнихъ народовъ.

3) Митяпинъ напечаталъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ мелкія стихотворенія и басни какъ оригинальныя, такъ и переводныя.

4) Матвѣй Крыловъ написалъ стихотворенія, выражающія чувствованія Россіянина въ Польшѣ; всѣ они были напечатаны въ прибавленіяхъ къ Казанскому Вѣстнику за 1831 годъ.

5) Вериковскій составилъ переводъ главнѣйшихъ одъ Пиндара въ стихахъ и прозѣ, на польскомъ языкѣ, напечатанныхъ въ Вильнѣ 1824 г., а другія стихотворенія помѣстилъ въ Заволжскомъ Муравьѣ. За ученые труды свои и занятія въ гимназіи нѣкоторые изъ учителей удостоились чрезъ представленіе попечителя получить Высочайшія награды, такъ преподаватель Персидскаго языка Фойгтъ получилъ въ 1833 г. брилліантовый перстень съ топазомъ, а въ 1834 г. за успѣхи въ преподаваніи и за безмездное исправленіе должности секретаря въ совѣтѣ гимназіи учитель Иванъ Грацинскій и Фойгтъ Всемилостивѣйше пожалованы были золотыми часами съ цѣпочками.

Обязательное изученіе учениками лютеранскаго и католическаго исповѣданій Закона Божія въ классахъ законоучителя гимназіи православнаго исповѣданія имѣло послѣдствіемъ открытія ученика, желавшаго уклониться отъ православія въ лютеранство: 20 января 1834 г. инспекторъ Васильевъ донесъ совѣту гимназіи, что одинъ изъ своекоштныхъ учениковъ А. Г. не ходитъ въ классъ Закона Божія, хотя инспекторъ неоднократно побуждалъ его къ исправному хожденію. По справкѣ оказалось, что отецъ его, лютеранскаго исповѣданія, не дозволялъ сыну, принявшему въ младенчествѣ Св. Крещеніе отъ священника Православной Церкви, ходить въ классъ Закона Божія.

Еще 19 января 1833 года Казанскій Архіепископъ Филаретъ доносилъ Святѣйшему Синоду о желаніи этого ученика исповѣдывать лютеранскую евангелическую вѣру; но Св. Синодъ предложилъ преосвященному Филарету—обязать ученика остаться въ нѣдрахъ Православной Церкви. Для наставленія ученика въ правилахъ христіанской церкви, онъ былъ порученъ протоіерею Петропавловскаго собора Виктору Петровичу Вишневскому; но послѣдній донесъ, что ученикъ къ нему не является, и потому консисторія возложила обязанность наставленія ученика въ правилахъ Православной Цер-

кви на законоучителя гимназіи Розова. Но за всѣмъ тѣмъ ученикъ не являлся въ классъ законоучителя, и потому онъ, по опредѣленію совѣта гимназіи, былъ исключенъ изъ нея 15 іюня 1834 г. Но отецъ исключеннаго вошелъ съ жалобою въ совѣтъ гимназіи, требуя объясненія причины исключенія сына его. Совѣтъ гимназіи далъ знать чрезъ полицію отцу исключеннаго ученика, что причиною исключенія А. Г. служило нехожденіе его въ классъ Законоученія, чѣмъ дѣло и кончилось.

Состояніе гимназіи въ 1834 г. представляется въ переходномъ положеніи: съ будущаго года предположено окончательно преобразовать гимназію по уставу 1828 г.; преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ прекратилось въ 1834 г.; такъ по предписанію м. н. п., прекращено съ ноября 1834 года преподаваніе естественной исторіи ([73]), и часы изученія этого предмета распредѣлены были между учителями математики и латинскаго языка; нѣкоторые изъ учителей должны были оставить службу въ гимназіи, по случаю сокращенія штатовъ. Нѣкоторые изъ учителей стали даже пропускать уроки въ гимназіи; такъ съ февраля до ноября 1834 г. пропустили уроки:

Мельниковъ	17	Павловскій	5
Топорнинъ	13	Колниковъ	4
Винокуровъ	12	Полиновскій	4
Гартманъ	12	Онисифоровъ	4
Эмке	11	Ролланъ	3
Лукашевскій	9	Гиле	3
Рыбушкинъ	8	Верниковскій	2
Юферовъ	7	Норманъ	2
Крыловъ	6	Кайсаровъ	1
Тефлингеръ	6	Телешевъ	1
Потоцкій	5	Соколовъ	1

Такой пропускъ уроковъ учителями не могъ не быть замѣченнымъ попечителемъ, который, разсмотрѣвъ вѣдомости о небывшихъ въ классахъ учителяхъ Лукашевскомъ 8 разъ и Мельниковѣ 4 раза въ октябрѣ мѣсяцѣ, предписалъ директору подтвердить этимъ наставникамъ, чтобы на будущее вре-

([73]) Дѣла архива Каз. гимназіи, 1834 г., № 219.

мя они посѣщали прилежнѣе назначенныя имъ въ классахъ лекціи; въ противномъ же случаѣ, писалъ попечитель, что онъ будетъ принужденъ принять въ отношеніи учителей, не посѣщающихъ усердно своихъ классовъ, строжайшія мѣры. Кромѣ того, для побужденія учителей къ усердному исполненію обязанностей, училищный комитетъ, желая замѣнить денежныя пѣни за медленность и нерадѣніе другими взысканіями, между прочимъ, назначилъ имѣть въ каждомъ учебномъ заведеніи особыя шнуровыя книги для означенія въ нихъ выговоровъ, чиновникамъ дѣлаемыхъ ([74]). За иностранцами, обучавшими дѣтей въ домахъ, по распоряженію министра народнаго просвѣщенія тайн. сов. Уварова, утвержденнаго въ этомъ званіи 19 апрѣля 1834 г., предложено было, на основаніи Высочайшаго указа сенату отъ 25 марта 1834 г., и на основаніи указа 1828 г. съ строгою разборчивостью допускать этихъ иностранцевъ къ званію наставниковъ, какъ въ учебныхъ заведеніяхъ, такъ и въ частныхъ домахъ: «Мы считаемъ за благо, говориться въ указѣ м. н. п. отъ 12 іюня 1831 г., при умноженіи всѣхъ средствъ для публичнаго воспитанія необходимыхъ, обратить Наше вниманіе и на домашнее, и подтверждая во всей силѣ всѣ вышеприведенныя узаконенія объявить, что во всей Имперіи строго воспрещаемъ принимать въ домы дворянъ, чиновниковъ и купцовъ, иностранцевъ обоего пола, не получившихъ аттестатовъ отъ русскихъ университетовъ на учительскія, наставническія или гувернерскія званія и не имѣющихъ требуемыхъ указомъ 12 іюля 1831 г. свидѣтельствъ о нравственности и поведеніи, съ тѣмъ, чтобъ при нарушеніи сего постановленія отвѣтственность по законамъ, относима была какъ на лицѣ родителя, принявшаго въ домъ свой иностранца безъ аттестата, такъ и на лицѣ сего послѣдняго, вступившаго противузаконно въ обязанности наставника или гувернера».

Составъ гимназіи къ концу 1834 г. былъ слѣдующій:

Почетный попечитель	1
Директоръ	1
Инспекторъ	1
Главный надзиратель	1
Старшихъ учителей	7
Законоучителей	2
Младшихъ учителей	11

([74]) Дѣла архива канцеляріи, 1834 г., № 30.

Учителей рисованія 2
Учителей нижнихъ и начальныхъ классовъ, сравненныхъ съ учителями уѣздныхъ училищъ 9
Комнатныхъ надзирателей 4
изъ нихъ трое изъ учителей
Дежурный офицеръ............ 1
Казначей 1
Экономъ..................... 1
Докторъ..................... 1
Квартирмейстеръ............... 1
Архитекторъ 1
Секретарь конторы 1
Канцелярскихъ служителей 3
Учитель музыки 1
Учитель танцованія 1

Учениковъ къ 1 января 1835 г. было 276 чел. изъ нихъ:
Дворянъ 104
Оберъ-офицерскихъ.......................122
Купеческаго званія...................... 8
Мѣщанскаго званія...................... 12
Разночинцевъ, т. е. приказнослужительскихъ дѣтей, нижнихъ чиновъ калмыцкаго войска, Иностранцевъ и крестьянъ 18
Кантонистовъ 12

Съ 1-го января 1834 по 1 января 1835 г. выбыло вовсе изъ гимназіи учениковъ 79 человѣкъ; изъ нихъ:

а) По окончаніи курса ученія съ одобрительными свидѣтельствами:

Изъ дворянъ 11
— оберъ-офицерскаго званія .. 12
— купеческаго званія 3
— разночинцевъ 2
— кантонистовъ 1

Кромѣ сего: 1) переведены: 2 пансіонера Неплюевскаго училища въ Оренбургѣ безъ свидѣтельствъ по экзамену въ университетъ, для слушанія медицинскихъ лекцій; 2) двое учениковъ уволены безъ свидѣтельствъ, потому что, бывши во всѣхъ высшихъ классахъ, одинъ изъ нихъ находился въ среднемъ французскомъ классѣ, а другой не учился нѣмецкому языку 4

Всего....33

b) До окончанія курса ученія 46 челов., а именно: въ учители 2, умерло 4, исключено за нехожденіе въ классы 15 челов., а прочіе 25 челов. выбыли по желанію родителей для опредѣленія большею частію къ должностямъ. Изъ числа этихъ 46 челов., было: дворянъ 15, оберъ-офицерскихъ дѣтей 21, купеческаго званія 3, мѣщанъ 2, разночинцевъ 4 и кантонистовъ 1.

Поступило въ теченіе года 61 челов. а именно:

Дворянъ	23
Оберъ-офицерскихъ дѣтей	21
Купеческаго	2
Мѣщанъ	3
Иностранцевъ	3
Кантонистовъ	8
Дѣтей нижнихъ чиновъ калмыцкаго войска	1

Въ каждомъ классѣ число уроковъ и учениковъ было слѣдующее:

1) Изъ Закона Божія въ старшемъ: урок. 65, учен. 128, въ младшемъ: урок. 65, учениковъ 134, ученики лютеранскаго исповѣданія учились у пастора Фирека.

2) Изъ математики во всѣхъ классахъ: уроковъ 512, учениковъ 279.

3) Изъ физики: уроковъ 59, учен. 60.

4) Изъ логики: уроковъ 59, учен. 69.

5) Изъ географіи: уроковъ 184, учен. 201.

6) Изъ исторіи: уроковъ 127, учен. 150.

7) Изъ русскаго: уроковъ 492, учен. 286. Учебныя руководства были:

1) Грамматика Востокова, 2) славянская грамматика Пенинскаго, 3) общая риторика Кошанскаго и 4) стихосложеніе Никольскаго.

8) Изъ латинскаго языка уроковъ 357, учен. 273.

9) Изъ греческаго языка уроковъ 103, учен. 22.

10) Изъ французскаго языка уроковъ 362, учен. 266.

11) Изъ нѣмецкаго языка уроковъ 241, учен. 356.

12) Изъ татарскаго языка уроковъ 64, учен. 17.

13) Изъ арабскаго языка уроковъ 63, учен. 16.

14) Изъ персидскаго языка уроковъ 56. учен. 16.

15) Изъ монгольскаго языка уроковъ 92, учен. 9.

16) Изъ чистописанія уроковъ 130, учен. 120.

17) Изъ рисованія уроковъ 224, учен. 132.

18) Изъ музыки уроковъ 62, учен. 18.

19) Изъ танцованія уроковъ 54, а обучались только казеннокоштные, пансіонеры и полупансіонеры, а своекоштные не изъявили желанія. Закрыты были въ 1834 г. классы военныхъ наукъ и естественной исторіи; а вновь учрежденъ классъ монгольскаго языка.

Отличившихся очень хорошими успѣхами было 15 челов., хорошихъ 133, посрдственныхъ 109, по поведенію: отличныхъ и хорошихъ 237, посредственныхъ 39. Не оказали успѣховъ въ ученіи: по неспособности и болѣзненному состоянію 3 челов. по лѣности, по рѣдкому хожденію въ классы, а также и по бѣдности, не имѣя всѣхъ классическихъ пособій, а иногда и обуви или платья 16 человѣкъ.

Изъ числа учениковъ, учившихся въ 1834 году въ гимназіи, въ настоящее время извѣстны, а нѣкоторые и нынѣ живутъ въ Казани:

1) Аполлонъ Билетовъ, Викторъ Басвъ, Николай Блюменталь, Викторъ Ильинъ, Александръ Тиховидовъ, Иванъ Холмогоровъ, Петръ Шляпниковъ, Иванъ Веретенниковъ, Александръ Кунавинъ, Владиміръ Михайловъ, Михаилъ Навроцкій, М. Никитинъ, Птенцовъ, Эдуардъ Фишеръ, Александръ и Николай Аристовы, Василій Безобразовъ, Николай Второвъ, Гельманы, Диттель, Иванъ Зейдерштетъ (проф. Казан. у—та), Василій Карташевъ (бывшій въ Казани полицій-мейстеромъ), Ладухинъ, Владиміръ Нечаевъ, Петонди Александръ, Ремезовъ, Александръ Тимоѳеевъ, Викторъ Чернобровинъ и Гавріилъ Гарталовъ.

Торжественное собраніе происходило въ томъ же порядкѣ, какъ и прежде; рѣчи произнесены были учителями Мельниковымъ и Митянинымъ; первымъ на тему: «Распредѣленіе естественныхъ произведеній по климатамъ»; а вторымъ: «Сколь полезно для государствъ увѣковѣчивать заслуги знаменитыхъ мужей памятниками; ибо чрезъ сіе усиливается патріотизмъ въ народѣ». Ученическія рѣчи произносились на всѣхъ тѣхъ языкахъ, которые изучались въ гимназіи; вотъ переводъ арабской рѣчи: «Въ разсадникѣ цвѣтовъ, порожденныхъ теплотворною силою ума человѣческаго, красуются предъ прочими игривыя чада Востока—ихъ гармоническое краснорѣчіе, ихъ видовая изящность, ихъ, такъ сказать, пламенное дыханіе дарятъ усладою сердце, несутъ пищу фантазіи! Онѣ красу-

ются, въ полномъ блескѣ на природной почвѣ; такъ сіяютъ онѣ лучезарными красками Востока! Но неужели перенесенные въ умѣренный поясъ и пересаженные въ садъ наукъ Россіи, онѣ теряютъ свою изящность и неподражаемую привѣтливость?—Нѣтъ!—Покровъ Божій надъ ними, и рука Августѣйшей тѣни Всевышняго, Властелина трехъ земныхъ климатовъ, Николая Перваго, изливаетъ на нихъ животворную росу Его отеческой попечительности».

Вообще успѣхи учениковъ, при бдительномъ надзорѣ попечителя Пушкина, должны были быть удовлетворительные, потому что составъ наставниковъ былъ въ научномъ отношеніи весьма хорошій, и большая часть изъ нихъ или занимали каѳедры въ университетѣ, или назначались изъ лучшихъ кандидатовъ и студентовъ; такъ Гипс былъ кандидатъ правъ, Иванъ Грацинскій—кандидатъ словесныхъ наукъ, Юферовъ—магистръ Математики, Лукашевскій—кандидатъ правъ Виленскаго университета, законоучитель Розовъ—магистръ Московской духовной академіи, Мельниковъ — физико-математическихъ наукъ, Макаровъ—дѣйствит. студентъ физико-математическихъ наукъ, Крыловъ — дѣйствит. студентъ словесныхъ наукъ, Скорняковъ—дѣйств. студентъ слов. наукъ, Телешевъ—дѣйствительн. студентъ слов. наукъ, Потоцкій—дѣйствительн. студ. слов. наукъ, Топорнинъ—дѣйствит. студентъ, Фойгтъ—кандидатъ восточной словесности, Первухинъ—дѣйствит. студентъ словесныхъ наукъ, Злыгостевъ—дѣйствит. студ.; кромѣ того, занимались преподаваніемъ въ гимназіи нѣкоторые изъ преподавателей университета. Обогащеніе гимназической библіотеки книгами также содѣйствовало къ лучшему образованію воспитанниковъ; такъ въ 1834 г. выписаны слѣдующія учебныя пособія:

1) Сочиненія Ледебура и Эштольца.

2) Руководство къ геометрическому черченію Зенфа.

3) Россійская хрестоматія Пенинскаго.

4) Нѣмецкій атласъ географическихъ картъ.

5) Продолженіе всеобщей исторіи просвѣщенныхъ народовъ.

6) Гимнастика для юношества.

8) Правила для учащихся.

9) Нѣмецкая грамматика Гаке.

10) Академія наукъ прислала въ даръ гимназіи нѣкоторыя учебныя пособія; въ числѣ ихъ былъ лексиконъ Волчкова.

11) Изъ періодическихъ изданій выписывались въ 1833 г. слѣдующія: 1) Сѣверная Пчела, 2) Библіотека для чтенія, 3) Дѣтскій журналъ и 4) журналъ министерства народнаго просвѣщенія ([75]).

Администрація по письмоводству конторы и совѣта была многосложна; такъ входящихъ нумеровъ было 1822; изъ нихъ рѣшенныхъ и исполненныхъ 1400, принято къ свѣдѣнію 384, осталось 38. Исходящихъ было 2562; ревизіи дѣлъ въ гимназіи не было ([76]).

Мѣры къ исправленію учениковъ вообще употреблялись: a) на основаніи устава для народныхъ училищъ, постановленіе въ уголъ на колѣни и задержаніе въ гимназіи; b) по мѣстному распоряженію для живущихъ въ гимназіи: лишеніе стола, тюфяка и отпуска въ воскресные и праздничные дни къ родителямъ, родственникамъ и проч. c) По предписанію г. министра народнаго просвѣщенія—арестованіе въ свѣтломъ и темномъ карцерахъ и исключеніе изъ гимназіи, d) по довѣренности и просьбѣ родителей—розги, только не публично.

Ученики, окончившіе курсъ въ гимназіи, переводились въ студенты въ Императорскій Казанскій университетъ, и казенные помѣщались въономъ на казенный же коштъ, преимущественно предъ другими учениками этой и прочихъ гимназій. Не окончившихъ курса казенные ученики, безнадежные для дальнѣйшихъ успѣховъ, назначались, судя по способности, въ учители уѣздныхъ училищъ и въ письмоводители Казанской и другихъ дирекцій, подвѣдомственныхъ Казанскому университету; въ первомъ случаѣ снабжались они по 150 руб. на экипировку, по утвержденному представленію г. попечителя въ декабрѣ мѣсяцѣ 1821 года г., министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Въ случаѣ же явной неспособности казенныхъ учениковъ, гимназія должна была съ разрѣшенія университета во 2-й или въ 1-й же годъ ихъ ученія исключать изъ казеннаго содержанія, по предписанію г. министра народнаго просвѣщенія отъ 26 марта 1827 года.

Учители Казанской гимназіи по собственнымъ домамъ, пенсіямъ и чинамъ пользовались всѣми преимуществами, въ

([75]) Дѣла архива Казанск. гимназіи 1834 г., № 218.
([76]) Тоже № 222.

разныя времена Всемилостивѣйше дарованными по министерству просвѣщенія, особенно съ 11 марта 1823 г., когда по Высочайше утвержденному докладу г. министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, учители предметовъ высшихъ классовъ сравнены были со старшими учителями губернскихъ гимназій, учители предметовъ среднихъ классовъ и языковъ высшихъ и среднихъ классовъ сравнены были съ младшими учителями губернскихъ гимназій, а учители предметовъ нижнихъ и начальныхъ классовъ, также языковъ нижнихъ классовъ, сравнены были съ учителями уѣздныхъ училищъ по уставу учебныхъ заведеній 1804 г. ноября 5 дня, въ которомъ значится, что старшіе учители губернскихъ гимназій состоятъ въ 9 классѣ, а младшіе въ 10 классѣ государственныхъ чиновниковъ; учители уѣздныхъ училищъ въ 12 классѣ, равно какъ и учитель рисованія въ гимназіи, въ каковыхъ чинахъ и утверждались по прошествіи 4-хъ лѣтъ, со старшинствомъ со времени вступленія въ должность.

Помѣщеніе гимназіи.

1) По представленію Казанскаго военнаго генералъ-губернатора де-Лассія Высочайше пожалованъ для помѣщенія гимназіи каменный 2-хъ этажный домъ въ Воскресенскомъ приходѣ, предназначенный для губернаторовъ. На переправку этого дома употреблено до 30,000 изъ государственныхъ доходовъ. Гимназія переведена въ него сентября 24 дня 1799 года, а до того времени помѣщалась въ генералъ-губернаторскомъ домѣ въ крѣпости. (Этотъ домъ, т. е. въ Воскресенскомъ приходѣ, вошелъ въ составъ главнаго университетскаго корпуса въ 1823 г. и составляетъ лѣвую сторону онаго.

2) По распоряженію г. Казанскаго гражданскаго губернатора, какъ попечителя гимназіи, заведенъ былъ манежъ, въ 1804 г., но еще до совершенной отстройки въ 1805 г. г. попечителемъ университета, съ Высочайшей воли, обращенъ въ жилые покои и назначенъ преимущественно для помѣщенія типографіи. Сія перестройка съ пристройкой потребныхъ службъ стоила около, 23,000 руб., изъ которыхъ 20,000 руб. Всемилостивѣйше отпущены изъ государственныхъ доходовъ.

Сверхъ того, по Высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему въ 25 день марта 1805 г. отпущено изъ государствен-

ныхъ доходовъ 16,000 руб. на покупку смежныхъ съ гимназіею домовъ.

3) Казанскаго коменданта Кастеллія за 10,000 руб.

4) Г-жи Спижарной за 6,000 рублей.

5) Казенный губернаторскій домъ (Тенищевой тожъ), стоившій 30,000 руб., который въ 1825 году также вошелъ въ составъ съ лѣвой стороны главнаго университетскаго корпуса. Замѣчательно, что планъ таковаго соединенія домовъ еще въ 1805 г. имѣлъ попечитель Румовскій.

Всѣ эти домы съ 1806 г. стали принадлежать университету, а для помѣщенія гимназіи куплены въ то время зданія у чернаго озера, но какъ до 1811 г., за отстройкой ихъ, и съ 1812 г. до іюля 1813 г., за уступкою подъ Екатерининскій институтъ, гимназія находилась въ зданіяхъ университетскихъ, то другаго помѣщенія ея и считать нечего.

6) Главный корпусъ Молостовскій, купленный въ мартѣ 1806 г. за 24,000 р., Высочайше отпущенныхъ изъ государственныхъ доходовъ. Онъ съ мезониномъ и со двора трехъ этажный. Въ немъ помѣщались классы и жилыя комнаты для воспитанниковъ, совѣтъ контора, библіотеки, фундаментальная и инспекторская, кабинеты физическій и натуральный, также часть команды гимназической. При немъ каменный флигель во весь дворъ, заключавшій въ себѣ столовую, кухню, погреба и баню.

До пожара 1815 г. отъ главнаго корпуса до означеннаго флигеля по церковной оградѣ простирался еще одноэтажный каменный же флигель, разобранный потомъ по неудобности къ поправкѣ. Въ этомъ корпусѣ съ сентября 1812 г. по іюль 1813 года помѣщался институтъ дѣвицъ Екатерининскаго ордена, по предписанію г. министра просвѣщенія.

7 и 8) Два дома Бурнаевскіе 2-хъ этажные, купленные въ іюнѣ мѣсяцѣ 1806 г. за 11,000 руб. При нихъ деревянные анбары и конюшни. Въ сихъ домахъ квартировали инспекторъ, экономъ и еще два чиновника гимназіи, также помѣщалась часть гимназической инвалидной команды.

9) Домъ Великопольскій, 2-хъ этажный, купленный въ ноябрѣ 1806 г. за 6,000 р. Въ немъ была больница и квартировали квартирмейстеръ и секретарь конторы: при немъ деревянныя службы и каменный флигель для храненія пожарныхъ инструментовъ, гдѣ помѣщались нѣсколько инвалидовъ.

10) Двухъ этажный домъ съ нѣкоторыми службами главнаго народнаго училища, занимавшійся гимназіею по найму съ 1823 г. Въ немъ квартировалъ главный надзиратель и помѣщалась часть инвалидовъ. Къ симъ двумъ послѣднимъ домамъ придлежалъ небольшой садъ, для моціону воспитанниковъ.

Дома подъ №№ 7, 8 и 9 куплены и отдѣланы вмѣстѣ съ домомъ № 6, на экономическую сумму. Отдѣлка по покупкѣ стоила около 50,000 руб., а отдѣлка послѣ пожара до 100,000 руб., въ числѣ сихъ только 18,000 р. пожалованныя изъ строительнаго комитета, а прочія — экономическія гимназіи. Съ сентября 1815 г. по сентябрь 1820 г. гимназія помѣщена была въ зданіяхъ университета.

Штатныя и другія суммы, на содержаніе ея употребленныя.

По Высочайше конфирмованному положенію мая 29 дня 1798 г. опредѣлено отпускать штатной суммы по 37,310 руб. 10 коп. и на содержаніе аптекаря съ служителями 860 руб., всего 38,170 р. 10 к. Сверхъ того, одновременно на перестройку дома отпущено изъ государственныхъ доходовъ 29,492 руб. 20 к. и на заведеніе аптеки при гимназіи 5000 р., но какъ въ Казани тогда были уже двѣ аптеки, при которыхъ гимназическая не могла бы приносить значительнаго дохода, то сумму 5000 р. положено отдать въ проценты.

Такъ какъ не всѣ классы были открыты въ одно время, и учители принимаемы были по надобности, соразмѣрной успѣхамъ учениковъ, то изъ остатковъ суммы, опредѣленной на жалованье, составилась экономическая, которая была въ частныхъ рукахъ изъ процентовъ и состояла изъ 12,000 руб. Приношеній единовременныхъ каждогодно до 200 р.

a) Штатной суммы 38,170 р. 10 к.

b) Пансіонерной среднимъ членамъ по 6000 рублей.

c) Приношеній единовременныхъ при поступленіи въ гимназію отъ достаточныхъ учениковъ до 200 руб.

d) Экономическая въ числѣ 12,000 р. изъ частныхъ рукъ была взята въ 1805 г. и съ приложеніемъ еще 4000 р. въ то же время была отправлена въ сохранную казну Московскаго Опекунскаго Совѣта. И такъ, экономической 16,000 р.—не считая процентовъ и рекамбій.

1) Штатной суммы 38,170 р. 10 к.

2) Пансіонерной до 12,000 руб.

3) Единовременныхъ приношеній отъ достаточныхъ учениковъ при вступленіи въ гимназію до 300 руб.

4) Капитальныхъ 16,000 р., до 5000 р. процентовъ и рекамбій. Экономическая въ числѣ 21,000 р. взята изъ Московскаго опекунскаго совѣта, на обстройку погорѣвшихъ домовъ гимназическихъ, во время пожара въ 1815 году. Какъ отдѣлка домовъ послѣ пожара 1815 г. стоила до 100,000 р., то гимназія сверхъ вышеозначенныхъ денегъ 21,000 руб, и сверхъ пожалованныхъ, по ходатайству министра просвѣщенія, изъ строительнаго комитета, употребила всѣ экономическія съ 1816 до 1820 г., когда окончена стройка, и всѣ экономическія съ 1820 по 1828-й годъ на уплату университету долга, на тотъ же предметъ занятаго.

Пожертвованія разныхъ предметовъ.

По докладу генералъ-губернатора де-Лассія Высочайше пожалована гимназіи библіотека, пожертвованная Новороссійскому училищу Свѣтлѣйшимъ Княземъ Потемкинымъ.

Въ 1798 г. значительную библіотеку пожертвовалъ надворный совѣтникъ Полянскій. Кромѣ того, въ 1800 г., послѣ смерти его, доставлено въ гимназію наслѣдницами (сестрами, изъ которыхъ одна по мужѣ Юшкова) еще нѣсколько книгъ, въ числѣ которыхъ было много иностранныхъ.

Значительныхъ пожертвованій, кромѣ приношеній достаточныхъ учениковъ, не было.

Кромѣ единовременныхъ приношеній отъ учениковъ, значительнѣйшія пожертвованія въ пользу гимназіи были слѣдующія: въ 1822 г. Главный надзиратель гимназіи Мих. Скворцовъ пожертвовалъ 29 книгъ по разнымъ предметамъ и на разныхъ языкахъ.

Въ 1822 году коллежскій ассесоръ Калашниковъ принесъ въ даръ гимназіи портретъ возобновителя гимназіи Государя Императора Павла I во весь полный ростъ (въ золотой рамѣ), хорошей кисти нашей академіи.

1823 г. титулярный совѣтникъ Сырневъ пожертвовалъ 100 руб. на покупку древнихъ книгъ Св. Писанія.

Въ 1820 г. университетомъ отдѣлены для гимназіи 3 пожарныхъ трубы. Прочія пожертвованія можно видѣть подъ тѣми статьями, къ которымъ они относятся по роду своему.

Недвижимое имущество.

Недвижимаго имѣнія, кромѣ домовъ, въ которыхъ помѣщалась гимназія, не было.

Кромѣ отдѣлывавшихся домовъ, другаго недвижимаго имущества не было.

Кромѣ домовъ, въ которыхъ гимназія помѣщается, другаго недвижимаго имущества ей не принадлежало.

Библіотека, кабинеты и другія учебныя пособія.

a) Библіотека Свѣтлѣйшаго Князя Потемкина, состоявшая, кромѣ книгъ, въ важной коллекціи рукописей и рисунковъ, также въ значительномъ количествѣ банокъ зоологическаго кабинета, перевезена изъ Новороссійскаго октября 12 дня 1800 г., съ уплатою гимназическихъ денегъ 840 р. 45 к. за 429 пудъ 9 фун. вѣсу оной.

b) Полянскаго, состоявшая изъ значительнаго числа книгъ на разныхъ языкахъ. Признательная гимназія дала право ему и его наслѣдникамъ назначать одного ученика въ число казенныхъ, который бы, въ продолженіи ученія до выхода изъ гимназіи, носилъ при своей фамиліи прозваніе Полянскаго. Будемъ надѣяться, что на предстоящемъ торжествѣ юбилея, въ память Полянскаго, гимназія возстановитъ эту стипендію,

c) Для инспекторской кладовой пріобрѣтено покупкою разныхъ учебныхъ пособій, какъ-то: книгъ, ландкартъ, физическихъ, математическихъ и музыкальныхъ инструментовъ и проч.; также нѣсколько шрифтовъ и другихъ препаратовъ для типографіи, всего цѣною на 10,805 руб.

Изъ Высочайше пожалованной библіотеки Потемкиной и библіотеки Полянскаго въ 1807 и 1808 г., по распоряженію г. попечителя Румовскаго, подтвержденному (въ 1812 г.) министромъ народнаго просвѣщенія Разумовскимъ, отдѣлены для гимназіи только дублеты, дефекты и нѣкоторыя полныя незначительныя сочиненія числомъ 561. Изъ нихъ англійскихъ 1, польскихъ 3, нѣмецкихъ 13, италіанскихъ 32, латинскихъ 20, греческихъ 158, русскихъ 118 и французскихъ 216.

Изъ натуральнаго кабинета отчислено въ то же время для гимназіи 128 банокъ и 813 шрифтовъ. Въ физическій кабинетъ отчислено въ то же время нѣсколько машинъ, почти

все перепорченныхъ—для воздуха, воды, огня и свѣта, для электричества, гальванизма, также для гидростатики и механики.

Библіотека потерпѣла утрату въ пожаръ 1815 г. Сверхъ того, въ 1822 и 1823 годахъ, при попечителѣ Магницкомъ, многія книги признаны недостойными въ ней храниться по содержанію своему. По сему библіотека и съ пріобрѣтенными книгами вновь большею частію покупкой состояла къ концу этого времени съ 1814 до 1830 г. изъ 203 №№ русскихъ, 99 латинскихъ и греческихъ, 103 французскихъ, 11 итальянскихъ, 1 англійскаго, 4 польскихъ, 14 нѣмецкихъ, 23 татарскихъ, всего изъ 459 №№.

Натуральный кабинетъ: отдѣленныя гимназіи 128 банокъ зоологическаго кабинета предоставлены университету, по предписанію г. министра народнаго просвѣщенія въ 1815 году.

Минеральный кабинетъ, потерпѣвъ утрату въ пожаръ 1815 г.; но, получивъ приращеніе 1828 г. въ 287 штуфахъ отъ университета, къ этому же времени, съ 1814 до 1830, состоялъ изъ 729 штуфовъ.

Физическій кабинетъ, также потерпѣвшій вредъ во время пожара 1815 г., но послѣ того исправленный и умноженный пожертвованіемъ изъ университетскаго кабинета въ 1825 г. и покупкою въ 1826 и 1827 годахъ, находился также въ это время, съ 1814 до 1830, въ хорошемъ состояніи и былъ достаточенъ для прохожденія началъ физики.

Инспекторская кладовая состояла болѣе нежели изъ 4,000 книгъ, кромѣ разныхъ другихъ учебныхъ пособій. Точнаго и постояннаго числа всѣмъ вещамъ симъ назначить было нельзя, потому что, за употребленіемъ у учениковъ, приходили въ ветхость, терялись и уничтожались.

Предметы ученія и раздѣленія ихъ на классы.

1) Предметы распредѣленія по штату: 1) Катихизисъ; 2) логика; 3) правоученіе или философія практическая; 4) исторія священная, гражданская и особенно исторія государства россійскаго; географія всеобщая и особенно географія Россійской Имперіи и географія математическая: 5) ариѳметика; 6) геометрія; 7) тригонометрія; 8) алгебра; 9) высшія части чистой математики, 10) механика и другія части смѣ-

шанной математики; 11) гражданская архитектура; 11) артиллерія; 13) фортификація; 14) тактика; 15) физика, 16) химія; 17) гидравлика; 18) натуральная исторія; 19) земледѣліе; 20) законоискусство практическое; 21) языки: a) русскій, b) славянскій, c) латинскій, d) нѣмецкій, e) французскій, f) татарскій; 22) рисовальное искусство; 23) танцованіе; 24) фехтованіе; 25) музыка. Языки дѣлились на три класса: высшій, средній и низшій, исключая татарскаго, который, какъ сказано въ уставѣ, изъ 1-го класса состоять можетъ.

Ученики обучались военной экзерциціи до февраля 1804 года.

2) По основаніи университета, преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ почтено излишнимъ въ гимназіи, а, по отклонившейся цѣли ея отъ военной и гражданской частей къ учебной, прохожденіе нѣкоторыхъ предметовъ сочтено не нужнымъ; поэтому и преподавались только слѣдующіе: 1) катихизисъ и священная исторія; 2) логика и правоученіе; 3) ариѳметика; 4) алгебра; 5) геометрія; 6) артиллерія и фортификація; 7) физика; 8) исторія и географія всеобщая въ 2-хъ отдѣленіяхъ; 9) россійскій языкъ въ 4-хъ отдѣленіяхъ: классъ начальный, нижній, средній, и высшій или риторика; 10) французскій языкъ; 11) нѣмецкій языкъ; 12) латинскій языкъ. Всѣ сіи языки, какъ и прежде, преподавались въ 3-хъ классахъ; 13) рисованіе: старшій и младшій классы; 14) греческій языкъ (1807 г.); 15) татарскій; 16) чистописаніе (1812 г.); 17) музыка; 18) танцованіе; 19) фехтованіе. Всѣхъ предметовъ преподаванія 23, классовъ 32.

3) Законоученіе: а) старшее отдѣленіе; b) младшее отдѣленіе. По предписанію г. попечителя Магницкаго въ 1821 г. 2) россійскій языкъ совокупно съ славянскимъ по прежнему въ 4-хъ классахъ. 3) Логика. Преподаваніе правоученія отмѣнено г. министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія въ октябрѣ 1819 г. 4) Математика въ 4 классахъ: а) начальный—ариѳметика; b) нижній—ариѳметика, c) средній алгебра, d) высшій геометрія, 5) физика, 6) артиллерія и фортификація, 7) латинскій языкъ, 8) французскій языкъ, 9) нѣмецкій языкъ, 10) татарскій языкъ, 11) греческій языкъ, 12) всеобщая исторія, 13) всеобщая географія, 14) рисованія; но съ 1814 до 1830 уравнены, 15) музыка, 16) танцованіе, 17) чистописаніе, 18) естественная исторія

и технологія съ 1816 года, но послѣдняя въ 1819 г. отмѣнена—по предписанію г. министра народнаго просвѣщенія— 19) и 20) арабскій и персидскій языки съ августа 1827 г. по распоряженію г. попечителя Мусина-Пушкина, а до того времени съ 1823 г. частно и безмездно преподаваемы были профессоромъ Казанскаго университета восточной словесности Эрдманомъ.

Классъ фехтованія не уничтоженъ, но закрытъ, по неимѣнію учителей.

Всего предметовъ ученія 20; классовъ 36.

Чиновники и служители:

Директоръ 1, инспекторъ классовъ 1, главный надзиратель надъ живущими въ гимназіи воспитанниками 1., надзирателей комнатныхъ, по 1 для 10 казенныхъ, было 8.

По числу пансіонеровъ и полупансіонеровъ въ той же пропорціи увеличивается и число комнатныхъ надзирателей.

Учителей наукъ, языковъ и искусствъ всѣхъ 37.

Дежурныхъ по классамъ офицеровъ 2.

Казначей, экономъ, квартирмейстеръ, докторъ и 2 подлекаря.

По канцелярской части:

Секретарь, регистраторъ, канцеляристъ и 2 копіиста.

Военной инвалидной команды:

Одинъ унтеръ-офицеръ и 18 рядовыхъ.

Вольнонаемные безъ выслуги изъ одной платы:

Унтеръ-офицеръ при главномъ надзирателѣ и экономѣ, тафельдекеръ, комнатныхъ и столовыхъ лакеевъ 10, классныхъ сторожей 10, прачка.

Всѣхъ чиновъ 102 человѣка.

Слѣдующіе директоры были: a) съ мая 29, 1798 г. и въ 1799 коллежскій ассесоръ Платонъ Соколовъ — (отставленъ).

b) Въ 1800 г. ст. сов. и кавалеръ Александръ Титовъ (померъ).

Кромѣ сихъ, съ 1799 г. по августъ 1801 г., по Высочайшему повелѣнію, былъ вице-директоръ надв. сов. Герберъ (перемѣщенъ).

c) Въ 1801 и 1802 г. кол. сов. Пекенъ (уволенъ).

d) Въ 1803 и 1804 г. правилъ должность директора гимназіи директоръ Казанскихъ училищъ надв. сов. Лихачевъ (отставленъ).

Къ прежнимъ чинамъ въ это время присовокуплены: бухгалтеръ, чиновникъ по строительной части и умножено число писцовъ, съ разрѣшенія попечителя.

Изъ двухъ подлекарей одинъ замѣненъ больничнымъ надзирателемъ, который завѣдывалъ столомъ, платьемъ и проч., а второй ординаторомъ, изъ медицинскихъ студентовъ университета.

Директоромъ съ августа 1804 г. и до начала 1819 г. былъ ординарный профессоръ и инспекторъ студентовъ Илья Яковкинъ.

Директоръ 1, инспекторъ 1, законоучителей іереевъ 2, учителей 28, дежурныхъ по классамъ офицеровъ 2, главный надзиратель 1, комнатныхъ надзирателей 4, по предписанію г. министра народнаго просвѣщенія 1829 г. съ 8 февраля; а до сего времени число ихъ доходило до 8, но постоянно не прибывало.

Казначей 1, экономъ 1, квартирмейстеръ 1, секретарь конторы 1; при немъ повытчикъ или регистраторъ 1, канцеляристъ 1, копіистовъ 2. Изъ которыхъ 1 или оба командировались въ совѣтъ по востребованію.

Унтеръ-офицеръ при платьѣ воспитанниковъ 1; унтеръ-офицеровъ при командѣ 1; инвалидной команды 40 челов.

Изъ нихъ одни служили при воспитанникахъ въ комнатахъ, нѣкоторые въ классахъ, нѣкоторые избраны были въ хлѣбники и квасники, также къ службѣ при буфетѣ и больницѣ, а прочіе употреблялись для посылокъ, карауловъ и дворовыхъ работъ при гимназіи.

Таковое распредѣленіе инвалидовъ, послѣдовавшее въ 1819 г., по распоряженію г. директора университета Владимірскаго, сохраняло гимназической суммы по крайней мѣрѣ до 1500 руб. ежегодно, потому что до того времени комнатныхъ дядекъ, столовыхъ лакеевъ, классныхъ сторожей,—хлѣбниковъ и квасниковъ гимназія нанимала.

Докторъ 1, ординаторъ 1, больничный надзиратель 1, вольнонаемные, только служившіе изъ платы: тафельдекеръ 1, поваръ 1. Всѣхъ чиновъ при гимназіи къ концу 1829 г. 94; но это число не есть полное по штату; нѣкоторые должнос-

ти упразднены, а нѣкоторыя исправлялись однимъ чиновникомъ, на основаніи существующихъ узаконеній. Сверхъ того, портной и сапожникъ нанимались годично по контрактамъ.

Съ 1814 по 1830 были слѣдующіе директоры:

a) Съ марта 1819 г. правилъ должность директора ординарный профессоръ и кавалеръ Григорій Никольскій.

b) Съ марта 1820 г. тит. сов. и кавалеръ Алексѣй Пономаревъ (уволенъ).

c) Съ мая 1823 года исправлялъ должность директора профессоръ и кавалеръ Василій Баженовъ.

d) Съ января 1824 г. кол. секр. Иванъ Лажечниковъ.

e) Въ 1825 г. правилъ должность директора профессоръ и кавалеръ Василій Баженовъ.

f) Съ іюля 1826 г. до 1851 г. директоръ надв. сов. и кавалеръ Николай Галкинъ.

Число учениковъ.

По количеству желавшихъ поступать на казенное содержаніе болѣе изъ разночинцевъ, нежели изъ дворянъ, не возможно было уравнивать пріемъ по 40 изъ того и другаго разряда, какъ опредѣлено уставомъ гимназіи мая 29 дня 1798 года.

Раздѣленіе учениковъ по содержанію и число ихъ погодно было слѣдующее:

Въ 1799 году	Казенныхъ	80
	Пансіонеровъ	—
	Полупансіонеровъ....	—
	Своекоштныхъ	—
	Всего	80
Въ 1800 году	Казенныхъ	80
	Пансіонеровъ	25
	Полупансіонеровъ....	1
	Своекоштныхъ	5
	Всего.....	111
Въ 1801 году	Казенныхъ	80
	Пансіонеровъ	20
	Полупансіонеровъ....	1
	Своекоштныхъ	30
	Всего.....	131

Въ 1802 году	Казенныхъ	80
	Пансіонеровъ	20
	Полупансіонеровъ....	—
	Своекоштныхъ	38
	Всего.....	138
Въ 1803 году	Казенныхъ	80
	Пансіонеровъ	18
	Полупансіонеровъ....	—
	Своекоштныхъ	58
	Всего.....	156
Въ 1804 году	Казенныхъ	80
	Пансіонеровъ	21
	Полупансіонеровъ....	—
	Своекоштныхъ	66
	Всего.....	167
Въ 1805 году	Казенныхъ	70
	Пансіонеровъ	27
	Полупансіонеровъ....	—
	Своекоштныхъ	75
	Всего.....	172

Переведено въ студенты 34.

Въ 1806 году	Казенныхъ	50
	Пансіонеровъ	33
	Полупансіонеровъ....	—
	Своекоштныхъ	50
	Всего.....	133

Переведено въ студенты 8.

Въ 1807 году	Казенныхъ	30
	Пансіонеровъ	33
	Полупансіонеровъ....	—
	Своекоштныхъ	72
	Всего.....	135

Переведено въ студенты 12.

Въ 1808 году	Казенныхъ	38
	Пансіонеровъ	38
	Полупансіонеровъ....	5
	Своекоштныхъ	81
	Всего.....	162

Переводу въ студенты не было.

Въ 1809 году	Казенныхъ..........	40
	Пансіонеровъ.......	19
	Полупансіонеровъ....	6
	Своекоштныхъ......	93
	Всего.....	158

Переведено въ студенты 8, много выбыло пансіонеровъ и полупансіонеровъ въ военную службу.

Въ 1810 году	Казенныхъ.........	40
	Пансіонеровъ.......	21
	Пулупансіонеровъ....	7
	Своекоштныхъ......	104
	Всего.....	172

Переведено въ студенты 18 чел.

Въ 1811 году	Казенныхъ.........	38
	Пансіонеровъ.......	29
	Полупансіонеровъ....	7
	Своекоштныхъ......	121
	Всего.....	195

Переведено въ студенты 28 чел.; одинъ казенный отданъ въ солдаты за дурное поведеніе по Высочайшему повелѣнію.

Въ 1812 году	Казенныхъ.........	50
	Пансіонеровъ.......	36
	Полупансіонеровъ....	—
	Своекоштныхъ......	122
	Всего.....	208

Перевода въ студенты не было.

Въ 1813 году	Казенныхъ.........	47
	Пансіонеровъ.......	25
	Полупансіонеровъ....	10
	Своекоштныхъ......	81
	Всего.....	163

Переведено въ студенты 9 чел., своекоштныхъ много вышло въ военную службу.

Въ 1814 году	Казенныхъ.........	58
	Пансіонеровъ.......	29
	Полупансіонеровъ....	10
	Своекоштныхъ......	77
	Всего.....	174

Переведено въ студенты 15 челов.

Въ 1815 году Казенныхъ 60
Пансіонеровъ 30
Полупансіонеровъ. . . . 17
Своекоштныхъ 80
Всего. . . .187

Переведено въ студенты 4.

Въ 1816 году Казенныхъ 59
Пансіонеровъ 16
Полупансіонеровъ. . . . 30
Своекоштныхъ 89
Всего. 194

Переведено въ студенты 22.

Въ 1817 году Казенныхъ 48
Пансіонеровъ 15
Полупансіонеровъ. . . . 31
Своекоштныхъ 67
Всего. 161

Переведено въ студенты 9 челов.

Въ 1818 году Казенныхъ 42
Пансіонеровъ 6
Полупансіонеровъ. . . . 24
Своекоштныхъ 104
Всего. 176

Переведено въ студенты 14 челов.

Въ 1819 году Казенныхъ 45
Пансіонеровъ 5
Полупансіонеровъ. . . . 17
Своекоштныхъ 103
Кантонистовъ 6
Всего. 176

Переведено въ студенты 13 чел.

Въ 1820 году Казенныхъ 48
Пансіонеровъ 5
Полупансіонеровъ. . . . 21
Кантонистовъ 87
Своекоштныхъ 6
Всего. 167

Переведено въ студенты 10 ч.

Въ 1821 году Казенныхъ 46
Пансіонеровъ 27

Полупансіонеровъ.... —
Своекоштныхъ 98
Кантонистовъ....... 18
Всего.....189

Переведено въ студенты 11 челов.—трое казенныхъ воспитанниковъ определены учителями уѣздныхъ училищъ.

Въ 1822 году Казенныхъ 48
Пансіонеровъ 16
Полупансіонеровъ.... 16
Своекоштныхъ 90
Кантонистовъ 12
Всего.....182

Переведено въ студенты 11 чел. Шестеро изъ казенныхъ воспитанниковъ определены учителями уѣздныхъ училищъ. Шестеро кантонистовъ кончили курсъ и выбыли учителями военнаго вѣдомства.

Въ 1823 году Казенныхъ 41
Пансіонеровъ 14
Полупансіонеровъ.... 22
Своекоштныхъ 107
Кантонистовъ 24
Всего.....208

Переведено въ студенты 10 челов.

Въ 1824 году Казенныхъ 52
Пансіонеровъ 21
Полупансіонеровъ.... 32
Своекоштныхъ 121
Кантонистовъ 24
Всего.....250

Переведено въ студенты 18 челов.

Въ 1825 году Казенныхъ 50
Пансіонеровъ 9
Полупансіонеровъ.... 23
Своекоштныхъ 127
Кантонистовъ 44
Всего.....253

Переведено въ студенты 17 человѣкъ.

Юнкеровъ и унтеръ офицеровъ Казанскаго учебнаго баталіона... 20
Всего.....273

Въ 1826 году	Казенныхъ	50
	Пансіонеровъ	10
	Полупансіонеровъ	22
	Своекоштныхъ	137
	Кантонистовъ	48
	Всего	267

Переведено въ студенты 5 чел. Изъ числа казенныхъ воспитанниковъ 5 челов. поступили въ учители уѣздныхъ училищъ и 4 исключены по неспособности.

Въ 1827 году	Казенныхъ	50
	Пансіонеровъ	9
	Полупансіонеровъ	20
	Своекоштныхъ	153
	Кантонистовъ	48
	Пороховаго завода	6
	Всего	286

Переведено въ студенты 6 человѣкъ.

Въ 1828 году	Казенныхъ	50
	Пансіонеровъ	4
	Полупансіонеровъ	24
	Своекоштныхъ	178
	Кантонистовъ	51
	Всего	307

Перевода въ студенты не было.

Въ 1829 году	Казенныхъ	50
	Пансіонеровъ	4
	Полупансіонеровъ	24
	Своекоштныхъ	174
	Кантонистовъ	51
	Всего	303

Переведено въ студенты 18 челов.

Въ 1830 году	Казенныхъ	54
	Пансіонеровъ	49
	Полупансіонеровъ	29
	Своекоштныхъ	32
	Кантонистовъ	43
	Всего	207

Въ 1831 году	1) Казенныхъ	50
	2) Кандидатовъ на каз. содерж.	8

3) Пансіонеровъ 38
4) Полупансіонеровъ.... 32
5) Своекоштныхъ 146
6) Кантонистовъ 25

Всего.....299

Переведено въ студенты 9 челов.

Въ 1832 году Казенныхъ 49
Кандидатовъ на казен. содерж............. 8
Пансіонеровъ .... —
Полупансіонеровъ.... 31
Своекоштныхъ 128
Кантонистовъ 19

Всего.....235

Переведено въ студенты 35 ч.

Въ 1833 году Казенныхъ 48
Пансіонеровъ 38
Полупансіонеровъ.... —
Своекоштныхъ 158
Кандидатовъ, пользовавшихся столомъ ... 4
Непользовавшихся ... 45
Кантонистовъ....... 6

Всего.....299

Въ 1834 году Всего было учениковъ 276
Изъ дворянъ 104
Изъ оберъ офицерскихъ дѣтей ... .122
Изъ купцовъ и мѣщанъ 20
Разночинцевъ 18
Кантонистовъ 12

Всего.....276

Благодаря теплому сочувствію къ составленію Исторической Записки о древнѣйшей Русской Гимназіи, съ которымъ отозвался на нашу просьбу Александръ Максимовичъ Княжевичъ, мы помѣщаемъ здѣсь свѣдѣнія о государственной дѣятельности лицъ изъ воспитанниковъ Императорской Казанской Гимназіи временъ Императора Павла Перваго:

Въ Казанской Гимназіи, открытой 25 апрѣля 1799, обучались четыре брата Княжевича, изъ которыхъ двое стар-

шихъ поступили при самомъ открытіи, а двое младшихъ въ послѣдствіи.

О старшемъ изъ нихъ Димитріѣ (77) прислана въ гимназію къ юбилею въ двухъ экземплярахъ, особая брошюра, написанная покойнымъ Н. И. Гречемъ.

Второй, Александръ, родился 11 октября 1792. При открытіи гимназіи ему было только 6½ лѣтъ; но какъ метрикъ тогда не требовали, а онъ былъ высокаго по лѣтамъ роста и умолялъ отца не разлучать его съ братомъ, то ему было увеличено число лѣтъ, такъ какъ принимать въ гимназію положено было не моложе 8 лѣтъ. Проходя постепенно классы, въ февралѣ 1805 года, при открытіи попечителемъ Румовскимъ университета, онъ былъ въ высшихъ классахъ, и потому попалъ въ число первыхъ избранныхъ тогда студентовъ, на 13 году. Но университетъ былъ еще крайне бѣденъ преподавателями, и потому, когда въ 1806 году Г. И. Карташевскій оставилъ университетъ, въ двухъ математическихъ классахъ преподавали старшіе студенты (помнится, Петръ Балясниковъ и Чуфаровъ); когда же и эти, въ числѣ прочихъ, по приглашенію правительства вступить въ военную службу въ 1807 году, были отправлены изъ университета во 2 кадетскій корпусъ, обѣ математическія каѳедры поручены были Александру Княжевичу, до прибытія въ 1808 году изъ Швейцаріи профессора Бартельса. Въ 1809 году, для полученія степени кандидата, старшимъ студентамъ было поручено написать диссертаціи; но Княжевичъ, не желая посвятить себя ученой службѣ, старался выйти изъ университета, и потому диссертаціи не представилъ; а какъ тогдашіе профессора математическаго факультета дали о немъ отличный отзывъ, то онъ былъ удостоенъ званія кандидата и безъ диссертаціи. По кончинѣ его отца въ 1809 г., удалось исходатайствовать увольненіе его изъ университета, и онъ переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ и поступилъ на службу въ экспедицію о государственныхъ доходахъ. Въ 1814 году, по приглашенію главнокомандующаго арміями, было вытребовано изъ министерства финансовъ нѣсколько чиновниковъ, для занятія должностей бухгалтеровъ и ихъ помощниковъ въ лик-

---

(77) Былъ попечителемъ Одесскаго учебнаго округа. Д. М. родился 25 апрѣля 1788 г., а умеръ 1844 въ мѣстечкѣ Буромкѣ, принадлежавшемъ дочери Графа М. М. Сперанскаго.

видаціонныхъ коммиссіяхъ, учрежденныхъ въ Франкфуртѣ, Кенигсбергѣ и Прагѣ. Въ числѣ ихъ былъ отправленъ въ главную квартиру Дмитрій Княжевичъ, а оттуда назначенъ, для расчетовъ съ Австрійскимъ правительствомъ, въ прагскую ликвидаціонную коммиссію, вскорѣ за тѣмъ переведенную въ Вѣну. Тамъ открылась вакансія, и, по ходатайству брата, въ 1815 году вызванъ былъ въ Вѣну и Александръ. Окончивъ возложенное на нихъ порученіе, оба брата возвратились въ 1820-мъ году въ Петербургъ. Въ маѣ 1821-го года экспедиція о государственныхъ доходахъ была преобразована въ департаментъ государственнаго казначейства, и оба они назначены начальниками отдѣленій. Самое продолжительное служеніе Александра Княжевича было въ этомъ департаментѣ; въ январѣ 1831 онъ былъ назначенъ вице-директоромъ, а потомъ, пробывъ съ октября того же года по январь 1844 Директоромъ Канцеляріи Министра Финансовъ Графа Канкрина, снова перешелъ въ департаментъ государственнаго казначейства директоромъ. Дальнѣйшая служба его была: съ апрѣля 1854 Сенаторомъ, съ 2 сентября 1855 Почетнымъ Опекуномъ С. Петербургскаго Опекунскаго Совѣта, управляющимъ сохранною казною онаго, съ оставленіемъ въ званіи Сенатора, съ 23 марта 1858 года Министромъ Финансовъ и наконецъ съ 23 января 1862 Членомъ Государственнаго Совѣта: въ этомъ званіи состоитъ онъ и нынѣ.—Въ теченіе 50 лѣтней его службы онъ получалъ постепенно разные знаки отличія и нынѣ состоитъ кавалеромъ орденовъ: Св. Владиміра 1 степени, Св. Александра Невскаго, Бѣлаго Орла, Св. Анны и Св. Станислава первыхъ степеней.

19 января 1861 года совершилось 50-тилѣтіе со дня поступленія его на службу, и сослуживцы его испросили Высочайшее соизволеніе на празднованіе его юбилея. При этомъ случаѣ Государю Императору благоугодно было наградить его орденомъ Св. Владиміра 1 степени, при Высочайшей весьма милостивой грамматѣ; сослуживцы его поднесли ему золотую медаль съ его портретомъ, выбитую въ память сего юбилея; С. Петербургское Биржевое Купечество учредило при семъ двѣ стипендіи его имени: одну въ Казанскомъ университетѣ (въ послѣдствіи оказалось, что процентовъ съ собранной для сего суммы достаточно на содержаніе двухъ стипендіатовъ) и другую въ технологическомъ институтѣ; а московскіе фабриканты и купечество установили на вѣчныя

времена годовую премію его имени, для награжденія заслугъ по части мануфактурной промышленности: собранная для сего сумма составила 15.870 р. Празднество сего юбилея описано въ особой книжкѣ, которая также прислана въ гимназію.

Преклонность лѣтъ не дозволила Александру Княжевичу нести далѣе тяжкое бремя управленія министерствомъ финансовъ, и въ январѣ 1862 года онъ испросилъ себѣ увольненіе отъ званія министра, при чемъ Его Императорскому Величеству благоугодно было удостоить его особымъ милостивымъ рескриптомъ.

Казанскій университетъ, Академіи: Наукъ и Медикохирургическая, Императорская Публичная Библіотека и Общества: Казанское Любителей Отечественной Словесности, Русское Географическое, Вольное Экономическое, Московское сельскаго хозяйства и Россійское садоводство почтили его избраніемъ въ почетные свои члены.

Третій братъ Николай Княжевичъ родился 17 марта 1794. Изъ Казанской гимназіи перешелъ онъ въ университетъ 1811 году, вмѣстѣ съ братомъ Александромъ, поступилъ на службу въ экспедицію о государственныхъ доходахъ; но въ 1812 году изъявилъ желаніе перейти въ военную службу и въ 1813 поступилъ въ Кіевскій гренадерскій полкъ, гдѣ служилъ до маіорскаго чина; причемъ во время расположенія гренадерскаго корпуса въ Калужской и сосѣднихъ губерніяхъ былъ начальникомъ учрежденной при томъ корпусѣ юнкерской школы. Въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія оставилъ онъ военную службу и поступилъ начальникомъ отдѣленія въ инспекторскій департаментъ военнаго министерства, откуда перешелъ въ такую же должность въ департаментъ государственнаго казначейства; а въ 1836 году опредѣленъ вице-губернаторомъ въ Рязанскую казенную палату (должность эта переименована потомъ въ предсѣдателя). Въ 1852 году поѣхалъ онъ за границу для леченія продолжительной болѣзни и 27 сентября скончался въ Вѣнѣ. Онъ имѣлъ ордена: Св. Станислава 1, Св. Владиміра 3 и Св. Анны 2 степ. съ короною.

Четвертый братъ Владиславъ родился 21 января 1798 года. По окончаніи курса наукъ въ гимназіи, поступилъ онъ въ 1811 г. своекоштнымъ студентомъ Казанскаго университета, а въ 1814 вышелъ дѣйствительнымъ студентомъ и опредѣлился на службу въ экспедицію о государственныхъ до-

ходахъ. Въ 1815 былъ онъ отпущенъ за границу и пробылъ съ двумя старшими своими братьями годъ въ Вѣнѣ. Возвратясь въ Петербургъ, продолжалъ службу въ департаментѣ государственнаго казначейства, проходя всѣ званія и пробывъ начальникомъ отдѣленія около 10 лѣтъ. Въ 1821 году, во время предполагавшейся кампаніи русскихъ войскъ для усмиренія карбонаріевъ въ Италіи, былъ онъ взятъ Генераломъ Канкринымъ въ Любляны (Лайбахъ), гдѣ происходилъ конгресъ союзныхъ монарховъ. Въ 1824 году былъ онъ посланъ въ Курляндію, для обревизованія Митавскаго уѣзднаго казначества и тамошней казенной палаты, гдѣ и открылъ огромную растрату казенныхъ суммъ. Въ 1832 году Владиславъ Княжевичъ поступилъ вице-губернаторомъ Таврической губерніи съ переименованіемъ потомъ предсѣдателемъ казенной палаты, и въ этомъ званіи оставался ровно 30 лѣтъ, проведя тамъ и тревожное время нашей южной войны, относительно которой, по его представленію къ министру финансовъ, были сдѣланы Императоромъ Николаемъ Павловичемъ весьма важныя внутреннія распоряженія. При концѣ 20 и потомъ 25 лѣтъ службы въ Семферополѣ, Владиславъ Княжевичъ почтенъ былъ отъ сослуживцевъ своихъ юбилейными обѣдами, съ чтеніемъ рѣчей и стиховъ, между прочимъ губернаторомъ Тавриды генералъ-лейтенантомъ Пестелемъ, управлявшимъ Перекопскимъ солянымъ правленіемъ Д. С. С. Озерецковскимъ и столь извѣстнымъ въ ученомъ и литературномъ мірѣ Н. И. Надеждинымъ. Во время этой войны Императрица Александра Ѳедоровна и Великая Княгиня Елена Павловна почтили Владислава Княжевича своимъ довѣріемъ, поручивъ ему завѣдываніе въ Крыму посланными туда, для пособія раненымъ воинамъ, сердобольными вдовами изъ вдовыхъ домовъ С. Петербургскаго и Московскаго болѣе ста, и Крестовоздвиженскими сестрами милосердія, болѣе двухъ сотъ. За оказаніе нѣкотораго содѣйствія тѣмъ и другимъ, Высокія Покровительницы удостоили Княжевича двумя золотыми медалями, особо выбитыми для каждаго изъ двухъ отдѣленій сестеръ, причемъ послѣдовали на его имя Всемилостивѣйшіе рескрипты: отъ Госсдарыни Императрицы 1 сентября 1856 года и отъ Великой Княгини, съ собственноручною припискою 26 того же сентября.

Въ 1862 году Владиславъ Княжевичъ, съ чиномъ тайнаго совѣтника, перешелъ на службу въ С. Петербургъ чле-

номъ совѣта министра финансовъ, чѣмъ состоитъ и нынѣ, имѣя ордена: Св. Владиміра 2, Св. Анны 1 степ. съ короною и Св. Станислава 1 степени. Онъ состоитъ также членомъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и попечителемъ страннопріимнаго дома Тарапова—Бѣлозерова въ Семферополѣ.
